

Брэм Стокер

Дракула

*Часть сборника
Дракула. Повести о вампирах
(сборник)*

Брэм Стокер

Дракула

«Public Domain»

1895

Стокер Б.

Дракула / Б. Стокер — «Public Domain», 1895

«...Выехал из Мюнхена 1 мая в 8.35 вечера и прибыл в Вену рано утром на следующий день; должен был приехать в 6.46, но поезд опоздал на час. Поэтому, что я мельком видел из окна поезда, а также прогуливаясь по улицам, я решил, что Будапешт на редкость красивый город. Я боялся забираться слишком далеко от вокзала, так как наш поезд опаздывал и должен был вскоре отправиться дальше. У меня было такое чувство, точно мы покинули Запад и оказались на Востоке, а самый западный из великолепных мостов, перекинутых через Дунай, достигающий здесь громадной ширины и глубины, напомнил мне о временах турецкого ига. Выехали мы своевременно и к сумеркам прибыли в Клаузенбург. Здесь я остановился на ночь в гостинице «Отель Ройял». Мне подали к обеду, или, вернее, к ужину, цыпленка, приготовленного каким-то оригинальным способом с красным перцем – прекрасное блюдо, но возбуждающее сильную жажду. (Прим.: взять рецепт для Мины.) На мой вопрос официант ответил, что оно называется паприка гендл и что в Прикарпатье его можно получить, пожалуй, везде, поскольку это национальное блюдо. Я пришел к заключению, что, как ни скудны мои познания в немецком языке, все же они оказали мне большую услугу. Я, право, не знаю, как бы обходился без них...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	14
Глава III	22
Глава IV	30
Глава V	38
Глава VI	44
Глава VII	50
Глава VIII	58
Глава IX	67
Глава X	77
Глава XI	86
Глава XII	94
Глава XIII	105
Глава XIV	115
Глава XV	124
Глава XVI	133
Глава XVII	139
Глава XVIII	147
Глава XIX	157
Глава XX	165
Глава XXI	173
Глава XXII	182
Глава XXIII	190
Глава XXIV	198
Глава XXV	207
Глава XXVI	217
Глава XXVII	227
Эпилог	236

Брэм Стокер

Дракула

* * *

Моему дорогому другу Хомми-Бегу

Последовательность, в которой представлены эти бумаги, станет понятна по мере их прочтения. Все ненужное опущено, чтобы эта история, сколь бы невероятной она ни казалась по современным меркам, выглядела как бесспорный факт. Здесь нет ни слова о прошлом, в отношении которого можно заблуждаться, но все отобранные свидетельства зафиксированы по горячим следам и отражают точку зрения и меру понимания участников событий.

Глава I

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(Стенографическая запись)

3 МАЯ. БИСТРИЦА. Выехал из Мюнхена 1 мая в 8.35 вечера и прибыл в Вену рано утром на следующий день; должен был приехать в 6.46, но поезд опоздал на час. По тому, что я мельком видел из окна поезда, а также прогуливаясь по улицам, я решил, что Будапешт на редкость красивый город. Я боялся забираться слишком далеко от вокзала, так как наш поезд опаздывал и должен был вскоре отправиться дальше. У меня было такое чувство, точно мы покинули Запад и оказались на Востоке, а самый западный из великолепных мостов, перекинутых через Дунай, достигающий здесь громадной ширины и глубины, напомнил мне о временах турецкого ига.

Выехали мы своевременно и к сумеркам прибыли в Клаузенбург. Здесь я остановился на ночь в гостинице «Отель Ройял». Мне подали к обеду, или, вернее, к ужину, цыпленка, приготовленного каким-то оригинальным способом с красным перцем – прекрасное блюдо, но возбуждающее сильную жажду. (*Прим.*: взять рецепт для Мины.) На мой вопрос официант ответил, что оно называется паприка гендл и что в Прикарпатье его можно получить, пожалуй, везде, поскольку это национальное блюдо. Я пришел к заключению, что, как ни скудны мои познания в немецком языке, все же они оказали мне большую услугу. Я, право, не знаю, как бы обошелся без них.

Имея немного свободного времени, я, будучи в Лондоне, посетил Британский музей, где рылся в атласах и книгах о Трансильвании; мне казалось, что всякая мелочь, любые знания об этой стране окажутся полезными в общении с тамошним аристократом.

Я выяснил, что местность, о которой он писал, лежит на крайнем востоке страны, как раз на границах трех областей – Трансильвании, Молдавии и Буковины, посреди Карпатских гор; это один из самых диких и малоизвестных уголков Европы. Мне не попалось под руку ни книги, ни атласа, указывавших точное расположение замка Дракулы, поскольку карт этих мест, сравнимых хотя бы с нашими военно-топографическими, не существует; но я обнаружил, что Бистрица – имеющий собственное почтовое отделение город, упомянутый графом Дракулой, – весьма известен. Здесь я добавлю кое-какие подробности, дабы впоследствии, когда буду рассказывать Мине о своем путешествии и пребывании в этих местах, восстановить в памяти все виденное.

В Трансильвании живут четыре различные народности: на юге саксонцы вперемешку с валахами, народом, происходящим от даков; на западе венгры и секеи на востоке и севере. Последние, к ним и лежит мой путь, утверждают, что ведут свой род от Аттилы и гуннов. Возможно, так оно и есть, ибо в XI веке, когда венгры завоевали страну, она была сплошь заселена гуннами. Я где-то вычитал, что Карпаты, словно подкова магнита, притягивают к себе все мыслимые в мире суеверия, они как будто в центре странного водоворота фантазии; если так, то мое пребывание здесь обещает быть чрезвычайно интересным. (*Прим.*: надо расспросить обо всем графа.)

Я плохо спал, хотя постель была довольно удобной; мне снились какие-то странные сны. Ночь напролет под окном завывала собака, что, может быть, и повлияло на эти сны, а может быть, виновата паприка, так как, хотя я выпил всю воду в графине, я не смог утолить жажду.

Под утро я, кажется, крепко заснул, ведь, чтобы меня добудиться, пришлось с полчаса неистово колотить в дверь. К завтраку подали опять паприку, затем особую кашу из кукурузной муки, ее называют здесь мамалыга, и баклажаны, начиненные мясным фаршем, – превосходное блюдо; называется оно имплетата. (Прим.: надо раздобыть и этот рецепт.) Мне пришлось поторопиться с завтраком, поезд отходил без нескольких минут восемь; вернее, должен был отойти, потому что, примчавшись на станцию в 7.30, я больше часа просидел в вагоне, прежде чем мы тронулись с места. Мне кажется, чем дальше на восток, тем менее точны поезда. Что же творится тогда в Китае?

Весь день мы, как бы нехотя, тащились по местности, изобилующей разнообразными красотами. Нашему взору представляли то маленькие городки или замки на вершинах крутых холмов, подобные тем, что встречаются в старинных молитвенниках; то речные потоки, грозящие наводнением, если судить по широким каменистым закраинам по обеим их сторонам. Половодье должно быть бурным, чтобы начисто сметать все с берегов. На каждой станции толпилось множество людей в разнообразных нарядах. Некоторые напомнили мне крестьян моей собственной страны или тех, что я видел, проезжая через Францию и Германию, в коротких куртках, круглых шляпах и домотканых штанах; другие были очень живописны. Женщины представлялись красивыми только издали, вблизи у всех оказывались нескладные фигуры. На них одежда с белыми пышными рукавами разных фасонов, и многие подпоясаны широкими поясами со свисающими кусками ткани, которые колышутся вокруг тела, подобно балетным платьям, но под этим, конечно, были нижние юбки. Наиболее странное зрелище из-за своего самого варварского из всех вида представляли словаки, в их огромных пастушеских шляпах, широких бесформенных штанах грязно-белого цвета, белых холщовых рубахах и непомерно тяжелых кожаных поясах почти в фут шириной, густо усаженных медными гвоздями. Обуты они в высокие сапоги, куда заправляются и штаны; у них длинные черные волосы и густые черные усы. Они очень живописны, но нельзя сказать, чтобы очень располагали к себе. Выпусти их на сцену, их бы тут же приняли за матерых восточных разбойников. Однако мне говорили – они совершенно безобидны и скорее от природы лишены уверенности в себе.

Уже ближе к ночи мы добрались наконец до Бистрицы, оказавшейся очень интересным старинным уголком. Находясь практически на границе – через ущелье Борго отсюда попадаешь прямо в Буковину, – он пережил немало бурных событий, оставивших о себе заметную память. Около пятидесяти лет назад разразившиеся один за другим грандиозные пожары пятикратно производили ужасное опустошение. В самом начале семнадцатого века город выдержал трехнедельную осаду, потеряв 13 000 человек, унесенных, вместе с павшими на поле брани, голодом и болезнями.

Граф Дракула в своих письмах рекомендовал мне гостиницу «Золотая Крона», которая, к моему восторгу, оказалась выдержанной в старинном стиле, ибо я, конечно же, хотел как можно лучше постигнуть эту страну. По-видимому, моего приезда здесь ожидали: в дверях меня встретила бодрая на вид пожилая женщина в обычном крестьянском костюме – белой рубахе и длинном цветном фартуке из двух полотен, впереди и сзади, едва ли не чересчур облегающем, если говорить о приличиях. Когда я подошел, она, поклонившись, спросила: «Господин – англичанин?» – «Да, – ответил я. – Джонатан Гаркер». Она улыбнулась и что-то сказала человеку в белой рубахе, вслед за ней вышедшему к дверям. Удалившись, он тотчас вернулся с письмом:

«МОЙ ДРУГ, добро пожаловать в Карпаты! С нетерпением жду вас. Эту ночь спите спокойно. Завтра в три часа дилижанс отправится в Буковину; одно место предназначается вам. В ущелье Борго будет ожидать коляска, которая и доставит вас в замок. Надеюсь, вы благополучно

*добрались из Лондона и вам доставит удовольствие пребывание в моей прекрасной стране.
Ваш друг ДРАКУЛА».*

4 МАЯ. Я узнал, что хозяин гостиницы получил от графа письмо с распоряжением оставить для меня лучшее место в экипаже, но на более подробные расспросы он как будто отмалчивался, притворяясь, что не понимает моего немецкого языка. Это выглядело неправдоподобным, потому что до сих пор он прекрасно его понимал – во всяком случае, отвечал именно так, как нужно. Переглядываясь как-то испуганно со своей женой, пожилой особой, встречавшей меня, он наконец промямлил, что деньги были посланы в письме и что больше ему ничего не известно. Когда я спросил, знает ли он графа Дракулу и не может ли что-нибудь рассказать о замке, они с женой перекрестились и, сказав, что они равным счетом ничего не знают, просто-напросто отказались от дальнейших разговоров. До отъезда оставалось так мало времени, что расспросить никого другого я не успел; все это было так таинственно и ни в малой степени не успокаивало.

Перед самым отъездом ко мне поднялась старая хозяйка и заговорила почти в истерике: «Вам нужно ехать? Ах! Молодой господин, вам обязательно надо ехать?» Она была так взволнована, что, по-видимому, растеряла и тот малый запас немецких слов, которым владела, и потому примешивала к немецкому языку какой-то другой, мне совершенно незнакомый. Я едва был способен улавливать смысл и постоянно переспрашивал. Когда я сказал, что должен ехать сейчас же, что меня призывает туда важное дело, она снова спросила: «Да известно вам, какой сегодня день?» Я ответил, что сегодня 4 мая; она покачала головой, говоря: «Я-то знаю, знаю! А вы-то знаете, что за день сегодня?» Видя, что я понятия не имею, о чем речь, она продолжала: «Сегодня канун святого Георгия, нынче ночью, едва лишь пробьет двенадцать, вся нечисть, какая только есть на земле, войдет в полную силу. Да знаете ли вы, куда едете и что вас там ожидает?» Отчаяние ее было настолько явным, что я попытался ее утешить, но безуспешно. Под конец она упала передо мной на колени и умоляла меня не ездить; по крайней мере, обождать день или два. Все это было весьма забавно, однако мне сделалось не по себе. Тем не менее меня призывали дела, и я не потерпел бы никакого вмешательства. Поэтому я ее поднял с колен и как можно строже сказал, что благодарю за предупреждение, но обязанности призывают меня и я должен ехать. Тогда она встала, утерла глаза и, сняв со своей шеи крест, протянула мне. Я не знал, как поступить; принадлежа к англиканской церкви, я с детства привык смотреть на такие вещи как на своего рода идолопоклонство, но отказать старой даме, которая столь явно желала мне добра, да еще пребывающей в таком душевном состоянии, было бы слишком неблагодарно. Думаю, она по выражению моего лица распознала мою нерешительность, так как просто надела мне крест на шею, прибавив: «Во имя вашей матери», и вышла из комнаты. Вношу это в дневник, дожидаясь кареты, которая, конечно, запаздывает; а крест так и остался на мне. Из-за страхов ли старой дамы или из-за многочисленных здешних преданий о призраках, а может, из-за самого креста – не знаю, только на душе у меня далеко не так спокойно, как прежде. Если этим запискам суждено увидеть Мину раньше меня, пусть они передадут ей мой привет. Вот и карета едет.

5 МАЯ. В ЗАМКЕ. Предрассветная мгла рассеялась, солнце стоит в вышине над далеким горизонтом, линия которого кажется изломанной; не знаю, деревья или холмы придают ей такой вид – все так далеко, что большое неотлично от малого. Мне не хочется спать, и поскольку меня не должны будить, пока я сам не проснусь, то стану писать, пока не сморит сон. Предстоит рассказать о многих странных вещах, но, дабы не вообразили читающие, что я слишком плотно пообедал перед отъездом из Бистрицы, я подробно опишу свой обед. Мне подали блюдо, которое здесь называется «разбойничье жаркое»: это куски бекона, говядины и лук, приправленные красным перцем, – все нанизывается на палочки и жарится прямо на

углях, так же как в Лондоне мясные обрезки. Вино подали «Золотистый медок», странно щиплющее язык, но в общем приятное на вкус; я выпил всего пару бокалов этого напитка, и больше ничего.

Когда я садился в карету, кучер еще не занял своего места, и я видел, как он беседовал с хозяйкой. Они, наверное, говорили обо мне, так как то и дело поглядывали в мою сторону; некоторые из тех, что сидели снаружи у двери на скамейке – они называют ее словом, означющим что-то вроде «площадки для разговора», – подходили, прислушивались и тоже поглядывали на меня, все больше с сожалением. Я расслышал немало слов, часто повторявшихся, слов странных, так как в толпе были люди различных национальностей; я незаметно вытащил из сумки свой многоязычный словарь и начал листать. Нельзя сказать, чтобы найденные слова звучали особенно ободряюще; вот значение большинства из них: «Ordog» – Дьявол, «rokol» – ад, «stregoica» – ведьма, «vrolok» и «vlkoslak» – значение обоих слов одно и то же, но одно по-словацки, а другое по-сербски обозначает нечто среднее между оборотнем и вампиром. (Прим.: я должен подробно узнать у графа об этих суевериях.)

Когда мы поехали, в толпе у дверей гостиницы, разросшейся к этому времени до значительных размеров, все перекрестились и наставили на меня два растопыренных пальца. Не без труда я добился от одного из моих спутников объяснения, что все это значит; сначала он не хотел отвечать, но, узнав, что я англичанин, сказал, что жест служит как бы амулетом и защитой от дурного глаза. Мне это было не особенно приятно, ведь я отправлялся к неизвестному человеку в незнакомое место; но все были так добросердечны, так сокрушались и выказывали столько расположения, что это не могло не растрогать. Никогда не забуду гостиничный двор, каким он предстал мне в тот последний миг: толпа живописных персонажей, стоя под аркой широких ворот на фоне пышных крон олеандровых и апельсиновых деревьев, выставленных в зеленых кадках посередине двора, крестится. Потом наш кучер, закрыв все козлы своими широкими холщовыми штанами – их называют готца, – щелкнул длинным бичом над четверкой своих лошадей, и мы тронулись в путь.

Вскоре я забыл о страхе перед привидениями, залюбовавшись открывающейся картиной, однако, понимай я язык или, вернее, языки, на каких говорили мои спутники, я, пожалуй, не смог бы отбросить его с такой легкостью. Перед нами расстилалась зеленая, покрытая лесами и дубравами местность; то здесь, то там высились большие холмы, увенчанные или рощами, или крестьянскими дворами, белые остроконечные края крыш которых были видны с дороги. Везде по пути в изобилии встречались всевозможные фруктовые деревья в цвету – груши, яблони, сливы, вишни, и, проезжая мимо, я прекрасно видел траву под ними, сплошь усеянную опавшими лепестками.

Между зелеными холмами этой «срединной земли», как тут ее называют, шла дорога, вдруг пропадая из виду, когда огибала поросший травой склон или когда ее закрывали отдельные группы сосен, языками пламени сбегавших вниз по склонам. Дорога была неровная, но мы неслись по ней с какой-то лихорадочной быстротой. Мне была непонятна причина такой поспешности, но кучер явно не собирался по пути к ущелью Борго терять ни минуты. Мне говорили, что летом состояние этой дороги превосходное, но сейчас ее не привели еще в порядок после зимних снегопадов. В этом отношении она отличается от прочих карпатских дорог, ибо их не поддерживают в слишком хорошем состоянии, такова старая традиция. В давние времена господа не стали бы их подправлять, чтобы турки не подумали, будто они готовятся ввести чужеземные войска, и не поспешили бы начать войну, до которой, в сущности, всегда был только шаг.

За зелеными волнистыми холмами виднелись цепи Карпатских гор, покрытых могучими лесами. Они возвышались по обе стороны ущелья Борго, ярко озаренные заходящим солнцем, отливая всеми цветами радуги: густо-синими и лиловыми были тени, падавшие от вершин, зеленое и коричневое виднелось там, где на скалах пробивалась трава, и бесконечная череда

зубчатых скал и острых утесов терялась вдали, где величественно вздымались снежные вершины. Здесь и там в скалах зияли мощные расселины, и сквозь них, по мере того как солнце садилось все ниже, мы то и дело видели серебряный блеск водопадов. Когда мы обогнули подножие холма и нам предстала вознесенная в небеса, покрытая снежной шапкой вершина, которая, казалось, стояла прямо на нашем пути, змеей извивавшемся вверх, один из спутников коснулся моей руки:

– Смотрите! Isten szek! Престол Божий! – и благоговейно перекрестился.

Мы продолжали наше бесконечное путешествие, а солнце за спиной спускалось все ниже и ниже, и вечерние тени начали стлаться вокруг. Это состояние усиливалось тем, что снежные вершины еще удерживали предзакатный свет и, казалось, испускали слабое розовое сияние. По дороге нам встречались чехи и словаки, всегда в живописной одежде, но я заметил, что у многих из них болезненно большой зоб. По обочинам стояло множество крестов, минуя которые мои спутники неизменно крестились. Здесь и там деревенский житель или жительница преклоняли колени у святого образа, нисколько не обращая внимания на наше приближение, забывшись в молитве, слепые и глухие ко всему внешнему миру. Многое мне было в новинку – например, скирды сена на деревьях и дивные рощи плакучих берез, их белоснежные стволы, серебристо просвечивающие сквозь нежную зелень листвы. Время от времени нам попадался *leiterwagon* – обычная деревенская повозка, с ее длинной, состоящей как бы из отдельных звеньев оглоблей, приспособленной к неровностям дороги. В них располагались живописные группы возвращающихся домой крестьян – чехи в своих белых, а словаки в крашенных овчинах; последние вооружены посохами с топориком на конце, которые они носят на манер копья. По мере того как вечерело, становилось все холоднее, и в сгущающихся сумерках мрачные купы деревьев – буки, дубы и сосны – сливались в единую темную мглу, хотя в долинах, глубоко утопавших между отрогами гор, на фоне все еще не стаявшего снега, то тут, то там выделялись сумрачные ели. Временами дорога шла через сосновые леса, в темноте готовые, казалось, поглотить нас, какие-то плотные сгустки мглы между деревьями нагоняли некую особую темную, потустороннюю жуть, которая возбуждала зловещие фантазии и мысли, порожденные еще раньше причудливой формой подсвеченных гаснущим закатом облаков, подобно призракам, неустанно несущихся над карпатскими горными долинами.

Местами холмы были до того круты, что лошади, сколько ни погонял их кучер, могли двигаться только шагом. Я хотел, как это принято у нас дома, сойти и помочь лошадям, но кучер и слышать не желал об этом. «Нет, нет, – говорил он. – Вы не должны здесь ходить, тут бродят слишком свирепые собаки. – И затем добавил, явно намереваясь зловеще пошутить: – Вы еще тут и не такого насмотритесь, прежде чем отойдете ко сну». Он только раз остановился, и то лишь для того, чтобы зажечь фонари.

Когда стало темнеть, пассажиры как будто заволновались и один за другим стали просить кучера ехать быстрее. Безжалостными ударами своего длинного кнута и дикими выкриками кучер заставил лошадей буквально лететь. Потом я увидел в темноте впереди нас какое-то мутное пятно света, будто холмы расступились. Волнение среди пассажиров все увеличивалось; шаткая наша повозка подскакивала на своих больших кожаных рессорах и раскачивалась во все стороны, как лодка в бурном море. Мне пришлось крепко держаться. Затем дорога выровнялась, и мы словно летели по ней. Теперь горы, казалось, наступали на нас с обеих сторон, хмуро нависая над нами, – мы въезжали в ущелье Борго. Некоторые мои спутники по очереди стали одаривать меня, вручая подарки с такой глубокой серьезностью, которая просто не допускала отказа; подарки, надо сказать, были причудливые и разнообразные, но каждый давался в простоте душевной, сопровождался добрым словом, благословением и той странной смесью выдающих страх жестов, которые я видел в Бистрице, – люди крестились и выставляли два пальца от дурного глаза. Потом, несясь в повозке все дальше, кучер подался всем телом вперед, а пассажиры перегнулись через борта и нетерпеливо всматривались в окружаю-

щую мглу. Ясно было, что впереди происходило или ожидалось что-то необыкновенное, хотя, сколько я ни расспрашивал пассажиров, никто мне не дал ни малейшего объяснения. Это всеобщее волнение продолжалось еще некоторое время, пока наконец мы не увидели перед собой выезд из ущелья. Над головой клубились черные тучи, тяжелый, душный воздух предвещал грозу. Казалось, горная цепь разделила атмосферу надвое и теперь мы попали в грозовую. Я внимательно смотрел на дорогу в ожидании экипажа, который повезет меня к графу. Каждую минуту я ожидал увидеть во мраке свет фонарей; но всюду было темно. Единственным светом были дрожащие лучи наших собственных фонарей, в которых белым облаком над взмысленными лошадьми поднимался пар. Теперь стала явственно видна белевшая перед нами песчаная дорога, но на всем ее протяжении даже и намек не было на какой-либо экипаж. Пассажиры, точно в насмешку над моим разочарованием, облегченно вздохнув, откинулись на сиденьях. Я задумался над тем, что предпринять, когда кучер, взглянув на часы, сказал другим что-то таким тихим приглушенным голосом, что я едва расслышал; кажется, это было: «На час раньше времени». Затем он повернулся ко мне и сказал на отвратительном немецком языке, еще хуже моего: «Нет никакой кареты. По-видимому, господина не ждут. Лучше пусть он поедет с нами сейчас в Буковину, а завтра вернется обратно или на следующий день – даже лучше на следующий день». Пока он говорил, лошади начали ржать, фыркать и дико рыть землю, так что кучеру пришлось сдерживать их.

Пассажиры дружно вопили и крестились, а тем временем позади показалась запряженная четверкой лошадей коляска, которая, догнав нас, остановилась возле дилижанса. Когда лучи от наших фонарей упали на коляску, я увидел великолепных породистых лошадей, черных как уголь. На козлах сидел человек с длинной каштановой бородой, в широкой черной шляпе, которая как бы скрывала его лицо. Я мог разглядеть лишь блеск пылающих глаз, показавшихся красными в свете фонарей, когда он повернулся. Он обратился к кучеру:

– Ты что-то рано сегодня приехал, друг мой.

Возница, заикаясь, ответил:

– Господин англичанин очень торопился.

На что незнакомец возразил:

– Верно, потому ты и посоветовал ему ехать в Буковину! Ты меня не обманешь, друг мой; я слишком многое знаю, да и лошади у меня быстрые.

При этом он улыбнулся, и луч фонаря осветил его резко очерченный жестокий рот, ярко-красные губы и острые зубы, белые, как слоновая кость. Один из моих спутников прошептал своему соседу строку из «Леноры» Бюргера:

«Denn die Todten reiten schnell»¹.

Незнакомец, очевидно, расслышал эти слова и, сверкнув улыбкой, посмотрел на говорившего. Пассажир отвернулся, перекрестившись и выставив два пальца. «Поддай мне багаж господина», – сказал незнакомец, и с необычайной быстротой мои вещи были вынуты из дилижанса и положены в коляску. Потом я перешагнул через борт дилижанса, поскольку коляска стояла бок о бок с нами; кучер, помогая мне, подхватил меня под руку, хватка была у него стальная, должно быть, он обладал чудовищной силой. Он молча дернул вожжами, лошади повернули, и мы понеслись во мрак ущелья. Оглянувшись, я увидел при свете фонарей поднимавшийся над лошадьми пар и чернеющие на этом фоне силуэты моих недавних спутников, которые крестились. Потом наш кучер щелкнул бичом, гикнул, и вот уже лошади мчат своей дорогой в Буковину. Как только они канули во мрак, меня охватило чувство одиночества и странный озноб; но мне на плечи сейчас же был накинут плащ, колени укрыты пледом, и кучер обратился ко мне на прекрасном немецком языке:

¹ «Ибо скор у мертвых шаг» (нем.).

– Ночь холодна, mein Herr², а господин мой, граф, приказывал окружить вас особым вниманием. Под сиденьем приготовлена для вас, если захотите, фляжка сливовицы.

Я не прикоснулся к ней, но приятно было сознавать, что она под рукой. Я чувствовал себя немного странно и был немало напуган.

Думаю, будь у меня хоть какая-нибудь возможность выбора, я бы ею воспользовался, вместо того чтобы пускаться в это неведомое ночное путешествие. Коляска с бешеной скоростью неслась прямо вперед, потом мы сделали полный разворот и снова понеслись, никуда не сворачивая. Мне сдавалось, что мы снова и снова колесим по одним и тем же местам; тогда я выбрал себе ориентир и обнаружил, что так оно и есть. Мне очень хотелось спросить возницу, что это значит, но я определенно боялся так поступить, полагая, что, если задержка была предумышленной, в моих обстоятельствах никакие протесты ни к чему бы не привели. Вскоре, однако, желая узнать, который час, я чиркнул спичкой и при свете ее взглянул на часы; до полуночи оставалось несколько минут. Это было для меня своего рода ударом, – полагаю, недавние мои впечатления усугубили всеобщий суеверный страх перед полуночью. Я ждал с болезненным чувством жуткой неопределенности.

Вдруг где-то вдалеке, на крестьянском дворе, завyla собака – долгий, тягучий, жалобный вой, словно в агонии ужаса. Ее поддержала другая собака, потом еще одна и еще, пока, подхваченный ветром, проснувшись в ущелье, их вой не слился в дикую какофонию, разносимую, казалось, по всей окрестности, насколько хватало воображения представить ее в ночной мгле. При первых этих звуках лошади стали беситься и вставать на дыбы, но возница заговорил с ними, успокаивая, и они притихли, однако дрожали и роняли капли пота, как будто избежав неожиданной угрозы. Потом в отдалении, с гор, по обе стороны от нас раздался вой еще громче и пронзительней – на этот раз уже вой волков, который повлиял одинаково как на меня, так и на лошадей, ибо я был склонен выпрыгнуть из коляски и удрать, между тем как лошади опять взвились на дыбы и бешено бросились вперед, и кучеру пришлось употребить всю свою громадную силу, чтобы сдерживать их и не дать понести. Через несколько минут, однако, мое ухо привыкло к вою, а лошади настолько успокоились, что возница имел возможность сойти и встать перед ними. Он гладил их, успокаивал и шептал что-то им на ухо, как делают, я слышал, объездчики лошадей, причем успех был необычайный, и лошади под его ласками опять стали смиренными, хотя и продолжали дрожать. Возница снова уселся на козлы и, взяв вожжи, тронулся в путь крупной рысью. Наконец, миновав ущелье, он внезапно свернул на узкую темную дорогу, которая резко поворачивала направо.

Вскоре нас окружили деревья, которые местами образовывали свод, так что мы ехали как бы сквозь туннель; а потом опять с двух сторон открылись перед нами мрачные утесы. Хотя мы были под их защитой, но все же слышали завывание ветра, который со стоном и свистом проносился по утесам, ломая ветви деревьев. Становилось все холоднее и холоднее, и наконец пошел редкий, крупный снег, который вскоре укрыл и нас, и все окружающее белой пеленой. Резкий ветер доносил до нас лай собак, который, однако, становился все слабее по мере того, как мы удалялись. Зато вой волков раздавался ближе и ближе, и казалось, что мы были окружены ими со всех сторон. Мне стало необычайно страшно, и лошади разделяли мой испуг. Возница не выказывал ни малейшей тревоги; он постоянно поглядывал то направо, то налево, я же не мог ничего различить во мраке.

Вдруг слева показался слабый мерцающий голубой огонек. Возница в тот же миг заметил его; он сейчас же придержал лошадей и, спрыгнув на землю, исчез во мраке. Я не знал, что делать, тем более что волчий вой приближался, но, пока я недоумевал, возница неожиданно возник снова и, ни слова не говоря, уселся на место, и наше путешествие продолжалось. Я, должно быть, заснул и во сне вновь и вновь обращался к этому эпизоду, потому что, казалось,

² Мой господин (нем.).

повторялся он бесконечно и, если теперь оглянуться назад, он больше походил на жуткий ночной кошмар. Как-то раз огонек показался так близко от дороги, что, несмотря на полный мрак, окружавший нас, я мог совершенно ясно различить все движения кучера. Он быстро направился к месту, где появился голубой огонек, и, набрав немного камней, выложил из них какую-то фигуру (огонек, должно быть, был очень слаб, он, казалось, нисколько не освещал пространство вокруг себя). Раз возник странный оптический феномен: оказавшись между мной и огоньком, возница не загородил его собой, я все так же различал призрачное мерцание. Это явление поразило меня, но так как это продолжалось лишь одно мгновение, то я решил, что это обман утомленного зрения, уставшего от напряжения в абсолютной тьме. Потом на время мерцание синего пламени прекратилось, и мы поспешно двинулись вперед сквозь мрак, под удручающий аккомпанемент воя волков, которые, как бы держась полукругом, преследовали нас.

Наконец наступил момент, когда возница отошел дальше, чем прежде, и в его отсутствие лошади начали дрожать, как никогда, храпеть и пронзительно ржать от ужаса. Я никак не мог понять причины этого – вой волков совершенно прекратился; но в этот самый миг луна, выплыв из темных туч, появилась над изорванным гребнем нависающей, поросшей соснами скалы, и в ее свете я увидел вокруг нас кольцо волков с белыми зубами, высунутыми красными языками и длинными мускулистыми ногами, поросшими грубой шерстью. Они были во сто раз страшнее теперь, в охватившем их ужасном молчании, даже страшнее, чем тогда, когда выли. Что касается меня, то я от страха не мог пошевелить ни рукой, ни ногой и потерял голос. Лишь очутившись лицом к лицу с подобным ужасом, может человек постичь его подлинную сущность.

Вдруг волки разом снова пронзительно завывали, как будто лунный свет производил на них какое-то особое действие. Лошади вскидывались на дыбы, брыкались и беспомощно поводили глазами, так что больно было смотреть, но живое кольцо ужаса окружало их со всех сторон и поневоле заставляло оставаться в центре его. Я начал звать возницу; мне казалось, что единственным спасением было прорваться сквозь кольцо и помочь ему добраться до нас. Я кричал и стучал, надеясь этим шумом отпугнуть волков с этой стороны и дать ему таким образом возможность подойти к дверце.

Откуда он вдруг появился – не знаю, но я услышал его голос, который прозвучал повелительным приказом, и, повернувшись на звук, я увидел его на дороге. Он протянул свои длинные руки, как бы отстраняя неосоздаемое препятствие, и волки начали медленно отступать, но тут большое облако заволокло лик луны, и мы опять очутились во мраке.

Когда луна выглянула снова, я увидел возницу, взбиравшегося на сиденье, а волков и след простыл. Все это было так странно и жутко, что я почувствовал безумный страх и боялся пошевелиться или заговорить. Время тянулось бесконечно. Мы продолжали путешествие уже почти в совершенной тьме, так как пронесившиеся облака совсем закрывали луну. Мы поднимались в гору, только изредка, время от времени, спускаясь, но потом поднимались опять. Я не помню, сколько времени это продолжалось... Неожиданно я осознал, что возница останавливает лошадей во дворе необъятного полуразрушенного замка, из чьих высоких слепых окон не пробивалось ни единого лучика света, а разбитые крепостные стены рваной линией рисовались на залитом лунным светом небе.

Глава II

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(Продолжение)

5 МАЯ. Я, должно быть, задремал, иначе, наверное, заметил бы приближение к столь замечательному месту. Во мраке представлялось, что двор внушительных размеров, но, поскольку несколько темных проходов уходили из него под высокие своды арок, он, возможно, казался больше, чем был на самом деле. Я до сих пор еще не видел его при дневном свете. Когда коляска остановилась, возница соскочил с козел и протянул мне руку, чтобы помочь сойти. Тут я опять невольно обратил внимание на его чудовищную силу. Его рука положительно казалась стальными клещами, которыми при желании он мог раздавить мою руку. Затем он извлек мои пожитки и положил их возле меня; я же стоял у величественной двери, древней и усаженной крупными железными гвоздями, с выступающим массивным каменным порталом. Даже при тусклом свете мне было видно, что камень портала густо покрыт резьбой, наполовину стершейся, однако, от времени и непогоды. Пока я стоял, кучер опять взобрался на козлы, тронул вожжи, лошади дернули и скрылись вместе с экипажем под одним из темных сводов.

Я остался на месте, не зная, что предпринять. У дверей не видно было даже намека на звонок или молоток; не было также и надежды на то, что мой голос может проникнуть сквозь мрачные стены и темные отверстия окон. Мне стало казаться, что я жду здесь бесконечно долго, и меня начали одолевать сомнения и страх. Куда я попал? К каким людям? В какую ужасную историю я впутался? Было ли это обыкновенным рядовым эпизодом из жизни подручного стряпчего, посланного к иностранцу для разъяснений по поводу приобретаемого им в Лондоне недвижимого имущества? Подручный! Мне бы это не понравилось. Стряпчий! Ведь перед самым отъездом из Лондона я узнал, что мои экзамены прошли успешно; так что, в сущности, я теперь стряпчий, а не подручный стряпчего... Я начал тереть глаза и щипать себя, чтобы убедиться, что не сплю. Все это продолжало казаться мне каким-то ужасным ночным кошмаром, и я надеялся, что вдруг проснусь у себя дома, а в окно будут литься солнечные лучи – временами я так себя чувствовал наутро после целого дня интеллектуального перенапряжения. Но, к сожалению, мое тело отчетливо чувствовало щипки, а глаза не обманывали меня. Я действительно не спал, а находился в Карпатах. Мне оставалось только запастись терпением и ждать наступления утра.

Как раз когда я пришел к этому заключению, я услышал приближающиеся тяжелые шаги за большой дверью и увидел сквозь щель мерцание света. Потом раздалось громоханье цепей, шум отодвигаемых массивных засовов. С громким скрежетом после долгого бездействия повернулся ключ, и большая дверь медленно распахнулась.

В дверях стоял высокий старик с начисто выбритым подбородком и длинными седыми усами; одет он был с головы до ног в черное, без единого цветного пятнышка. В руке он держал старинную серебряную лампу, в которой пламя свободно горело без какого бы то ни было стекла или абажура и бросало длинные, трепещущие тени, колеблемые сквозняком. Изысканным жестом правой руки старик пригласил меня войти и сказал на прекрасном английском языке, но с непривычной интонацией:

– Добро пожаловать в мой дом. Войдите в него свободно и по доброй воле.

Он не сделал ни единого движения, чтобы шагнуть мне навстречу, а стоял неподвижно, как статуя, будто жест приветствия превратил его в камень; но не успел я переступить порог, как он сделал движение вперед и, протянув мне руку, сжал мою с такой силой, что заставил меня поморщиться, и конечно же, то, что она была холодна как лед и напоминала скорее руку мертвеца, чем живого человека, только усугубляло впечатление. Он снова сказал:

– Добро пожаловать в мой дом! Входите смело, идите без страха и оставьте нам здесь немного из принесенного вами счастья.

Крепость его рукопожатия была настолько сродни той, что и у возницы, лица которого я так и не видел, что меня одолело сомнение, не один ли и тот же человек и кучер, и господин, с которым я в данный момент разговариваю; чтобы рассеять сомнения, я спросил:

– Граф Дракула?

Он ответил с вежливым поклоном:

– Я – Дракула. Приветствую вас, м-р Харкер, в моем доме. Войдите; ночь холодна, а вам необходимо отдохнуть и поесть.

Говоря это, он повесил лампу на крюк в стене и, шагнув вперед, взял мой багаж; он проделал это так быстро, что я не успел его предупредить. Я тщетно пытался протестовать.

– Нет, сударь, вы мой гость. Теперь поздно, и поэтому на моих людей рассчитывать нечего. Позвольте мне самому позаботиться о вас.

Он настоял на том, чтобы отнести мои пожитки по коридору, потом вверх по большой винтовой лестнице, с которой мы попали в другой большой коридор, где наши шаги гулко раздавались благодаря каменному полу. В конце коридора он толкнул тяжелую дверь, и я с радостью увидел ярко освещенную комнату, где стоял стол, накрытый к ужину, а в большом камине пылали и потрескивали только что подброшенные поленья.

Граф остановился, поставил мои вещи, закрыл за нами дверь и, пройдя через комнату, распахнул другую дверь, которая вела в маленькую восьмиугольную комнату, освещенную одной лампой и, по-видимому, вовсе лишенную окон. Миновав ее, он снова открыл дверь в следующую комнату, куда и пригласил меня войти. Это было приятное зрелище: комната оказалась большой спальней, прекрасно освещенной, также обогревавшейся горящим камином – дрова в него подкладывали совсем недавно, верхние поленья еще не разгорелись, но в широком дымоходе гулко ревели. Положив собственноручно принесенные им мои вещи, граф удалился, сказав перед тем, как закрыть дверь:

– Вы после дороги захотите, конечно, освежиться и переодеться. Надеюсь, вы найдете здесь все необходимое. Когда будете готовы, пройдите в ту комнату, где вас ждет накрытый для вас ужин.

Свет и тепло, а также изысканное обращение графа совершенно рассеяли мои сомнения и страхи. Придя благодаря всему этому в свое обычное состояние, я почувствовал, что положительно умираю с голоду, поэтому, наскоро переодевшись, поспешил в первую комнату.

Ужин был уже подан. Мой хозяин, который стоял у камина, грациозным жестом пригласил меня к столу:

– Прошу вас, садитесь и ешьте, как вам угодно. Надеюсь, вы меня извините, если я вам не составлю компании; но я уже отобедал и никогда не ужинаю.

Я вручил ему запечатанное письмо, переданное мне м-ром Хокинсом. Граф распечатал его, сосредоточенно прочел, затем с очаровательной улыбкой передал его мне. Одно место в нем мне в особенности польстило:

«Я очень сожалею, что приступ подагры, которой я давно подвержен, лишает меня возможности предпринимать какие бы то ни было путешествия; и я счастлив, что могу послать своего заместителя, которому я вполне доверяю. Это энергичный и талантливый молодой человек, абсолютно достойный доверия. Он благоразумен, умеет молчать и вошел в зрелый возраст,

пребывая у меня на службе. Во все время своего пребывания у вас он будет к вашим услугам и в полном вашем распоряжении».

Граф подошел к столу, сам снял крышку с блюда – и я накинулся на прекрасно зажаренного цыпленка. Это плюс сыр и салат да еще бутылка старого токайского вина, которого я выпил бокала два-три, и составило мой ужин. Пока я ел, граф расспрашивал меня о моем путешествии, и я рассказал ему по порядку все пережитое мной.

К тому времени я кончил ужинать, по настоянию хозяина придвинул свой стул к огню и закурил сигару, предложенную мне графом, который тут же извинился, что не курит. Теперь мне представился удобный случай рассмотреть его, и я нашел, что его наружность достойна внимания.

У него был резкий орлиный профиль, тонко очерченный нос с горбинкой и особенным вырезом ноздрей, высокий выпуклый лоб и грива волос, лишь слегка редющих на висках. Его тяжелые кустистые брови почти сходились на переносице. Рот, насколько я мог разглядеть под густыми усами, был решительный, даже на вид жестокий, а необыкновенно острые белые зубы выдавались вперед между губами, чья примечательная краснота свидетельствовала об удивительной для человека его возраста жизненной силе. Что до остального, у него были бледные, крайне острые уши, широкий сильный подбородок и тугие, хотя и худые, щеки.

Но сильнее всего поражала необыкновенная бледность лица.

До сих пор мне удалось издали заметить только тыльную сторону его рук, когда он держал их на коленях; при свете горящего камина они производили впечатление белых и тонких; но, увидев их теперь вблизи, ладонями кверху, я заметил, что они были скорее грубы – широкие, с короткими пальцами. Особенно странно было то, что в центре ладони росли волосы. Ногти были длинные, но изящные, с заостренными концами. Когда граф наклонился ко мне и его рука дотронулась до меня, я не смог удержаться от содрогания. Возможно, его дыхание было тлетворным, потому что мной овладело какое-то ужасное чувство тошноты, которое, как я ни старался, не мог скрыть. Граф, очевидно, заметил это и сейчас же отодвинулся; с какой-то угрюмой улыбкой, обнажившей больше прежнего его выпирающие зубы, он опять сел на свое место у камина. Мы оба молчали некоторое время, и когда я посмотрел в окно, то увидел первый проблеск наступающего рассвета. Какая-то странная тишина царила всюду; но, прислушавшись, я уловил где-то вдалеке, как будто внизу, в долине, вой волков. Глаза графа засверкали, и он сказал:

– Прислушайтесь к ним, к детям ночи! Что за музыку они заводят! – Заметив странное, должно быть, для него выражение моего лица, он прибавил: – Ах, сударь, вы, городские жители, не можете понять чувств охотника! – Тут он поднялся со словами: – Но вы, наверное, устали? Ваша постель совершенно готова, и завтра вы можете спать сколько хотите. Я буду отсутствовать до полудня; спите же спокойно – и приятных сновидений!

С изысканным поклоном он сам открыл дверь в восьмиугольную комнату, и я вошел в мою спальню...

Меня окружают чудеса. Я полон сомнений, страхов; на ум мне приходят странные вещи, в которых я не посмею признаться и себе самому. Храни меня, Боже, хотя бы ради тех, кто дорог мне!

7 МАЯ. Опять раннее утро, но я отдохнул и хорошо провел последние сутки. Я спал до вечера и сам проснулся. Одевшись, я прошел в комнату, где накануне ужинал, и нашел там холодный завтрак и кофе, который подогревался, стоя на огне в камине. На столе лежала карточка с надписью:

«Я должен ненадолго отлучиться. Не ждите меня. Д.».

Я уселся за стол и с удовольствием плотно поел. Покончив с едой, я стал искать звонок, чтобы дать знать прислуге, что я окончил трапезу; но звонка нигде не оказалось. В замке, как видно, странные недостатки, особенно если принять во внимание чрезмерное богатство, окружающее меня. Столовая сервировка вся из золота, да такой великолепной работы, что стоит, наверное, громадных денег. Занавеси, обивка стульев и кушетки – все это поразительной выделки и стоило, без сомнения, баснословных денег даже тогда, когда все это было изготовлено, так как этим вещам много сотен лет, хотя все в великолепном порядке. Я видел нечто подобное в Хэмптон-корте, но там все было порвано, вытерто и побито молью. Но странно, что ни в одной комнате нет зеркала. Нет даже туалетного зеркала на моем столике, и мне пришлось вынуть мое маленькое зеркало для бритья из несессера, чтобы побриться и причесаться. Кроме того, я не видал ни одного слуги и не слышал ни единого звука около замка, за исключением волчьего воя. Покончив с едой – не знаю, назвать ли ее завтраком или обедом, по времени это было между пятью и шестью часами, – я начал искать что-нибудь для чтения, так как без разрешения графа не хотел отправляться осматривать замок. В столовой я ровным счетом ничего не нашел – полное отсутствие книг, газет, даже каких-либо письменных принадлежностей; тогда я открыл другую дверь в этой комнате и вошел в библиотеку. Попробовав открыть дверь напротив моей, я обнаружил, что она заперта.

В библиотеке я обнаружил, к моей великой радости, большое количество английских книг – целые полки были заставлены ими и переплетенными комплектами журналов и газет за многие годы. Стол посредине комнаты был завален английскими журналами, газетами, но все это были старые номера. Книги были самые разнообразные: по истории, географии, политике, политической экономии, ботанике, геологии, законоведению – все относящееся к Англии и английской жизни, обычаям и нравам. Были здесь даже справочники – Лондонская адресная книга, Красная и Синяя книги, «Уитакер», реестры – Армейский и Флотский, но более всего порадовалось мое сердце «Своду законов».

Пока я рассматривал книги, дверь открылась, и вошел граф. Он радушно меня приветствовал, выразив надежду, что я хорошо спал этой ночью. Затем продолжал:

– Я очень рад, что вы сюда попали, так как убежден, что здесь вы найдете много интересного для вас материала. Эти спутники, – и он коснулся некоторых книг, – были мне преданными друзьями и за долгие годы, с тех самых пор, как я задумал отправиться в Лондон, доставили мне много приятных часов. Благодаря им я познакомился с вашей великой Англией; а знать ее – значит ее любить. Я жажду попасть на переполненные народом улицы вашего громадного Лондона, проникнуть в самый круговорот, гущу и суету человечества, участвовать в этой жизни, ее переменах, ее смерти – словом, во всем том, что делает эту страну тем, что она есть. Но, увы! Покуда я знаком с вашим языком только по книгам. Надеюсь, мой друг, что с вашей помощью я научусь изъясняться по-английски как следует.

– Помилуйте, граф, ведь вы же великолепно владеете английским языком!

Он с достоинством поклонился:

– Благодарю вас, друг мой, за ваше слишком лестное мнение обо мне, но все же боюсь, что в знании языка нахожусь еще только на полпути. Правда, я знаю грамматику и слова, но еще не знаю, как их произносить и когда какое слово употреблять.

– Уверяю вас, вы прекрасно говорите.

– Все это не то... Я знаю, что, появившись я в вашем Лондоне и заговори, всякий тотчас же узнает во мне иностранца. Этого мне мало. Здесь я знатен; я – магнат; простолюдины знают, кто я, и я здесь хозяин. Но чужестранец на чужбине – ничто; люди его не знают, а не знать человека – значит не принимать его в расчет. В таком случае я предпочитаю ничем не выделяться из толпы, чтобы люди, завидев меня или услышав мою английскую речь, не останавливались и не указывали на меня пальцами.

Я привык быть господином и хочу им остаться навсегда или, по крайней мере, устроиться так, чтобы никто уже не мог быть господином надо мной. Вы приехали сюда не только для того, чтобы разъяснить мне все относительно моего нового владения в Лондоне; я надеюсь, вы пробудете со мною еще некоторое время независимо от этого, для того чтобы, беседуя с вами, я освоил интонацию английской речи. Поэтому я прошу вас и даже настаиваю, чтобы вы исправляли мои ошибки в произношении самым строгим образом. Сожалею, что мне пришлось столь долго сегодня отсутствовать, но вы, я уверен, простите того, кого обременяет такое множество неотложных дел.

Я, конечно, сказал, что прошу его не стесняться из-за меня, а затем спросил, не разрешит ли он мне пользоваться библиотекой по своему усмотрению.

– Да, конечно, – ответил он и добавил: – В замке вы можете войти в любую дверь, в какую пожелаете, кроме тех, которые заперты, а туда вам и не захочется входить. Есть причины для того, чтобы все было так, как оно есть, и если бы вы видели то, что вижу я, и знали то, что ведомо мне, возможно, вам бы все стало понятней.

Я заверил его в том, что понимаю его, после чего он продолжил:

– Мы в Трансильвании, а Трансильвания – это не Англия. Наши обычаи не те, что у вас, и многое здесь вам покажется странным. По тому, что вы мне уже рассказали о своих приключениях, вы кое-что знаете о странностях, которые здесь происходят.

Это послужило началом долгого разговора, и, поскольку ему определенно хотелось побеседовать, пусть просто ради самой беседы, я засыпал его вопросами относительно того, что со мной происходило или чему я был свидетелем. Иногда он уклонялся от темы разговора или переводил речь на другое, притворно не понимая, но в целом отвечал мне вполне откровенно. Потом, по прошествии некоторого времени, чуть осмелев, я стал его расспрашивать о странных событиях минувшей ночи: почему, к примеру, возница шел туда, где замечал голубые огоньки. Он объяснил мне, что существует поверье, по которому в определенную ночь, раз в году, кстати, как раз в прошлую ночь, когда якобы силы зла царят безраздельно, на тех местах, где скрыты клады, видны голубые огоньки.

– Не стоит и сомневаться, что там, где вы вчера проезжали, скрыты клады, – продолжал он. – На этой земле столетия воевали саксонцы, валахи и турки – здесь едва ли найдется клочок земли, не политый человеческой кровью, и защитников, и захватчиков. В прошлом бывали бурные времена, когда австрийцы и венгры налетали как саранча, и патриоты вставали, чтобы отразить их, – мужчины и женщины, дряхлые старики и дети поджидали их в горах над ущельями, чтобы смести специально вызванными лавинами. Не многое мог обрести и торжествующий завоеватель – все было схоронено в своей родной земле.

– Но как же это оставалось там, когда место точно указано и нужно только дать себе труд посмотреть? – спросил я.

Граф улыбнулся, растягивая губы, и его длинные, острые волчьи зубы странно обнажились; он ответил:

– Это потому, что наш крестьянин глуп и труслив в душе! Огоньки появляются только раз в году, но в эту ночь ни один человек в здешнем краю шага не сделает за порог, если это в его воле, к тому же, сударь мой, он бы все равно не знал, как действовать. Да что там, даже тот крестьянин, о котором вы мне рассказывали, будто он делал отметки возле огоньков, даже он при свете дня не будет знать, где искать свои собственные заметы. Смею поклясться, и вы не сумели бы отыскать эти места.

– Вы правы, – сказал я, – я не больше других знаю, где их искать. – И разговор перешел на другое.

– Ну же, – наконец попросил граф, – расскажите мне о Лондоне и о том доме, который вы нашли для меня.

Извинившись за свою нерадивость, я пошел в комнату за своими бумагами. Пока я их разбирал, до меня донесся звон фарфоровой и серебряной посуды в соседней комнате, и, проходя через нее, я обнаружил убранный стол и зажженную лампу, поскольку к этому времени совершенно стемнело. Лампы зажжены были и в кабинете, или библиотеке, а граф лежал на софе – из всех книг, которые можно представить, со справочником «Брэдшо» в руках. Когда я вошел, он освободил стол от книг и бумаг, и вместе с ним мы погрузились во всевозможнейшие планы и вычисления. Его интересовало все, он задавал мне бездну вопросов о самом поместье и о его окрестностях. Он явно заблаговременно проштудировал все, что мог, относительно прилегающей округи, ибо под конец оказалось, что он знает неизмеримо больше, чем я. На мое замечание относительно этого он ответил: «Но, друг мой, разве в том нет нужды? Перебравшись туда, я буду совершенно один, и мой друг Харкер Джонатан – простите, не так, я ставлю фамилию вперед по обычаю моей страны – и мой друг Джонатан Харкер не сможет помочь мне советом. Он будет в Эксетере за много миль оттуда, возможно склонившись над бумагами вместе с другим моим другом, Питером Хокинсом. Что ж!»

Входя во все мелочи, мы обсудили покупку поместья в Парфлите. Когда я рассказал, как обстоят дела, и он скрепил своей подписью все нужные документы, подготовленные мною для отправки м-ру Хокинсу, граф принялся расспрашивать, как я натолкнулся на столь подходящую усадьбу. Я прочитал ему записи, которые вел в то время и которые привожу здесь.

«В Парфлите, по проселочной дороге, я набрел, кажется, на то, что нужно. Было там и ветхое объявление, что усадьба продается. Она окружена высокой стеной старинной кладки, сложенной из массивных камней, и не ремонтировалась в течение многих лет.

Тяжелые ворота из старого дуба и железа, изъеденного ржавчиной, закрыты.

...Поместье называется Карфакс, без сомнения, искаженное старинное *Quatre Faces*³, поскольку дом ориентирован на четыре стороны в соответствии с четырьмя сторонами света. Поместье представляет собой участок около двадцати акров, со всех сторон обнесенный упомянутой выше глухой стеной. Там много деревьев, порой придающих этому поместью мрачный вид, затем имеется еще глубокий темный пруд, или, вернее, маленькое озеро, питающееся, вероятно, подземными ключами, так как вода в нем необыкновенно прозрачна, а кроме того, оно служит истоком довольно порядочной речки. Дом очень просторный и, судя по типу постройки, восходит, я бы сказал, к Средним векам, поскольку часть его имеет неизмеримо толстые каменные стены с немногими забранными тяжелыми решетками окнами на самом верху и напоминает башню замка. Она примыкает к какой-то старой часовне или церкви. Я не мог осмотреть ее, так как ключа от двери, ведущей из дома в часовню, не оказалось. Но я снял своим «Кодаком» несколько видов с разных сторон. Впоследствии дом по частям перестраивался, но самым беспорядочным образом, так что вычислить точно, какую площадь дом занимает, немислимо; она, должно быть, чрезвычайно велика. Других домов поблизости весьма немного, один из них, очень большой, недавно надстроен и превращен в частную клинику для душевнобольных. Из усадьбы он, однако, не виден».

Когда я закончил, граф сказал:

– Я рад, что дом старинный и просторный; я сам из старинной семьи, и необходимость жить в новом доме убила бы меня. Дом не может сделаться сразу жилым; и, в сущности, как мало дней составляют столетие... Меня радует также и то, что я найду там старинную часовню. Мы, магнаты Трансильвании, с неприязнью думаем о том, что наши кости могут покоиться среди простых смертных. Я не ищу ни веселья, ни радости, ни изобилия солнечных лучей и сверкающих вод, столь любимых молодыми и веселыми людьми. Я уже немолод; а мое сердце, измученное годами печали, не способно больше к радости; к тому же стены моего замка разрушены, он полон теней, ветер свободно доносит свои холодные дуновения сквозь разрушенные

³ «Четыре фасада» (фр.).

стены и пустые окна. Я люблю тень и тьму и хотел бы оставаться наедине со своими мыслями, насколько это возможно.

Его взгляд некоторым образом противоречил его словам, но, вероятно, сам тип лица делал злобной и угрюмой его улыбку.

Некоторое время спустя он извинился и покинул меня, попросив собрать все мои бумаги.

В его отсутствие я стал подробно знакомиться с библиотекой. Я наткнулся на атлас, конечно, открытый на карте Англии; видно было, что им много пользовались. Разглядывая внимательно карту, я заметил, что определенные пункты на ней были обведены кружками, и, присмотревшись, увидел, что один из них находился около Лондона с восточной его стороны, как раз там, где находилось вновь приобретенное им поместье; два других были Эксетер и Уитби на Йоркширском побережье. Через полчаса граф вернулся.

– Ах! – сказал он. – Вы все еще за книгами! Вам не следует так много работать. Пойдемте, ваш ужин готов и подан.

Он взял меня под руку, и мы вышли в столовую, где меня действительно ожидал великолепный ужин. Граф опять извинился, что уже пообедал вне дома. Но так же, как и накануне, он уселся у камина и болтал, покуда я ел. После ужина я закурил сигару, как и в прошлую ночь, и граф просидел со мной, болтая и задавая вопросы на различные темы; так проходил час за часом. Хотя я и чувствовал, что уже очень поздно, но ничего не сказал, так как решил, что должен быть к услугам хозяина и выполнять его малейшие желания. Спать же мне не хотелось, так как вчерашний продолжительный сон подкрепил меня; но это тем не менее не помешало мне вдруг почувствовать то ощущение озноба, которое всегда овладевает людьми на рассвете или во время прилива. Говорят, что люди, стоящие на пороге смерти, умирают обычно на рассвете или во время прилива; любой, кто, будучи усталым, ощущал перемену в воздухе, без труда в это поверит. Вдруг мы услышали крик петуха, прорезавший со сверхъестественной пронзительностью чистый утренний воздух. Граф Дракула моментально вскочил и сказал:

– Как, уже снова утро! Сколь непростительно с моей стороны, что я заставляю вас так долго бодрствовать!.. Не говорите со мной о вашей стране – меня так интересует все, что касается моей новой родины – дорогой Англии, что я забываю о времени, а в занимательной беседе с вами оно проходит слишком быстро!

И, изысканно поклонившись, он оставил меня.

Я пришел к себе в комнату и раздвинул шторы, но глаз было не на чем остановить: мое окно выходило во двор; все, что я увидел, это небо, занимающееся зарей. Тогда я снова закрыл шторы и записал все, что произошло за этот день.

8 МАЯ. Когда я начал заносить в эту тетрадь свои заметки, то боялся, что пишу чересчур подробно, но теперь я счастлив, что записал все мельчайшие подробности с самого начала, так как здесь происходит много необычного, – это тревожит меня; я думаю только о том, как бы выйти отсюда целым и невредимым, и начинаю жалеть, что приехал сюда; возможно, что это ночные бодрствования так отзываются на мне, но если бы это было все! Если бы здесь было с кем поговорить, мне было бы легче, но, к сожалению, не с кем. Только с графом, а он... Я начинаю думать, что я здесь единственная живая душа. Буду прозаичным, поскольку этого требуют факты; это поможет мне разобраться во всем, сохранить свой здравый смысл и уйти из-под власти все более и более овладевающих мной фантазий... Иначе я погиб!.. Дайте мне рассказать все, как оно есть...

Я проспал всего несколько часов и, чувствуя, что больше не засну, поднялся. Поставив свое зеркало для бритья на окно, я начал бриться. Вдруг я почувствовал руку на своем плече и услышал голос графа. «С добрым утром», – сказал он мне. Я вздрогнул, так как меня изумило, что я не увидел его в зеркале, хотя мне была видна вся комната. Вздрогнув, я слегка порезался, но сразу не обратил на это внимания. Ответив на приветствие графа, я опять повернулся к

зеркалу, чтобы посмотреть, как это я мог так ошибиться. На сей раз не могло быть никаких сомнений, так как граф стоял почти вплотную за мной и я мог видеть его через плечо. Но все-таки его отражения в зеркале не было!.. Там отражалась вся комната за моей спиной, но в ней и признака не было никого другого, кроме меня. Это пугало и, довершая множество странностей, усилило то неопределенное чувство тревоги, которое охватывает меня каждый раз, когда граф находится рядом; только теперь я заметил свой порез. Я отложил в сторону бритву и повернулся при этом вполборота к графу в поисках пластыря. Когда граф увидел мое лицо, его глаза сверкнули каким-то демоническим бешенством, и он внезапно схватил меня за горло. Я подался назад, а его рука коснулась шнура, на котором висел крест. Это сразу вызвало в нем перемену, причем его бешенство прошло так быстро, что я с трудом поверил, будто оно когда-либо было.

– Смотрите, будьте осторожны, – сказал он, – будьте осторожны, когда бреетесь. В нашей стране это гораздо опаснее, чем вы думаете.

Затем, схватив зеркало, он продолжал:

– Вот эта злополучная вещь все и натворила! Это не что иное, как глупая игрушка человеческого тщеславия. Долой ее!

Одним взмахом своей страшной руки он распахнул тяжелое окно и вышвырнул зеркало; упав на камни, которыми был выложен двор, оно разлетелось на тысячи осколков. Затем, не говоря ни слова, граф удалился. Это ужасно неприятно, так как я определенно не знаю, как я теперь буду бриться, разве что перед металлическим корпусом часов или перед крышкой моего бритвенного прибора, которая, к счастью, сделана из полированного металла.

Когда я вошел в столовую, то завтрак был уже на столе, но графа я нигде не мог найти. Так я и позавтракал в одиночестве. Как странно, что я до сих пор не видел графа ни за едой, ни за питьем. Он, вероятно, совершенно необыкновенный человек. После завтрака я совершил короткую прогулку по замку; поднявшись по лестнице, я обнаружил комнату, смотрящую на юг. Из нее открывается великолепный вид, и там, где я стоял, имелась полная возможность его созерцать. Замок высится на самом краю жуткой бездны. Камень, брошенный из окна, пролетит не меньше тысячи футов, прежде чем коснется земли! Всюду, куда хватает глаз, расстилается зеленое море деревьев, с редкими просветами там, где открываются пропасти. Кое-где выются серебряные нити рек.

Но у меня не лежит сердце описывать красоты, ибо, полюбовавшись видом, я продолжил исследование: двери, двери, всюду двери, и все заперто и загорожено... Нигде нет никакой возможности покинуть замок, разве только через окно!

Замок этот – настоящая тюрьма, а я – пленник!..

Глава III

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(Продолжение)

Когда я убедился, что нахожусь в плену, меня охватило бешенство. Я стал стремительно спускаться и подниматься по лестницам, пробуя каждую дверь, высовываясь в каждое окно, какое только мне попадалось по пути; но вскоре сознание полной беспомощности заглушило все остальные чувства. Когда позднее я припоминал свое тогдашнее состояние, то оно показалось мне близким к сумасшествию, так как я вел себя, словно крыса в мышеловке. Когда же я пришел к выводу, что положение мое безнадежно, то стал хладнокровно – столь хладнокровно я не делал еще ничего в своей жизни – обдумывать, как лучше всего выйти из создавшегося положения. Я и теперь еще думаю об этом и до сих пор не пришел еще ни к какому решению. Мне ясно только то, что нет никакого смысла сообщать графу о моих мыслях. Он ведь отлично знает, что я пленник, а так как он сам это устроил и, без сомнения, имеет на то свои причины, то лишь солжет мне, если я откровенно поведаю ему свои мысли. Насколько я понимаю, единственный выход – хранить свои догадки и страхи при себе и наблюдать. Знаю – или я, как ребенок, дал себя обмануть собственным страхам, или я в отчаянно сложном положении; если со мною приключилось последнее, то я нуждаюсь и буду нуждаться в том, чтобы сохранить всю ясность мышления.

Едва я успел прийти к такому заключению, как услышал, что хлопнула большая входная дверь внизу; я понял, что граф вернулся. Так как он не прошел в библиотеку, то я на цыпочках направился в свою комнату и застал там графа, приготавлившего мне постель. Это было странно, но только подтвердило мое предположение, что в этом доме совсем нет прислуги. Когда же позже я заметил сквозь щели в дверях столовой графа, накрывающего на стол, то окончательно убедился в правильности своих предположений: раз он сам выполняет обязанности челяди, это уже явное доказательство того, что больше выполнять их некому. Этот вывод меня испугал, так как если тут в замке нет больше никого, то, значит, граф сам был кучером кареты, которая привезла меня сюда. Это ужасная мысль: ведь если это так, что же означает его способность усмирять волков одним движением руки, как делал он в ночь моего приезда в замок? Почему все люди и в Бистрице, и в дилижансе так за меня боялись? Что означали подаренные мне распятия, чеснок, шиповник и рябина? Да благословит Господь ту добрую, милую старушку, которая повесила мне крест на шею: каждый раз, когда я до него дотрагиваюсь, я чувствую отраду и новую силу. Как странно, что именно то, к чему я привык относиться враждебно и на что я привык смотреть как на идолопоклонство, в дни одиночества и тревоги является моей единственной помощью и утешением. Заключено ли нечто в нем самом или он лишь посредник, вещественный помощник для передачи приязни и утешения? Когда-нибудь, если удастся, я должен изучить этот вопрос и постараться для себя что-то решить. Сейчас же я должен узнать все относительно графа Дракулы, так как только это может помочь мне отыскать разгадку. Сегодня же вечером я постараюсь заставить его рассказать о себе, если только мне удастся перевести разговор на эту тему. Но мне придется быть при том очень осторожным, дабы не возбудить его подозрений.

ПОЛНОЧЬ. У меня был долгий разговор с графом. Я задал ему несколько вопросов, касающихся истории Трансильвании, и он живо и горячо заговорил на эту тему. Он с таким оживлением говорил о событиях, о народах и в особенности о битвах, будто сам присутствовал всюду. Он это объясняет тем, что для *боярина* честь его родины, дома и рода – его личная честь, что их победы – его слава, их судьба – его участь.

Говоря о своем роде, он неизменно говорил «мы», практически всегда употреблял множественное число, подобно королям. Хотел бы я записать дословно все, что он рассказывал, меня это глубоко захватило. Казалось, разворачивается история целой страны. Рассказ привел его в возбуждение, он расхаживал по комнате, дергая свой пышный седой ус и хватаясь за все, что подворачивалось под руку, как будто желая сокрушить этой самой рукой. Одно из поведенного им я постараюсь передать с точностью, елико возможно, ибо это была рассказанная по-своему история его народа.

– Мы – секлеры, имеем право гордиться, так как в наших жилах течет кровь многих храбрых племен, которые дрались как львы за превосходство в мире. Здесь в смешении европейских народностей выделилось племя угров, наследовавшее от исландцев воинственный дух, которым их наделили Тор и Один, и берсерки их прославились на морских берегах Европы, Азии и даже Африки такой свирепостью, что народы думали, будто явились оборотни. Да к тому же когда они добрались сюда, то нашли здесь гуннов, бешеная страсть которых к войнам опустошала страну подобно жаркому пламени, и те, на кого они нападали, думали, что в их жилах течет кровь старых ведьм, которые, изгнанные из Скифии, сочетались браком с дьяволами пустыни. Глупцы! Глупцы! Какая ведьма или дьявол могли сравниться с великим Аттилой, чья кровь течет в этих жилах! – Он воздел руки. – Разве удивительно, что мы – племя победителей? Что мы надменны? Что, когда мадьяры, ломбардцы, авары, болгары или турки посылали на наши границы тысячные армии, мы теснили их? Разве странно, что Арпад, передвигаясь со своими легионами по родине мадьяров, застал нас на границе и что Гонфоглалас закончился здесь? И когда поток мадьяров двинулся на восток, то притязания секлеров как родственного племени были признаны победителями-мадьярами; и уже целые столетия как нам поручено охранять границы с Турцией, ибо, как турки говорят: «Спит и вода, но враг никогда не смыкает глаз». Кто из Четырех Наций радостнее, чем мы, бросался в кровавый бой с превосходящими силами врага или на военный клич собирался быстрее под знамена короля? Впоследствии, когда пришлось искупать великий позор моего народа – позор Косова, – когда знамена валахов и мадьяров склонились перед полумесяцем, кто же, как не один из моих предков, переправился через Дунай и разбил турок на их же земле? То был настоящий Дракула! Какое горе, что его недостойный родной брат продал туркам свой народ, навлекши на него позор рабства! Не он ли, этот Дракула, был тем, кем вдохновлен был другой его одноплеменник, который в более поздние времена снова и снова переправлялся со своим войском за реку на турецкую землю; который, будучи разбит, выступал снова и снова, хотя и возвращался один с кровавого поля битвы, где полегло его воинство, – ибо он знал, что лишь он восторжествует в конце концов! Говорят, он не думал ни о ком, кроме себя. Ба! Чего стоят крестьяне без вожака? Куда поведет война, не направленная умом и доблестной рукой? А когда после битвы при Мохаче мы свергли австро-венгерское иго, то вождями оказались опять-таки мы, Дракулы, так как наш свободный дух не переносит никаких притеснений! Ах, юноша! Дракулы – сердце, бьющееся в груди секлеров, их мозг и меч – могут похвастаться такой древностью рода, на которую заплесневелые Габсбурги и Романовы никогда не смогут и претендовать. Военные дни прошли... Кровь теперь, в эти дни бесчестного мира, является слишком драгоценной; и слава великих племен теперь уже не более как древняя сказка!

При этих словах как раз рассвело, и мы разошлись спать. (*Прим.:* этот дневник страшно напоминает начало «Тысячи и одной ночи» – поскольку каждый должен уйти, когда раздастся крик петуха, – можно вспомнить и призрак отца Гамлета.)

12 МАЯ. Начну я с фактов, сухих и голых фактов, подтверждаемых книгами и цифрами, в которых нет и не может быть сомнения. Не следует смешивать их с событиями, в которых я могу опираться лишь на свидетельство собственных чувств и памяти. Вчера вечером, когда граф пришел из своей комнаты, он задал мне ряд вопросов относительно юридической стороны своих дел. День я провел над книгами и, просто чтобы занять чем-нибудь мысли, вспоминал кое-что из того, что мне довелось узнать во время обучения в «Линкольнз инн». Наводя справки, он задавал мне вопросы, как бы руководствуясь определенной системой, и я тоже попробую передать их по порядку; эти сведения, быть может, когда-нибудь и пригодятся мне.

Прежде всего он спросил, можно ли в Англии иметь двух стряпчих. Я ему на это ответил, что можно иметь их хоть дюжину, но неумно иметь больше одного для каждого дела, так как все равно двумя делами сразу не приходится заниматься, а смена юристов всегда невыгодна для клиента. Он, по-видимому, меня понял и спросил, будет ли практически трудно осуществить, чтобы один поверенный сопровождал его ну, скажем, в качестве банкира, а другой следил бы в это время за погрузкой кораблей в совершенно другом месте. Я попросил его высказаться более определенно, чтобы я мог уяснить себе, в чем дело, дабы не ввести его в заблуждение, и он продолжил:

– Представьте себе, например, такой случай: ваш и мой друг – м-р Питер Хокинс, живущий рядом с вашим великолепным собором в Эксетере, вдали от Лондона, купил при вашем посредничестве, милый друг, для меня местечко в Лондоне. Прекрасно! Теперь позвольте говорить с вами откровенно, дабы вам не показалось странным, что, вместо того чтобы поручить покупку имущества человеку, живущему в самом Лондоне, я обратился к человеку, живущему далеко от города. Я стремился к тому, чтобы ничьи местные интересы не помешали моим личным. А так как живущий в Лондоне всегда может учитывать как свои интересы, так и интересы своих друзей, то я и постарался отыскать агента, который посвятил бы все труды исключительно мне. Теперь допустим, что мне, человеку деловому, необходимо отправить товар, скажем, в Ньюкасл, или Дарем, или Харидж, или Дувр, так разве не легче мне будет обратиться по этому поводу к кому-нибудь на месте?

Я согласился с ним, но объяснил, что мы, стряпчие, имеем повсюду своих агентов и всякое поручение будет исполнено местными агентами по инструкции любого стряпчего.

– Но, – возразил он, – я ведь свободно мог бы сам управлять всеми делами? Не так ли?

– Конечно. Это принято у деловых людей, которые никого не хотят посвящать в свои дела целиком.

– Прекрасно! – сказал он и перешел затем к форме и изложению поручительства и ко всем возможным при том затруднениям, желая таким образом заранее охранить себя от всяких случайностей.

Я объяснил как мог точнее все, что знал, и он в конце концов оставил меня под впечатлением, что сам мог бы быть великолепным юристом, ибо не было ни единого пункта, которого бы он не предвидел. Для человека, никогда не бывавшего в стране и, по всей видимости, мало занятого ведением дел, его познания и проницательность были удивительны. Когда он вполне удовлетворился всеми сведениями и выслушал объяснения по интересующим его вопросам, он встал и сказал:

– Писали ли вы после вашего первого письма м-ру Питеру Хокинсу или кому-нибудь другому?

С горьким чувством я ответил, что до сих пор еще не имел возможности отослать письма кому бы то ни было.

– Ну так напишите сейчас же, мой дорогой друг, – сказал он, положив свою тяжелую руку мне на плечо, – и сообщите, что вы пробудете со мной еще около месяца, считая с сегодняшнего дня, если это доставит вам удовольствие.

– Разве вы собираетесь меня задержать еще на столь продолжительный срок? – спросил я, ибо холодел от одной этой мысли.

– Я бы очень этого хотел. Нет, я не приму отказа! Когда ваш патрон или, если угодно, хозяин сообщил мне, что отправит ко мне своего заместителя, то мы условились при этом, что приниматься во внимание будут только мои интересы. Я не оговаривал срока. Не так ли?

Что же мне оставалось делать, как не поклониться в знак согласия. Ведь все это было не в моих интересах, а в интересах м-ра Хокинса, и я должен был думать прежде всего о патроне, а не о себе, да, кроме того, в глазах графа Дракулы и во всем его поведении было нечто такое, что сразу напомнило мне о моем положении пленника. Граф разглядел свою победу в моем утвердительном поклоне и свою власть надо мной в тревоге, отразившейся на моем лице, и сейчас же воспользовался этим, конечно, присущим ему хотя и вежливым, но не допускающим возражений образом.

– Но прошу вас, мой добрый, дорогой друг, в ваших письмах не касаться ничего иного, кроме дела. Без сомнения, вашим друзьям доставит удовольствие узнать, что вы здоровы и что вы надеетесь скоро вернуться домой. Не так ли?

При том он протянул мне три листка тончайшей бумаги непривычного формата и три конверта, и, посмотрев на него, заметив его спокойную улыбку, которая обнажила острые клыки, упершиеся в красную нижнюю губу, я сразу понял так же отчетливо, как если бы он мне об этом сказал, что должен быть очень осторожным в своих письмах, ибо, по всему, он способен их прочесть. Поэтому я решил написать при нем только официальные письма, а после – уже тайком – написать все подробно м-ру Хокинсу, а также Мине, которой, к слову сказать, я могу писать, используя стенографию, что поставит в затруднение графа, если он только это увидит. Написав два письма, я спокойно уселся и начал читать книгу, пока граф делал несколько замечаний, справляясь в книгах, лежащих на столе. Затем он забрал оба письма, положил их вместе со своими возле письменного прибора и вышел из комнаты. Я немедленно воспользовался его отсутствием, чтобы рассмотреть письма, которые лежали на столе адресами вниз. Я не испытывал при этом никаких угрызений совести, так как находил, что в данных условиях, ради своего же спасения, я должен воспользоваться всеми средствами.

Одно из писем было адресовано Сэмюэлу Ф. Биллингтону К°, № 7, Кресент, Уитби; другое *Herr*⁴ Лейтнеру, Варна; третье – в Кауттс и К°, Лондон; четвертое *Herren*⁵ Клопштоку и Бильрейту, банкирам в Будапеште. Второе и четвертое были не запечатаны. Только я собрался прочесть их, как заметил движение дверной ручки. Я еле успел разложить письма на столе в прежнем порядке, уселся в кресло и вновь приняться за книгу, как граф показался, держа в руке еще одно письмо. Он забрал со стола письма и, запечатав их, повернулся ко мне и сказал:

– Надеюсь, вы мне простите, что я отлучусь на весь вечер, ибо у меня много личных дел. Надеюсь, вы найдете все по своему вкусу.

В дверях он еще раз повернулся и сказал после минутной паузы:

– Позвольте посоветовать вам, мой милый друг, вернее, предупредить вас наисерьезнейшим образом, что если вы покинете эти комнаты, то ни при каких обстоятельствах вам не следует отдаваться сну ни в каком другом месте замка. Замок старинный, хранит в своих стенах много воспоминаний, и плохо приходится тому, кто отдается сну безрассудно. Итак, вы предупреждены! Как только вы почувствуете, что вас одолевает сон, спешите к себе в спальню или в одну из этих комнат, и тогда ваш покой будет гарантирован. Но если при малейшей неосторожности... – Он завершил свою речь зловещим движением, показывая, что умывает руки.

⁴ Господину (нем.).

⁵ Господам (нем.).

Я отлично понял его, но усомнился в возможности существования более ужасного сна, чем та неестественная, полная ужаса, мрака и таинственности действительность, которая окружала меня.

ПОЗДНЕЕ. Я подтверждаю правильность последних мной написанных слов, но о сомнениях уже не может быть и речи. Я не побоюсь спать, лишь бы его не было. Я повесил крест в изголовье моей кровати и думаю, что таким образом мой покой обойдется без снов. Здесь крест навсегда и останется...

Когда граф ушел, я удалился в свою комнату. Немного погодя, не слыша ни звука, я вышел и пошел по каменной лестнице туда, откуда можно наблюдать за местностью с южной стороны. Обширные, хотя и недоступные мне пространства давали все же некоторое ощущение свободы по сравнению с мрачным колодезем двора. Озираясь вокруг, я лишний раз убедился, что действительно нахожусь в тюрьме; казалось, мне не хватает воздуха. Ночной образ жизни, я чувствую, начинает сказываться на мне. Нервы мои приходят в расстройство. Я пугаюсь собственной тени, и меня одолевают ужаснейшие фантазии. Видит Бог, в этом проклятом месте есть причины для ужаса! Я взирал на просторы, залитые мягким лунным светом, пока не стало светло как днем. Нежный свет смягчал очертания далеких холмов, а тени в долинах и узких проходах покрылись бархатным мраком. Казалось, сама красота природы ободрила меня; с каждым дыханием я как бы вбирал мир и покой. Когда я высунулся в окно, то заметил, как что-то зашевелилось этажом ниже, налево от меня, именно там, где, по моим предположениям, находилось окно комнаты графа. Высокое и большое окно, у которого я стоял, было заключено в каменную амбразуру, которая, несмотря на то что была источена временем, уцелела. Я спрятался за амбразуру и осторожно выглянул.

И вот я заметил, как из окна высунулась голова графа. Лица его я не разглядел, но сразу узнал его по затылку и движениям плеч и рук. Я никак не мог ошибиться, так как много раз внимательно присматривался к его рукам. Вначале я очень заинтересовался этим явлением, да и вообще, много ли нужно, чтобы заинтересовать человека, чувствующего себя пленником! Но мое любопытство перешло в ужас и омерзение, когда я увидел, что он начал ползти по стене над жуткой пропастью, *головой вниз*, причем его плащ развевался, как большие крылья. Я не верил своим глазам! Вначале мне показалось, что это отражение лунного света или игра капризно брошенной тени; но, продолжая смотреть, я отказался от своих сомнений, так как ясно увидел, что пальцы цеплялись за выступы камней, штукатурка у которых выветрилась от непогоды; пользуясь каждым выступом и малейшей неровностью, граф, как ящерица, полз с невероятной быстротой вниз по стене.

Что это за человек или что это за существо в обличье человека? Я чувствую, что царящий здесь ужас завладевает мной; я боюсь, ужасно боюсь, и нет мне спасения! Я охвачен таким страхом, что не смею даже думать о...

15 МАЯ. Я опять видел графа ползущим, как ящерица. Он опустился на несколько сотен футов наискось влево. Затем он исчез в какой-то дыре или окне. Когда голова его пропала из виду, я высунулся в окно, стараясь проследить за ним дальше, но безуспешно, так как расстояние было слишком велико. Я знал теперь, что он удалился из замка, и поэтому решил воспользоваться удобным случаем, чтобы осмотреть все то, чего не успел осмотреть раньше. Я вернулся к себе в комнату и, взяв лампу, пошел пробовать все двери. Все они оказались запертыми, как я и ожидал, причем замки были совершенно новыми; тогда я спустился по каменной лестнице в зал, откуда я впервые попал внутрь. Я убедился, что засовы довольно легко отодвинуть и что нетрудно снять с крюка и большие цепи; но дверь оказалась запертой, а ключ был унесен. Ключ, должно быть, в комнате графа; придется дожидаться случая, когда дверь его комнаты будет открыта, чтобы иметь возможность забраться туда и уйти незаметно.

Я продолжал осматривать различные лестницы и проходы и пробовать все двери. Одна или две маленькие комнатки поблизости от зала оказались незапертыми, только там ничего не нашлось интересного, кроме старинной мебели, покрытой слоем пыли и побитой молью. В конце концов на самой верхушке одной лестницы я все-таки нашел какую-то дверь, которая хотя и была закрыта, но при первом же легком толчке поддалась. При более сильном толчке я почувствовал, что на самом деле она не заперта, а сопротивление возникает оттого, что тяжелая дверь просела на петлях. Тут мне представился случай, который вряд ли вторично подвернется; поэтому я напряг все свои силы, и мне удалось настолько приоткрыть дверь, что я смог войти в комнату. Я находился в правом крыле замка и этажом ниже, чем расположены мои комнаты. По расположению окон я понял, что анфилада комнат находится на южной стороне замка, а окна замыкающей комнаты выходят на запад и юг. С той и с другой стороны была большая пропасть.

Замок был построен на краю большого утеса, так что с трех сторон он был совершенно недоступен, и поэтому здесь, куда было не достать ни из лука, ни из пращи, ни из кулеврины, имелись большие окна и, соответственно, было светлей и удобней. На западе виднелась большая долина, а за ней, вдали, возвышались большие зубчатые утесы, расположенные один за другим; крутые утесы были покрыты горными цветами и терновником, корни которого цеплялись за трещины и расселины в камне. В этой части замка, по-видимому, когда-то были женские покои, так как обстановка была уютнее, чем в остальных частях. Занавеси на окнах отсутствовали, и желтый свет луны, проникавший сквозь ромбики оконных стекол, позволял видеть даже цвета и одновременно повсюду смягчал и скрывал изъяны, вызванные временем. Моя лампа мало помогала мне при блеске лунного света, но я был счастлив, что она была со мной, потому что ужасное одиночество заставляло холодеть мое сердце и расстраивало нервы. Во всяком случае, мне здесь было лучше, чем в тех комнатах, которые я возненавидел благодаря присутствию в них графа; я постарался успокоить свои нервы, и постепенно тихое спокойствие охватило меня... Вот я сижу за дубовым столиком – возможно, в прежние времена прекрасная дама присаживалась к нему, чтобы в раздумьях с краской смущения писать страдающее дурной орфографией послание любви, – и стенографирую в своем дневнике все, что произошло со мной за то время, когда я последний раз его открывал. Чертовски современно – и все же, если только мои чувства не обманывают меня, у прежних веков была и есть сила, которую простая «современность» не может одолеть.

ПОЗДНЕЕ: УТРОМ 16 МАЯ. Боже, сохрани мой рассудок! Безопасность и уверенность в безопасности – дело прошлого! Пока я здесь живу, у меня только одно стремление: как бы не сойти с ума, если только это уже не произошло. Но коли рассудок еще при мне, то действительно безумие думать, будто из всех мерзостей, какими я окружен в этом ненавистном мне месте, менее всего мне страшен граф и будто только с его стороны я еще могу надеяться на помощь до тех пор, пока он во мне нуждается! Великий Боже! Боже милосердный! Не лишай меня моего хладнокровия, так как иначе сумасшествие и впрямь неизбежно!.. Пролился свет на некоторые вещи, которые прежде вызывали недоумение. До сих пор я как-то не понимал, чего хотел Шекспир, когда Гамлет у него говорит:

«Мои таблички, – надо записать,
Что можно жить с улыбкой» и т. д., —

но теперь, чувствуя, что мой рассудок на грани помешательства или что он не выдержит пережитого потрясения, я обращаюсь к своему дневнику за отдохновением. Привычка старательно вести его поможет мне успокоиться.

Таинственное предостережение графа испугало меня; когда я думаю об этом теперь, то еще сильнее боюсь, так как чувствую, что в будущем стану жить под страхом его власти надо мной. Я буду бояться даже усомниться в каждом его слове...

Кончив писать и убрав благополучно дневник и ручку, я стал погружаться в дрему. Мне вспомнилось предостережение графа, но возможность послушаться его доставляла мне удовольствие. Сон реял надо мной, мягкий лунный свет успокаивал, а широкий простор за окном рождал освежающее чувство свободы. Я решил не возвращаться этой ночью в мрачные комнаты, а спать здесь, где в былые времена сживали дамы и напевали, и жизнь их была сладка, а нежную грудь теснило от грусти по мужьям, находящимся вдалеке, в самой гуще жестоких боев. Я вытащил из угла какую-то кушетку и поставил ее так, что мог лежать свободно наслаждаться видом, открывающимся на запад и на юг, и, не обращая внимания на густую, все покрывающую здесь пыль, я собрался спать.

Мне кажется, вероятнее всего, что я и заснул; надеюсь, что так и было, но все-таки страшно боюсь, как бы все, что за тем последовало, не происходило наяву, – ведь то, что произошло, было столь реально, столь явственно, что теперь, сидя здесь при ярком солнечном свете, я никак не могу представить себе, что это был сон...

Я был не один... Комната была та же, она нисколько не изменилась с тех пор, как я в нее вошел. Я мог различить благодаря лунному свету собственные следы там, где я потревожил многолетние скопления пыли. В лунном свете против меня стояли три молодые женщины; судя по их одеждам и манерам – настоящие леди. Тогда я подумал, что вижу их сквозь сон, так как, несмотря на то что свет луны находился у них за спиной, от них не было никакой тени на полу. Они приблизились ко мне вплотную и, взглянув на меня, стали шептаться между собой. Две из них были брюнетками, с тонкими орлиными носами, как у графа, с большими темными пронзительными глазами, казавшимися совершенно красными при желтовато-бледном свете луны. Третья леди была белокура – самая светлая блондинка, какая только может существовать, с вьющимися густыми золотистыми волосами и с глазами цвета бледного сапфира. Мне показалось знакомым это лицо, узнаваемость его связывалась с какими-то страхами на грани яви и сна, но я никак не мог вспомнить, как и когда именно. У всех троих были великолепные белые зубы, сверкавшие жемчугом между рубиново-красных сладострастных губ. В них было нечто такое, что сразу заставило меня почувствовать какую-то тревогу, некое томление и одновременно смертельный ужас. В душе моей пробудилось омерзительное желание, чтобы они меня поцеловали своими красными чувственными губами. Нехорошо об этом писать, ведь когда-нибудь это может попасться на глаза Мине и причинить ей боль; но сие есть правда.

Они пошептались между собой и потом все трое рассмеялись – серебристым мелодичным смехом, но жалкая плоть человеческих уст не смогла бы, казалось, исторгнуть столь режущий звук, подобный невыносимому тончайшему звону, который извлекает изощренная рука, водя по краю стеклянного бокала. Блондинка кокетливо покачивала головкой, а две другие подзадоривали ее. Одна из них сказала:

– Начинай! Ты первая, а мы последуем твоему примеру. Твое право начать.

Другая прибавила:

– Он молод и здоров; тут хватит поцелуев на всех нас.

Я замер и лежал, чуть прикрыв глаза, глядя на них, изнемогая от предвкушаемого наслаждения. Светлая дева подошла и склонилась надо мною так низко, что я почувствовал ее дыхание. Оно было сладостным, сладковатым, но в то же время действовало на нервы так же своеобразно, как и ее голос, но в этой сладости чувствовалась какая-то горечь, какая-то отвратительная горечь, присущая запаху крови.

Я боялся окончательно открыть глаза, но прекрасно все видел сквозь ресницы. Блондинка встала на колени и склонилась надо мной в вожделении. Осмысленное сладострастие, и возбуждающее, и отталкивающее, было в том, как, изгибая шею, она склонялась все ниже и

ниже, облизывая при этом рот, словно зверь; при свете луны я заметил ее влажные алые губы и кончик языка, которым она облизывала белые острые зубы. Ее голова опускалась все ниже, и губы ее, как мне показалось, прошли мимо моего рта и подбородка и остановились над самым горлом. Она замерла – я слышал влажный звук, рождаемый ее быстро снующим язычком, и ощущал жгучее дыхание на своей шее. Потом кожу стало покалывать и пощипывать. Тогда я почувствовал мягкое прикосновение трепещущих губ к обостренно чувствительной коже у горла и два острых укола. Я закрыл глаза в томном восторге и ждал, и ждал с замирающим сердцем.

Но в то же мгновение меня с быстротою молнии пронзило другое ощущение. Я почувствовал присутствие графа; он был в бешенстве. Я невольно открыл глаза и увидел, как граф своей мощной рукой схватил женщину за ее тонкую шею и изо всей силы отшвырнул в сторону, причем синие глаза ее сверкали бешенством, белые зубы скрежетали от злости, а бледные щеки вспыхнули гневом. Но что было с графом! Не думаю, что даже демоны могут быть охвачены такой свирепостью, бешенством и яростью! Его глаза определенно метали молнии. Красный оттенок их сделался еще ярче, как будто в них пылало пламя адского огня. Лицо его было мертвенно-бледным, а все черты лица застыли, будто окаменев; густые брови, и без того сходящиеся у переносицы, теперь напоминали тяжелую прямую полосу добела раскаленного металла. Свирепо отбросив женщину от себя, он сделал движение по направлению к двум другим, как бы желая и их отбросить назад. Движение это было похоже на то, которым он укрощал волков; голосом, низведенным почти до шепота, но который при этом словно раскалывал воздух и гулко отдавался по комнате, он сказал:

– Как вы смели его трогать! Как вы смели поднять глаза на него, если я вам это запретил? Назад, говорю вам! Ступайте прочь! Этот человек принадлежит мне! Посмейте только коснуться его, вы будете иметь дело со мной!

Белокурая дева, смеясь с грубой игривостью, обратилась к нему:

– Вы никогда никого не любили и никогда никого не полюбите.

Две другие подхватили, и раздался столь безрадостный, резкий и бездушный смех, что я чуть не лишился чувств, услышав его; в нем было злобное торжество. Граф повернулся ко мне и, пристально глядя мне в лицо, нежно прошептал:

– Нет, я тоже способен любить; в прошлом вы сами могли убедиться в этом. Я обещаю вам, что, как только с ним покончу, я позволю вам целовать его сколько пожелаете. А теперь уходите. Я должен его разбудить, так как предстоит еще одно дело.

– А разве сегодня ночью мы ничего не получим? – сдерживая смех, спросила одна из дев, указав на мешок, который он бросил на пол и который шевелился, как будто в нем находилось что-то живое. Он утвердительно кивнул головой. Одна из женщин моментально кинулась и раскрыла мешок. Если только слух меня не обманывал, то оттуда раздалось придушенные вздохи и плач ребенка. Женщины обступили то место, тогда как я был весь охвачен ужасом; но когда я взгляделся пристально, то оказалось, что они уже исчезли, а вместе с ними исчез и ужасный мешок. Другой двери в комнате не было, а мимо меня они не проходили. Казалось, они просто исчезли, растворившись в лунных лучах, ибо я видел, как их слабые очертания постепенно истаивают в окне.

Ужас охватил меня с такой силой, что я упал в обморок.

Глава IV

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(Продолжение)

Проснулся я в своей постели. Если только ночное приключение не приснилось мне, то значит, сюда меня перенес граф. Целый ряд мелких признаков говорил за это. Мое платье было сложено не так, как я это обыкновенно делаю. Мои часы стояли, а я их всегда завожу на ночь, и много еще таких же мелочей. Но все это, конечно, не может служить доказательством, а лишь подтверждает то, что я не был в обычном состоянии рассудка, я же и впрямь, по той или иной причине, пережил сильнейшее смятение. Я должен найти другие доказательства. Чему, однако, я несказанно рад, так это тому, что мои карманы остались нетронутыми, граф, очевидно, очень спешил (если только он перенес меня сюда и раздел). Я уверен, что мой дневник был бы для него загадкой, которую он не смог бы разгадать. Он, наверное, взял бы его себе и, может быть, уничтожил. Теперь моя комната, которая всегда казалась мне отвратительной, является как бы моим святилищем, так как нет ничего страшнее тех ужасных женщин, которые ждали и будут ждать случая высосать мою кровь.

18 МАЯ. При свете дня я опять пошел в ту комнату, так как должен же я, наконец, узнать всю правду. Когда я добрался до двери на верхней площадке лестницы, то нашел ее запертой. Ее закрыли с такою силой, что часть ее оказалась разбитой. Я увидел, что засов не был задвинут, а дверь закрыта изнутри. Я боюсь, что все это не сон. И я должен соответственно действовать.

19 МАЯ. Я, без сомнения, в западне. Прошлою ночью граф сладким голосом попросил меня написать три письма: в первом сообщить, что мое дело здесь уже близится к концу и что через несколько дней я отправляюсь домой; во втором – что я выезжаю на следующий день после того, как написано письмо, а в третьем – что я уже покинул замок и приехал в Бистрицу. Мне страшно хотелось протестовать, но я понял, что в моем положении открыто ссориться с графом – безумие, так как я нахожусь в его власти, а отказаться писать эти письма значило бы возбудить его подозрение и навлечь на себя его гнев. Он понял бы, что я слишком многое знаю и что я не должен оставаться в живых, так как я опасен ему; единственным моим выходом было искать и ждать случая. Может быть, и подвернется случай бежать. В его глазах я снова заметил нечто похожее на тот гнев, с которым он отшвырнул от себя белокурую женщину. Он объяснил мне, что почта ходит здесь редко и ненадежно, поэтому сейчас написанные мной письма обеспечат спокойствие моим друзьям, и он столь внушительно заверил меня, что сможет отменить распоряжение об отправке двух последних и задержать их в Бистрице, на случай если возникнет необходимость продлить мое пребывание, что противоречить ему значило бы вызвать у него новое подозрение, поэтому я сделал вид, что совершенно с ним согласен, и только спросил, какие числа поставить в письмах. Он на минуту задумался, потом сказал:

– Первое пометьте 12 июня, второе – 19 июня и третье – 29 июня.

Теперь я знаю, сколько мне отпущено дней. Да поможет мне Бог!

28 МАЯ. Есть возможность сбежать или, по крайней мере, послать домой весточку: к замку пришел цыганский табор и расположился во дворе. В этом краю они отличаются некоторыми особенностями, хотя и сродни всем вообще цыганам. В Венгрии и Трансильвании их тысячи, практически поставленных вне закона. Они, как правило, отдаются под покровительство какого-нибудь крупного аристократа или магната и зовутся его именем. Они бесстрашны и лишены иной веры, кроме суеверия, а говорят на собственной разновидности романских языков.

Я напишу домой несколько писем и постараюсь добиться, чтобы цыгане отнесли их на почту. Я уже завязал с ними знакомство через окошко. Они сняли при этом шляпы и делали мне какие-то знаки, столь же малопонятные, как и их язык...

Я написал письма. Мне написал, используя стенографию, а м-ра Хокинса просто попросил списаться с нею. Ей я сообщил о своем положении, умалчивая, однако, об ужасах, в которых я сам еще не вполне разобрался. Если бы я открыл ей всю душу, она испугалась бы до смерти. Если письма каким-нибудь образом все-таки дойдут до графа, он все же не будет знать моей тайны или, вернее, насколько я проник в его тайны...

Я отдал письма, бросив их сквозь решетку моего окна вместе с золотой монетой, и как мог знаками показал, что нужно опустить их в почтовый ящик. Взятый письма прижал их к сердцу и затем вложил в свою шляпу. Больше я ничего не мог сделать. Я пробрался в библиотеку и начал читать.

Наконец граф пришел. Он сел против меня и сказал своим вкрадчивым голосом, вскрывая два письма:

– Цыгане передали мне эти письма, хотя я и не знаю, откуда они взялись, мне придется о них позаботиться. Посмотрим! Одно из них от вас к моему другу Питеру Хокинсу; другое, – тут, вскрыв письмо, он увидел странные знаки, причем его лицо омрачилось и в глазах сверкнуло бешенство, – другое – гадкий поступок, злоупотребление дружбой и гостеприимством. Оно не подписано. Прекрасно! Значит, оно не имеет к нам отношения.

И он хладнокровно взял письмо и конверт и держал их над лампой до тех пор, пока они не превратились в пепел. Затем он продолжал:

– Письмо, адресованное Хокинсу, я, конечно, отправлю, раз оно от вас. Ваши письма для меня святы. Вы, друг мой, простите меня, конечно, что, не зная этого, я его распечатал. Не запечатаете ли вы снова?

Он протянул мне письмо и с изысканным поклоном передал мне чистый конверт. Мне оставалось только надписать адрес и молча вручить ему письмо. Затем он вышел из комнаты, и я услышал, как ключ мягко повернулся в замке. Подождав минуту, я подошел к двери – она оказалась запертой.

Час или два спустя граф спокойно вошел в комнату; он разбудил меня своим приходом, так как я заснул тут же на диване. Он был очень любезен и изыскан в обращении и, видя, что я спал, сказал:

– Вы устали, друг мой? Ложитесь в постель. Там удобнее всего отдыхать. Я лишен удовольствия беседовать с вами нынешней ночью, так как я очень занят; но вы будете спать, я в этом уверен!

Я прошел к себе в комнату и – странно признаться – спал без сновидений. И отчаянию свойственны минуты покоя.

31 МАЯ. Когда я сегодня утром проснулся, то решил запасть бумагой и конвертами из своего чемодана и хранить их в кармане, дабы иметь возможность записывать то, что нужно в случае необходимости. Но меня ожидал новый сюрприз, новый удар: из чемодана исчезла вся бумага и конверты вместе со всеми заметками, расписанием железных дорог, подробными описаниями моих путешествий; исчезло и письмо с аккредитивом – словом, все, что могло бы

мне пригодиться, будь я на воле. Мой дорожный костюм исчез; мой сюртук и плед также. Я нигде не мог найти и следа их. Должно быть, новая злодейская затея...

17 ИЮНЯ. Сегодня утром, сидя на краю постели и ломая голову над происходящим, я вдруг услышал на дворе щелканье хлыста и стук лошадиных копыт по мощеной дороге. Я бросился к окну и увидел два больших фургона, каждый запряженный восьмеркою лошадей; у каждой пары стоял словак, в белой шляпе, поясе, усеянном громадными гвоздями, грязных овчинах и высоких сапогах. В руках у них были их длинные посохи. Я бросился к двери, чтобы скорее спуститься вниз и пробраться к ним через входную дверь, которая, по моему мнению, была не заперта. Опять поражение: моя дверь оказалась запертой снаружи, тогда я бросился к окну и окликнул их. Они тупо взглянули наверх и показали на меня; тут как раз к ним подошел цыганский гетман; увидев, что они указывают на меня, он сказал им что-то, над чем они рассмеялись. После этого никакие мои усилия, жалобные крики и отчаянные мольбы не могли заставить их взглянуть на мое окно. Они окончательно отвернулись от меня. В фургоны были погружены большие ящики с толстыми веревочными ручками; они, без сомнения, были пустыми, судя по легкости, с которой их несли словаки. Ящики выгрузили и сложили в кучу в углу на дворе, затем цыгане дали словакам денег, плюнув на них на счастье, и словаки вслед за тем лениво вернулись к своим лошадям и уехали.

24 ИЮНЯ, НА РАССВЕТЕ. Прошлой ночью граф рано покинул меня и заперся на ключ у себя в комнате. Со всех ног я опять помчался по винтовой лестнице наверх взглянуть в окно, выходящее на юг. Я думал, что подстерегу здесь графа, – кажется, что-то готовится. Цыгане находятся где-то в замке и заняты какой-то работой. Я это знаю, так как порой слышу далекий и глухой звук не то мотыги, не то заступа; что бы они ни делали, это, во всяком случае, должно быть, конец какого-нибудь жестокого злодеяния.

Я стоял у окна почти полчаса, когда заметил, как что-то появилось из окна комнаты графа. Я подался назад и осторожно наблюдал. Наконец я разглядел всего человека. Совершенно новым ударом для меня было то, что я увидел на нем мой дорожный костюм; через плечо у него висел тот самый ужасный мешок, который, как я помнил, женщины забрали с собой. Тут уже больше не оставалось сомнений, за чем он отправился и для чего ему моя одежда. Вот, значит, его новая злая затея. Он хочет, чтобы другие приняли его за меня; чтобы, таким образом, в городе и деревне знали, что я сам относил свои письма на почту, и чтобы всякое злодеяние, которое он совершит в моей одежде, местные жители приписали мне. Я думал, что дождусь возвращения графа, и поэтому долго и упорно сидел у окна. Затем я стал замечать в лучах лунного света мелькание каких-то маленьких точек; крошечные, словно микроскопические пылинки, они кружились очень своеобразно. Я наблюдал за ними с чувством отдохновения, и они навеяли на меня какое-то спокойствие. Я расположился поудобнее в амбразуре окна, с тем чтобы полнее насладиться эфирным кружением.

Что-то заставило меня вздрогнуть – тихий, жалобный вой собак далеко внизу, в долине, скрытой от моих взоров. Громче и громче звучал он, казалось, у меня в ушах, и все новые формы принимали в ответ витающие атомы пылинок, танцующие в лунном свете. Я словно боролся с самим собой, чтобы восстать на зов природных инстинктов, нет, боролась моя душа, а полузабытые чувства рвались ответить на зов. Я подпадал под гипноз. Быстрее и быстрее кружились пылинки, струи лунного света, казалось, колыхались, падая в плотный мрак за моей спиной. Стущаясь все более и более, они сложились наконец в неясные призрачные формы. Лишь тогда, стряхнув морок, вновь овладев своими чувствами, я вскочил и с воплем бросился прочь. В призрачных фигурах, постепенно обретающих плоть в лунных лучах, я узнал очертания тех трех женщин, в жертву которым был обречен. Я убежал в свою комнату, где не было лунного света и где ярко горела лампа; мне казалось, что здесь я в безопасности.

Спустя несколько часов из комнаты графа до меня донесся шум, пронзительный плач, тотчас задушенный; затем наступило молчание, столь глубокое и ужасное, что я невольно содрогнулся. С колотящимся сердцем я старался открыть дверь, но снова был заперт в своей тюрьме и ничего не мог поделать. Я просто сидел и плакал.

Тут вдруг я услышал на дворе душераздирающий женский крик. Я подскочил к окну и взглянул сквозь решетку на двор. Там, опираясь на створку ворот, действительно стояла женщина. Волосы ее спутались, руками она держалась за грудь, словно задохнувшись от бега. Увидев мое лицо в окне, она бросилась вперед и угрожающим голосом крикнула:

– Изверг, отдай моего ребенка!

Она упала на колени и, простирая руки, продолжала выкрикивать те самые слова, надрывавшие мне сердце. Она рвала на себе волосы, била себя в грудь и приходила все в большее и большее отчаяние. Наконец, продолжая неистовствовать, она кинулась вперед. Я уже не мог ее видеть, но слышал, как она стучала кулаками по входной двери.

Где-то высоко надо мной, возможно на башне, раздался металлически резкий приглушенный голос графа, звучащий призывом. В ответ ему из ближних и дальних мест послышался волчий вой. Не прошло и нескольких минут, как целая их стая, точно прорвавшая плотину вода, затопила двор.

Женский крик прекратился, а вой волков как-то внезапно затих. Вслед за тем волки, облизываясь, удалились поодиночке.

Я не мог о ней сожалеть, ибо знал теперь участь ее ребенка. Умереть для нее было лучше. Что мне делать? Что я смогу сделать? Как ускользнуть от этого жуткого порождения ночи, мрака и ужаса?

25 ИЮНЯ, УТРОМ. Не пережившему мук ночи неведомо, как сладостно и дорого сердцу и очам бывает утро. Когда в это утро солнце взошло столь высоко, что осветило верхнюю часть гигантских ворот напротив моего окна, мне показалось, словно голубь ковчега сел туда, куда упал луч. Мой страх свалился с меня, как некий туманный покров, растаявший в горячих лучах. Я должен что-то предпринять, пока день внушает мне мужество. Вчера вечером ушло мое письмо, первое в той роковой череде, которая должна стереть даже след моего пребывания на этой земле.

Не думать об этом. К делу!

Грозящие мне опасности и страхи всегда преследуют меня по ночам. Я до сих пор ни разу не видел графа при свете дня. Неужели он спит, когда другие бодрствуют, и бодрствует, когда другие спят? Если б я только мог попасть в его комнату! Но нет никакой возможности! Дверь всегда заперта, я никак не смогу пробраться туда.

Нет, попасть туда возможно! Лишь бы хватило храбрости! Раз попадает он, почему и другому не попытаться? Я собственными глазами видел, как он полз по стене, почему бы и мне не последовать его примеру и не пробраться туда через окно? Шансов у меня мало, но и положение мое отчаянное! Рискну! В худшем случае может быть только смерть; смерть человека не смерть тельца, и загробная жизнь, может быть, еще для меня не потеряна. Да поможет мне Бог в моем предприятии! Прощай, Мина, если я потерплю неудачу, прощайте, верный мой друг, мой второй отец, прощайте все и еще раз последний привет Мине!

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, ПОЗДНЕЕ. Я рискнул и, благодаря Создателю, вернулся опять в свою комнату. Нужно все записать по порядку. Пока мужество не изменило мне, я напрямик отправился к окну, выходящему на юг, и выбрался на узкий каменный карниз, опоясывающий здание с этой стороны. Стена выстроена из больших, грубо отесанных камней, и известка между ними выветрилась от времени. Я снял сапоги и отправился на свою отчаянную вылазку. Единожды я взглянул вниз, чтобы удостовериться, что случайный взгляд в жуткую бездну не парализует

меня страхом, но впредь отводил от нее свой взор. Я знал довольно хорошо направление, а также расстояние от окна графа, и решил воспользоваться любой благоприятной случайностью. Я не чувствовал головокружения – должно быть, я был чересчур взволнован. До смешного быстро я обнаружил, что уже стою на подоконнике и стараюсь поднять окно в комнату графа. Однако, когда я наклонился и спускал ноги в окно, мной овладело смятение. Я огляделся, нет ли графа, и с удивлением и радостью обнаружил – комната пуста! Она была кое-как обставлена разрозненными предметами, которыми, казалось, никогда не пользовались; мебель, по стилю напоминавшую мебель в южных комнатах, покрывал слой пыли. Я стал искать ключ; в замке его не было, и я его нигде не нашел. Единственное, что я обнаружил, – это целая куча золота в углу: золото самое разное – романские, британские, австрийские, греческие и турецкие монеты, покрытые тонким налетом, как будто долго лежали в земле. Я не заметил среди них ни одной, которой было бы меньше трехсот лет. Там были еще цепочки, украшения, некоторые с драгоценными камнями, но все старое и покрытое пятнами. В одном углу комнаты находилась массивная дверь. Я попробовал ее открыть, так как не нашел ключа от комнаты или входной двери. Это было основной целью моих поисков. Пришлось продолжить свои исследования для того, чтобы все мои труды не пропали даром. Дверь оказалась незапертой и вела под каменным сводом к винтовой лестнице, круто уходящей вниз. Я спустился, внимательно следя за тем, куда ступаю, так как лестница была освещена лишь редкими отверстиями в толстой каменной стене. На дне я наткнулся на темный проход туннеля, откуда несся тошнотворный, убийственный запах – запах свежей, только что разрытой земли; по мере моего приближения запах становился удушливее и тяжелее. Наконец я толчком распахнул какую-то маленькую полуоткрытую дверь и очутился в старой развалившейся часовне, служившей, как видно, усыпальницей. Крыша ее была проломлена, и какие-то ступени вели в три склепа. Земля была здесь недавно разрыта и насыпана в большие деревянные ящики, очевидно, те самые, что привезли словаки. Я попытался найти еще какой-нибудь выход, но нигде ничего не оказалось. Тогда я обыскал каждый вершок пола, чтобы не пропустить какой-нибудь мелочи. Я даже спустился в склепы, куда с трудом проникал тусклый свет; спускался я туда с чувством страха. Я обыскал два склепа, но ничего там не нашел, кроме обломков старых гробов и кучи пыли. В третьем я все-таки сделал открытие.

Там в одном из больших ящиков, которых было всего пятьдесят штук, на гряде свежей земли лежал граф! Он или был мертв, или спал, я не мог понять – открытые застывшие глаза, но без стеклянного мертвенного блеска, в щеках угадывалось живое тепло, несмотря на всю их бледность, а губы рдели, как всегда. Но лежал он неподвижно, ни пульса, ни дыхания, ни биения сердца. Я наклонился к нему, стараясь найти какой-нибудь признак жизни, но тщетно. Он, должно быть, недавно лежал здесь, так как земля была еще свежа. Около ящика находилась крышка от него с просверленными в ней дырами. Я подумал, что ключи, вероятно, находятся у графа, но, когда стал их искать, глаза мои случайно встретились с мертвыми глазами графа, и в них я прочел такую ненависть, хотя и безотчетную, что в ужасе попятился и поспешно двинулся обратно, выбрался через окно из комнаты графа и, взобравшись по стене замка, вернулся к себе. Я бросился, задыхаясь, в постель и постарался собраться с мыслями...

29 ИЮНЯ. Сегодня день, которым датировано мое последнее письмо, и граф предпринял шаги, чтобы доказать его подлинность, ибо я опять видел, как он покидает замок через то самое окно и в моей одежде. Когда он, подобно ящерице, сползал по стене, я пожалел, что у меня нет ружья или иного смертоносного оружия, которым я мог бы его уничтожить; но боюсь, что любое оружие, сделанное рукой человека, будет бессильно против него. Я не рискнул дожидаться его возвращения из страха увидеть зловещих сестер. Вернувшись в библиотеку, я читал, пока не уснул.

Разбудил меня граф и с бесконечно мрачным видом обратился ко мне:

– Завтра, мой друг, нам предстоит расстаться. Вы вернетесь в вашу прекрасную Англию, я же – к занятиям, следствием которых может быть то, что мы больше не встретимся. Ваше письмо уже отослано; завтра меня здесь не будет, но все уже приготовлено к вашему отъезду. Утром сюда придут цыгане и несколько словаков. Когда они уйдут, за вами приедет моя коляска, которая отвезет вас в ущелье Борго, где вы пересядете в дилижанс, идущий из Буковины в Бистрицу, но я надеюсь, что увижу вас еще раз в замке Дракулы.

Не доверяя ему, я решил испытать его искренность (искренность! – не странно ли применять само это слово к подобному исчадию) и спросил напрямик:

– Почему я не могу выехать сегодня вечером?

– Потому, дорогой мой, что мой кучер и лошади отосланы по делу.

– Но я с удовольствием пойду пешком, я сейчас же готов уйти.

Он улыбнулся так мягко, вкрадчиво и в то же время такой демонической улыбкой, что я понял: за его уступчивостью таится подвох. Он спросил:

– А ваш багаж?

– Я могу прислать за ним. Он мне сейчас не нужен.

Граф поднялся и сказал с такою поразительной изысканностью, что я глазам и ушам не поверил, до того это прозвучало искренне:

– У вас, англичан, есть одна пословица, которая близка моему сердцу, так как ею руководствуемся и мы, *бояре*: «Добро пожаловать, приходящий гость, и поспеши – уходящий». Пойдемте со мной, дорогой мой друг, я и часу не хочу оставлять вас против вашей воли, как бы ни печалил меня ваш отъезд и ваше столь внезапное желание уехать. Идемте же!

С величавым достоинством, держа в руке лампу, граф спустился со мной по лестнице, освещая мне дорогу. Но вдруг он остановился:

– Слышите?

Точно по мановению его руки, раздался близкий вой волков, подобно тому как симфонический оркестр взрывается музыкой, послушный дирижерской палочке. Помедлив минуту, своей величественной поступью он прошествовал к двери, отодвинул внушительные засовы, снял тяжелые цепи и начал открывать дверь.

К моему несказанному удивлению, дверь не была заперта на ключ. Я недоверчиво огляделся, но не заметил и подобия ключа.

По мере того как открывалась дверь, вой волков становился громче и яростней, их красные пасти с шелкающими зубами и лапы с тупыми когтями начали просовываться в щель. Тогда я понял, что противоборствовать графу в эту минуту бесполезно. Против таких его пособников я был бессилен. Но дверь продолжала медленно распахиваться; граф стоял в дверях один. У меня на мгновение мелькнула мысль, что вот, вероятно, моя участь: он бросит меня волкам – и я же сам помог ему сделать это.

Затея своей дьявольской злобностью была как раз по нему; хватаясь за последнюю надежду, я крикнул:

– Закройте дверь; я лучше дождусь утра! – и закрыл лицо руками, чтобы скрыть горькие слезы разочарования.

Одним мощным движением граф захлопнул дверь, засовы лязгнули, погружаясь опять в свои гнезда, и эхо отдалось через весь зал.

Молча мы вернулись в библиотеку, а через минуту-другую я ушел в свою комнату. Последнее, что я видел, – граф Дракула, посылающий мне воздушный поцелуй; в глазах красный огонь торжества и на губах улыбка, которой мог бы гордиться сам Иуда в аду.

Когда я уже был у себя в комнате и собирался лечь, мне послышался шепот у моей двери. Я тихо подошел к ней и прислушался. Я услышал голос графа:

– Назад, назад, на свои места! Ваше время еще не настало. Подождите! Имейте терпение! Эта ночь моя! А завтрашняя ночь ваша!

Вслед за этим раздался тихий мелодичный взрыв смеха; я в бешенстве распахнул дверь и увидел трех этих ужасных женщин, облизывающих губы. Как только я показался, они разразились диким смехом и убежали.

Я вернулся в свою комнату и бросился на колени. Неужели же мой конец так близок? Завтра! Завтра! Создатель, помоги мне и тем, кому я дорог!

30 ИЮНЯ, УТРОМ. Быть может, это последние строки в моем дневнике. Я спал до рассвета; проснувшись, я опять бросился на колени, так как решил, что, если придет смерть, она не застанет меня врасплох.

Наконец я ощутил эту едва уловимую перемену в воздухе и понял, что настало утро. Раздался долгожданный крик петуха, и я почувствовал себя в безопасности. С легким сердцем распахнув дверь, я сбежал в нижний холл. Я видел, что дверь не заперта, и теперь меня ждало избавление. Дрожжащими от нетерпения руками я снял цепи и отодвинул массивные засовы.

Но дверь не поддавалась. Отчаяние охватило меня. Я налегал и налегал на дверь, сотрясая ее до тех пор, пока, несмотря на свою массивность, она не заходила в дверном проеме. Стало ясно, что дверь на замке, она была заперта после того, как я расстался с графом.

Дикое желание раздобыть ключи овладело мной, и я решил снова вскарабкаться по стене и пробраться в комнату графа. Пусть он убьет меня, смерть теперь казалась мне лучшим выходом из всех бед. Не задумываясь, я ринулся вверх по лестнице к восточному окну и пополз вниз по стене, как и раньше, в комнату графа. Она пустовала, как я и ожидал. Ключа я нигде не заметил, но груды золота находилась на прежнем месте. Я отправился через дверь в углу вниз по винтовой лестнице и по темному проходу в старую часовню. Я знал теперь, где найду чудовище.

Большой ящик стоял все на том же месте, у самой темной стены, но на сей раз крышка лежала на нем, не приделанная еще, но с приготовленными гвоздями, так что оставалось лишь вколотить их. Мне нужно было его проклятое тело из-за ключа, так что я снял крышку и приставил ее к стене. И тут я увидел нечто, что пронзило меня ужасом до глубины души.

Преодо мной лежал граф, но наполовину помолодевший, седые волосы его и усы потемнели. Щеки казались полнее, а на белой коже светился румянец; губы его были ярче обыкновенного, так как на них еще виднелись свежие капли крови, капавшие из углов рта и стекавшие по подбородку на шею. Даже его пылающие, глубоко посаженные глаза будто заплыли, так раздулись веки и мешки под глазами. Казалось, чудовище просто налито кровью; он лежал, как омерзительная пиявка, лопающаяся от пресыщения. Дрожь пробежала по моему телу, когда я наклонился к нему, все во мне зашлось от отвращения; но я должен был найти ключ, иначе я погиб. Быть может, следующей ночью мое тело пойдет на угощение для той пагубной троицы.

Я обыскал все тело, но не нашел никаких ключей. Тогда я остановился и посмотрел на графа. По его окровавленному лицу блуждала ироническая улыбка, которая, казалось, сведет меня с ума. И этому отродью я помог перебраться в Лондон, где в течение будущих столетий он станет упиваться кровью, а число безнаказанно жиреющих, подобных ему, будет все множиться. Сама эта мысль сводила меня с ума. Мной овладело дикое желание избавить мир от этого чудовища.

У меня не было под рукой никакого смертоносного оружия, я схватил лопату, которой рабочие наполняли ящики землей, и, высоко взмахнув, ударил ее острием прямо в презренное лицо. Но тут голова повернулась в мою сторону, и глаза взглянули на меня, напомнив мне взгляд василиска. Взгляд этот, казалось, парализовал меня, лопата вывернулась у меня в руке и скользнула по лицу, оставив лишь глубокий шрам на лбу. Лопата вывалилась у меня из рук и, когда я со злостью отшвырнул ее, задела краем крышку, которая упала, скрыв от моих взоров ужасное существо. Последнее, что я видел, было вздутое, запятнанное кровью, исполненное злорадства лицо, которое появилось, казалось бы, из самой преисподней.

Я ломал голову, что же мне делать дальше, но мой мозг, казалось, пылал, и я ждал с чувством все возрастающего отчаяния.

Стоя в ожидании, я услышал приближающуюся веселую цыганскую песню и одновременно с этим шум колес и шелканье кнута. То приближались цыгане и словаки, о которых говорил граф. Взглянув в последний раз на ящик, содержащий мерзкое тело, я убежал оттуда и поднялся в комнаты графа, решив броситься прочь, едва откроется дверь. С напряженным вниманием я прислушивался, но услышал только, как внизу заскрипел ключ в замке и там же открылась тяжелая дверь; это был какой-то новый вход, или, может быть, у кого-то был свой ключ от какой-нибудь закрытой двери. Затем послышались шаги в проходе. Я повернулся и хотел снова сбегать вниз, к склепам, предполагая, что новый вход находится именно там; но в это мгновение сильный ветер, неизвестно откуда ворвавшийся, захлопнул дверь, ведущую к винтовой лестнице, с такой силой, что поднял всю пыль в комнате. Когда я подбежал к двери, чтобы открыть ее, то все мои усилия ни к чему не привели. Я снова был пленником, и петля судьбы затягивалась на моей шее все туже и туже.

В то время как я записываю эти строки, в проходе слышен шум топчущих ног и грохот бросаемых на пол тяжелых предметов, должно быть ящиков, нагруженных землей. Вот раздался стук молотка – это ящики забивают гвоздями. Вот я слышу в передней тяжелые шаги.

Вот закрылась дверь, зазвенели цепи, заскрипел ключ в замке; я слышу, как вынули ключ, затем открылась и закрылась еще какая-то дверь; послышался скрип болтов замка.

Что это? Во дворе и на каменистой дороге раздается шум тяжелых колес, шелканье кнутов и пение удаляющихся цыган.

Я теперь один в замке, наедине с этими чудовищными женщинами. Да это и не женщины. Вот Мина – женщина, а между ней и теми нет ничего общего – это дьяволы из преисподней!

Я не останусь с ними один на один; я постараюсь сползти по стене замка дальше, чем до сих пор. Я возьму с собой немного золота – на всякий случай; может быть, мне потом понадобится – ведь может случиться, что мне и удастся найти способ, как выбраться из этого ужасного места.

А там домой! Скорей выбраться отсюда и попасть на ближайший поезд! Прочь из этого проклятого места, из этой проклятой земли, где дьявол со своим отродьем еще ходит в телесной оболочке!

По крайней мере, лучше отдаться на милость Божью, чем на милость этих чудовищ, бездна глубока! На дне ее человек обретет покой – человек! Прощайте, все! Мина!

Глава V

ПИСЬМА ЛЮСИ И МИНЫ

Письмо мисс Мины Мюррей мисс Люси Вестенра

«9 МАЯ.

Моя дорогая Люси!

Прости мне мое продолжительное молчание, но я не писала потому, что была завалена работой. Жизнь учительницы очень утомительна. Я соскучилась по тебе и по морю, на берегу которого мы так свободно можем болтать и строить наши воздушные замки.

Я изо всех сил занимаюсь, потому что не хочу отставать от Джонатана.

Я усердно осваиваю стенографию. Когда мы поженимся, я смогу помогать Джонатану и, если сумею прилично стенографировать, смогу записывать все, что он будет излагать, и потом перепечатывать для него на пишущей машинке, которую я тоже усердно осваиваю. Мы с ним иногда переписываемся, используя стенографию, и весь дневник о своей поездке за границу он тоже ведет, используя стенографию. Когда я буду у тебя, я тоже начну вести такой дневник. Не этот, знаешь, одна или две-страницы в неделю плюс-уголок-для-воскресенья, а нечто вроде тетради, куда я буду писать, когда придет настроение. Не думаю, чтобы он представлял интерес для других, да он и не предназначен для этого. Может быть, я когда-нибудь покажу его Джонатану, если там будет чем поделиться, но, в сущности, это тетрадь для упражнений. Я попытаюсь сделать то, что, я видела, делают дамы-журналисты: брать интервью, давать описания, стараться запоминать разговоры. Мне говорили, что, немного потренировавшись, можно запомнить все, что делалось и говорилось за день. Ну, там посмотрим. Расскажу тебе о своих затеях, когда увидимся. Только что получила несколько торопливых строчек от Джонатана из Трансильвании. Он, слава Богу, здоров и вернется приблизительно через неделю. Я жажду узнать от него все новости. Это, должно быть, очень интересно – видеть чужие страны. Любопытно, нам, я хочу сказать – Джонатану и мне, удастся ли когда-нибудь увидеть их. Вот часы бьют десять. До свидания!

Любящая тебя

МИНА.

P.S. Пиши мне обо всех новостях. Ты мне уже давно ничего не сообщала. Ходят слухи – особенно о каком-то высоком красавце с кудрявыми волосами???»

Письмо Люси Вестенра Мине Мюррей

«17 ЧАТЕМ-СТРИТ, СРЕДА.

Моя дорогая Мина!

Ты несправедлива, обвиняя меня и называя неаккуратной корреспонденткой: я дважды писала тебе с тех пор, как мы расстались, а твое последнее письмо было только *вторым* по счету. Кроме того, мне нечего тебе сообщить. Право, ничего нет такого, что могло бы тебя заинтересовать. В городе как раз сейчас довольно приятно. Мы ходим то в картинные галереи, то гулять в парк или кататься верхом. Что до высокого господина с вьющимися волосами, думаю, речь о том, с кем меня видели последний раз! Кто-то явно рассказывает небылицы. Это

был м-р Холмвуд. Он у нас частый гость, они чудесно поладили с мамой; между ними много общего, и поэтому они находят множество тем для разговоров... Кстати, недавно мы встретились с одним господином, который *был бы для тебя подходящей партией*, если бы, конечно, ты не была уже невестой Джонатана. Он мог бы составить блестящую *parti*⁶ – красив, богат и знатен. Он на редкость умен, по профессии врач. Как странно, что ему всего 29 лет, а между тем под его личным надзором находится уже громадная лечебница для сумасшедших. Нам его представил м-р Холмвуд; он теперь часто бывает у нас. Мне кажется, что это чрезвычайно решительный человек с необыкновенным самообладанием. Он производит впечатление человека абсолютно невозмутимого, представляю, какую власть он должен иметь над своими пациентами. Он обладает странной привычкой смотреть на другого в упор, словно стараясь прочесть чужие мысли. Он без конца проделывает это со мной, но тешу себя мыслью – ему попался крепкий орешек. Я это узнала, глядя на себя в зеркало. Пробовала ли ты хоть раз прочесть что-нибудь по собственному лицу? Я *пробовала* и уверяю тебя, это неплохое упражнение и совсем не такое простенькое, как можно подумать, если никогда этим не занималась. Доктор нашел, что я представляю любопытный для него психологический тип; смиренно полагаю, что он прав. Я, как ты знаешь, не слишком увлечена нарядами и не в состоянии описывать последние моды. Нарядиться – помрешь с тоски. Опять жаргон, ну и пусть, Артур всегда так говорит. Ну вот, я и проговорила. Мина! Мы с *детства* поверяли друг другу все наши секреты; мы вместе спали, вместе ели, вместе плакали и смеялись; и теперь, раз уж я заговорила, то хочу открыть тебе свою тайну. Мина! Неужели ты не догадываешься? Я люблю его! Я краснею, когда пишу это, хотя *думаю*, что и он меня любит; но он мне этого еще не говорил. Но, Мина, я-то люблю его! Я люблю его! Ну вот теперь мне стало легче. Как бы хотелось быть сейчас с тобой, дорогая моя! Раздеваясь, сидеть у камина, как мы, бывало, сидели; вот когда бы я подробно рассказала тебе о своих переживаниях. Не понимаю, как я об этом пишу, даже тебе. Боюсь остановиться, а то как бы мне не пришлось порвать письмо, да и не хочу останавливаться, потому что ведь собираюсь рассказать тебе все. Ответь мне сейчас же и скажи, что ты об этом думаешь! Спокойной ночи, Мина! Помяни меня в твоих молитвах. Помолись, Мина, за мое счастье.

ЛЮСИ.

P.S. Надо ли говорить, что это тайна. Еще раз доброй ночи.

Л.».

Письмо Люси Вестнера Мине Мюррей

«24 МАЯ.

Моя дорогая Мина!

Благодарю, благодарю, бесконечно благодарю за твое милое письмо! Так было приятно, что я посвятила тебя в свои переживания и что ты так сердечно отнеслась ко мне. Дорогая моя, а ведь правду говорит старая пословица: «Утром облачки – вечером ливень!» В сентябре мне исполнится двадцать лет, и до сегодняшнего дня никто не делал мне предложения, и вдруг сразу три. Подумай только! *Три* предложения в один день. Не ужас ли! И двоих бедняжек мне так жаль, правда, по-настоящему жаль. О Мина, я так счастлива, что не знаю, что с собой делать. Да еще три предложения! Но, ради всего святого, не говори никому из девочек, чтобы они не выдумывали всяких экстравагантных фантазий и не воображали себя задетыми и униженными, если в первый же день своего пребывания дома не получат по меньшей мере шести предложений руки и сердца. Некоторые девицы так тщеславны! Мы с тобой, Мина, дорогая,

⁶ Выгодная партия (*фр.*).

уже помолвлены и скоро превратимся в степенных пожилых матрон, мы можем пренебречь тщеславием. Итак, я расскажу тебе обо всех троих, но ты должна держать это в секрете, дорогая моя, от *всех*, кроме Джонатана. Ему ты, конечно, скажешь, так как если бы я была на твоём месте, то, наверное, все говорила бы Артуру. Женщине полагается все рассказывать своему мужу – не так ли, дорогая? Я должна быть честной. Мужчинам нравится, когда женщины, и особенно жены, столь же честны, как они сами, а женщины, боюсь, не всегда столь честны, как им следовало бы. Итак, дорогая моя, слушай: первый пришел как раз перед обедом. Я говорила тебе о нем, д-р Джон Сьюард, тот, у которого лечебница для душевнобольных. С мужественным подбородком и прекрасным лбом. Внешне само спокойствие. Тем не менее он очень нервничал. Он явно вымуштрован даже в мелочах и не забывал о них, но умудрился едва не сесть на свой цилиндр, чего в спокойном состоянии люди обычно не делают. Потом, желая казаться непринужденным, он принялся поигрывать своим скальпелем с таким видом, что еще немножко – и я бы закричала. Он заговорил со мной, Мина, напрямик. Сказал, как я ему дорога, хотя он так недолго меня знает. Какой была бы его жизнь, будь я рядом, чтобы помогать и поддерживать его. Видимо, он собрался сказать, как будет несчастлив, если он мне безразличен, но заметил, что я плачу. Назвав себя грубым животным, сказал, что не станет усугублять моего состояния. Прервав свои излияния, он спросил меня, не смогу ли я его полюбить в будущем. В ответ на это я отрицательно покачала головой. Руки его задрожали. После некоторого колебания он спросил меня, не люблю ли я кого-нибудь другого. Он высказал это с большим тактом, добавив, что хочет не вырвать у меня признание, а просто знать, ибо если сердце мое свободно, то он может надеяться. Я решила, что мой долг сказать ему правду. Услышав мой ответ, он встал и, взяв обе мои руки в свои, сказал очень торжественным и серьезным тоном, что он надеется, что я буду счастлива. Кроме того, просил меня запомнить, что если бы мне понадобился друг, то он при любых обстоятельствах будет к моим услугам. О дорогая Мина, я не могу удержаться от слез, и ты должна простить мне, что это письмо испорчено пятнами. Конечно, очень приятно выслушивать предложения, все это чрезвычайно мило, но ужасно горько видеть несчастного человека, который только что сказал тебе прямо и честно, что он тебя любит, – и уходит от тебя с разбитым сердцем, и знать, что, что бы он в эту минуту ни говорил, он уходит навсегда из твоей жизни. Дорогая моя, я должна прервать письмо, так как чувствую себя отвратительно, даже несмотря на то, что бесконечно счастлива.

ВЕЧЕРОМ. Только что ушел Артур, и теперь я чувствую себя спокойнее, чем тогда, когда утром прервала это письмо; так что могу продолжать рассказывать тебе о дальнейшем. Итак, дорогая моя, номер два пришел после завтрака. Это американец из Техаса, очень славный мальчик, причем он до того молодо и свежо выглядит, что просто не верится его рассказам о путешествиях по стольким странам и о пережитых им приключениях.

Я вполне сочувствую бедняжке Дездемоне, когда в ее слух проникли столь опасные речи, пусть даже и мавра. Думаю, мы, женщины, столь робки, что в надежде, что мужчина избавит нас от страхов, и выходим замуж. Теперь я знаю, будь я на месте мужчины, как заставить девушку полюбить. Нет, я заблуждаюсь, вот м-р Моррис все рассказывал нам свои истории, а Артур не рассказал ни одной, однако, дорогая, я несколько забегаю вперед. М-р Квинси П. Моррис застал меня одну. Сдается, мужчина всегда застаёт девицу одну. Нет, не всегда; Артур дважды пытался, *будто* случайно, и я помогала как только могла; теперь я не стыжусь признаться. Прежде всего я должна предупредить тебя, что м-р Моррис не всегда говорит на жаргоне – то есть никогда не говорит так с чужими или при посторонних, он прекрасно образован и умеет безупречно держаться, но он обнаружил, что меня забавляет слушать его болтовню на американском жаргоне, и как только поблизости никого нет, кто мог быть шокирован, он говорит ужасно смешные вещи. Однако боюсь, дорогая, он их сам и выдумывает, потому что это всегда абсолютно подходит к тому, о чем идет речь. Но жаргон и обладает подобным свой-

ством. Не знаю, буду ли я сама когда-нибудь говорить на жаргоне; не знаю, нравится ли это Артуру, я ни разу не слышала, чтобы он воспользовался каким-нибудь словечком. Итак, м-р Моррис уселся возле меня и держался весельчаком насколько мог, но заметно было, что он нервничает. Он взял мою руку и заговорил необыкновенно ласково:

– Мисс Люси, я прекрасно знаю, что недостойн завязывать шнурки на ваших башмачках, но я убежден: если вы будете ждать, пока найдете достойного вас мужа, вам придется присоединиться к семерым евангельским невестам со светильниками. А не впрячься ли вам в упряжку вместе со мной и не пуститься ли нам в путь-дорогу парой?

Знаешь, он говорил с таким юмором, казался таким развеселым, что отказать ему было как будто вдвое проще, чем бедному д-ру Сьюарду; вот я и ответила как можно легкомысленней, что и в упряжках совсем не разбираюсь, да и в паре ходить еще не обучена. Тогда он сказал, что просто высказался в шутовском тоне и надеется получить прощение, если допустил ошибку, заговорив в такой манере при столь серьезных, столь значительных для него обстоятельствах. И он действительно не шутил, когда говорил это, и мне уже сделалось не до шуток. Знаю, Мина, ты сочтешь меня ужасной кокеткой – но я все-таки была вне себя от счастья, что он уже второй за день. И потом, не успела я и слова сказать, он разразился целым потоком любовных излияний, слагая душу и сердце к моим ногам. И в этом было такое глубокое чувство, что я больше не думаю, будто человек только и может дурачиться, ничего не принимая всерьез, если порой ему случается быть веселым. Мне кажется, он прочитал на моем лице что-то такое, что его задело за живое, так как он с минуту молчал, а потом заговорил с еще большим жаром, с таким рыцарственным жаром, что за это одно я могла бы его полюбить, если бы мое сердце было свободно:

– Люси, вы девушка с чистым сердцем, я это знаю. Я не был бы здесь и не говорил бы с вами о том, о чем говорю сейчас, если бы не знал, что вы прямая, смелая и правдивая до глубины души. Поэтому прошу вас сказать мне прямо, как честный человек сказал бы своему другу, – есть ли у вас кто-нибудь на сердце, кого вы любите? Если таковой есть, то даю вам слово никогда больше не касаться этого вопроса и остаться, если вы позволите, только вашим искренним другом.

Дорогая Мина, почему так благородны мужчины, а мы, женщины, так мало их стоим? А я-то, я едва на смех не подняла этого великодушного, истинно благородного человека. Я ударились в слезы – боюсь, дорогая, что это письмо покажется тебе подмоченным во многих смыслах, но мне и впрямь было страшно тяжело. Почему непозволительно девице соединиться браком с троими или со всеми, кто хочет ее, чтобы избежать всех этих мучений? Но это еретические мысли, я не должна такого говорить. С радостью могу сказать, что, хотя и в слезах, я сумела, глядя в ясные глаза м-ра Морриса, прямо ему ответить:

– Да, я люблю другого, хотя он до сих пор еще не признался мне в любви...

Я была права, что сказала ему все откровенно, так как после моего признания он как бы преобразился и взял мои руки в свои – кажется, я сама протянула ему их – и очень сердечно произнес:

– Вот это молодчина. Лучше опоздать сделать предложение вам, чем вовремя выиграть сердце всякой другой девушки. Не плачьте, дорогая! Не стоит из-за меня волноваться, меня просто так не сломаешь, я встречу судьбу лицом к лицу. Но если тот малый, и не подозревающий о своем счастье, не скоро о нем догадается, он будет иметь дело со мной. Деточка, ваша искренность и честность сделали меня вашим другом; имейте в виду, что это встречается реже, чем возлюбленный; во всяком случае, друг менее эгоистичен. Дорогая! Мне предстоит прогулка не из радостных, пока я не отправлюсь к праотцам, поэтому очень прошу вас подарить мне один поцелуй – это озарит мою мрачную жизнь; вы имеете право осчастливить меня им, конечно, если только захотите. Ведь тот прекрасный малый – он должен быть прекрасным, иначе вы бы его не любили – еще не сделал вам предложения.

Этим он меня окончательно победил, Мина; ведь это было мужественно, и нежно, и благородно для соперника – не правда ли? И при том он был так опечален; я нагнулась и поцеловала его. Он поднялся, держа мои руки в своих, и, когда он посмотрел мне прямо в лицо, я ужасно покраснела; затем он сказал:

– Деточка, вот я держу вашу руку, вы меня поцеловали; если после всего этого мы с вами не стали закадычными друзьями, то больше случая для этого не будет. Благодарю вас за вашу нежность и честность по отношению ко мне и... До свидания.

Он выпустил мои руки, взял свою шляпу и, ни разу не оглянувшись, ушел, без слез, без колебаний, а я вот плачу как ребенок. О, почему такой человек должен страдать, когда столько девушек благословили бы землю, по которой он ступал? Я сама благословила бы – будь я свободна, только я не хочу свободы. Дорогая, это так расстроило меня, что чувствую – не могу сразу же писать о своем счастье после того, что тебе сообщила. Не хочу говорить о номере третьем, пока не будет полного счастья.

ВЕЧНО ЛЮБЯЩАЯ ТЕБЯ ЛЮСИ.

P.S. О номере третьем мне, верно, не нужно тебе и сообщать? Все произошло так беспорядочно; мне показалось, что все произошло в одно мгновение; по-моему, не успел он войти в комнату, как я оказалась в его объятиях, и он осыпал меня поцелуями. Я очень, очень счастлива и положительно не знаю, чем заслужила это счастье.

Просто я в будущем должна показать, как благодарна Господу, пославшему мне такого влюбленного, такого мужа, такого друга, за Его милость ко мне.

До свидания».

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

(Надиктовано на фонограф)

25 АПРЕЛЯ. Полное отсутствие аппетита. Не могу есть, не могу отдыхать, так что вместо всего – дневник. После вчерашнего отказа чувствую какую-то пустоту; кажется, нет на свете ничего столь важного, чем бы стоило заняться; в моем нынешнем состоянии единственное облегчение – работа, поэтому я и отправился к своим больным. Особенно долго провозился я с одним пациентом, который представляет глубокий интерес для изучения. Он так не вписывается в общие рамки, что я намерен разобраться в его случае, насколько это возможно. Сегодня мне удалось подойти ближе, чем когда-либо, к сути его тайны.

Я положительно забросал его вопросами, расспрашивал самым подробным образом обо всем, желая разузнать обо всех причинах его галлюцинаций; конечно, это было жестоко с моей стороны. Теперь я это вижу. Я как будто старался постоянно возвращать его к факту его безумия – то, чего с другими пациентами я избегаю, как адского пламени. (*Прим.*: при каких обстоятельствах я бы не убоился преисподней?) *Omnia Romae vernalia sunt*⁷. И ад имеет свою цену *verb. sap*⁸. Если за этим что-то стоит, может оказаться полезным впоследствии это *тщательно* проследить, так что я, пожалуй, начну.

Р. М. Ренфилд, 59 лет. Сангвинический темперамент: огромная физическая сила; болезненно возбуждающийся; периоды черной меланхолии, порождаемые какой-то навязчивой идеей, которую я не могу определить. Допускаю, что сангвинический темперамент сам по себе, а также всякие раздражители приведут к окончательному душевному расстройству; человек,

⁷ Все римляне душой просты (*лат.*).

⁸ То есть «*verbum sapienti sat est*» («имеющий уши да услышит») (*лат.*).

возможно представляющий опасность; и по всей вероятности, опасный, если он не эгоцентричен. В эгоцентричных людях осторожность является надежной защитой и для них самих, и для их врагов. Вот что я думаю на этот счет – когда точкой, где все фокусируется, является эгоизм, центростремительная сила уравнивается центробежной; если же точкой фокуса становятся долг, избранная миссия и т. п., то центробежная сила возобладает, и только случайность или ряд случайностей может ее уравновесить.

ПИСЬМО КВИНСИ П. МОРРИСА ДОСТОПОЧТЕННОМУ АРТУРУ ХОЛМБУДУ

«25 МАЯ.

Мой дорогой Арт!

Мы рассказывали друг другу истории на бивуаке в прериях, расположившись у костра, перевязывали друг другу раны после попытки высадиться на Маркизских островах и пили за наше общее здоровье на берегах Титикаки. Теперь у нас найдется еще больше материала для рассказов, да и другие раны, которые нужно залечивать, но есть за чье здоровье выпить. Не соберутся ли нам на моем бивуаке завтра вечером? Приглашаю вас, потому что знаю наверняка, что завтра вы свободны, ибо мне известно, что некая леди приглашена назавтра к обеду. К нам присоединится только одно лицо – наш старый товарищ еще по Корею, Джек Сьюард. Он тоже придет, мы хотим смешать свои слезы над чарой вина, и оба станем пить за здоровье счастливейшего из смертных, который любим благороднейшим и достойнейшим сердцем. Мы обещаем вам сердечный прием и любовь и будем пить только за ваше здоровье, ручаюсь вам. Кроме того, мы готовы поклясться, что доставим вас домой, если окажется, что вы слишком много выпили за некую известную вам пару глаз. Итак, ждем! Вечно и неизменно ваш

КВИНСИ П. МОРРИС».

ТЕЛЕГРАММА АРТУРА ХОЛМБУДА КВИНСИ П. МОРРИСУ

«26 МАЯ.

Рассчитывайте на меня в любом случае. У меня есть такая новость, что берегите уши.

АРТ».

Глава VI

ДНЕВНИК МИНЫ МЮРРЕЙ

24 ИЮЛЯ. УИТБИ. Люси, еще милей и прелестней, чем раньше, встретила меня на вокзале, оттуда мы поехали прямо к ним домой, в Кресент. Прелестная живописная местность. Маленькая речушка Эск протекает здесь по глубокой долине, расширяющейся вблизи гавани. Долина утопает в зелени, а склоны ее так круты, что, стоя на одной ее стороне, видишь противоположную, если, конечно, не встать на самом краю, чтобы взглянуть вниз. Дома в старом городе крыты красными крышами и нагромождены один на другом, как на видах Нюрнберга. Прямо над городом виднеются руины аббатства Уитби, которое разорили датчане и где разворачивается действие той части «Мармиона», где замуровывают в стену девушку. Руины необычайно величественны и полны прелестных романтических местечек; существует легенда о Белой даме, появляющейся в одном из окон. Между руинами и городом виднеется приходская церковь, окруженная большим кладбищем со множеством надгробных памятников. Я нахожу, что это самое красивое место во всем Уитби, оно расположено как раз над городом, и отсюда прекрасный вид на гавань до самой бухты, где мыс под названием Кетленесс далеко выдается в море. Обрыв здесь такой крутой, что часть берега обрушилась и некоторые могилы уничтожены. В одном месте надгробная плита нависает над песчаной тропинкой далеко внизу. В кладбищенской ограде расположены скамьи; здесь гуляет множество людей и просиживает целыми днями, любуясь живописным видом и наслаждаясь прекрасным воздухом. Я сама буду очень часто приходить сюда и работать. Вот и сейчас я сижу здесь, держа свою тетрадь на коленях и прислушиваясь к разговору трех стариков, сидящих поблизости. Они, кажется, целыми днями ничего не делают, сидят здесь и болтают.

Гавань расположена прямо подо мною, причем дальняя ее сторона – это длинная гранитная стена, выступающая далеко в море и загибающаяся на конце, в центре этой стены находится маяк. Массивный волнолом тянется с ее внешней стороны. С ближней стороны волнолом загибается в другую сторону, и на конце его тоже стоит маяк. Между двумя пирсами узкий проход в гавань, который потом неожиданно расширяется.

Во время прилива все прекрасно, но, когда вода уходит, остается лишь речушка Эск, бегущая между песчаными берегами, и кое-где торчащие скалы.

С наружной стороны гавани тянется, почти на всем ее протяжении, большой утес длиной около половины мили, острый край которого далеко выступает из-за южного маяка. Под самым утесом находится бакен с колоколом, заунывные звуки которого разносит в дурную погоду ветер. Здесь существует легенда, что, когда в открытом море гибнет корабль, с моря доносится колокольный звон. Надо спросить об этом у старичка; он направляется сюда...

Это чудной старик. Он, вероятно, страшно стар, все его лицо избородили морщины, словно кору дерева. Он сказал мне, что ему почти сто лет и что он плавал на рыболовных судах в Гренландии во времена битвы при Ватерлоо. Подозреваю, что он большой скептик, – когда я спросила его о звучащих в море колоколах и о Белой даме, он отрезал:

– Меня оно не волнует, мисс. Все эти штуки давно отошли в прошлое. Но учтите, я не скажу, будто этого не было. Я скажу так – не было в мое время. Распускать подобные слухи к лицу тем, кто шатается без толку, и не к лицу замечательной молодой леди вроде вас. Эти бездельники из Йорка, которым только и дела, что есть копченую селедку, да пить чай, да высматривать, где бы купить подешевле черный янтарь, вот они бы поверили. Не знаю, кто сболтнул им такую глупость, этого не встретишь даже в газетах, в которых полным-полно ерунды.

Я решила, что от него можно будет узнать много интересного, поэтому спросила его, не расскажет ли он мне что-нибудь о ловле китов в старые годы. Только он уселся, чтобы начать рассказ, как часы пробили шесть, и он немедленно поднялся, чтобы уйти, сказав:

– Мне теперь нужно идти домой, мисс. Моя внучка не любит ждать, когда у нее чай уже готов, а ведь мне много надо времени, чтобы вскарабкаться по ступеням, их ведь вон сколько; и я люблю, мисс, поесть вовремя.

Он заковылял прочь, и я видела, что он поспешно, насколько позволяли силы, начал спускаться по ступенькам.

Лестница эта – здешняя достопримечательность, в ней несколько сотен ступеней. Она поднимается плавной дугой, настолько полого, что лошадь может легко пройти по ней вверх и вниз. Думаю, изначально лестница имела отношение к аббатству.

Я тоже пойду сейчас домой. Люси с матерью наносят визиты, а так как это все визиты чистой вежливости, то я с ними не пошла. Теперь-то они, я думаю, дома.

1 АВГУСТА. Сегодня мы с Люси сидели опять на нашей любимой скамейке на кладбище. Вскоре к нам присоединился и старик. Он оказался большим скептиком и рассказал нам, что под могильными плитами кладбища вряд ли похоронены те, чьи имена высечены на плитах, так как моряки гибнут по большей части на море. Люси очень расстроилась при мысли об этом пустом кладбище. Мы скоро ушли домой.

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. Я вернулась сюда одна, так как мне очень грустно. Нет никаких писем. Надеюсь, что с Джонатаном ничего не случилось. Только что пробило девять. Я вижу, как весь город сверкает огнями. Иногда эти огоньки выстраиваются вдоль улиц, а иногда горят поодиночке. Огоньки бегут прямо вдоль реки Эск и по изгибу долины. По левую руку от меня вид как бы скрыт черной линией – крышей соседнего с аббатством дома. Позади меня, в полях, слышно блеяние овец и ягнят, а внизу, на мощеной дороге, раздается топот ослиных копыт. Оркестр на пирсе играет какой-то быстрый оглушительный вальс, а дальше по набережной, на одной из окраинных улочек, собрались члены Армии спасения. Я вижу и слышу оба оркестра, а они не слышат друг друга. Не имею понятия, где может быть Джонатан и думает ли он обо мне. Как бы я хотела, чтобы он был здесь!

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

5 ИЮНЯ. Случай Ренфилда представляется все более интересным, по мере того как я приближаюсь к пониманию пациента. Он имеет некоторые чрезвычайно развитые черты: эгоистичность, скрытность и целеустремленность. Хотел бы я докопаться, на каком объекте сконцентрирована последняя. У него как будто есть свой собственный, определенный план, но какой – еще не знаю. Его подкупающее качество – это любовь к животным, хотя, в сущности, она у него так странно выражается, что иногда мне кажется, будто он просто ненормально жесток. Любимцы его весьма странного свойства. Теперь, например, его конек – ловля мух. У него их сейчас такая масса, что мне пришлось сделать ему выговор. К моему изумлению, он не разразился гневом, как я того ожидал, а посмотрел на дело просто и серьезно. Немного подумав, он сказал: «Дайте мне сроку три дня – и я их уберу». Я согласился. Надо за ним наблюдать.

18 ИЮНЯ. Теперь его страсть перешла на пауков; у него в коробке несколько очень крупных пауков. Он кормит их мухами, и число последних заметно уменьшилось, несмотря на то что половину своей пищи он перевел на приманку мух со двора.

1 ИЮЛЯ. Пауки его становятся такой же напастью, какой были мухи, сегодня я ему сказал, что он должен расстаться и с пауками. Так как это его очень огорчило, то я предложил ему уничтожить хотя бы часть их. Он радостно согласился с этим, и я дал ему на это опять такой же срок. Пока я был с ним, он вызвал у меня сильнейшее отвращение одним своим поступком. К нему с жужжанием влетела отвратительная синяя муха, раздувшаяся от какой-нибудь падали, и он, поймав ее и мгновение еще восторженно подержав, сунул в рот и съел, прежде чем я успел сообразить, что он собирается сделать. Я начал его бранить за это, но он преспокойно возразил, что это очень вкусно и полезно, что в ней было много жизни, сильной жизни, теперь эта жизнь в нем. У меня возникла некая догадка, пока, правда, еще не оформившаяся. Я должен проследить, каким образом он избавляется от своих пауков. Он, очевидно, занят какой-то сложной задачей, так как всегда держит при себе маленькую записную книжечку, куда то и дело вносит разные заметки. Целые страницы заполнены множеством чисел, по большей части однозначных, но которые затем складываются, а суммы их складываются снова, будто он подводит какой-то итог.

8 ИЮЛЯ. В его безумии есть последовательность; зародыш моей мысли продолжает развиваться. Скоро мысль целиком оформится, и тогда, о мыслящее подсознание, тебе придется дать дорогу своему брату – сознанию! На пару дней я отвлекся от своего подопечного, чтобы тем вернее отметить все перемены, которые за это время произошли. Все осталось как было, кроме разве того, что он отделался от некоторых своих питомцев, но зато пристрастился к новым. Он как-то умудрился поймать воробья и отчасти уже приручил его. Его способы приручения просты – пауков уже стало меньше. Оставшиеся, однако, хорошо откормлены, так как он все еще добывает мух, заманивая их к себе.

19 ИЮЛЯ. Мы прогрессируем. У моего «приятеля» теперь целая колония воробьев, а от пауков и мух почти и следов не осталось. Когда я вошел в комнату, он подбежал ко мне и сказал, что у него ко мне большая просьба – «очень, очень большая просьба», при этом он ласкался ко мне, как собака. Я спросил его, в чем дело. Тогда он с каким-то упоением промолвил: «Котенка, маленького, прелестного, гладкого, живого, с которым можно играть, и учить его, и кормить». Не могу сказать, что я не был готов к такой просьбе, ибо, как я уже заметил, его любимцы быстро вырастали в размерах, но меня не воодушевила перспектива, что стайку милых ручных воробьев изведут так же, как пауков и мух; я обещал ему поискать котенка и спросил, может, он хочет не котенка, а кошку. Пылкое нетерпение выдало его.

– Да, конечно, я хотел бы кошку, а попросил котенка, боясь, что, если попрошу кошку, мне откажут. Ведь котенка мне правда дадут?

Я покачал головой и сказал, что сейчас, пожалуй, невозможно достать кошку, но я поищу. Тут его лицо омрачилось, а в глазах появилось опасное выражение – это был внезапно вспыхнувший гнев, косой взгляд горел жадной убийства. Этот человек – потенциальный убийца-маньяк. Я буду изучать его теперешнее влечение и посмотрю, как оно будет развиваться; тогда мне станет известно больше.

10 ВЕЧЕРА. Снова заходил к нему и нашел его погруженным в мрачные раздумья. При виде меня он бросился на колени, умоляя позволить ему держать кошку; от этого зависело якобы его спасение. Я, однако, проявил непреклонность и заявил, что кошку ему нельзя; не сказав ни слова на это, он отошел в прежний угол и снова сел, кусая пальцы. Зайду к нему пораньше утром.

20 ИЮЛЯ. Посетил Ренфилда очень рано, еще до того, как служитель совершил обход. Застал его уже на ногах мурлыкающим какую-то песенку. Он сыпал сбереженные им сахар-

ные крошки на окошко, явно заново принимаясь за ловлю мух, причем принимаясь весело и охотно. Я огляделся, ища его птиц, и, нигде не найдя их, спросил, где они. Он ответил, не оборачиваясь, что они улетели. В комнате валялось несколько птичьих перьев, а на подушке его виднелось пятно крови. Я ничего не сказал, но, уходя, поручил служителю известить меня, если с Ренфилдом произойдет что-нибудь странное.

11 УТРА. Только что пришел служитель и сообщил, что Ренфилд очень плох и его рвало перьями. «По-моему, доктор, – сказал он, – он съел своих птиц – просто брал их и глотал живьем».

11 ВЕЧЕРА. Я дал Ренфилду большую дозу снотворного и забрал у него его записную книжку, чтобы изучить ее. Мысль, которая в последнее время сверлила мой мозг, оформилась, теория нашла подтверждение. Мой убийца-маньяк – маньяк особого рода. Мне придется придумать новую классификацию и назвать его зоофагом (пожирателем живого), он жаждет поглотить как можно больше жизни и решил выполнить это в восходящем порядке. Он дал нескольких мух на съедение одному пауку, нескольких пауков одной птице и потом захотел кошку, чтобы та съела птиц. Какие бы шаги он еще предпринял? Может быть, продолжить опыт?! Вивисекцию порицали, а взгляните сегодня на ее результаты! Почему бы не продвинуть науку в одной из самых жизненно важных ее областей – в познании мозга? Познай я тайну даже одного такого рассудка, подбери я ключ к фантазиям лишь одного душевнобольного, я бы смог возвести науку в своей области на такую высоту, что физиология Бердон-Сандерсона и учение о мозге Феррье́ра показались бы детскими игрушками. Если б были на то основания! Но не следует часто предаваться подобным мечтам, иначе искушение будет слишком сильно; благие побуждения могут победить во мне здравый смысл, так как, вполне возможно, я человек с особым типом сознания.

Как четко следует логике этот человек; как все душевнобольные внутри своих собственных рамок. Интересно, во сколько жизней он оценивает человека? Лишь в одну? Итог он подвел в высшей степени аккуратно и с сегодняшнего дня открыл новый счет. Многие ли из нас открывают новый счет в своей жизни ежедневно?

Только вчера мне казалось, что, если надежда умерла, все кончено и пора начинать с нуля. Так оно и будет, пока Великий Регистратор не подсчитает мои прибыли и убытки и не подведет баланс моей жизни. О, Люси, Люси, я не могу на тебя сердиться, как не могу сердиться и на своего друга, чье счастье составляет твое; я же должен пребывать без надежды и работать. Работать, работать!

Имей я дело, которому мог бы служить, столь же определенное, как у моего несчастного безумца, высокое, бескорыстное дело – это было бы истинным счастьем.

ДНЕВНИК МИНЫ МЮРРЕЙ

26 ИЮЛЯ. Я очень обеспокоена, и единственное, что на меня благотворно действует, – это возможность высказаться в своем дневнике. В нем я как будто изливаю самой себе душу и одновременно слушаю саму себя. Даже в стенографических значках есть что-то, что делает их непохожими на письмо. Я подавлена из-за Люси и Джонатана. Не имея никаких вестей от Джонатана, я очень тревожилась; но вчера милый м-р Хокинс, он всегда так добр ко мне, переслал мне письмо. Оно помечено «Замок Дракулы» и состоит из одной-единственной строки: Джонатан только что выехал домой. Это не похоже на Джонатана. Я не понимаю подобной краткости, и она меня беспокоит. Да тут еще Люси, несмотря на совершенно здоровый вид, снова вернулась к своей прежней привычке ходить во сне. Мы с ее матерью обсудили этот вопрос и решили, что отныне я на ночь буду закрывать дверь нашей спальни на ключ. Миссис Вестенра

вообразила, что лунатики всегда ходят по крыше дома или по краю утеса, а затем внезапно просыпаются и с раздирающим душу криком, который эхом разносится по всей окрестности, падают вниз. Бедняжка, она, конечно, тревожится из-за Люси, она говорила мне, что ее супруг, отец Люси, имел ту же привычку: ночью он вставал, одевался и, если его не удерживали, выходил из дому. Осенью свадьба Люси, и она уже теперь прикидывает, какие у нее будут наряды и как она все устроит у себя в доме. Я понимаю ее, поскольку я думаю о том же, но только нам с Джонатаном придется вести очень скромную жизнь и стараться сводить концы с концами. М-р Холмвуд, вернее, высокочтимый сэра Артур Холмвуд – единственный сын лорда Годаминга – приедет сюда, как только сможет оставить город. Задерживает его лишь болезнь отца. Милая Люси, наверное, считает дни до его приезда. Ей хочется отвести его к морю, к нашей скамейке на кладбищенской скале, чтобы показать ему, до чего живописен Уитби. Я убеждена, что из-за этого ожидания она так и волнуется. Она, наверное, совершенно поправится, как только он приедет.

27 ИЮЛЯ. Никаких известий о Джонатане. Очень беспокоюсь о нем, хотя, собственно, не знаю почему; хорошо было бы, если б он написал хоть строчку. Люси страдает лунатизмом сильнее, чем когда-либо, и я каждую ночь просыпаюсь оттого, что она ходит по комнате. К счастью, так жарко, что она не может простудиться, и все же мое беспокойство и вынужденная бессонница дают себя знать. Я стала нервной и плохо сплю. Слава Богу, что здоровье Люси в прежнем состоянии. М-ра Холмвуда неожиданно вызвали в Ринг навестить отца, тот тяжело захворал. Люси мучается из-за отсрочки свидания с ним, но на внешности ее это несколько не отражается; она чуть-чуть окрепла, на щеках играет чудесный румянец. Она утратила свою анемию. Дай Бог, чтобы так и продолжалось.

3 АВГУСТА. Прошла еще неделя, но от Джонатана никаких известий, и даже м-р Хокинс ничего не знает. Но я надеюсь, что он не болен, иначе он, наверное, написал бы. Я перечитываю его последнее письмо, но оно меня не удовлетворяет. Как-то это не похоже на Джонатана, хотя почерк его. В этом не может быть никакого сомнения. Люси не слишком много разгуливала по ночам последнюю неделю, но она будто сосредоточена непонятно на чем; она словно следит за мной, и даже во сне; пробует двери и, когда находит их запертыми, ищет по всей комнате ключи.

6 АВГУСТА. Прошло еще три дня, но никаких новостей. Неопределенность становится ужасающей. Если бы я только знала, куда написать или куда поехать, я бы чувствовала себя гораздо лучше; но никто ничего не слышал о Джонатане со времени его последнего письма. Я должна только молить Бога о терпении. Люси еще более возбуждена, чем раньше, но в общем здорова. Прошлая ночь была очень беспокойной, и рыбаки говорят, ожидается шторм. Я стараюсь быть наблюдательной и запоминать приметы, связанные с погодой. Сегодня пасмурно, и небо заволочено большими тучами, высоко стоящими над Кетленессом. Все серое – кроме зеленой травы, кажущейся изумрудной на этом фоне; серые скалы, нависающие над серым морем; серые тучи, из-за верхней кромки которых пробивается солнце; и песчаные косы, что тянутся в море, как серые пальцы. Море, окутанное надвигающимся туманом, перекидывается с ревом через отмели и прибрежные камни. Горизонт теряется в серой мгле. Впечатление чего-то громадного; тучи висят, словно исполинские скалы, и в природе слышится голос надвигающегося рока. На морском берегу тут и там виднеются, наполовину скрытые в тумане, черные фигуры. Рыбачьи лодки спешат домой – в гавань, они то появляются, то вновь исчезают в волнах бешеного прибоя. Вот идет старый м-р Сволс. Он направляется прямо ко мне, и по тому, как он мне кланяется, я вижу, что он хочет со мною поговорить...

Меня тронула перемена, произошедшая в старике. Сев возле меня, он очень ласково заговорил:

– Мне хочется вам кое-что сказать, мисс.

Я видела, что ему как-то не по себе, поэтому я взяла его руку, старческую и морщинистую, и ласково попросила высказаться. Не отнимая руки, он сказал:

– Боюсь, дорогая моя, что оскорбил вас всеми теми ужасами, которые наговорил, рассказывая о покойниках и тому подобном на прошлой неделе. Но у меня такого и не было на уме, вот что я пришел вам сказать, пока не умер. Старикам вроде нас, которые уже одной ногой в могиле, как-то не по нутру думать об этом и неохота страх на себя нагонять. Вот я и решил: дай-ка, думаю, устрою потеху – сердце себе поражаю. Нет, я не боюсь смерти, видит Бог, не боюсь, да только не стал бы помирать, будь на то моя воля. Срок мой, должно быть, уже подходит, старый я, сто лет – другой бы и не мечтал. Я уж близко, костлявая старуха точит свою косу. Смотрите-ка, никак не отвыкну молотить языком, язык мелет и мелет, как раньше. Скоро уж Ангел Смерти протрубит надо мной в свою трубу. Не нужно грустить и плакать, моя дорогая, – перебил он сам себя, заметив, что я плачу. – Если она явится ко мне нынче ночью, то я не побоюсь откликнуться на ее зов, ведь жизнь, она не что иное, как ожидание чего-то большего, чем здешняя суэта, а смерть – единственное, на что мы и впрямь надеемся. А все-таки доволен, дорогая моя, что она ко мне приближается, да еще так быстро. Она может настигнуть меня вот сейчас, пока мы здесь сидим и любимся. Смотрите, смотрите, – закричал он внезапно, – должно быть, этот ветер с моря уже несет судьбу, и гибель, и страшное горе, и сердечную тоску. Смертью пахнет! Чую ее приближение! Дай-то мне Бог откликнуться на ее зов с легким сердцем!

Он в благоговении простер руки и снял шапку. Губы его шевелились – будто шептали молитву. После нескольких минут молчания он встал, пожал мне руку и благословил меня. Затем попрощался и, прихрамывая, пошел домой. Это меня тронуло и потрясло.

Я обрадовалась, когда увидела подходившего ко мне охранника береговой службы с подозрительной трубкой под мышкой. Он, как всегда, остановился поговорить со мною и при этом все время не сводил глаз с какого-то странного корабля.

– Не могу разобрать, какой это корабль; должно быть – русский. Смотрите, как его страшно бросает во все стороны! Он совершенно не ведает, что ему делать; он, кажется, видит приближение шторма, а не может решить – пойти на север и держаться открытого моря или войти сюда. Смотрите, вот опять. Он будто и вовсе не слушается руля, меняет курс с каждым порывом ветра. И дня не пройдет, как придут вести о нем.

Глава VII

ВЫРЕЗКА ИЗ «ДЭЙЛИ ТЕЛЕГРАФ» ОТ 8 АВГУСТА

(Вклеено в дневник Мины Мюррей)

От собственного корреспондента

Уитби

На днях здесь неожиданно разразился ужасный шторм со странными и единственными в своем роде последствиями. Было довольно жарко, что вполне естественно для августа. В субботу вечером была чудеснейшая погода; все окрестные леса и островки были переполнены гуляющими. Пароходы «Эмма» и «Скарборо» делали многочисленные рейсы вдоль побережья. Пассажиров было непривычно много. Весь день до самого вечера продержалась хорошая погода; вечером поднялся легкий ветерок, обозначаемый на языке барометра «№ 2: легкий бриз». Охранник береговой службы, находившийся на своем посту, немедленно послал сводку, и старый рыбак, наблюдавший более полувека с Восточного утеса за переменами погоды, важным тоном заявил, что это предзнаменование внезапного шторма. Приближающийся закат солнца был столь чудесен и столь величествен в этой массе великолепно окрашенных туч, что целая толпа собралась на дороге к утесу, на кладбище, чтобы любоваться красотой природы. Пока солнце еще не совсем зашло за черной массой Кетленесса, гордо вздымающегося над морскими волнами, путь его к закату был отмечен мириадами облаков, окрашенных лучами заходящего солнца в самые разнообразные цвета – алый, багровый, розовый, зеленый, фиолетовый и во все оттенки золота. Местами обозначились сгустки черноты, небольшие, но абсолютно непроницаемые, всевозможнейших очертаний, с резко обозначенными границами. Подобные световые эффекты не могли кануть втуне для живописцев, и, конечно же, этюды «Перед грозой» украсят собою стены галерей в будущем мае. Многие капитаны решили тогда оставить в гавани, пока шторм не утихнет, свои пароходы. Вечером ветер окончательно стих, а к полуночи всюду воцарились мертвый штиль, знойная жара и та непреодолимая напряженность, которая, в приближении грозы, так странно действует на всякого впечатлительного человека. На море виднелось очень мало судов: местный пароход, обычно придерживающийся берега, несколько рыбацких лодок да еще иностранная шхуна, шедшая на запад под всеми парусами.

Безумная отвага или полное невежество ее моряков послужили благодатной темой для пересудов. Были предприняты попытки подать ей сигнал спустить паруса ввиду приближающейся опасности. Но до самого наступления ночи ее видели с праздно развевающимися парусами мягко покачивающейся на вольной поверхности моря.

Около десяти часов штиль стал положительно угнетающим, и такая тишина, что слышны были бляние овец в поле и лай собак в городе. Оркестр на пирсе с его живыми французскими мелодиями, казалось, вносил диссонанс в великую гармонию природной тишины. Чуть позже полуночи раздался какой-то странный звук со стороны моря, и высоко в небе стал разноситься странный, неясный, гулкий рокот.

Затем без всяких предупреждений разразилась буря. С быстротой, казавшейся сначала невероятной, а затем уже невозможной, весь лик природы как-то вдруг исказился. Волны вздымались с нарастающей яростью, причем каждая следующая превосходила свою предшествен-

ницу, пока наконец в какие-нибудь несколько минут море, бывшее только что гладким как зеркало, не уподобилось ревущему и все поглощающему чудовищу. Волны, украшенные белыми гребнями, бешено бились о прибрежный песок и взбегали по крутым скалам; иные, перевалив через мол, своей пеной омывали фонари маяков, которые поднимались на конце каждого мола гавани Уитби. Грохотавший громово ветер дул с такой силой, что даже крепкому человеку с трудом удавалось держаться на ногах, и то лишь уцепившись за железные перила. Пришлось очистить всю пристань от толпы зрителей, иначе ужасы ночи были бы еще значительнее. Вдобавок ко всем затруднениям и опасностям этой минуты с моря на берег двинулся туман – белые мокрые клубы, плывшие, как привидения, такие промозглые, влажные и холодные, что достаточно было даже скудной фантазии, чтобы вообразить, будто это духи погибших на море обнимают своих живых братьев липкими руками мертвецов. Многие содрогались, когда пелена морского тумана настигала их. Временами туман рассеивался, и в некотором отдалении виднелось море при ослепительном блеске молний; их вспышки следовали одна за другой и сопровождалась такими внезапными ударами грома, что все небо, казалось, дрожало, сотрясаемое поступью бури.

Картины, таким образом явленные, были бесконечно величественными и захватывающими – море, вздымавшееся, будто горы, швыряло в небо огромные клочья пены, а буря разметывала их повсюду. Вот бешено несется, с лохмотьями вместо паруса, рыбацья лодка в поисках приюта! Вот мелькают крылья птицы, гонимой бурей.

На вершине Восточного утеса давно уже был установлен новый прожектор, но все не выдавалось случая его использовать. Теперь офицеры, которым он был поручен, привели его в действие и в просветах вторгающегося тумана освещали его лучами поверхность моря. Труды их были не напрасны. Какую-то полузатопленную рыбацью лодку несло к гавани, лишь благодаря спасительному свету прожектора ей удалось избегнуть несчастья и не разбиться о мол. Всякий раз, как какая-нибудь лодка оказывалась в укрытии гавани, толпа на пирсе раздражалась ликующим криком, который на мгновение перекрывал завывание бури и затем уносился вместе с новым ее порывом. Вскоре прожектор обнаружил вдали корабль с распущенными парусами, очевидно, ту самую шхуну, которая была замечена чуть раньше, вечером. За это время ветер повернул к востоку, и дрожь охватила зрителей на утесе, когда они осознали ужасную опасность, в которой теперь оказалась шхуна. Между шхуной и портом находился тот большой, плоский риф, из-за которого пострадало так много кораблей; и при ветре, дувшем в том же направлении, что и сейчас, шхуне не было никакой возможности войти в гавань. Был уже час, когда прилив достиг высшей точки, волны были так высоки, что в провалах между ними почти открывалось дно, а шхуна неслась на всех парусах с такой быстротой, что, по словам одного старого морского волка, «где-то она да окажется, уж по крайности хоть в аду». Потом снова пополз туман гуще прежнего – промозглая муть, окутывая все серым покровом, из пяти чувств оставив людям только слух, ибо рев урагана, раскаты грома и мощный рокот морских валов даже громче звучали в сырой пелене. Лучи прожектора были теперь направлены через Восточный мол на вход в гавань, на то место, где ожидалось крушение. Толпа ждала затаив дыхание. Ветер внезапно повернул к северо-востоку, и остатки морского тумана рассеялись порывом ветра. И тогда между молами появилась странная шхуна и, перескакивая с волны на волну, с головокружительной быстротой, на всех парусах, вошла в безопасную гавань. Прожектор ярко осветил ее, и ужас охватил всех ее увидевших, ибо оказалось, что к рулевому колесу привязан труп, голова которого страшно болталась из стороны в сторону при каждом движении корабля. На палубе больше никого не было видно. Благоговейный трепет овладел всеми, когда сделалось ясно, что корабль вошел в гавань чудом, ведомый лишь рукой мертвеца. Все произошло гораздо скорее, чем пишутся эти строки. Шхуна, не останавливаясь, пронеслась по гавани и врезалась в гору песка и гальки, намытой многими приливами и штормами, в юго-восточном углу плотины, находящейся под Восточным утесом, известной здесь как Тет-Гилль-Пир.

Когда шхуна врезалась в песок, произошло, естественно, сильное сотрясение. Весь рангоут и прочие снасти с треском полетели вниз.

Но самое странное было то, что, едва шхуна коснулась берега, на палубу выскочила громадная собака, словно сотрясение вытолкнуло ее из недр корабля, и, пробежав по палубе, она соскочила на берег. Бросившись прямо к крутому утесу, на котором возвышалось кладбище, собака исчезла в густом тумане.

Как-то случилось, что в это время на Тет-Гилль-Пир никого не было, все, чьи дома располагались по соседству, или спали, или находились на утесах. Таким образом, охранник береговой службы на восточной стороне гавани, тотчас же спустившийся и прибежавший к малому пирсу, оказался первым, кто взошел на борт. Человек, управлявший прожектором, осветил вход в гавань и, ничего не обнаружив, направил луч на шхуну. Охранник побежал на корму, подошел к рулевому колесу и наклонился, чтобы присмотреться. Но сразу попятился назад, словно внезапно чем-то потрясенный. Это обстоятельство вызвало всеобщее любопытство, и целая толпа народу устремилась туда. От Западного утеса до Тет-Гилль-Пир порядочный путь, но ваш корреспондент неплохой бегун и потому добрался намного раньше своих спутников. Тем не менее, когда я появился, там стояла уже целая толпа, собравшаяся на пирсе, потому что охранник и полиция не разрешали взойти на борт.

Благодаря любезности властей мне, вашему корреспонденту, позволили подняться на палубу, и я стал одним из тех немногих, кто видел мертвого моряка еще привязанным к рулевому колесу. Нет ничего удивительного в том, что охранника охватило удивление, если не ужас, ибо подобную картину увидишь нечасто. Моряк был привязан к рулевому колесу за руки, сложенные крест-накрест. Между рукой и деревом находился крест, а четки, к которым крест приделан, были обмотаны вокруг кисти и колеса, и все вместе связано веревкой. Возможно, бедняга раньше находился в сидячем положении, но хлопавшие и бившиеся паруса, очевидно, повредили рулевое колесо, и тогда его стало кидать из стороны в сторону, так что веревка, которой он был привязан, врезалась в мясо до самых костей. Все подробности были тщательно зафиксированы, и доктор, хирург Дж. М. Кеффин, прибывший тотчас же вслед за мной, после краткого осмотра заявил, что этот человек мертв по крайней мере двое суток. В кармане его была плотно закупоренная бутылка, внутри которой содержалась скатанная в трубочку бумага, как оказалось, дополнение к судовому журналу. Охранник сказал, что он, должно быть, связал себе руки сам, а узлы затянул зубами. Тот факт, что охранник береговой службы был первым, кто поднялся на палубу, способен избавить в дальнейшем от некоторых осложнений в суде Адмиралтейства, ибо береговая охрана не может претендовать на спасенное корабельное имущество; это является правом первого гражданского лица, вступившего на борт потерпевшего крушение судна. Законники тем не менее уже пустили в ход языки, а некий молодой юрист во всеуслышание заявляет, что права владельца полностью отчуждены, ибо его право собственности входит в противоречие с правом «мертвой руки», поскольку румпель, как символ, если и не как доказательство принадлежности имущества, держит *рука мертвеца*. Надо ли говорить, что покойный рулевой был почтительно снят оттуда, где он до самой смерти стоял на своей благородной вахте, – рыцарская твердость духа, под стать юному Касабьянке – и помещен в морг до начала расследования.

Внезапно налетевший шторм уже проходил, его свирепость стихала; толпа разбрелась по домам, а небо заалело над йоркширскими полями. В следующий номер я вышлю новые подробности о потерпевшей крушение шхуне, чудом нашедшей спасение от бури.

Умби

9 АВГУСТА. Обстоятельства, открывшиеся после вчерашнего странного прибытия шхуны в порт, еще ужасней, нежели сам факт прибытия. Это оказалась русская шхуна из Варны, называемая «Деметра», практически без какого бы то ни было полезного груза;

единственный ее груз – некоторое количество больших деревянных ящиков, наполненных землей. Груз этот предназначался стряпчему м-ру С. Ф. Биллингтону в Уитби, приехавшему сегодня утром на борт и официально принявшему в свое распоряжение предназначавшееся ему имущество. Русский консул принял, по обязанности, в свое владение шхуну и заплатил все портовые расходы.

Большой интерес вызывает собака, выскочившая на берег, когда шхуна уткнулась в песок, и множество членов Общества друзей животных, весьма крепкой организации, пытались позаботиться о собаке. Ко всеобщему разочарованию, ее нигде не смогли найти, похоже, она исчезла из города. Возможно, ее напугали, и она сбежала в болото, где теперь еще прячется от страха.

Есть и такие, кто с ужасом думает о подобной возможности, дабы впоследствии она сама не превратилась в угрозу, поскольку ясно, что это свирепый зверюга. Сегодня утром нашли мертвым огромного пса, полукровку-мастифа, принадлежавшего торговцу углем, как раз на дороге, против двора его хозяина. Он с кем-то подрался, и, по-видимому, противник попался яростный, так как горло его было разорвано, а брюхо распорото как будто громадными когтями.

ПОЗДНЕЕ. Благодаря любезности инспектора министерства торговли мне было разрешено просмотреть судовой журнал «*Деметры*», который аккуратно заполняли, за исключением трех последних дней, но там не оказалось ничего особо интересного, кроме факта пропажи людей. Гораздо больший интерес представляет клочок бумаги, найденный в бутылке и предъявленный сегодня следствию. Более загадочного повествования мне не доводилось прежде слышать. Так как нет причин скрывать случившееся, мне разрешили воспользоваться бумагами. Посылаю вам копии. По всему кажется, будто капитаном перед выходом в море владела какая-то навязчивая идея и что эта мысль последовательно развивалась в нем в течение всего путешествия. Утверждение мое, конечно, надо принимать *cum grano*⁹, поскольку я пишу под диктовку секретаря русского консула, который был так любезен, что перевел для меня записи из журнала.

СУДОВОЙ ЖУРНАЛ «ДЕМЕТРЫ»

Варна – Уитби

Записано 18 июля. Происходят такие странные вещи, что я отныне буду писать все как можно точнее до тех пор, пока не прибудем на место.

6 июля. Мы кончили принимать груз – серебряный песок и ящики с землей. В полдень подняли паруса. Ветер восточный, свежий. Экипаж – пять матросов... два помощника, кок и я (капитан).

11 июля. На рассвете вошли в Босфор. Приняли на борт турецких таможенных офицеров. Бакшиш. Все в порядке. Вышли в 4 час. д.

12 июля. Прошли Дарданеллы. Еще больше таможенных офицеров и шлюпок охраны. Опять бакшиш. Офицеры осматривают тщательно, но быстро. Хотят, чтобы мы поскорее убрались. В темноте прошли архипелаг.

13 июля. Прошли мыс Матапан. Экипаж чем-то недоволен. Будто напуганы, но не говорят, в чем дело.

14 июля. Что-то неладное творится с экипажем. Люди все крепкие парни, плававшие со мной прежде. Помощник никак не мог добиться, что случилось; говорили только – *что-*

⁹ То есть «*cum grano salis*» («с известной осторожностью») (*лат.*).

то нечисто – и крестились. Потеряв терпение, помощник ударил одного из них. Ждал дикой свалки, но все обошлось тихо.

16 июля. Утром помощник доложил, что пропал один из матросов, Петровский. Ничем не могу это объяснить. Прошлой ночью нес вахту на левом борту до восьми склянок; его сменил Абрамов, но в кубрик тот не пошел. Люди подавлены сильнее, чем когда-нибудь. Говорят, этого и ждали, но, кроме того, что на корабле *что-то нечисто*, больше ни слова. Помощник все чаще выходит из себя; боюсь какой-нибудь беды впереди.

17 июля. Вчера один матрос, Олгарен, вошел ко мне в каюту и с испуганным видом сказал, что, по его мнению, на корабле находится чужак. Он сказал, что, когда стоял на вахте, была страшная непогода, лил сильный дождь, и он спрятался за рубкой. Вдруг он увидел, как высокий, худой человек, не похожий ни на кого из экипажа, вышел на палубу, прошел по ней и затем исчез. Он осторожно пошел за ним следом, но когда дошел до самого борта, то никого не нашел, а все люки были задраены. Панический суеверный страх овладел им, и я боюсь, что паника распространится. Чтобы ее предотвратить, велю завтра хорошенько обыскать шхуну от носа до кормы.

Позже, днем, я собрал экипаж и сказал, что, так как они думают, будто на шхуне кто-то есть, мы обыщем ее от носа до кормы. Помощник рассердился, сказал, что это глупость и что потакать таким глупостям – значит деморализовать людей; заявил, что берется рассеять все их тревоги при помощи гандшпуга. Но я приказал ему взяться за руль, остальные устроили основательный обыск. Все шли рядом, с фонарями в руках; мы не пропустили ни одного уголка. Так как в трюме стояли только деревянные ящики, то и не оказалось никаких подозрительных углов, где бы человек мог спрятаться. Люди после обыска сразу успокоились и снова мирно принялись за работу. Первый помощник хмурился, но ничего не сказал.

22 июля. Последние три дня штормит, все заняты снастями – бояться некогда. Команда, кажется, забыла про свои страхи. Помощник повеселел, все ладят. Хвалил команду за хорошую работу во время шторма. Прошли Гибралтар. Все в порядке.

24 июля. Какой-то злой рок будто преследует шхуну. И без того уже одним человеком меньше, впереди Бискайский залив, предвидится ужасная погода, а тут вчера еще один человек исчез. Как и первый, пропал во время вахты, и больше его не видели. Люди охвачены паническим страхом; опросил всех, надо ли удвоить вахту, потому что они боятся оставаться поодиночке. Помощник расสวิрепел. Быть беде: или он взбунтуется, или команда.

28 июля. Четыре дня в аду; кружимся все время в каком-то водовороте, а буря не стихает. Ни у кого нет времени поспать. Люди выбились из сил. Не знаю, кого поставить на вахту, никто не способен выдержать. Второй помощник вызвался нести вахту у руля и дал людям возможность насладиться получасовым сном. Ветер стихает, волны еще люты, но меньше, чем прежде, так как чувствую, что шхуна держится устойчивей.

29 июля. Новая трагедия. Ночью на вахте был всего один матрос, так как экипаж слишком утомлен, чтобы ее удваивать. Когда утренняя вахта пришла на смену, то никого не нашла, кроме рулевого. Снова тщательный обыск, но никого не нашли. Теперь я уже и без второго помощника, и в экипаже снова паника. Помощник и я решили постоянно держать при себе заряженные револьверы в ожидании объяснения этой тайны.

30 июля. Последняя ночь. Рады, что Англия близко. Погода чудесная, все паруса подняты. От усталости совершенно измочален; крепко спал; разбудил помощник, сообщивший, что оба вахтенных матроса и рулевой исчезли. На шхуне только я, помощник и два матроса.

1 августа. Второй день туман, и ни одного паруса в пределах видимости. Надеялся, что в Ла-Манше смогу подать сигнал о помощи или зайти куда-нибудь. Из-за нехватки рук не можем управлять парусами, плывем по ветру. Спустить паруса не решаемся. Не сможем поднять их снова. Мы, кажется, находимся во власти какого-то ужасного рока. Помощник теперь сильнее деморализован, чем остальные. Его более сильная натура, кажется, подспудно работала про-

тив него. Люди по ту сторону страха, работают механически, терпеливо, готовые к самому худшему. Они русские, он румын.

2 августа, полночь. Проснулся после пятиминутного сна от крика, раздавшегося как будто за моим иллюминатором. В тумане ничего не видно. Бросился на палубу, налетел на помощника. Говорит, что прибежал, услышав крик, но на вахте ни души. Еще один. Господи, помоги! Помощник говорит, что мы, должно быть, миновали Па-де-Кале; когда на минуту туман разошелся, он видел Северный мыс. Если так, мы теперь в Северном море, и лишь Господь сможет вывести нас из тумана, который будто движется вместе с нами; Господь же отвернулся от нас.

3 августа. В полночь я пошел сменить рулевого, но никого не оказалось у руля. Ветер был сильный, и так как мы шли по ветру, то зевать было нечего. Я не посмел оставить руль и лишь потому окликнул помощника. Через несколько секунд он выбежал на палубу в нижнем белье. Он осунулся, в глазах сверкало безумие, я боюсь за его рассудок. Он подошел ко мне и глухо шепнул в самое ухо, будто боясь, как бы ветер его не услышал: «*Это* здесь; теперь я знаю. Я видел *Это* вчера ночью на вахте, *Это* – в образе высокого, худого и призрачно-бледного человека. *Это* было на корме и выглядывало снизу. Я подкрался и ударил *Это* ножом, только нож прошел сквозь *Это* как сквозь воздух». Говоря, он вытащил нож и яростно вонзил его в пустоту. Потом продолжил: «Но *Это* здесь, и я найду. *Это* может быть в одном из тех ящиков. Я открою их один за другим и посмотрю. А вы управляйте шхунуной». Весь его вид выражал предостережение, а палец прижат к губам. Он направился вниз. Поднялся резкий ветер, так что я не мог отойти от руля. Я видел, как он снова поднялся на палубу с ящиком для инструментов и фонарем и как спускался в передний люк. Он окончательно сошел с ума, и незачем пытаться его остановить. Он не испортит эти ящики; они значатся в накладной как «земля», и передвигать их – самая безопасная вещь, какую только можно себе представить. Так что я остаюсь здесь, слежу за курсом и делаю эти записи. Мне приходится только уповать на Бога и ждать, пока рассеется туман. Тогда, если, двигаясь по ветру, я не смогу зайти ни в одну гавань, я обрежу снасти, лягу в дрейф и подам сигнал о помощи...

Конец теперь уже близок. Я только начал надеяться, что помощник вернется более спокойным, так как я слышал, как он стучит в трюме, – а работа ему полезна, – как вдруг из люка раздался страшный крик, от которого вся кровь ударила мне в голову, и на палубу вылетел разъяренный безумец с выкатившимися глазами и лицом, перекошенным от страха. «Спасите меня, спасите меня!» – кричал он, потом уставился на пелену тумана. Его ужас сменился отчаянием, и он твердо сказал: «Давайте со мной, капитан, пока не поздно. Он там! Теперь я знаю, в чем секрет. Море спасет меня! Да поможет мне Бог!» И прежде чем я успел сказать ему хоть слово или сделать движение, чтобы его схватить, он бросился в море. Мне кажется, теперь я знаю, в чем секрет: это он, этот сумасшедший, уничтожал людей одного за другим, а теперь он сам последовал за ними. Да поможет мне Бог! Как я отвечу за весь этот ужас, когда приду в порт? А когда я приду в порт?.. И будет ли это когда-нибудь?..

4 августа. Повсюду туман, сквозь который не может проникнуть восходящее солнце. Я узнаю восход солнца только инстинктом, как всякий моряк. Я не осмелился сойти вниз – не рискнул оставить руль; так и провел здесь всю ночь – и во мраке ночи увидел... Это... Его!.. Да простит меня Бог! Помощник был прав, бросившись за борт. Лучше умереть, как подобает мужчине, умереть, как подобает моряку, в пучине. Но я капитан, и мне нельзя покинуть свой корабль. Я воспрепятствую этому черту – когда силы станут меня покидать, я привяжу руки к рулевому колесу и еще привяжу то, чего Он – Это! – не посмеет коснуться; и тогда, солнце или ненастье, я спасу свою душу и свое доброе имя. Я делаюсь все слабее, а ночь приближается. Если Он снова посмотрит мне в глаза, у меня может не хватить сил действовать... Если мы погибнем, то, может быть, кто-нибудь найдет эту бутылку и поймет... если же нет... прекрасно,

пусть тогда весь мир знает, что я остался верен долгу. Да помогут Бог, и Святая Дева, и все святые бедной, невинной душе, старавшейся исполнить свой долг...»

Конечно, суд не смог вынести свой вердикт. Ничего определенного не выяснено, и кто убийца – сам ли капитан или нет, сказать теперь некому. Здесь почти все считают капитана прямо героем, и ему устроят торжественные похороны. Все уже устроено, и решено, что тело его повезут в целом караване лодок сначала вверх по Эску, затем назад к Тет-Гилль-Пир, и по лестнице аббатства его поднимут на утес, где на кладбище он и будет похоронен. Уже более ста владельцев лодок записались в качестве желающих проводить его до могилы.

Никаких следов огромной собаки; это сильно огорчает, ибо общественное мнение сейчас находится в таком состоянии, что, полагаю, город взял бы собаку на содержание. Завтра похороны, чем и завершится еще одна «тайна моря».

ДНЕВНИК МИНЫ МЮРРЕЙ

8 АВГУСТА. Всю ночь Люси была очень беспокойна, и я тоже не могла уснуть. Шторм был ужасный, и при каждом завывании ветра в трубе я содрогалась. Иногда были такие резкие удары, что казалось, будто где-то вдалеке стреляют из пушек. Довольно странно: Люси не просыпалась, но она дважды вставала и начинала одеваться; к счастью, я всякий раз вовремя просыпалась и укладывала ее обратно в постель.

Мы встали рано утром и отправились в гавань. Там было очень мало народу и, несмотря на то что солнце было ясно, а воздух чист и свеж, большие суровые волны, казавшиеся черными в сравнении с белой как снег пеной на их гребнях, протискивались сквозь узкий проход в гавань, напоминая человека, протискивающегося сквозь толпу. Я была счастлива при мысли, что Джонатан вчера был не на море, а на суше. Но на суше ли он? Может быть, он на море? Где он и каково ему? Я продолжаю страшно беспокоиться за него. Если бы я только знала, что предпринять, я бы сделала все!

10 АВГУСТА. Похороны бедного капитана были очень трогательны. Кажется, присутствовали все портовые лодки, а капитаны несли гроб всю дорогу от Тет-Гилль-Пир до самого кладбища. Мы вместе с Люси рано отправились к нашему старому месту, в то время как процессия лодок поднималась вверх по реке. Отсюда было великолепно видно, так что мы видели почти всю процессию. Бедного капитана опустили в могилу совсем близко от нас. Бедная Люси казалась очень взволнованной. Она все время была беспокойна, и мне кажется, что это на ней так отзывается сон прошлой ночи. Но она ни за что не хочет сознаться, что является причиной ее беспокойства... В том, что м-р Сволс был найден сегодня утром на нашей скамье мертвым со сломанной шеей, кроется что-то странное. Он, должно быть, в испуге упал со скамьи навзничь, как сказал врач; на лице его замерло выражение страха и ужаса, так что люди говорили, что при виде его дрожь пробегает по телу. Бедный, славный старик! Может быть, он увидел смерть перед собой! Люси так чувствительна, что всякая вещь отражается на ней гораздо сильнее, чем на других. Она только что страшно взволновалась из-за *сущего* пустяка, на который я совершенно не обратила внимания, хотя и сама очень люблю собак: пришел какой-то господин, который и раньше часто приходил сюда за лодкой, в сопровождении своей собаки. Они оба очень спокойные существа: мне никогда не приходилось видеть этого человека сердитым, а собаку лающей. Во время панихиды собака ни за что не хотела подойти к своему хозяину, сидевшему вместе с нами на скамье, а стояла в нескольких ярдах от нас и выла. Хозяин ее говорил с ней сначала ласково, затем резко и, наконец, сердито; но она все не подходила и не переставала рычать. Она была в каком-то бешенстве; глаза ее дико сверкали, шерсть стояла дыбом. В конце концов хозяин ее разозлился, вскочил и ударил собаку ногой, затем, схватив ее за шиворот, потащил и швырнул на надгробную плиту, на которой стояла наша скамейка.

Но едва бедное животное коснулось камня, как тотчас притихло и задрожало. Оно и не пыталось сойти, а как-то присело, дрожа и ежась, и пребывало в таком ужасном состоянии, что я всячески старалась успокоить его, но безуспешно. Все эти сцены так взволновали Люси, что я решила заставить ее проделать перед сном длинную прогулку, чтобы она крепче спала.

Глава VIII

ДНЕВНИК МИНЫ МЮРРЕЙ

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, 11 ВЕЧЕРА. Ну и устала же я! Если бы я твердо не решила вести ежедневно дневник, сегодня ночью я и не раскрыла бы его. Мы совершили чудесную продолжительную прогулку. Люси вскоре развеселилась, благодаря, я думаю, симпатичным коровам, которые обступили нас в поле неподалеку от маяка и напугали нас до полусмерти. По-моему, мы позабыли обо всем на свете, кроме своего страха, конечно, и это помогло нам как будто все начать с чистой страницы. В бухте Робин Гуда мы выпили крепчайшего чая в прелестной маленькой старинной гостинице с окнами-эркерами, выходящими прямо на заросшие водорослями скалы. Думаю, наш аппетит поверг бы в ужас «Новых женщин». Мужчины, слава Богу, куда снисходительней! Потом мы отправились домой, время от времени – а вернее, то и дело – присаживаясь отдохнуть и ни на минуту не переставая бояться диких быков. Люси страшно устала, и мы решили как можно раньше лечь спать. Как раз пришел молодой викарий, и миссис Вестенра пригласила его остаться на ужин, так что нам с Люси пришлось бороться со сном: я знаю, что для меня эта борьба была ужасна, – я определенно чувствую себя героиней... Думаю, епископам следовало бы однажды собраться и позаботиться о том, чтобы вывести новую породу викариев, которые не ужинают, как бы на них ни заседали, и понимают, когда девушки устают. Люси заснула и дышит спокойно, у нее щеки горят сильнее обычного, и как же она прелестна. Если м-р Холмвуд влюбился в нее, видя ее только в гостиной, интересно, что бы он сказал, увидев ее сейчас. Кто-нибудь из «Новых женщин» рано или поздно выдвинет идею, чтобы мужчине и женщине было позволено увидеть друг друга спящими, прежде чем сделать или принять предложение. Думаю, правда, что в будущем «Новая женщина» не унижится до того, чтобы принимать предложение; она станет предлагать себя сама. Ну и натворит же она дел! В этом есть некоторое утешение. Я так счастлива сегодня, милой Люси, кажется, лучше. Я, по правде, думаю, что опасность для нее миновала и тревоги из-за ее снов позади. Я была бы вполне счастлива, если бы только знала, что с Джонатаном... Да благословит и хранит его Бог!

11 АВГУСТА, 3 УТРА. Снова за дневником. Не могу спать, лучше уж буду писать. Я слишком взволнована, чтобы спать. С нами приключилось нечто невероятное, нечто кошмарное. Ночью не успела я закрыть свой дневник, как тотчас же уснула. Вдруг я неожиданно проснулась и села на кровати. Ужасное чувство страха охватило меня – я почувствовала какую-то пустоту вокруг себя. Я не могла видеть постель Люси, комната темна, и потому я крадучись пересекла ее и дотронулась. Постель была пуста. Я зажгла спичку и увидела, что Люси в комнате нет. Дверь закрыта, но не заперта, хотя я заперла ее. Я побоялась разбудить ее мать, так как последнее время она чувствовала себя хуже обыкновенного, так что оделась и решила сама пойти разыскивать Люси. Собираясь выйти из комнаты, я догадалась посмотреть, в чем она вышла, чтобы иметь представление о ее планах. Если в платье, значит, ее надо искать дома, если в костюме, значит, вне дома. Платье и костюм оказались на своих местах. «Слава Богу, – подумала я, – она не могла далеко уйти, ведь она в одной ночной рубашке». Я спустилась по лестнице и посмотрела в гостиную – ее нет. Тогда я стала искать ее по всем комнатам, а страх в сердце постепенно возрастал; таким образом я добралась до входной двери в передней, та оказалась открытой, но не настежь, а чуть приотворенной, замок не был защелкнут. Обычно прислуга на ночь тщательно запирает эту дверь, так что я начала бояться, что Люси вышла на улицу в чем была. Но раздумывать было некогда, тем более что охвативший меня страх

совершенно лишил меня способности разбираться в мелочах. Я закуталась в большую теплую шаль и выбежала на двор, часы пробили час, когда я пробежала по Кресенту; не было видно ни единой души. Я побежала вдоль Северной террасы, но белую фигуру, которую я искала, не нашла. С края Западного утеса над пирсом я посмотрела через гавань на Восточный утес, колеблясь между надеждой и страхом увидеть Люси на нашем любимом месте. Круглая луна ярко освещала местность, а окружающие ее облака превратили всю сцену в море света и теней. Одно время я ничего не видела, так как церковь Святой Марии и местность, примыкавшая к ней, оставались в тени. Затем, когда луна высвободилась из облака, я прежде всего увидела руины аббатства; а когда узкая полоса света двинулась дальше, то осветила церковь и кладбище. Мое предположение оправдалось: луна осветила белую как снег фигуру, сидевшую на нашей любимой скамейке. Но тут новое облако погрузило все снова во мрак, и я больше ничего не успела разглядеть; мне лишь показалось, что позади скамейки, на которой сидела белая фигура, стояла наклонившаяся над ней какая-то черная тень. Был ли это человек или животное – я не могла определить, но я не стала ждать, пока снова прояснится, а бросилась бежать по ступеням к пирсу и пролетела мимо рыбного ряда прямо к мосту – единственному пути, который вел к Восточному утесу. Город казался вымершим, на улицах никого не было. Я была очень этому рада, ибо совсем не хотела, чтобы ужасное состояние бедной Люси видел хоть кто-нибудь. Время и расстояние казались мне бесконечными, колени мои дрожали, и я задыхалась, взбираясь по бесчисленным ступенькам к аббатству. Я, должно быть, шла очень быстро, и все же у меня было такое чувство, словно ноги налиты свинцом, а все суставы окаменели. Когда я дошла почти до верха, то уже могла различить скамейку и белую фигуру, несмотря на то что было темно. Оказывается – я не ошиблась, – какая-то длинная черная тень стояла, нагнувшись над полулежащей белой фигурой. Я крикнула в испуге: «Люси! Люси!» Тень подняла голову, и со своего места я ясно различила бледное лицо с красными сверкающими глазами. Люси не отвечала, и я побежала к воротам кладбища. Когда я вошла, то церковь пришлась между мной и скамейкой, так что на мгновение я потеряла Люси из виду. Когда я вышла из-за церкви, луна, высвободившись из облака, ярко светила, и я ясно увидела, что Люси полулежит, запрокинув голову на спинку скамьи. Она была теперь совершенно одна. Около нее не было даже признака живого существа.

Когда я к ней наклонилась, я увидела, что она еще спала. Рот у нее был полуоткрыт, но дышала она не так ровно, как всегда, а как-то затрудненно, будто пытаюсь ухватить побольше воздуха. Когда я подошла к ней, она бессознательно подняла руку и крепко стянула воротник ночной рубашки у горла, при этом она вздрогнула, будто почувствовала холод. Я закутала ее в свою теплую шаль, плотно запахнув ее у шеи, так как боялась, что она простудится, разгуливая ночью в одной рубашке, налегке. Я боялась разбудить ее сразу и, желая оставить свободными руки, чтобы поддержать ее, у шеи закрепила ей шаль английской булавкой. Но в своей поспешности я, должно быть, неосторожно оцарапала или задела ее булавкой, так как, после того как она начала спокойнее дышать, она все время хваталась рукой за горло и стонала. Закутав ее хорошенько и обув в свои туфли, я принялась ее осторожно будить. Вначале она не отзывалась; потом сон ее стал тревожнее, и временами она стонала и вздыхала; так как время быстро проходило, да еще по многим другим причинам, я хотела как можно скорее доставить ее домой. Я затормозила ее сильнее, и наконец она открыла глаза. Она как будто не удивилась, увидев меня, ибо, конечно, не сразу сообразила, где находится. Люси всегда пробуждается так мило, что и теперь, когда ее тело, должно быть, продрогло от холода, а рассудок в смятении оттого, что пробуждение наступило на кладбище ночью, она не утратила своей прелести. Содрогнувшись, она прильнула ко мне.

Когда я ей сказала, чтобы она сейчас же шла со мной домой, она моментально встала и послушно, как дитя, за мной последовала. Мы шли, но гравий ранил мне ноги, и Люси заметила, что я морщусь. Остановившись, она стала требовать, чтобы я взяла свои туфли, чего я

не сделала. Когда, однако, мы вышли с кладбища, где на дороге оставалась еще лужа после грозы, я окунула ступни в грязь, чтобы какой-нибудь случайный прохожий не заметил моих босых ног.

Нам посчастливилось, и мы добрались до дому, никого не встретив. У меня все время сердце так сильно билось, что мне казалось, будто я теряю сознание... Я безумно перепугалась за Люси, не только за ее здоровье, которое могло пострадать после этого ночного случая, но также и за ее репутацию, если эта история получит огласку. Добравшись наконец домой, мы прежде всего отогрели ноги и вместе помолились Богу в благодарность за спасение, затем я уложила Люси в постель, и, перед тем как заснуть, она просила и заклинала меня никому, даже матери, не говорить ни слова о ее приключении. Сначала я колебалась, дать ли подобное обещание, но, вспомнив о состоянии здоровья ее матери и зная, как сильно такая вещь может напугать ее, я решила, что умнее будет промолчать об этом. Надеюсь, я правильно рассудила. Я заперла дверь на ключ и привязала ключ к запястью, так что теперь, надеюсь, меня больше не будут беспокоить. Люси спокойно спит.

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, ПОЛДЕНЬ. Все идет хорошо. Люси спала, пока я ее не разбудила, и даже ни разу не шелохнулась во сне. Ночное приключение ей, кажется, не повредило; наоборот, будто пошло на пользу, с утра сегодня она выглядит лучше, чем в последние недели. Я расстроилась, заметив, что из-за своей неловкости поранила ее булавкой. И должно быть, сильно, кожа у нее на шее поранена. Вероятно, я прихватила булавкой кусочек кожи и, застегивая, проколола ее насквозь, так как на горле два маленьких отверстия, точно от иголки; кроме того, на ночной рубашке виднелось пятнышко крови. Когда я, напуганная этим, извинилась перед нею, она рассмеялась и приласкала меня, сказав, что ничего не чувствует. К счастью, ранки очень маленькие, и шрама не останется.

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, ВЕЧЕРОМ. Мы чудесно провели день. Стояла ясная погода, светило солнце, дул прохладный ветерок. Мы устроили пикник в Мулгрейв-Вудз, миссис Вестенра отправилась туда в коляске, мы же с Люси прошли тропинкой между скалами и встретили ее у ворот. Мне немножко взгрустнулось, я не могла удержаться от мысли, что это было бы *абсолютное* счастье, будь со мной Джонатан. Ну что ж! Надо лишь набраться терпения. Вечером мы гуляли по Казино-Террас, слушали хорошую музыку Шпора и Маккензи и рано легли спать. Люси кажется более спокойной, чем все это время, она сразу же заснула. Я запру дверь и снова привяжу ключ к запястью, хоть и не жду сегодня никаких волнений.

12 АВГУСТА. Мои предположения о спокойной ночи не оправдались, так как ночью я дважды просыпалась оттого, что Люси старалась уйти. Даже во сне она казалась возмущенной тем, что дверь заперта, и очень недовольная легла обратно в постель. Я проснулась на рассвете и услышала чириканье птичек под окном. Люси тоже проснулась, и мне было приятно, что она чувствовала себя лучше, чем в предыдущее утро. К ней опять вернулась вся ее прежняя, беззаботная веселость, она забралась ко мне в постель и рассказала мне все об Артуре. Я же поведала ей свои опасения относительно Джонатана, и она старалась меня успокоить.

Что ж, в какой-то мере это ей удалось, сочувствие хоть и не может изменить обстоятельств, зато может их сделать более сносными.

13 АВГУСТА. Снова спокойный день и снова сон с ключом на запястье. Ночью я опять проснулась и увидела: спящая Люси сидит на постели, обратясь к окну. Я встала с постели и, раздвинув штору, выглянула в окно. Луна ярко светила; под мягкими лунными лучами небо и море, как будто слившиеся в одну глубокую тихую тайну, определенно были исполнены невыразимой красоты. У окна, беспрестанно кружа, носилась большая летучая мышь; озаренная

лунным светом, она то появлялась, то вновь исчезала; раз или два она подлетала к самому окну, но затем, должно быть испугавшись меня, полетела через гавань к аббатству. Когда я отошла от окна, Люси уже спокойно лежала и спала. Больше она ни разу не поднималась за всю ночь.

14 АВГУСТА. Сидела на Восточном утесе, целый день читала и писала. Люси, кажется, так же влюбилась в это место, как я. Ее трудно зазвать отсюда домой к завтраку, к чаю или к обеду. Сегодня днем она сделала очень странное замечание: мы возвращались домой к обеду и, когда были на самом верху лестницы, остановились, чтобы, как всегда, полюбоваться видом. Красные лучи заходящего солнца озаряли Восточный утес и старое аббатство; казалось, будто все окружающее купалось в великолепном розовом свете. Мы молча стояли и любовались, как вдруг Люси прошептала как бы про себя:

– Опять его красные глаза, они совсем такие.

Это странное выражение, сорвавшееся *ни с того ни с сего* с ее уст, положительно испугало меня. Я осторожно оглянулась, чтобы хорошенько посмотреть на Люси, так, чтобы она не заметила этого, и увидела, что она была в каком-то полубезытии с очень странным, непонятным мне выражением лица; я ничего не сказала, но проследила за ее взглядом. Она смотрела на нашу любимую скамейку, на которой одиноко сидела какая-то темная фигура. Я сама немного испугалась, так как мне показалось, что у незнакомца были громадные, горящие как угли глаза; но, когда я посмотрела вторично, иллюзия рассеялась. Это просто красный свет солнца отражался в окнах церкви Святой Марии. Я обратила внимание Люси на это явление, она вздрогнула и пришла в себя, но все-таки была печальна; возможно, она вспомнила приключение той ужасной ночи. Мы никогда не вспоминаем об этом, так что и теперь я ничего не сказала, и мы пошли домой обедать. У Люси заболела голова, и она рано отправилась спать. Я же прогулялась немного по утесам и была полна сладкой грусти, так как все думала о Джонатане. Когда я возвращалась домой, луна так ярко светила, что, за исключением передней части начинающегося около нас квартала Кресент, все остальное было ясно видно. Я взглянула на наше окно и заметила выглядывающую из него Люси. Я подумала, что она, вероятно, смотрит на меня, тогда я вынула носовой платок и стала махать ей. Она не обратила на это никакого внимания, даже не шелохнулась. Тут по углу дома как раз пополз свет луны и упал на окно, тогда я ясно увидела, что Люси сидит на подоконнике с запрокинутой головой и закрытыми глазами, а около нее что-то вроде большой птицы. Боясь, как бы она не простудилась, я быстро побежала вверх по лестнице, но, когда я вошла в спальню, Люси, с трудом переводя дыхание, в глубоком сне двигалась к постели; руку она держала у горла, словно защищая его от холода.

Я не будила ее, но только закутала ее потеплее и позаботилась о том, чтобы двери и окно были хорошенько заперты.

Люси выглядит во сне такой прелестной, хотя и немного бледнее обычного, а под глазами у нее какая-то странная тень, которая мне вовсе не понравилась. Боюсь, ее что-то мучит. Хотела бы я знать что.

15 АВГУСТА. Встала позже обыкновенного. Люси была утомлена и продолжала спать до того момента, как нас позвали к столу. За завтраком нас ожидал приятный сюрприз. Отцу Артура стало лучше, и он торопит свадьбу. Люси полна безмятежного счастья, а мать ее одновременно и рада, и огорчена. Чуть позже в тот же день она разъяснила мне причину этого. Она очень опечалена, что приходится расстаться с Люси, но довольна, что за Люси скоро будут присматривать. Бедная, милая леди! Она поведала мне, что у нее порок сердца. Она не говорила об этом Люси и просила меня держать это в секрете; врач сказал ей, что ей осталось жить самое большее несколько месяцев, так как ее сердце ослабело. В любой момент неожиданное потрясение может убить ее. Ах, правы мы были, скрыв от нее историю той жуткой ночи.

17 АВГУСТА. Не вела дневник целых два дня. У меня не хватало духу вести его. Какая-то черная тень как будто обволакивает наше счастье. Никаких известий о Джонатане. Люси становится все слабее и слабее, а дни ее матери сочтены. Я не понимаю, отчего Люси тает на глазах. Она хорошо ест и спит, бывает на воздухе, но, несмотря на это, румянец у нее на щеках все бледнеет, и она с каждым днем слабеет и делается более вялой. Я слышу, как по ночам она задыхается, будто ей не хватает воздуха. Ключ от дверей у меня каждую ночь на руке, но она встает и ходит по комнате или сидит у открытого окна. Прошлой ночью, когда я проснулась, я снова застала ее у открытого окна, и когда я хотела ее разбудить, то не могла: она была в обмороке. Когда мне наконец удалось привести ее в сознание, она была невероятно слаба и тихо плакала, стараясь отдышаться, – когда я ее спросила, как это она очутилась у окна, она покачала головой и отвернулась от меня. Надеюсь, ее болезнь не вызвана этим несчастным уколом булавки. Пока она спала, я осмотрела ее шею. Оказалось, что маленькие ранки еще не зажили, они все еще открыты и как будто расширились, а края их побледнели. Они напоминают маленькие белые кружочки с красной точкой посередине: если они не заживут через несколько дней, я настойчиво буду требовать, чтоб врач их осмотрел.

**ПИСЬМО СЭМЮЭЛЯ Ф. БИЛЛИНГТОНА И СЫН, СТЯПЧИХ,
УИТБИ, гг. КАРТЕРУ, ПАТЕРСОНУ И К°, ЛОНДОН**

«17 АВГУСТА.

Уважаемые господа,

При сем прилагаю накладную на товар, отправленный по Великой Северной железной дороге. Он должен быть доставлен в Карфакс близ Парфлита немедленно по получении на станции Кингс-Кросс. Дом в настоящее время необитаем, ключи прилагаю при сем; все они занумерованы.

Прошу сложить ящики, количеством пятьдесят, составляющие эту кладь, в разрушенной части дома, помеченной буквой А на плане, который при сем прилагается. Вашему агенту нетрудно будет отыскать нужное место, так как это старая домовая часовня. Товар отправят сегодня в 9.30, и он должен быть в Кингс-Кросс завтра в 4.30. Так как наш клиент желал бы получить кладь возможно скорее, то вам придется к назначенному времени приготовить повозки, чтобы тотчас доставить ящики по назначению. Чтобы избежать возможных задержек из-за платежей в вашем отделении, прилагаю при сем чек на десять фунтов (10 ф.), в получении которого прошу выдать квитанцию. Если расходов будет меньше, то можете вернуть остаток, если больше, то мы вам немедленно вышлем чек на израсходованный излишек. Когда вы окончите дело, то оставьте ключи в доме, где владелец сам их возьмет. От входной двери у него есть свой ключ. Просим вас не быть на нас в претензии за то, что мы нарушаем правила вежливости, настаивая поторопиться с доставкой.

С уважением, искренне ваши

СЭМЮЭЛЬ Ф. БИЛЛИНГТОН И СЫН».

**ПИСЬМО гг. КАРТЕРА, ПАТЕРСОНА И К
°, ЛОНДОН, гг. БИЛЛИНГТОНУ И СЫН, УИТБИ**

«21 АВГУСТА. Уважаемые господа,

10 ф. мы получили, просим прислать чек еще на 1 ф. 17 ш. 9 п., которые с вас следуют, как это видно из прилагаемого счета. Товар доставлен согласно инструкциям, а связка ключей оставлена, как было указано, в передней.

*С уважением,
ЗА КАРТЕРА, ПАТЕРСОНА И К^о».*

ДНЕВНИК МИНЫ МЮРРЕЙ

18 АВГУСТА. Сегодня я счастлива и снова пишу, сидя на нашей скамейке на кладбище. Люси опять гораздо лучше. Прошлую ночь она спала великолепно и ни разу меня не потревожила. Румянец постепенно возвращается к ней, хотя она все еще очень бледна и плохо выглядит. Если бы она была малокровной, ее состояние было бы понятно, но ведь этого нет. Она оживлена, весела и мила. Вся ее болезненная скрытность пропала, только что она напомнила мне, будто я нуждаюсь в напоминании о той ночи и что именно здесь, на этой самой скамейке, я нашла ее спящей. Говоря это, она шутливо постучала каблуком по каменной плите:

– Бедные мои ножки тогда бы не смогли наделать столько шума! Несчастный м-р Сволс, пожалуй бы, сказал, что это оттого, что я не хотела будить Джорди.

Воспользовавшись ее разговорчивостью, я спросила, снилось ли ей что-нибудь в ту ночь. Не сразу ответив, она нахмурила брови тем милым движением, которое очень любит Артур, – я переняла привычку звать его Артуром у Люси. Потом, словно грезя наяву, она попыталась вызвать в памяти ту ночь.

– Я как будто не совсем спала; мне даже казалось, что все это было наяву. Мне почему-то вдруг захотелось прийти сюда, но почему, я не знаю; я чего-то боялась, но чего? Тоже не знаю. Помню сквозь сон, что шла по улицам и перешла мост. Когда поднималась по лестнице, я услышала такой собачий вой, что казалось, будто весь город полон собак, которые воют все сразу. Затем мне смутно помнится что-то высокое, черное, с красными глазами, как раз такими, как тот закат; потом что-то нежное и горькое вдруг охватило меня; потом мне казалось, будто я погружаюсь в глубокую зеленую воду и слышу какое-то пение, как, говорят, это бывает с утопающими; затем все закружилось передо мной, и моя душа будто покинула мое тело и витала где-то в воздухе. Еще помню, что Западный маяк на миг был как раз подо мной, потом я почувствовала что-то мучительное, будто происходит землетрясение. Я пришла в себя и обнаружила, что ты тормозишь меня. Я прежде увидела, как ты это делаешь, чем почувствовала.

Она засмеялась. Мне все это показалось жутким, я слушала, не смея вздохнуть. Не очень-то мне это нравится, я решила, что лучше не давать ей об этом задумываться, и перешла на другую тему. Люси снова сделалась прежней. По дороге домой свежий ветерок подбодрил ее, и ее щеки порозовели. Ее мать очень обрадовалась, когда увидела ее, и мы все провели прелестный вечер.

19 АВГУСТА. Счастье, счастье, счастье! Хотя и не только счастье. Наконец известие о Джонатане. Бедняжка был болен; вот почему он и не писал. Я не боюсь уже об этом думать или говорить теперь, когда я все знаю. М-р Хокинс переслал мне письмо и сам приписал пару трогательных строк. Сегодня же утром я еду к Джонатану – помочь, если будет нужно, ухаживать за ним и привезти его домой. М-р Хокинс пишет, что было бы вовсе не плохо, если бы мы вскоре поженились. Я плакала над письмом этой славной сестры милосердия, пока оно не промокло насквозь. План моего путешествия уже намечен, и багаж уложен. Я беру только одну смену платья; Люси привезет все остальное в Лондон и оставит у себя, пока я не пришло за ним, так как может случиться, что... но больше мне не следует писать, расскажу все Джонатану, моему мужу. Письмо, которое он видел и которого касался, должно утешать меня, пока мы с ним не встретимся.

ПИСЬМО СЕСТРЫ АГАТЫ, БОЛЬНИЦА СВ. ИОСИФА И СВ. МАРИИ, БУДАПЕШТ, МИСС ВИЛЬГЕЛЬМИНЕ МЮРРЕЙ

«12 АВГУСТА.

Милостивая государыня!

Пишу по желанию м-ра Джонатана Харкера, который еще недостаточно окреп, чтобы писать самому, хотя ему уже гораздо лучше благодаря Богу, и святому Иосифу, и святой Марии. Он пролежал у нас около шести недель в сильнейшей горячке. Он просит меня успокоить свою невесту и передать ей, кроме того, что с этой же почтой он посылает письмо м-ру Питеру Хокинсу, которому просит передать свое глубокое почтение, что он очень огорчен своей задержкой и что дело его закончено. Он пробудет еще пару недель в нашем санатории, расположенном в горах, а затем отправится домой. Кроме того, он просит меня сообщить вам, что у него не хватает денег, чтобы расплатиться, а он желал бы заплатить за свое пребывание здесь, дабы другие страждущие не оказались без помощи.

Примите уверение в полном моем уважении, и да благословит вас Бог.
СЕСТРА АГАТА.

P.S. Мой пациент уснул, я вскрыла это письмо, чтобы сообщить вам еще кое-что. Он мне все рассказал про вас и о том, что вы скоро будете его женой. Да благословит вас обоих Создатель. У него было, по-видимому, какое-то потрясение – так говорит наш доктор, – и в своей горячке он все бредит всевозможными ужасами: волками, ядом и кровью, призраками и злыми духами, и я боюсь даже сказать, чем еще, но будьте с ним осторожны и следите за тем, чтобы его ничто не тревожило; следы такой болезни, как его, не скоро исчезнут. Мы уже давно написали бы, да ничего не знали о его друзьях, а из его рассказов мы ничего не могли понять. Он приехал поездом из Клаузенбурга, и начальник станции рассказывал служащему, что на станции он кричал, чтобы ему дали билет домой. Видя по его буйному поведению, что он англичанин, ему выдали билет до конечной станции этой железной дороги.

Не беспокойтесь о нем, так как за ним заботливый уход. Своей добротой и благовоспитанностью он победил наши сердца. Теперь ему действительно гораздо лучше, и я не сомневаюсь, что через несколько недель он совершенно поправится, но ради его же спасения будьте с ним очень осторожны. Я буду молиться за ваше долгое счастье Господу Богу, и святому Иосифу, и святой Марии».

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

19 АВГУСТА. Вчера вечером в Ренфилде произошла странная и неожиданная перемена. Около восьми часов его охватило возбуждение, и он начал рыскать повсюду, словно собака, берущая след. Служитель был этим поражен и, зная, как я им интересуюсь, постарался, чтобы Ренфилд разговорился. Обычно Ренфилд относится к служителю с уважением, порой даже с раболепством, но сегодня, по словам служителя, он держался с ним надменно. Ни за что не захотел снизойти до разговора с ним. Вот все, чего тот от него добился:

– Я не желаю с вами говорить; вы теперь для меня не существуете; Господин уже близко.

Служитель думает, что у Ренфилда внезапный приступ религиозной мании. Если так, надо быть начеку: физически сильный человек с навязчивой религиозной идеей и склонностью к убийству может быть опасен. Это страшное сочетание. В девять часов я зашел к нему сам. Отношение его ко мне примерно такое же, как и к служителю; с его завышенной самооценкой разница между мной и служителем показалась ему ничтожной. Это похоже на религиозную манию, и скоро он, вероятно, возомнит себя Богом. Мелкие различия между людьми слишком

незначительны для того, кто является Всемогущим. Как эти маньяки себя выдают! Ни одна малая птица не упадет на землю без воли Бога Истинного; но бог, порожденный людским тщеславием, не видит разницы между воробьем и орлом. О люди...

На протяжении полчаса, или даже больше, Ренфилд все сильнее и сильнее возбуждался. Я не подал и виду, что слежу за ним, но все-таки очень внимательно его наблюдал: в его глазах внезапно появилось то хитрое выражение, которое мы замечаем обычно у сумасшедшего, когда он занят какой-нибудь определенной мыслью. Затем он сразу успокоился и обреченно уселся на краю кровати, уставившись в пространство тусклыми глазами. Я решил узнать, представлялся ли он апатичным или он на самом деле таков, и завел с ним разговор о его любимцах – тема, которая никогда не оставляла его равнодушным. Сначала он ничего мне не отвечал, потом сказал брезгливо:

– Да ну их всех! Я нисколько ими не интересуюсь.

– Что? – переспросил я. – Не хотите ли вы этим сказать, что не интересуетесь пауками? (Теперь пауки – его слабость, и его записная книжка заполняется столбиками цифр.)

На это он загадочно ответил:

– Подружки невесты радуют взоры тех, кто ожидает невесту, но, когда невеста появится, они перестают их замечать.

Он не хотел объяснить значения своих слов и все время, что я у него пробыл, молча просидел на постели.

Я сегодня утомлен и подавлен. Думаю только о Люси и о том, как все могло быть иначе. Если сейчас же не усну, хлорал, современный Морфей, – $C_2HCl_3OH_2O$! Надо поостеречься, чтобы это не вошло в привычку. Нет, не стану ничего принимать сегодня! Я думал о Люси и не буду ее пятнать, смешивая две эти вещи. Бессонница – значит, бессонница...

Рад, что дал себе это обещание, того больше рад, что сдержал его. Я ворочался в постели с боку на бок, когда услышал, что часы бьют еще только два, – тогда и пришел дежурный, посланный из палаты с сообщением, что Ренфилд сбежал. Я наскоро оделся и тотчас же спустился вниз; мой пациент слишком опасный человек, чтобы оставлять его на свободе. Его идеи могут плохо отразиться на посторонних. Служитель ждал меня. Он сказал мне, что всего десять минут тому назад он видел Ренфилда в дверной глазок спящим. Затем его внимание привлек звон разбитого стекла. Когда он бросился к нему в комнату, то увидел в окне только пятки и тотчас же послал за мной. Больной в одной ночной рубашке и, наверное, не успел убежать далеко. Дежурный решил, что лучше посмотреть и проследить, куда он пойдет, а то можно, выйдя из дому через дверь, потерять его из виду. Дежурный был слишком толст, чтобы пролезть в окно, а так как я худощав, то с его помощью легко пролез ногами вперед и прыгнул на землю, так как окно не очень высоко. Служитель сказал мне, что пациент свернул налево, потом пустился напрямик, так что я побежал как можно быстрее вслед за ним. Миновав деревья, я увидел белую фигуру, карабкающуюся по высокой стене, которая отделяет наше владение от соседей. Я сейчас же вернулся и приказал дежурному немедленно позвать четырех служителей на тот случай, если больной в припадке буйства, и последовать за ним в Карфакс. Сам же я достал лестницу и перелез через стену вслед за беглецом. Я как раз увидел Ренфилда, исчезающего за углом дома, и погнался за ним. Он был уже далеко, и я увидел, как он прижался к обитой железом дубовой двери часовни. Он разговаривал с кем-то, а я боялся подойти, чтобы его не напугать, иначе он мог бы убежать. Гнаться за пчелиным роем – ничто в сравнении с погоней за полуголым сумасшедшим, когда ему взбредет в голову убежать. Вскоре я, однако, убедился в том, что он совершенно не обращал внимания на окружающее, и я стал подходить к нему ближе, тем более что мои люди тоже уже перелезли через стену и окружили его. Я слышал, как он говорил: «Я здесь, Господин мой, чтобы выслушать Ваше приказание. Я Ваш раб, и Вы вознаградите меня, так как я буду Вам верен. Я давно уже Вас ожидаю. Теперь Вы

здесь, и я жду Ваших приказаний и надеюсь, что Вы меня не обойдете, дорогой мой Господин, и наделите Вашим добром».

Как бы там ни было, а он все-таки старый жадный нищий. Он думает о хлебах и рыбах, когда убежден, что перед ним Бог. Его мания представляет собой какой-то странный конгломерат. Когда мы его захватили, он боролся, как тигр. Он невероятно силен и больше походил на дикого зверя, чем на человека. Я никогда не видал сумасшедшего в таком припадке бешенства и, надеюсь, больше никогда не увижу. Счастье еще, что мы захватили его вовремя. С его силой и решительностью он мог бы натворить много бед, прежде чем удалось бы его усмирить. Теперь он, во всяком случае, безопасен. Сам Джек Шеппард не смог бы освободиться от той смирительной рубашки, которой мы связали его, и он прикован к стене в комнате, обитой войлоком. Крики его по временам чудовищны, но еще страшнее молчание, ибо каждая его минута чревата мыслями об убийстве.

Только сейчас он произнес первые связные слова:

– Я буду терпеть, Господин мой. Это грядет – грядет – грядет!

Сначала я был слишком возбужден, чтобы заснуть, но дневник успокоил меня, и я чувствую, что сегодня буду спать.

Глава IX

ПИСЬМО МИНЫ ХАРКЕР ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

«БУДАПЕШТ, 24 АВГУСТА.

Моя дорогая Люси!

Я знаю, что тебе очень хочется знать все, что произошло со мною с тех пор, как мы с тобой расстались на вокзале Уитби. Дороги я не заметила, так как страшно волновалась при мысли, каким-то я застану Джонатана, и, кроме того, зная, что мне предстоит ухаживать за ним, заранее выпалась... Вид, в котором я застала бедняжку, был ужасен: исхудалый, бледный, страшно ослабевший. Его глаза совершенно утратили свойственное Джонатану выражение решительности, а то поразительное спокойствие, которым, как я часто говорила тебе, дышало его лицо, теперь исчезло. От него осталась одна лишь тень, и он ничего не помнит из того, что с ним произошло за последнее время. Во всяком случае, он хочет, чтобы я так думала. Видно, он пережил страшное нравственное потрясение, и я боюсь, если он станет вспоминать о нем, это отразится на его рассудке. Сестра Агата – доброе существо и прирожденная сиделка – рассказывала мне, что в бреду он говорил об ужасных вещах. Я просила ее сказать мне, о каких именно, но она только перекрестилась и ответила, что никогда не в состоянии будет это передать, что бред больного – тайна ото всех и если сестре милосердия и приходится услышать какую-нибудь тайну во время исполнения своих обязанностей, она не имеет права ее выдавать. Ласковая, добрая душа, она на следующий день, видя мою тревогу, вернулась к прежней теме разговора. Снова отказавшись открыть то, о чем бредил бедняжка, сестра Агата добавила: «Хочу вас уверить, дорогая: речь не идет о каком-либо дурном поступке, и вы, которой предстоит стать его женой, можете ни о чем не беспокоиться. Он не забыл вас и своих обязанностей по отношению к вам. Его страх порожден столь великими и ужасными вещами, что ни один смертный не может о них рассуждать». Мне кажется, добрая душа думает, я буду ревновать, если узнаю, что мой бедняжка влюбился в какую-нибудь девушку. Ну и мысль – я ревную Джонатана! Хотя, дорогая, позволь признаться: сердце прыгает у меня в груди от радости, когда я *узнала*, что дело не в другой женщине. Он спит... Я сижу у его постели и смотрю на него. Вот он просыпается... Проснувшись, он попросил, чтобы ему подали его костюм, так как ему нужно было что-то достать из кармана. Я попросила сестру Агату достать его, и она принесла ему все вещи. Среди них я увидела его записную книжку. Мне очень хотелось попросить дать мне ее, так как я догадалась, что в ней найду разгадку всех его тревог. Вероятно, он прочел это желание на моем лице, так как вдруг попросил меня отойти к окну, сказав, что ему хочется остаться одному на короткое время. Чуть позже он позвал меня; когда я подошла, он обратился ко мне с очень серьезным видом, держа свою записную книжку в руках, со следующими словами: «Вильгельмина, – я поняла, что он чертовски серьезен, ведь он не называл меня этим именем с тех пор, как сделал мне предложение, – ты знаешь, дорогая, мой взгляд на откровенность, которая должна царить в отношениях между мужем и женой: между ними не должно быть никаких тайн, никаких недомолвок. Я пережил сильное нравственное потрясение; когда я вспоминаю о случившемся, то чувствую, что у меня голова идет кругом, и я определенно не знаю, случилось ли все это со мной в действительности или же это бред сумасшедшего. Ты знаешь, что я перенес воспаление мозга, знаешь, что я был близок к тому, чтобы сойти с ума. Моя тайна здесь – в тетрадке, но я не хочу ее знать. Я хочу привести свою жизнь в порядок здесь – при помощи нашего брака. Затем я хочу напомнить тебе, моя дорогая, что мы решили пожениться, как только все формальности будут выполнены. Хочешь ли ты, Вильгельмина,

разделить со мной мое незнание? Вот моя тетрадь. Сохрани ее у себя, прочти ее, если хочешь, но никогда не говори со мной об этом; иначе, воистину, некий священный долг, о котором здесь написано, заставит меня вернуться к тем зловещим часам – спящим или бодрствующим, в здравом рассудке или в безумии». Тут он в изнеможении упал на кровать, я же положила тетрадку ему под подушку и поцеловала его. Я попросила сестру Агату пойти к директору за разрешением назначить нашу свадьбу на сегодняшний вечер, и вот я сижу и жду ответа...

Она только что вернулась и сказала мне, что послали за священником Английской миссии. Мы венчаемся через час, то есть как только Джонатан проснется...

Милая Люси, вот и свершилось! Я настроена очень торжественно, но я очень, очень счастлива. Джонатан проснулся через час, даже чуть позже, когда все уже было приготовлено; его усадили на постели и обложили подушками, он произнес очень твердо и решительно свое «да, я согласен», я же едва была в состоянии говорить; мое сердце было так переполнено, что я еле выговорила несколько этих слов. Сестры были так добры ко мне. Господи! Я никогда, никогда не забуду ни их, ни торжественные и сладостные обязательства, принятые мною. Я должна тебе сообщить о своем свадебном подарке. Когда священник и сестрица оставили нас с мужем наедине, – о Люси, в первый раз пишу я это слово «муж», – оставили нас с мужем наедине, – я взяла из-под подушки дневник, завернула его в белую бумагу, перевязала кусочком бледно-голубой ленты, которую носила на шее, и запечатала узел воском, использовав в качестве печатки обручальное кольцо. Потом я поцеловала его и, показав мужу, сказала, что этот дневник послужит залогом нашей веры друг в друга, что я никогда не распечатаю его, разве только это придется сделать ради его собственного спасения или для исполнения какого-нибудь непреложного долга. Потом он взял мои руки и – Люси, ведь в первый раз он взял руки *своей жены* – сказал, что это самое дорогое в необъятном мире и что, если бы пришлось, он был бы готов снова пережить прошлое, дабы получить такую награду. Бедняжка хотел сказать – часть прошлого, однако он не мог еще говорить о времени, и я бы не удивилась, спутай он поначалу не только месяц, но и год.

Ну, дорогая, что я могла сказать? Я могла только говорить ему, что я счастливейшая женщина в необъятном мире и что мне нечего дать ему, кроме самой себя, своей жизни, своего доверия, а с ними любви и долга до конца моих дней. Тогда он поцеловал и обнял меня своими слабыми руками, и это было как бы торжественным залогом нашей будущей жизни...

Знаешь ли ты, дорогая Люси, почему я это тебе рассказываю? Не только потому, что все это мне столь близко, но потому, что ты всегда была мне дорога. Для меня было великой честью считаться твоим другом и советчиком тогда, когда ты, едва со школьной скамьи, вступила в жизнь. Я хочу поскорее увидеть тебя теперь, когда я так счастлива замужем. Я хочу, чтобы ты была так же счастлива, как я. Дорогая моя, да pošлет тебе Всемогущий Бог такое же счастье на всю жизнь, да протечет вся твоя жизнь безоблачно, полная безмятежного счастья! Не в моих силах пожелать тебе не испытывать горестей, потому что так не бывает; но в моих силах надеяться, что ты *всегда* будешь так же счастлива, как я *теперь*. До свидания, моя дорогая. Я отправлю письмо сейчас же и, возможно, очень скоро напишу снова. Я заканчиваю: Джонатан просыпается – я должна позаботиться о своем муже! Вечно любящая тебя

МИНА ХАРКЕР».

ПИСЬМО ЛЮСИ ВЕСТЕНРА МИНЕ ХАРКЕР

«УИТБИ, 30 АВГУСТА.

Моя дорогая Мина, океаны любви и миллионы поцелуев и пожелание тебе оказаться скорее в собственном доме с мужем. Добраться быстрее домой и остаться здесь с нами. Живительный воздух скоро восстановит силы Джонатана, как почти восстановил мои. У меня аппе-

тит как у баклана, я полна любви, сон – здоровый. Тебе будет приятно узнать, что я почти избавилась от своих прогулок во сне. По-моему, я уже неделю не покидала постель, то есть когда забиралась в нее вечером. По словам Артура, я толстею. Кстати, я забыла сказать, что Артур здесь. У нас такие прогулки, поездки в экипаже и верхом, катание на лодке, и теннис, и рыбалка; и я люблю его более, чем когда-либо. Он *говорит мне*, что любит меня еще больше, но я сомневаюсь, поскольку прежде он говорил, что не сможет любить меня больше, чем уже любит. А это – чепуха. Вот он зовет меня. И в данный момент более ничего от любящей тебя

ЛЮСИ.

P.S. Матушка передает приветы. Бедняжка, она чувствует себя лучше.

P.P.S. Мы намереваемся венчаться 28 сентября».

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

20 АВГУСТА. Болезнь Ренфилда протекает все интереснее. Он теперь настолько успокоился, что даже его одержимость на время отступила. Первую неделю после того ужасного припадка он пребывал в невероятно буйном состоянии. В конце недели ночью, как раз в полнолуние, он вдруг успокоился и начал бормотать про себя: «Теперь я могу ждать; теперь я могу ждать». Служитель пришел доложить мне об этом, я немедленно зашел к нему; он все еще был в смиренной рубашке и находился в обитой войлоком комнате буйного отделения; но выражение лица его стало спокойнее, а в глазах появилось прежнее выражение извиняющейся, я бы даже сказал – льстивой ласковости. Я остался вполне доволен его видом и тотчас же распорядился, чтобы его освободили. Служители колебались, но в конце концов исполнили мое приказание. Удивительнее всего то, что у пациента оказалось достаточно юмора, чтобы заметить их колебания; он подошел ко мне вплотную и прошептал, глядя на них укордкой:

– Они боятся, что я вас ударю! Подумайте только, – чтобы я ударил *вас!* Глупцы!

Моему тщеславию, конечно же, льстило, что даже бедный безумец отличает меня от остальных, но тем не менее я не мог проникнуть в его мысли. Следовало ли это понимать так, что меня с ним соединяет некая общность и мы должны держаться вместе, или блага, которые он рассчитывал получить от меня, представлялись ему столь изумительными, что мое благополучие ему было прямо-таки необходимо? Позднее я в этом обязательно разберусь.

Больше он сегодня вечером не пожелал разговаривать. Даже предложение котенка или большой кошки не могло его соблазнить. Он ответил:

– Я не признаю взятки в виде кошек; у меня есть многое другое, о чем нужно подумать, и я могу подождать; да, я могу подождать.

Чуть позже я его покинул. Служитель говорит, что он был спокоен до рассвета, потом вдруг начал волноваться и наконец впал в буйство, которое закончилось конвульсиями, после чего он погрузился в своего рода кому.

Три ночи повторяется с ним то же самое: буйное состояние в течение всего дня, потом спокойствие с восхода луны до восхода солнца. Как бы мне хотелось иметь ключ к разгадке этого явления! Кажется, будто что-то систематически влияет на его состояние... Удачная мысль! Сегодня ночью мы устроим ловушку нашему сумасшедшему. Раньше он убежал против нашей воли; теперь же мы ему сами подстроим побег. Мы дадим ему возможность убежать, но люди будут за ним следовать по пятам на случай несчастья.

23 АВГУСТА. «Всегда случается то, чего меньше всего ожидаешь». Как замечательно Дизраэли знал жизнь! Наша птичка, найдя свою клетку открытой, не захотела улетать, так что все наши хитроумные планы разлетелись в пух и прах. Во всяком случае, одно нам стало ясно, а именно: что беспокойный период у него вполне определенный. И мы поэтому сможем

в будущем освобождать его на несколько часов каждый день. Я отдал дежурному служителю распоряжение водворять Ренфилда за час до восхода солнца в обитую войлоком комнату: пусть хоть тело этой бедной больной души наслаждается покоем, которым не может пользоваться дух его. И вот новая неожиданность, меня зовут: больной опять сбежал!

ПОЗДНЕЕ. Еще одно ночное приключение. Ренфилд дождался того момента, когда дежурный отвернулся, и, улучив минуту, незаметно ускользнул. Я велел служителям разыскать его. Мы застали его на прежнем месте, у дубовой двери старой церкви. Увидев меня, он пришел в бешенство. Не схвати его служители вовремя, он, наверное, меня убил бы. В то время, когда мы его схватили, случилось нечто странное. Он удвоил сопротивление, желая освободиться, но вдруг совершенно затих. Я инстинктивно оглянулся, но ничего не заметил. Тогда я проследил за взором больного: оказалось, он пристально глядел на освещенное луной небо; я не заметил ничего подозрительного, разве только большую летучую мышь, молчаливо, словно призрак, летевшую на запад. Летучие мыши обычно покружатся и улетают, а эта двигалась строго в одном направлении, будто стремилась к цели или имела какое-то особое намерение. Больной наш становился все спокойнее и наконец произнес:

– Вам незачем связывать меня; я и так не стану вырываться.

Мы дошли домой совершенно спокойно; я чувствую, что в этом спокойствии таится что-то зловещее... Я не забуду этой ночи...

ДНЕВНИК ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

ГИЛИНГАМ, 24 АВГУСТА. Мне надо последовать примеру Мины и записывать все, а потом, при встрече, мы сможем вдосталь наговориться. Желала бы я знать, когда же это наконец будет. Хотелось бы, чтобы она опять была со мною! Чувствую я себя очень несчастной. Прошлой ночью мне снилось опять то же, что и тогда в Уитби. Быть может, это следствие перемены климата, или же возвращение домой так на меня подействовало, что все в моей голове смутно, мысли перепутались, я ничего не могу припомнить, но я чувствую непонятный страх и страшную слабость. Артур пришел к завтраку и, увидев меня, ужаснулся, а у меня не хватило силы воли притвориться веселой. Может быть, мне удастся лечь спать сегодня в спальне мамы; я извинюсь и попробую ее уговорить.

25 АВГУСТА. Опять плохая ночь. Мама не согласилась на мою просьбу. Ей самой очень плохо, и она, без сомнения, боялась, что помешает мне спать. Я старалась бодрствовать, и некоторое время мне удавалось не засыпать; но в полночь с боем часов я заснула. За окном кто-то шумел, слышался точно шелест больших крыльев; насколько я помню, я не обратила на это внимания и вскоре, кажется, заснула. Снова кошмары. Хоть бы вспомнить – какие! Сегодня я очень слаба. Мое лицо бледно, как у призрака. Кроме того, у меня болит шея. По-видимому, что-то неладное случилось с моими легкими, так как мне не хватает воздуха. Я все-таки постараюсь как-нибудь скрыть мое состояние от Артура, а то мой вид его огорчит.

ПИСЬМО АРТУРА ХОЛМБУДА Д-РУ СЬЮАРДУ

«ГОСТИНИЦА «АЛЬБЕМАРЛЬ». 31 АВГУСТА.

Мой дорогой Джек!

Очень прошу вас оказать мне услугу. Люси нездорова. Ничего определенного нет, но выглядит она ужасно и с каждым днем все хуже. Я расспрашивал ее о том, что с ней; с ее матерью я не решаюсь говорить об этом, так как тревожить ее, при ее состоянии здоровья, нельзя. Это может иметь для нее роковые последствия. Миссис Вестенра призналась мне, что

ее участь решена – у нее сильнейший порок сердца, хотя бедняжка Люси об этом еще не знает. А между тем я чувствую, как что-то угрожает рассудку моей девочки. Я схожу с ума, когда думаю о ней, – мне больно даже взглянуть на нее, я сказал ей, что попрошу вас ее осмотреть. Сначала она ни за что не хотела – я догадываюсь почему, старый дружище; но в конце концов она все-таки согласилась. Я понимаю, друг мой, как тяжело вам это будет делать, но во имя ее спасения я без колебаний прошу вас, и вы должны взять на себя ее лечение. Приезжайте в Гилингам завтра на ленч, к двум часам, чтобы не возбудить подозрения миссис Вестенра; после завтрака Люси найдет какой-нибудь предлог остаться с вами наедине. Я приду к чаю, а затем мы можем вместе уйти. Я очень взволнован ее болезнью и хочу знать всю правду от вас, после того как вы проведете осмотр. Не подведите!»

ТЕЛЕГРАММА АРТУРА ХОЛМБУДА СЬЮАРДУ

«1 СЕНТЯБРЯ.

Отцу плохо. Вызван к нему. Подробности письмом. Напишите подробнее и отправьте письмо ночной почтой в Ринг. Если необходимо, телеграфируйте».

ПИСЬМО Д-РА СЬЮАРДА АРТУРУ ХОЛМБУДУ

«2 СЕНТЯБРЯ.

Мой дорогой старый друг!

Что касается здоровья мисс Вестенра, спешу уведомить, что я не нашел ничего угрожающего, не нашел даже намека на какую-либо известную мне болезнь. Но в то же время я чрезвычайно недоволен ее видом; она очень переменялась к худшему с момента нашей последней встречи. Конечно, вы должны учесть, что мне не удалось осмотреть ее так, как следовало бы, – этому мешают наши дружеские и светские отношения. Поэтому я решил подробно описать вам то, что происходило, предоставляя вам сделать собственные выводы и принять надлежащие меры. Итак, слушайте, что я предпринял и что полагаю предпринять сделать.

Мисс Вестенра, когда я пришел, выглядела веселой. Мать ее была тут же, и через несколько мгновений я понял, что она всячески старалась обмануть свою мать, желая этим уберечь ее от волнений. Без сомнения, она догадывается, в противном случае какая нужда в подобных предосторожностях. Мы обедали одни и поскольку совершенно выбивались из сил, чтобы казаться беззаботными, в награду позабыли о своих заботах. После завтрака миссис Вестенра отправилась отдохнуть, и мы остались с Люси наедине. Мы направились в ее спальню, и, пока мы шли, она продолжала представляться веселой, так как прислуга сновала туда и сюда. Как только дверь закрылась, она сбросила с себя маску веселья, упала в изнеможении в кресло и закрыла лицо руками. Когда я увидел, что все ее веселье исчезло, я тотчас же воспользовался этим, чтобы заняться обследованием. Она очень ласково сказала: «Я не могу выразить, как мне противно распространяться о себе». Я напомнил ей, что для врача все тайны, какие ему доверены, святы, но что вы очень беспокоитесь о ней. Она поняла, на что я намекаю, и разом разрешила все затруднения: «Расскажите Артуру все, что сочтете нужным. Я забочусь не о себе, а только о нем!» Так что я свободен от обязательств.

Мне нетрудно было убедиться в том, что она малокровна, хотя это и поразило меня, потому что обычных признаков малокровия не было; кроме того, мне совершенно случайно удалось исследовать состав ее крови, так как Люси, стараясь открыть окно, слегка порезала себе руку разбившимся стеклом; порез сам по себе был совершенно незначителен, но это дало мне возможность собрать несколько капель крови для анализа – состав крови оказался нормальным; я бы сказал, что, судя по составу крови, ее здоровье великолепно. Физическим состо-

янием Люси я остался доволен, так что с этой стороны опасаться нечего, но так как причина ее нездоровья должна же где-нибудь крыться, то я пришел к убеждению, что тут все дело в нравственном самочувствии. Люси жалуется на затрудненное дыхание, которое, к счастью, мучает ее лишь временами; кроме того, на тяжелый, как бы летаргический, сон с кошмарными сновидениями, которые ее пугают, но которых она никогда не помнит. Она говорит, что, будучи ребенком, она ходила во сне и что в Уитби эта привычка снова вернулась. Так, однажды она даже взобралась на Восточный утес, где мисс Мюррей ее и нашла; но она уверяет меня, что это с ней больше не повторяется. Я в полном недоумении, поэтому решил на следующий шаг: я списался с моим старым учителем и добрым другом профессором Ван Хелсингом из Амстердама, который великолепно разбирается в сомнительных случаях, и просил его приехать. А так как вы меня предупредили, что берете все на себя, то я нашел нужным посвятить его в ваши отношения с мисс Вестенра. Сделал я это, исключительно покоряясь вашему желанию, мой дорогой, так как я сам был бы горд и счастлив сделать для нее все. Ван Хелсинг из личного ко мне расположения готов прийти к нам на помощь и сделать все возможное. Но независимо от причины, по которой он согласился приехать, мы заранее должны быть готовы подчиниться его требованиям. Он очень самоуверенный человек, но вызвано это только тем фактом, что он действительно необыкновенный врач. Он философ и метафизик и вместе с тем выдающийся ученый. Кроме того, это человек большого ума. У него железные нервы, спокойствие духа, впору айсбергу, невероятно решительная натура, великая сила воли и терпение, почерпываемое из добродетели молитвы, добрейшее и преданнейшее сердце, какое билось когда-либо, – вот что составляет его снаряжение в благородном деле, которое он вершит на благо человечества и в теории, и на практике, потому что его воззрения столь же широки, как и его всеобъемлющая доброжелательность. Я пишу вам об этом для того, чтобы стало понятно, почему я так ему доверяю. Я попросил его приехать сейчас же. Завтра я опять увижусь с мисс Вестенра. Она встретит меня у торговых рядов, так что мне не придется вновь беспокоить ее мать своим визитом.

*Вечно ваш
ДЖОН СЬЮАРД».*

**ПИСЬМО АБРАХАМА ВАН ХЕЛСИНГА, Д.
М., Д. Ф., Д. Л. И Т.Д. И Т.П., Д-РУ СЬЮАРДУ**

«2 СЕНТЯБРЯ.

Мой милый друг!

Получив ваше письмо, я тотчас же собрался в дорогу. К счастью, мне удастся выехать, не причиняя этим никакого ущерба тем, кто мне доверился. В противном случае я все равно оставил бы их, потому что еду к другу, чтобы помочь тем, кто ему дорог. Объясните вашему приятелю, что, высосав трупный яд из моей раны, образовавшейся от случайного удара ножом нашего общего чересчур нервного друга, вы сделали для него огромное дело. Если ему нужна моя помощь и вы об этом просите, мне ваш зов дороже, чем все его состояние. Помочь вашему приятелю доставит мне удовольствие, но дополнительное: еду я все-таки к вам. Окажите любезность приготовить для меня комнату в «Большой Восточной гостинице», чтобы я находился поблизости от больницы; кроме того, устройте так, чтобы я мог увидеть юную леди завтра же, так как очень может быть, что мне придется вернуться домой в ту же ночь. Если будет нужно, я смогу приехать снова через три дня и тогда пробуду у вас больше, а пока – до свидания, друг мой Джон.

ВАН ХЕЛСИНГ».

ПИСЬМО Д-РА СЬЮАРДА ДОСТОПОЧТЕННОМУ АРТУРУ ХОЛМВУДУ

«3 СЕНТЯБРЯ.

Мой дорогой Арт!

Ван Хелсинг уже был здесь и уехал. Он вместе со мной отправился в Гилингам. Благодаря предосторожности Люси мать ее завтракала вне дома, и мы застали ее одну. Ван Хелсинг очень внимательно и подробно обследовал пациентку, потом он подробно все передал мне, а я докладываю вам, ибо, разумеется, не все время присутствовал при обследовании больной. После осмотра пациентки он был очень озабочен и сказал, что должен подумать. Когда я ему сообщил о той большой дружбе, которая связывает нас с вами и о вашем доверии ко мне, он ответил: «Вы должны сказать ему все, что думаете по этому поводу; передайте ему также и мое мнение, если сочтете нужным. Нет, я не шучу. Это не шутка, а вопрос жизни и смерти, если не больше». Я спросил его, что он этим хочет сказать, так как видел, что он говорит очень серьезно. Разговор происходил, когда мы уже вернулись в город и он пил чай, прежде чем отправиться в Амстердам. Он не дал мне никакого ключа к разгадке; но вы не должны на него сердиться, Арт, так как его молчание служит лишь признаком того, что его мозг действительно работает, желая разобраться в этом случае и помочь Люси. Он подробно все разъяснит, когда настанет время, в этом вы можете быть уверены. Поэтому я ответил ему, что опишу вам подробно наш визит, так, как если бы сочинял специальную статью для *«Дэйли телеграф»*. Он сделал вид, что не понял, но отметил, что непристойности в Лондоне не столь дурны, как в те времена, когда он здесь учился. Отчет был бы у меня завтра, если бы Ван Хелсинг имел возможность его составить. Как бы то ни было, пишу письмо.

Вот подробный отчет о нашем посещении. Люси была жизнерадостней, чем тогда, когда я увидел ее впервые, и выглядела, безусловно, лучше. Нет того ужасного вида, который вас так взволновал, да и дыхание стало нормальным. Она была очень мила с профессором (по всегдашнему обыкновению) и старалась делать все, что в ее силах, чтобы профессор чувствовал себя свободно и хорошо, хотя это удавалось ей с большим трудом. Мне кажется, Ван Хелсинг это заметил, ибо знакомый мне быстрый взгляд из-под густых бровей выдал его. Затем он начал болтать о посторонних вещах, – вообще он говорил обо всем, кроме нас самих и болезней, и так искусно развлекал ее, что ее притворное веселье вскоре сделалось искренним. Понемногу, совершенно незаметно, он сменил тему, перевел разговор на причину своего приезда и сказал нежно и ласково:

«Дорогая моя юная мисс, мне чрезвычайно приятно видеть, что вас так любят. Это очень много значит в жизни. Они сказали мне, что у вас плохое настроение и вы невероятно бледны. Я говорю им: «Ну нет!» – Он прищелкнул пальцами и продолжал: – И мы с вами покажем, как они не правы. Но где же ему, – и он взглянул на меня тем же взглядом и с тем же самым жестом, каким он когда-то указывал на меня в аудитории и, чуть позже, в том особом случае, о котором не переставал мне напоминать, – знать молодых леди! Он занят своими сумасшедшими, возвращает им по возможности здоровье, а значит, и счастье тем, кому они дороги. Тут требуется много труда, но зато мы испытываем и радость, и удовлетворение от мысли, что можем дать такое счастье. Ну а в молодых леди он ничего не понимает; у него нет ни жены, ни дочери, да и не дело молодежи судить молодежь, это дело таких стариков, как я, который так заботится о них и тревожится. Итак, моя дорогая, пошлем-ка его в сад покурить, а сами поболтаем наедине». Я понял намек и пошел прогуляться; чуть позже профессор подошел к окну и позвал меня. Вид у него был очень суровый; он сказал: «Я ее хорошенько прослушал и осмотрел, но не обнаружил никаких болезненных процессов. Я с вами согласен, она потеряла много крови, но это было раньше; во всяком случае, она отнюдь не малокровна. Я попросил ее позвать служанку, мне хочется задать ей несколько вопросов, чтобы кое-что для себя уяснить,

так как в данном случае важно знать все. Я прекрасно знаю, что она скажет, но ведь должна же существовать какая-нибудь причина; без причины ничего не бывает. Мне придется дома все хорошенько обдумать. Прошу ежедневно посылать мне телеграммы; если будет необходимо, я приеду снова. Болезнь – потому что быть не в порядке – значит болеть – меня очень интересует; эта очаровательная юная леди меня также интересует. Она меня просто очаровала, и я непременно приеду ради нее, даже если не ради тебя и не ради болезни».

Как я уже говорил, больше он не сказал бы ни слова, даже если бы мы были совершенно наедине. Теперь, Арт, вам известно столько же, сколько мне. Я буду зорко следить за нашей пациенткой. Надеюсь, ваш отец поправляется. Я понимаю, старый друг, каково вам теперь; больны два человека, которые вам одинаково дороги. Я знаю ваш взгляд на сыновний долг – вы правы, исполняя его; но все же, если понадобится, я немедленно вам напишу, чтобы вы приехали к Люси; так что вам незачем очень волноваться, если я вас не вызываю».

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

4 СЕНТЯБРЯ. Пациент зоофаг все еще продолжает меня интересовать. У него был всего один припадок; это случилось вчера в необычное время. Как раз перед восходом солнца им начало овладевать беспокойство. Служитель был знаком с этими симптомами и сейчас же позвал на помощь. К счастью, люди прибежали как раз вовремя, так как с восходом солнца он стал таким буйным, что им пришлось употребить все свои силы, чтобы его удержать. Но через пять минут он стал постепенно успокаиваться и в конце концов впал в какую-то меланхолию, в которой пребывает и посейчас. Служитель говорит мне, что его вопли во время конвульсий были действительно пугающими; когда я обслуживал других пациентов, у меня оказалось полно забот с теми, кто был им напуган. На самом деле, я вполне понимаю этот эффект, потому что вопли вызывали беспокойство даже у меня, хотя я находился в некотором удалении. Сейчас уже прошло время послеобеденного отдыха, а пациент все еще сидит в углу, погруженный в молчаливые размышления, с тупым, угрюмым, горестно-блуждающим выражением на лице, которое скорее на что-то намекает, чем показывает прямо. Я не могу вполне понять это.

ПОЗДНЕЕ. Новая перемена в моем больном. В пять часов я заглянул к нему, и он казался таким же счастливым и довольным, как всегда. Он снова ловил мух и глотал их, делая каждый раз отметку ногтем на двери. Увидев меня, он подошел и извинился за свое дурное поведение; потом очень покорно, лстиво попросил меня перевести его обратно в его комнату и вернуть ему его записную книжку. Я решил, что следует подбодрить его, поэтому я перевел его обратно в его комнату с открытым окном. Он снова насыпал сахар на подоконнике и наловил целый рой мух.

Он их больше не ест, а собирает в коробку, как раньше, и уже осматривает углы комнаты в поисках пауков. Я старался заставить его поговорить о последних нескольких днях, потому что любой ключ к его мыслям сослужил бы мне неизмеримую пользу, но он не поднимался. Одну или две секунды он смотрел очень печально, а затем произнес голосом как бы отдаленным, словно обращаясь скорее к себе, чем мне: «Все кончено! Все кончено! Он оставил меня. Не на кого мне теперь надеяться, кроме себя самого!» Потом, неожиданно повернувшись ко мне с решительным видом, он сказал:

– Доктор, не будете ли вы так любезны и не дадите ли еще немного сахара? Думаю, он бы пригодился мне.

– И мухам? – спросил я.

– Да! Мухи тоже любят его, а я люблю мух; поэтому я люблю его.

А ведь есть люди столь невежественные, что отрицают у сумасшедших способность аргументированно рассуждать! Я выдал ему двойную порцию и оставил таким счастливым, каких, полагаю, не много людей на свете. Хотелось бы мне проследить ход его рассуждений.

ПОЛНОЧЬ. Снова перемена в нем. Я навестил Люси, которую застал в хорошем состоянии, и, вернувшись назад, остановился у нашей калитки, чтобы полюбоваться на закат, как вдруг опять услышал его вопль. Так как его комната выходит именно на эту сторону, я слышал все яснее, чем утром. Это больно ударило меня по нервам – этот переход от восхищения великолепным лондонским закатом с его яркими цветами и роскошными красками, оживляющими мрачные тучи и темную воду, к ужасной суровой действительности моего холодного каменного здания, полного трепещущего горя и всего того, что так тяготит мою душу. Я попал к нему, как раз когда солнце садилось. Из его окна я видел красный диск солнца. По мере того как солнце заходило, бешенство Ренфилда постепенно уменьшалось; как только солнце совсем зашло, больной выскользнул из рук тех, кто его держал, на пол инертной массой. Удивительно, однако, какой сильной бывает реакция у сумасшедших: через каких-нибудь пять минут он опять спокойно стоял на ногах и озирался вокруг. Я сделал служителям знак не держать его, так как мне было интересно видеть, что он предпримет. Он подошел к окну и выбросил остатки сахара; затем он взял коробку с мухами, выпустил пленниц и выкинул коробку в окно; затем закрыл окно и сел на кровать. Все это удивило меня, и я спросил:

– Разве вы больше не будете разводить мух?

– Нет, – ответил он, – вся эта дрянь мне надоела!

Вот поразительный тип! Хотелось бы мне разобраться в складе его ума или же постичь причину его внезапных перемен... Стойте! Разгадка, кажется, уже найдена – если бы только узнать, почему его били конвульсии в полдень и при заходе солнца. Неужели солнце в определенные периоды дурно или, вернее, возбуждающе влияет на некоторые натуры подобно луне? Посмотрим!..

ТЕЛЕГРАММА СЬЮАРДА,

ЛОНДОН, ВАН ХЕЛСИНГУ, АМСТЕРДАМ

«4 СЕНТЯБРЯ. Пациентке сегодня значительно лучше».

ТЕЛЕГРАММА СЬЮАРДА, ЛОНДОН,

ВАН ХЕЛСИНГУ, АМСТЕРДАМ

«5 СЕНТЯБРЯ. Больной гораздо лучше. Хороший аппетит, спокойный сон. Весела. Румянец возвращается».

ТЕЛЕГРАММА СЬЮАРДА, ЛОНДОН,

ВАН ХЕЛСИНГУ, АМСТЕРДАМ

«6 СЕНТЯБРЯ. Ужасная перемена к худшему. Приезжайте немедленно. Я не стану телеграфировать Холмвуду, пока не увижусь с вами».

Глава X

ПИСЬМО Д-РА СЬЮАРДА ДОСТОПОЧТЕННОМУ АРТУРУ ХОЛМВУДУ

«6 СЕНТЯБРЯ.

Мой дорогой Арт!

Мои сегодняшние новости не особенно хороши. Нынешним утром Люси выглядела заметно осунувшейся. С одной стороны, это оказалось неплохо, а именно: испуганная видом Люси, миссис Вестенра обратилась ко мне за советом. Я воспользовался этим и сказал, что Ван Хелсинг, мой старый учитель, знаменитый диагност, как раз приезжает ко мне в гости и я совместно с ним займусь здоровьем ее дочери. Так что теперь мы можем свободно действовать, не возбуждая ее подозрений, что при ее болезни могло бы вызвать ее смерть. Нас окружают трудности, всех нас, дорогой друг, но с Божьей помощью мы их преодолеем, а для Люси при ее болезни это было бы губительным. Если случится что-нибудь непредвиденное, я сейчас же напишу вам, так что мое молчание примите как знак того, что все в порядке и что я жду новостей. В спешке вечно ваш

ДЖОН СЬЮАРД».

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

7 СЕНТЯБРЯ. Ван Хелсинг приехал снова. Прежде всего он спросил, сообщил ли я Артуру все симптомы болезни Люси. Я ответил отрицательно:

– Я ждал, пока не увижусь с вами, как и сообщал в телеграмме. Я только написал ему, что вы прибываете, поскольку мисс Вестенра нездоровится, и что в случае необходимости я дам ему знать.

– Правильно, мой друг, – сказал Ван Хелсинг, – очень правильно! Лучше, чтобы он пока не знал; возможно, он и никогда не узнает. Я молюсь об этом, но, если понадобится, он узнает все. И, дорогой Джон, позвольте предостеречь вас. Вы имеете дело с безумцами. Все люди безумны на тот или иной манер, и как вы поступаете со своими безумцами, так поступайте и с остальным Божьим миром. Вы ведь не говорите, что у вас на уме. Значит, вы храните знания в подобающем месте, там, где они могут пребывать, набирать силу и давать приплод. То, что мы знаем, нам до времени придется хранить здесь и здесь. – Сначала он прикоснулся к моему сердцу и лбу, а потом к своим. – Сейчас я придержу мои соображения при себе, а позже изложу их вам.

– Почему же не теперь? – спросил я. – Это может принести пользу; мы бы пришли к какому-нибудь заключению.

Он остановился, взглянул на меня и сказал:

– Друг мой Джон, зерно еще только прорастает, и, покуда не проросло, млеко матери-земли в нем и солнце не разукрасило его своей золотой краской, а хороший хозяин сорвет колос, потрет его в грубых руках, выбросит зеленую мякину и скажет: «Взгляни! Это хорошее зерно, и, когда приспеет время, оно даст добрый урожай».

Я признался, что не понял иносказания. Вместо ответа он приблизился, взял меня за ухо, шутя подергал, точь-в-точь как когда-то на занятиях, и сказал:

– Хороший хозяин так говорит, когда знает, но не раньше. Однако вы не увидите, как хороший хозяин выкапывает посеянное, чтобы посмотреть, прорастает ли оно; это занятие

для детей, которые играют в крестьян, а не для настоящих крестьян. Теперь понятно, дорогой Джон? Я посеял зерно. И природа принялась его возвращать; есть надежда, что оно вырастет; а я подожду, пока колос начнет наливаться.

Он прервался, воочию убедившись, что я понял. Потом продолжил, причем очень торжественно:

– Вы всегда были старательным учеником, и ваш книжный шкаф был полон. Вы были только учеником, а теперь вы – мэтр, но, надеюсь, вы не изменили доброй привычке. Помните, друг, знания надежнее памяти, и нам не следует полагаться на то, что слабее. Даже если у вас не было соответствующей практики, поверьте мне, случай с Люси, может быть, – обратите внимание, я говорю: может быть, – явится одним из наиболее интересных в мировой медицине. Записывайте дальнейший ход болезни самым тщательным образом. Незначительных деталей здесь нет. Советую фиксировать даже сомнения и догадки. Потом, возможно, вам будет интересно посмотреть, правильно ли вы угадали. Мы учимся не на успехах, а на неудачах!

Когда я описывал симптомы болезни Люси – те же, что и прежде, но нам куда более заметные, – он помрачнел, но ничего не сказал. С собой у него была сумка со множеством инструментов и снадобий, «ужасными пожитками нашего благодетельного ремесла», как он назвал на одном занятии снаряжение мастера врачебного дела.

Когда мы пришли, миссис Вестенра вышла тотчас же к нам навстречу. Она была встревожена, но не до такой степени, как я ожидал. Природа, будучи в благодетельном настроении, заставила смерть таить в себе самой противоядие против собственных ужасов. Теперь, когда любое потрясение могло оказаться роковым, так получилось, что по той или иной причине все, не касавшееся ее лично, – даже ужасная перемена в дочери, к которой она была столь привязана, – казалось, не доходило до нее. Словно бы Госпожа Природа обернула отчужденное тело в бесчувственную ткань, предохраняющую от повреждений, которые иначе появились бы при непосредственном соприкосновении. Если эта забота о себе предустановлена, нам не следует опрометчиво обвинять кого-либо в пороке эгоизма, потому что в данном случае причины могут быть куда глубже, чем мы себе представляем.

Используя свои познания об этой ступени душевной патологии, я заключил, что миссис Вестенра не будет сидеть с Люси или думать о ее болезни сверх необходимого. Она смирилась, причем смирилась с такой готовностью, что как тут было не распознать длань Природы, сражавшейся за жизнь. Нас с Ван Хелсингом провели в комнату Люси. Если вчера ее вид потряс меня, то сегодня привел в ужас. Она была бледна как призрак; краска сошла даже с губ и десен, щеки ввалились, а скулы сильно выдавались; мучительно было смотреть и слушать, с каким трудом она дышит. Лицо Ван Хелсинга окаменело, а брови сошлись на переносице. Люси лежала без движения и, по-видимому, была не в силах говорить, так что некоторое время мы все молчали. Затем мы осторожно вышли из комнаты. Как только дверь за нами закрылась, Ван Хелсинг быстро прошел по коридору к следующей двери, которая оказалась открытой. Мы вошли туда. Он торопливо закрыл дверь и воскликнул: «Боже мой, это ужасно! Нельзя терять ни минуты. Она умрет! У нее так мало крови, что нужно немедленно сделать переливание. Кто из нас подойдет, вы или я?»

– Я моложе и здоровее, профессор. Мне нужно это сделать.

– В таком случае сейчас же приготовьтесь; я принесу свою сумку и приму надлежащие меры.

Я пошел вместе с ним, и, спускаясь вниз по лестнице, мы услышали стук в дверь; когда мы дошли до передней, то увидели, как служанка открыла дверь и впустила Артура. Он бросился ко мне и сказал нетерпеливо:

– Джон, я очень беспокоился. Я читал между строками вашего письма и словно бился в агонии, а так как отцу лучше, то я и примчался сюда, чтобы самому увидеть, в чем дело. Этот джентльмен – доктор Ван Хелсинг? Я так благодарен вам, сэр.

Сначала профессор рассердился, что в такой момент ему помешали; но затем, приглядевшись к Артуру и увидев, каким крепким сложением и великолепным здоровьем тот обладает, он переменял гнев на милость и, держа его руки в своих, обратился к нему с чрезвычайно серьезным видом:

– Сэр! Вы приехали как раз вовремя. Вы жених нашей дорогой мисс? Она плоха, очень, очень плоха... Нет, дитя мое, так нельзя, – прервал сам себя профессор, заметив, что тот внезапно побледнел и, близкий к обмороку, упал в кресло. – Вы должны ей помочь. Вы можете сделать больше, чем кто-либо из нас, и ваше мужество – ваша лучшая помощь.

– Что же я могу сделать, скажите, и я исполню, – хрипло произнес Артур. – Моя жизнь принадлежит ей, и я готов отдать ей свою кровь до последней капли.

– Мой юный сэр, я не требую от вас так много, – возразил профессор, иронически улыбувшись, и я, давно его зная, распознал след шутки в ответе, – не до последней!

– Что же мне делать? – В его глазах пылал огонь, а ноздри дрожали от возбуждения.

Ван Хелсинг ударил его по плечу.

– Пойдемте, – сказал он. – Вы молодой и, слава Богу, очень здоровый человек. Вы здоровее меня, здоровее моего друга Джона. – Артур казался сбитым с толку, и профессор продолжил, мягко объясняя: – Юная мисс плоха, ей нужна кровь, иначе она умрет. Мы с Джоном только что посоветовались и решили произвести так называемую трансфузию крови – перелить кровь из полных вен в пустые, которые без нее чахнут. Джон собирался дать свою кровь, так как он моложе и сильнее меня, – здесь Артур взял мою руку и молча пожал ее, – но теперь вы здесь. Вы лучше нас, старых и молодых, которым приходится заниматься умственным трудом. Наши нервы не так крепки, а кровь не так ярка, как ваша.

Артур повернулся и ответил ему:

– Если б вы только знали, с какой охотой я отдал бы за нее жизнь, вы бы поняли...

Он замолчал, так как голос его от волнения сорвался.

– Милый мальчик, – сказал Ван Хелсинг, – в скором времени вы будете счастливы, что сделали все для спасения той, которую любите. Идем же, и успокойтесь. Вы можете перед тем еще раз ее поцеловать, но потом вам придется уйти – я дам вам знак. Не говорите мадам ни слова: вы знаете, как с ней обстоит дело! Тут даже потрясения не потребуется – хватит одного известия об этом. Идемте!

Мы направились вверх к Люси, Артур остался за дверью. Люси посмотрела на нас, но ничего не сказала. Она не спала, но просто была слишком слаба. Только глаза ее говорили. Ван Хелсинг вынул несколько предметов из своего чемодана и положил их подальше на столик. Затем он приготовил снотворное и, подойдя к кровати, ласково сказал:

– Вот, маленькая мисс, ваше лекарство... Выпейте это, будьте пай-девочкой. Я помогу вам сесть, чтобы легче было его проглотить. Ну вот!

Она с трудом проглотила лекарство, которое долго не действовало. Причиной тому, в сущности, была ее чрезмерная слабость. Время тянулось бесконечно долго, пока сон наконец не стал ее одолевать. В конце концов снотворное подействовало, она заснула глубоким сном. Профессор был вполне удовлетворен и, позвав Артура в комнату, попросил его снять сюртук. Затем он добавил:

– Вы можете ее поцеловать, пока я переставлю стол на место. Джон, дружок, помогите мне.

Таким образом, никто не подсматривал, как Артур наклонился к ней.

Ван Хелсинг, повернувшись ко мне, сказал:

– Он так молод и силен и кровь столь чиста, что даже нет надобности ее обрабатывать.

Затем Ван Хелсинг приступил к операции и сделал ее с невероятной быстротой. Во время трансфузии казалось, будто жизнь снова возвращается к бедной Люси, лицо же Артура стано-

вилось все бледнее, хотя оно и сияло от невыразимой радости. Позднее я стал волноваться, потому что потеря крови сказывалась на Артуре, хотя он и был сильным мужчиной.

Но какой ужасный надлом, должно быть, произошел в здоровье Люси, ибо то, что вконец ослабило Артура, принесло ей лишь незначительное облегчение. Лицо профессора было серьезно, он чрезвычайно внимательно и зорко следил за Люси и Артуром. Я слышал удары своего собственного сердца. Чуть позже профессор тихо проговорил:

– Заканчивайте! Достаточно! Помогите ему, а я займусь ею.

Когда все кончилось, я увидел, насколько ослабел Артур. Я перевязал рану и взял его под руку, чтобы увести. Тут Ван Хелсинг, не поворачиваясь к нам, сказал (у этого человека глаза, кажется, есть и на затылке):

– Храбрый юноша! По-моему, он заслужил еще поцелуй, который он сейчас же и получит.

Покончив с операцией, он поправил под головой пациентки подушки. При этом он чуть сдвинул черную бархотку, которую Люси постоянно носила на шее, закалывая ее бриллиантовой застежкой – подарком жениха, – и показал мне на маленькие красные знаки на ее шее. Артур ничего не заметил, но я услышал тяжелый вздох Ван Хелсинга, который обычно выдавал его переживания. В первый момент он не проронил ни слова, потом, обернувшись, сказал:

– Теперь уведите нашего храброго юношу, дайте ему портвейну, и пусть он немного отдохнет. А потом пусть он отправляется домой и хорошенько поест и поспит, чтобы восстановить силы после жертвы, которую он принес своей невесте. Ему не следует больше тут оставаться... Стойте, еще одну минуту! Вы, сэр, быть может, беспокоитесь о результатах, так знайте, операция была успешной. На этот раз вы спасли ей жизнь и можете идти домой и немного отдохнуть с сознанием того, что все, что в наших силах, сделано. Я расскажу ей все, когда она поправится; она вас еще больше полюбит за то, что вы для нее сделали. Прощайте!

Когда Артур ушел, я вернулся в комнату. Люси тихо спала, но дыхание ее стало глубже: видно было движение покрывала, когда ее грудь вздымалась. Ван Хелсинг сидел возле кровати и не сводил с нее глаз. Бархотка снова прикрыла красный знак. Я шепотом спросил профессора:

– Что же вы сделаете с этим знаком?

– А что бы сделали вы?

– Я его еще не осмотрел, – ответил я и сдвинул бархотку в сторону. Как раз над яремной веной находились две маленькие дырочки, вид которых вызывал тревогу. Болезненного процесса, очевидно, в них не шло, но края их были бледными и тонкими, словно их перетерли. Сначала мне пришло в голову, что ранки и являются причиной большой потери крови; но я тотчас же отбросил эту мысль как абсолютно невозможную. Судя по бледности Люси до операции, она, наверное, потеряла столько крови, что вся постель должна быть ею пропитана.

– Ну? – спросил Ван Хелсинг.

– Нет, – ответил я. – Я ничего не могу сделать.

Профессор встал.

– Мне необходимо сегодня же вернуться в Амстердам, – сказал он. – Там мои книги и вещи, которые мне необходимы. Вам придется провести здесь всю ночь, не спуская с нее глаз.

– Сиделка не нужна? – спросил я.

– Мы с вами самые лучшие сиделки. Наблюдайте всю ночь. Следите за тем, чтобы она хорошо питалась и чтобы ничто ее не тревожило. Вам придется просидеть целую ночь. Выспимся мы с вами после. Я вернусь, как только успею, и тогда можно будет начать лечение.

– Начать? – сказал я. – Что вы этим хотите сказать?

– Увидите, – ответил он, поспешно уходя. Несколько секунд спустя он вернулся, просунул голову в дверь и, грозя мне пальцем, сказал: – Помните, она на вашем попечении. Если вы хоть на минуту ее оставите и с ней что-нибудь случится, вы никогда больше не сможете спать спокойно!

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

(Продолжение)

8 СЕНТЯБРЯ. Я всю ночь просидел у Люси. К сумеркам действие снотворного прекратилось, и она проснулась; после операции она казалась совершенно другим существом. Даже настроение ее стало прекрасным. Она была полна жизни, но я легко различал следы полного изнеможения, в котором она находилась. Я сказал миссис Вестенра, что д-р Ван Хелсинг велел мне просидеть всю ночь около ее дочери, но она возражала против этого и доказывала, что ее дочь уже достаточно окрепла и даже весела. Но я не сдался и приготовил все, что было необходимо для долгого ночного бдения. Пока прислуга готовила все для сна, я отправился ужинать, а затем вернулся и сел возле кровати. Люси нисколько не протестовала, наоборот, всякий раз, когда я перехватывал ее взгляд, он был исполнен благодарности. Затем сон начал одолевать ее, но она как-то вздрагивала, точно боролась с ним. Это повторилось несколько раз, причем вздрагивала она все сильнее и все чаще. Ясно было, что она почему-то не хотела засыпать, и я заговорил с ней:

– Вам не хочется спать?

– Я боюсь уснуть!

– Бойтесь уснуть? Отчего? Ведь это благо, которого все мы жаждем.

– Да, но если бы вы оказались на моем месте, если бы он был для вас предвестником ужаса...

– Предвестником ужаса? Не понимаю, что вы этим хотите сказать!

– Не знаю, сама не знаю! Это и есть самое страшное. Ведь слабость у меня исключительно от этих снов; до сих пор я боюсь даже подумать о них.

– Но, дорогая моя, сегодня вы можете уснуть спокойно! Я буду вас охранять и обещаю вам, что ничего не случится.

– О, я знаю, что на вас я могу положиться!

Я воспользовался случаем и сказал:

– Я обещаю вам, что, как только замечу какие-либо признаки кошмара, немедленно разбужу вас.

– Вы это сделаете? Обязательно сделаете? Как вы добры ко мне! Ну тогда я буду спать!

При этих словах она с облегчением вздохнула, откинулась назад и заснула.

Я продежурил возле нее всю ночь. Она не шевелилась и крепко спала глубоким, спокойным, дарующим силы и здоровье сном. Губы Люси были чуть приоткрыты, а грудь поднималась и опускалась с ритмичностью маятника. Лицо освещала улыбка, и было очевидно, что никакие дурные сны не тревожат покой ее сознания. Рано утром явилась служанка, я уступил ей свое место, а сам пошел домой, так как у меня было много других дел. Я послал короткую весточку и сообщил о хорошем результате операции. Мои многообразные занятия отняли у меня целый день, и было уже темно, когда мне удалось справиться насчет моего пациента зоофага. Сведения были хорошие: он совершенно спокоен на протяжении последнего дня и ночи. Во время обеда я получил телеграмму от Ван Хелсинга из Амстердама с просьбой приехать ночью в Гилингам, так как он хотел иметь меня под рукой; он же выедет ночью на почтовых и будет рано утром.

9 СЕНТЯБРЯ. Я приехал в Гилингам усталый и утомленный. Две ночи я почти совершенно не спал, мозг мой начинал уже цепенеть, что всегда сопутствует умственному истоще-

нию. Люси проснулась, настроение у нее было веселое; здороваясь со мною, она посмотрела на меня серьезно и сказала:

– Сегодня вам нельзя дежурить. Вы утомлены. Мне опять совсем хорошо. Серьезно, я совсем здорова, и если кому-нибудь из нас непременно нужно бодрствовать, то уж я постерегу ваш сон.

Я не хотел с нею спорить и пошел ужинать. Люси составила мне компанию, и, очарованный ее воодушевляющим присутствием, я прекрасно отужинал и выпил две рюмки более чем превосходного портвейна. Затем Люси повела меня в комнату, которая была рядом с ее комнатой, там топился камин.

– Теперь, – сказала она, – вы останетесь здесь. Эту дверь я оставляю открытой. Вы ляжете тут на кушетке, так как я все равно знаю, что во время дежурства ничто не заставит вас, врачей, лечь в постель, раз рядом находится ваш пациент. Если мне что-нибудь понадобится, я вас позову, и вы тотчас же сможете прийти ко мне.

Мне оставалось только подчиниться, тем более что я устал как собака и не смог бы сидеть дольше, даже при всем желании. Она еще раз повторила, что позовет меня, если ей что-либо понадобится; я лег на кушетку и забыл обо всем на свете.

ДНЕВНИК ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

9 СЕНТЯБРЯ. Сегодня вечером я чувствую себя совершенно счастливой. Все это время я была очень слаба, сегодня же я в состоянии двигаться, разговаривать и думать; у меня на душе точно солнышко выглянуло после пасмурных дней. Мне кажется, что Артур где-то очень, очень близко от меня – я чувствую его присутствие. Болезнь и слабость эгоистичны и обращают все наши помыслы и симпатии на самих себя, а здоровье и силы прищипывают любовь, и в мыслях, и в чувствах ты тогда можешь бродить где заблагорассудится. Я знаю, где мои мысли. Если бы только Артур знал! Мой милый, милый! О, благодатный покой прошлой ночи! Как хорошо мне спалось, когда этот славный д-р Сьюард дежурил возле меня; сегодня мне тоже не страшно будет спать, раз он так близко; ведь я каждую минуту могу позвать его. Бесконечное спасибо всем за доброту ко мне. Благодарю тебя, Создатель мой! Спокойной ночи, Артур!

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

10 СЕНТЯБРЯ. Едва я почувствовал, как профессор прикоснулся к моей голове, я моментально проснулся и вскочил. Мы к этому привыкли в больнице.

– Ну, что с нашей пациенткой?

– Ей было хорошо, когда я ее оставил, или, вернее, когда она меня оставила, – ответил я.

– Пойдем посмотрим, – сказал он, и мы вместе вошли в ее комнату.

Штора была опущена; я пошел поднять ее, между тем как Ван Хелсинг тихо, по-кошачьи приблизился к кровати.

Когда я поднял штору и солнечный свет залил комнату, то услышал глубокий вздох профессора.

Я знал уже значение этого вздоха, и ужас охватил меня. Когда я подошел, он подался назад, и восклицание «*Gott in Himmel*»¹⁰ вырвалось из перекошенного страданием рта. Он показал на постель; его суровое лицо исказилось и побледнело. Я чувствовал, как задрожали колени.

¹⁰ Царь Небесный (нем.).

Бедная Люси лежала в постели, по-видимому, в глубоком обмороке, еще более бледная и безжизненная, чем раньше. Даже губы ее побелели, десны как бы сошли с зубов, как иногда случается после долгой болезни. Ван Хелсинг хотел уже в гневе топнуть ногой, но интуиция, основанная на жизненном опыте, и долгие годы привычки удержали его.

– Скорее, – сказал Ван Хелсинг, – принесите бренди.

Я помчался в столовую и вернулся с графином. Мы смочили бренди ее губы и натерли ей ладони, запястья и область сердца. Он прослушал ее и после нескольких тревожных минут сказал:

– Еще не поздно. Сердце бьется, хотя и слабо. Весь наш прежний труд пропал, придется начать сызнова. Юноши Артура здесь, к сожалению, нет; на этот раз мне придется обратиться к вам, дружище Джон.

Сказав это, он начал рыться в своем чемодане и вынул оттуда инструменты для трансфузии. Я снял сюртук и засучил рукав рубашки. Не было никакой возможности прибегнуть к снотворному, да, в сущности, и незачем было прибегать к нему; поэтому мы принялись за операцию, не теряя ни минуты. Через некоторое время – кстати, продолжительное, потому что переливать кровь, даже когда ее отдают добровольно, занятие отвратительное, – Ван Хелсинг поднял палец, чтобы предостеречь меня.

– Тихо, не шевелитесь, – прошептал он, – я боюсь, что благодаря притоку сил и жизни она с минуты на минуту может прийти в себя, и тогда нам грозит опасность, ужасная опасность. Впрочем, я приму меры предосторожности. Я сделаю ей подкожное впрыскивание морфия.

И он принялся ловко и быстро выполнять задуманное. Морфий хорошо подействовал на Люси: благодаря ему обморок медленно перешел в наркотический сон. Чувство гордости охватило меня, когда я увидел, как нежная краска возвращается к ее бледным щекам и губам. Ни один мужчина не знает, пока не испытает на опыте, что это за ощущение, когда его кровь перелита в вены женщины, которую он любит. Профессор внимательно следил за мной.

– Довольно! – сказал он.

– Уже? – удивился я. – У Арта вы взяли гораздо больше!

Он грустно улыбнулся в ответ и сказал:

– Он ее возлюбленный, ее *fiancé*!¹¹ А вам придется немало жертвовать своей жизнью, как для нее, так и для других, а пока – довольно.

Когда операция закончилась, он занялся Люси, а я прижал к ранке тампон, чтобы кровь не текла. Дождаясь, пока он освободится, чтобы помочь мне, я прилег на кушетку, так как чувствовал слабость и даже дурноту. Вскоре он сделал мне перевязку и отправил меня вниз выпить бокал вина. Когда я выходил из комнаты, он нагнал меня и прошептал:

– Помните, никому об этом ни слова. Даже если Артур неожиданно придет сюда, как тогда, ни слова и ему. Это может его напугать и вместе с тем возбудить в нем ревность. Ни того, ни другого быть не должно. Пока все.

Когда я вернулся, он взглянул на меня внимательно и сказал:

– Вы не в самом плохом состоянии. Идите в комнату, ложитесь на софу и отдохните немного; потом позавтракайте и приходите сюда ко мне.

Я подчинился его приказам, потому что знал, насколько они правильны и мудры. Я сыграл свою роль, и теперь моим долгом было восстановить силы. Я чувствовал, что очень ослабел, и даже не испытывал удовлетворения от сделанного. Продолжая недоумевать, как Люси смогла так быстро поправиться и как ей удалось потерять столько крови без каких-либо следов, я заснул на софе. Должно быть, я продолжал недоумевать во сне, так как, засыпая и просыпаясь, мысленно все возвращался к небольшим ранкам-точкам у нее на шее и к их рваным бескровным краям.

¹¹ Здесь: жених (*фр.*).

Днем Люси великолепно спала, а когда проснулась, выглядела хорошо, она казалась окрепшей, хотя все-таки выглядела хуже, чем накануне. Но вид ее удовлетворил Ван Хелсинга, и он пошел прогуляться, строго наказав мне не спускать с нее глаз. Я слышал, что он в передней спрашивал, как ближе всего пройти к телеграфу.

Люси мило болтала со мной и, казалось, понятия не имела о том, что с ней произошло. Я старался ее занимать и забавлять. Когда миссис Вестенра пришла ее навестить, то, по-видимому, не заметила в дочери никакой перемены и сказала мне с благодарностью:

– Мы так страшно обязаны вам, д-р Сьюард, за все, что вы для нас сделали, но очень прошу вас не переутомляться. Вы сами осунулись и бледны. Вам нужна жена, которая бы поухаживала за вами; это вам необходимо.

При этих словах Люси покраснела, хотя всего только на одну секунду, так как ее бедные истощенные вены не могли долго выдержать столь неожиданного и непривычного прилива крови к голове. Реакция наступила мгновенно: Люси невероятно побледнела, обратив ко мне умоляющий взгляд. Я улыбнулся и кивнул, приложив палец к губам; со вздохом она снова утонула в своих подушках.

Ван Хелсинг вернулся часа через два и сказал мне:

– Теперь – скорей домой, поешьте, выпейте вина и подкрепите силы сном. Я тут останусь на ночь и сам посижу с маленькой мисс. Мы с вами должны следить за болезнью – другим ни к чему об этом знать. У меня на это есть свои причины. Не спрашивайте о них; думайте что хотите. Можете даже вообразить самое невозможное. Спокойной ночи!

В передней две служанки подошли ко мне и спросили, не нужно ли кому-нибудь из них посидеть около мисс Люси. Они умоляли меня позволить им это. Когда же я им сказал, что д-р Ван Хелсинг желает, чтобы только он и я сидели у кровати больной, они начали просить меня поговорить с иностранцем. Я был тронут их любезностью. Моя ли слабость, забота ли о Люси вызвали в них такую преданность – не знаю, но время от времени мне приходилось выслушивать их просьбы. Я вернулся в лечебницу к позднему обеду, совершил обход – все благополучно; перед сном все это записал. Безумно хочется спать.

11 СЕНТЯБРЯ. Сегодня вечером я снова был в Гилинге. Ван Хелсинга я застал в хорошем расположении духа. Люси гораздо лучше. Вскоре после моего приезда принесли какую-то большую посылку из-за границы, адресованную профессору. Он раскрыл ее с нетерпением – напускным, разумеется, – и показал нам огромную связку белых цветов.

– Это вам, мисс Люси, – сказал он.

– Ах, доктор, как вы любезны!

– Да, моя дорогая, вам, но не для забавы. Это лекарство.

У Люси на лице отразилось неудовольствие.

– Нет, не беспокойтесь. Вам не придется пить отвар из них или что-нибудь в том же роде, и потому вам незачем морщить свой очаровательный носик, а не то я расскажу своему другу Артуру, насколько он будет огорчен, когда ему придется увидеть ту красоту, которую он так любит, искаженной. Ага, моя дорогая мисс! Вы больше не морщите носик. Итак, цветы – целебное средство, но вы не понимаете какое. Я положу их на ваше окно, я сделаю прелестный венок и надену его вам на шею, чтобы вы хорошо спали. О да, они, как лотос, заставят вас позабыть все ваши горести. Они пахнут, как воды Леты и фонтаны юности; конкистадоры искали их во Флориде и нашли, но, к сожалению, слишком поздно.

Пока он говорил, Люси разглядывала цветы и вдыхала их аромат. Затем, отбросив их, наполовину улыбаясь, наполовину досадуя, сказала:

– Профессор, надеюсь, это милая шутка с вашей стороны. Ведь это обыкновенный чеснок!

К моему удивлению, Ван Хелсинг встал и сказал ей совершенно серьезно, сжав свои железные челюсти и насупив густые брови:

– Прошу со мной не шутить. Я никогда ни над кем не насмехаюсь. Я ничего не делаю без причины и прошу вас не возражать. Будьте осторожны, если не ради себя лично, то ради других.

Затем, увидев, что Люси испугалась, что было вполне понятно, он продолжал уже более ласково:

– О, моя дорогая маленькая мисс, не бойтесь. Я ведь желаю вам только добра; в этих простых цветах почти все ваше спасение. Вот взгляните – я сам разложу их в вашей комнате. Я сам сделаю вам венок, чтобы вы его носили. Но только никому ни слова, дабы не возбуждать ненужного любопытства. Итак, дитя мое, вы должны беспрекословно подчиняться, молчание – часть этого повиновения, а оно должно вернуть вас сильной и здоровой в объятия того, кто вас любит и ждет. Теперь посидите немного смирно. Идемте со мной, дружок Джон, и помогите мне посыпать комнату чесноком, присланным из Гарлема. Мой друг Вандерпул разводит там в парниках эти цветы круглый год. Мне пришлось вчера телеграфировать ему – здесь нечего было и мечтать достать их.

Мы пошли в комнату и взяли с собой цветы. Поступки профессора были, конечно, чрезвычайно странными, я этого не нашел бы ни в какой медицинской книге: сначала он закрыл все окна и запер; затем, взяв полную горсть цветов, он натер ими все щели, дабы малейшее дуновение ветра было пропитано их запахом. После этого взял целую связку этих цветов и натер ею косяк двери и притолоку. То же самое сделал он и с камином. Мне все это казалось неестественным, и я обратился к нему:

– Я привык верить, профессор, что вы ничего не делаете без причины, и все же хорошо, что здесь нет скептика, а то он сказал бы, что вы колдуете против нечистой силы.

– Очень может быть, что так оно и есть, – спокойно ответил он и принялся за венок, который Люси должна носить на шее.

Мы подождали, пока Люси приготовится ко сну; когда же она была готова, профессор надел ей на шею венок. Последние слова, сказанные им, были:

– Смотрите не разорвите его и не открывайте ни окна, ни двери, даже если в комнате будет душно.

– Обещаю вам это, – сказала Люси, – и бесконечно благодарю вас обоих за вашу ласку. Чем я заслужила дружбу таких людей?

Затем мы уехали в моей карете, которая меня ожидала. Ван Хелсинг сказал:

– Сегодня я могу спать спокойно, я в этом очень нуждаюсь: две ночи в дороге, в промежутке днем – много книг, а на следующий – много тревог. Ночью снова пришлось дежурить, не смыкая глаз. Завтра рано утром зайдите за мной, и мы вместе отправимся к нашей милой мисс, которая, надеюсь, окрепнет благодаря тому «колдовству», которое я использовал. Ох-ох-хо!

Он так безгранично верил, что мною овладел непреодолимый страх, ибо я вспомнил, как я сам был исполнен веры в благоприятный исход и сколь печальными оказались результаты. Моя слабость не позволила мне сознаться в этом моему другу, но из-за этого я в глубине души еще сильнее страдал, как страдаешь, не позволяя себе выплакаться.

Глава XI

ДНЕВНИК ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

12 СЕНТЯБРЯ. Как добры они ко мне. Я почти влюблена в этого д-ра Ван Хелсинга. Удивляюсь, почему он так беспокоился из-за этих цветов. Он определенно напугал меня – так горячился. Впрочем, он, должно быть, прав – от цветов мне стало как-то лучше. Как бы там ни было, меня теперь уже не страшит одиночество, и я могу без страха пойти спать. Я не стану обращать внимания на хлопанье крыльев за окном. А какой ужасной борьбы мне стоил сон в последнее время! Как счастливы те, жизнь которых проходит без страха, без ужасов, для которых сон является благословением ночи и ничего не доставляет им, кроме сладких сновидений. Вот я лежу в ожидании сна, лежу, как Офелия в пьесе, с венком на голове и вся в цветах. Раньше я не любила запах чеснока, но сегодня этот запах мне приятен! Что-то мирное в его запахе; я чувствую, что меня уже клонит ко сну. Спокойной ночи всем!

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

13 СЕНТЯБРЯ. Посетил Беркли и застал Ван Хелсинга, который уже поднялся – как всегда, вовремя. Экипаж, заказанный в гостинице, тоже ожидал у дверей. Профессор забрал с собой свой чемодан, с которым теперь не расстается.

Пусть все будет точно зафиксировано. Мы приехали в Гилингам в восемь часов. Было чудесное утро; яркое солнце и вся свежесть осени, казалось, венчали годовой труд Природы. Листья окрасились в разнообразные цвета, но еще не начали опадать. Войдя, мы встретили на пороге комнаты миссис Вестенра. Она всегда поднималась рано. Она сердечно приветствовала нас и сказала:

– Вы будете очень рады, так как Люси лучше. Милое дитя все еще спит! Я заглянула к ней в комнату и видела ее, но не вошла, боясь ее потревожить.

Профессор улыбнулся и взглянул с торжеством. Он потер руки и сказал:

– Ага! Мне кажется, что я поставил верный диагноз. Мое лекарство действует. – На что она ответила:

– Вы не должны все приписывать себе, доктор. Своим утренним покоем Люси отчасти обязана и мне.

– Что вы этим хотите сказать, сударыня? – спросил профессор.

– Я беспокоилась о милом ребенке и вошла к ней в комнату. Она крепко спала – так крепко, что даже мой приход не разбудил ее. Но в комнате было ужасно душно. Там повсюду лежало так много этих ужасных, сильно пахнувших цветов, даже вокруг шеи у нее был обмотан целый пучок; и я решила, что этот тяжелый запах слишком вреден для милого ребенка при его слабости, так что я убрала цветы и приоткрыла окно, чтобы проветрить комнату. Вы будете очень довольны, я убеждена.

Она ушла в будуар, где обыкновенно завтракала. Я следил за лицом профессора и увидел, что оно стало пепельно-серого цвета. Он старался владеть собой в присутствии бедной леди, так как знал о ее болезни и сколь ужасно было бы потрясение, – он даже улыбался, когда распахнул перед ней дверь в комнату, но, едва она вышла, он резко втолкнул меня в столовую и запер за нами дверь.

Тут я впервые увидел Ван Хелсинга в отчаянии. В немом ужасе он поднял руки над головой и всплеснул ладонями самым безнадежным образом. Наконец он сел в кресло и, закрыв

лицо руками, громко зарыдал без слез, и казалось, мучительные рыдания вырывались из самого его сердца. Потом он снова воздел руки, словно взывая ко всей вселенной:

– Господи, Господи, Господи! Что мы такого сделали, чем провинился этот бедный ребенок, что у нас столько горя? Неужели рок, ровесник языческих богов – духовной слепоты, неужели он тяготеет над нами, раз такие вещи происходят, да еще таким образом? Эта бедная мать совершенно неосознанно, думая все обратить к лучшему, совершает поступки, которые губят душу и тело ее дочери! А мы не вправе открыться ей, не вправе даже предупредить ее, иначе она умрет, и тогда умрут обе. О, сколько горя! Все дьявольские силы ополчились против нас!

Неожиданно он поднялся.

– Идем, – заговорил он после минутной паузы, – идем, мы должны думать и действовать, есть ли дьяволы, нет их или их множество – безразлично; мы все равно победим.

Он бросился в переднюю за чемоданом, а затем мы вместе поднялись в комнату Люси.

Я снова раздвинул шторы, пока Ван Хелсинг приближался к кровати. На этот раз он не был поражен, когда взглянул на это несчастное лицо, покрытое той же самой ужасной восковой бледностью. Его взгляд выражал суровую печаль и бесконечную жалость.

– Так я и знал, – пробормотал он со вздохом, который так много значил. Затем, не говоря ни слова, он закрыл дверь и начал выкладывать инструменты для новой операции – переливания крови. Я уже давно понял, что это необходимо, и потому начал снимать сюртук, но он остановил меня движением руки.

– Нет, – сказал он. – Сегодня вы станете делать операцию. Я буду объектом. Вы потеряли слишком много крови. – Говоря это, он снял сюртук и засучил рукав рубашки.

Опять операция; опять снотворное; опять краска окрашивает пепельно-серые щеки и восстанавливается ритмичное дыхание здорового сна. На этот раз я караулил, пока Ван Хелсинг подкреплялся и отдыхал.

Он воспользовался первым представившимся удобным случаем и сказал миссис Вестенра, чтобы она ничего не выносила из комнаты Люси, не посоветовавшись предварительно с ним; что цветы имеют ценность как лекарство и что вдыхание их аромата входит в план лечения. Затем он взялся сам следить за ходом дела, сказав, что проведет эту и следующую ночь у постели больной и что сообщит мне, когда прийти.

После двухчасового сна Люси проснулась свежая и веселая, нисколько не чувствуя себя хуже после ужасного испытания.

Что все это значит? Я уже начинаю бояться, не отражается ли на моем мозгу мое долгое пребывание среди сумасшедших.

ДНЕВНИК ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

17 СЕНТЯБРЯ. Четыре спокойных дня и ночи. Я становлюсь такой сильной, что едва узнаю себя. Мне кажется, я пробуждаюсь после долгого кошмара. Я только что проснулась, увидела чудесное солнце и почувствовала свежий утренний воздух. Мне смутно припоминается долгое, тоскливое время ожиданий и страха; мрак, в котором не было ни малейшей надежды на то, что гнет хотя бы разрешится кризисом, а затем – бесконечное забвение и возвращение к жизни, как у водолаза, поднимающегося из глубин воды на свет Божий. С тех пор как д-р Ван Хелсинг со мной, все эти ужасные сны, кажется, прошли; звуки, которые обычно сводили меня с ума: удары крыльев об окна, отдаленные голоса, которые казались мне такими близкими, резкий звук, который исходил неведомо откуда и требовал от меня сама не знаю чего, – все это теперь прекратилось. Теперь я нисколько не боюсь засыпать. Я даже не стараюсь не спать. Теперь я стала любить чеснок, и мне присылают каждый день из Гарлема целые корзины его. Сегодня д-р Ван Хелсинг уезжает, так как ему нужно на несколько дней в Амстердам. Но ведь

за мной не надо присматривать; я достаточно хорошо себя чувствую, чтобы остаться одной. Благодарю Бога за мою мать, за дорогого Артура и за всех наших друзей, которые столь добры. Я даже не почувствую перемены, так как вчера ночью Ван Хелсинг долгое время спал в своем кресле. Я дважды заставляла его уснуть, несмотря на то что ветви, или летучие мыши, или что-то почти со злобой бились об оконную раму.

«ПЕЛЛ МЕЛЛ ГАЗЕТТ» ОТ 18 СЕНТЯБРЯ

СБЕЖАВШИЙ ВОЛК

ОПАСНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ НАШЕГО ИНТЕРВЬЮЕРА

Интервью со смотрителем Зоологического сада

После долгих расспросов и отказов и бесконечно повторяя слова «Пелл-Мелл газетт», мне наконец удалось найти смотрителя того отделения Зоологического сада, где содержатся волки. Томас Билдер живет в одном из домиков, находящихся в ограде за слоновником, и как раз садился пить чай, когда я постучался к нему. Томас и его жена очень гостеприимные люди, пожилые, бездетные. И если гостеприимство, с которым они меня приняли, обычно для них, жизнь их, должно быть, довольно комфортабельно устроена. Сторож отказался связываться в какие-либо, как он выражается, «штуки», пока не поужинает, против чего я не протестовал. Затем, когда стол был прибран и он закурил свою трубку, сказал:

– Теперь, сэр, пожалуйста, выясняйте, чего ни пожелаете. Я, конечно, прошу прощения, что не стал болтать на пустой желудок. Я и сам у себя сначала даю волкам, шакалам и гиенам их десерт, а потом уж расспрашиваю.

– В каком смысле «расспрашиваете»? – поинтересовался я, стараясь завязать разговор.

– А так. Дубинкой по голове – это один разговор, а за ухом почесать – совсем другой. Разговор с дубинкой мне не сильно нравится, покуда не раздам обед, а вот выпьют они свой херес да кофе, как говорится, можно и почесать за ухом.

Наверно, замечали, – философски добавил он, – в людях есть много общего со зверьем. Вот явились вы, все вынюхиваете, а я, такой-сякой, за ваши собственные паршивые полсоверена хотел бы увидеть, как вы отсюда вылетите, даже рот не успевши раскрыть. Даже после того, как вы этак хитро спросили, может, вам обратиться к надзирателю, чтобы он сам разрешил вам меня расспрашивать. Разве, уж не обижайтесь, я не ответил, чтобы вы лучше к черту катились?

– Да, ответили.

– А еще вы грозились, что меня к ответственности призовете за мою ругань, так будто меня самого по башке дубиной ударили. Но получил ваши полсоверена, и все как рукой сняло. А я ведь не хотел воевать, это я так рычал, дожидаясь ужина, как рычат волки, львы и тигры.

Зато теперь, храни Бог вашу душу, когда старая баба запихнула в меня свой кекс да прополоскала из старого чайника, вот я раскурил трубку и жду, когда вы меня почесаете за ухом, а больше вам и не положено, и ни звука от меня не добьетесь. Катитесь вы со своими вопросами! Вы ведь из-за сбежавшего волка явились, я-то знаю.

– Совершенно верно! Я хочу знать ваше мнение об этом. Скажите мне только, как это случилось; а когда я услышу факты, уж я заставлю вас рассказать, почему, по вашему мнению, это произошло и чем, вы думаете, это кончится.

– Хорошо, папаша! Вот почти вся история. Волк этот, его зовут Берсикер, из тех трех серых волков, что привезли из Норвегии, мы его купили четыре года тому назад. Это был славный, послушный волк, никаких с ним тебе забот. Я очень удивляюсь, чего это именно он сбежал, а не какой другой зверь. Так что теперь, выходит, волкам можно верить меньше, чем бабам.

– Не обращайтесь на него внимания, сэр, – вмешалась тут миссис Билдер с милой улыбкой. – Он так долго возился со зверьями! Я беспрестанно Бога благодарю, что он сам не превратился в старого волчицу. А вообще-то он совсем неплохой, да и не злой вовсе.

– Это было вчера, сэр, вчера, часа через два после кормежки, вдруг слышу шум. Я устранивал подстилку в обезьяннике для молодой пумы, которая заболела. Но как услышал тьяканье и вой, я сейчас же побежал и вижу Берсикера, он как бешеный кидается на решетку, точно на свободу рвется. В этот день было немного народу, и около клетки стоял только один господин, высокого роста, с крючковатым носом и острой бородкой с маленькой проседью. У него были ледяные красные глаза: он мне не понравился, – думал, это он так зверей раздражает. Руки у него в белых лайковых перчатках; он показывает на зверей и говорит: «Сторож, эти волки, кажется, чем-то взволнованы».

– Наверно, вами, – ответил я: очень мне не понравилось, как он со мной разговаривает. А он не рассердился, хотя я на это рассчитывал, а улыбнулся нахально, раскрыв при этом рот, полный белых острых зубов.

– О нет, – говорит, – я бы им понравился.

– О да, – возражаю, передразнивая его. – Они любят за чаем поточить свои зубы о косточки, которых у вас полон ящик.

И вот странность: как только звери заметили, что мы разговариваем, так прилегли, а когда я подошел к Берсикеру, то он позволил мне, как всегда, погладить себя по голове. Этот господин также подошел к нему и, представьте, просунул руку сквозь решетку и тоже погладил старика за ушами.

– Берегитесь, – сказал я, – Берсикер ловок!

– Ничего, – ответил он, – я к ним привык.

– Так вы профессионал? – спросил я, снимая шляпу перед человеком, промышленявшим волками: ведь укротитель всегда приятель сторожу.

– Нет, – сказал он, – не то чтобы профессионал, но я с ними немного баловался.

При этом он снял шляпу так вежливо, что твой лорд, и удалился. Старый Берсикер глядел ему вслед, пока тот не скрылся из виду, затем пошел, улегся в углу и не захотел выходить весь вечер. А ночью, только луна вошла, завyli все волки. Кажется, не из-за чего было им выть. Вблизи никого не было, за исключением субъекта, который звал какую-то собаку, находившуюся, по-видимому, далеко в парке. Я несколько раз выходил смотреть, все ли в порядке, и ничего особенного не находил; потом вой прекратился. Около полуночи я снова вышел осмотреть сад, прежде чем идти ложиться спать. Но когда я подошел к клетке Берсикера, то увидел – решетка сломана, а клетка пустая стоит. Вот я и выложил вам все до капельки.

– Никто больше ничего не видел?

– Один из сторожей возвращался около того времени домой с вечеринки и видел какую-то большую серую собаку, перескочившую через забор сада. По крайней мере, он так говорил, но я этому мало верю. Он ни словечком не обмолвился своей женеушке, как добрался до дому, а, видишь ты, вспомнил, когда о Берсикере уже знали и проискали его в парке всю ночь. А я так думаю, это хмель ему в голову стукнул.

– Скажите, м-р Билдер, вы можете объяснить побег волка?

– Ну, сэр, – сказал он с подозрительной сдержанностью, – думаю, да, но вот не знаю, как вам моя теория глянется.

– Я, конечно же, буду удовлетворен. Если уж человек, так знающий зверей, как вы, не может рискнуть, по крайней мере, предложить свою догадку, кто тогда может?

– Ну, сэр, я вот как думаю, думаю я, что волчище этот сбежал, потому что ему приперло.

По тому, как сердечно засмеялись Томас с женой, я понял, что они приготовились заранее и все объяснение – просто припасенный трюк. Я не мог состязаться с достойнейшим Томасом в остроумии, но, по-моему, я избрал не менее надежный путь к его сердцу, сказав:

– Теперь, м-р Билдер, сойдемся на том, что полсоверена вы отработали, а вот его братец, он только и ждет, как бы оказаться у вас, помогите ему, сообщите, что вы думаете о случившемся.

– Сойдемся, сэр, – быстро сказал он. – Уж простите великодушно – я-то вижу, что вы насмехаетесь, да старуха подмигивает мне, приказывает, значит, продолжать.

– Опять ты! – воскликнула миссис Билдер.

– По-моему, волк скрывается где-нибудь поблизости. Один садовник сказал, что какой-то волк мчался галопом к северу быстрее лошади; но я не верю: вы сами знаете, что волки не могут мчаться галопом, так же как и собаки, – не так они устроены. Это только в сказках волк такой роскошный зверь; там он, когда приходит в ярость или что-нибудь грызет, кажется страшнее, чем на самом деле, – он способен производить дьявольский шум и уничтожать все, что ему попадется. На самом деле волк, слава Богу, так себе тварь; собака, например, умнее и смелее его в два раза, а воинственней вчетверо. А этот тем более не способен ни подражаться, ни себя защитить; больше похоже на то, что он скрывается теперь где-нибудь за парком и дрожит от страха, а если о чем и думает, так только о том, где бы ему позавтракать; или, может быть, он попал в какой-нибудь двор и сидит теперь в подвале для угля. С места мне не сойти, и глотнет же рома кухарка, которая увидит в темноте его горящие зеленые глаза! Если у него нет еды, то ему придется пойти ее искать, и возможно, что он наткнется на лавку мясника. Если же он не найдет мясной лавки, а какая нянька, прогуливаясь со своим солдатом, оставит ребенка без надзора в коляске, – ну, тогда я не удивлюсь, если и станет одним ребеночком меньше. Вот и все.

Я протянул ему полсоверена, и в этот момент что-то метнулось к окну, и лицо м-ра Билдера от удивления вытянулось.

– Господи! – воскликнул он. – Не старый ли Берсикер вернулся домой?

Он подошел к двери и распахнул ее; этот жест мне показался совершенно лишним. Я всегда считал, что дикий зверь выглядит хорошо только тогда, когда между ним и нами находится какое-нибудь очень прочное препятствие; жизненный опыт скорее усилил, чем ослабил эту мысль.

А все-таки главное – привычка, так как Билдера и его жену присутствие волка столь же не волновало, как меня присутствие собаки. Зверь сам по себе был мирным и благовоспитанным, словно прародитель всех волков из книжечек с картинками – бывший приятель Красной Шапочки, когда он, нарядившись бабушкой, завоевывал ее доверие.

Сцена эта была невыразимой смесью комедии и драмы. Свирепый волк, который на целых полдня парализовал весь Лондон, заставляя детей дрожать от страха, стоял перед нами, точно кающийся грешник, и его приняли и приласкали, как лукавого блудного сына. Старый Билдер внимательно, с нежной заботливостью осмотрел его; когда он закончил осмотр, то сказал:

– Ну вот, так я и знал, что старый приятель попадет в какую-нибудь историю; разве я не твердил это как попугай? Посмотрите, голова у него вся поранена и стекла торчат.

Понастроили чертовы стены! Безобразие, позволяют кому ни попадя вмуровывать в ограды битые бутылки! А вот что из этого выходит! Поди сюда, Берсикер.

Он взял волка и запер его в клетку, дав ему кусок мяса величиной с доброго теленка, и закончил свой рассказ.

Я тоже кончаю свое повествование. Вот и все сведения о странном побеге волка из Зоологического сада, которые мне удалось получить.

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

17 СЕНТЯБРЯ. После обеда я занимался приборкой книг, которые из-за того, что я был завален посторонними делами и мне часто приходилось навещать Люси, пришли в ужасный беспорядок. Вдруг дверь открылась, и в комнату ворвался мой пациент с лицом, совершенно искаженным от гнева и возбуждения. Я был поражен как громом, так как это небывалый случай, чтобы пациент по собственной воле приходил в комнату врача без сторожей. Он шел прямо на меня, не произнося ни слова. У него в руке был столовый нож. Сообразив, какой я подвергаюсь опасности, я старался, чтобы стол все время находился между нами. Но он оказался более ловким и сильным, чем я ожидал, и довольно серьезно порезал мне левую руку. Однако, прежде чем он успел ударить меня вторично, я воспользовался правой, и вот он уже барахтался на полу. Из моей руки кровь текла ручьем, и на ковре образовалась маленькая лужа. Видя, что больной не склонен к дальнейшим действиям, я принялся перевязывать руку, причем все время зорко наблюдал за распростертой фигурой. Когда прибежали служители, им стало дурно. Пациент лежал на животе и вылизывал, как собака, кровь, натекающую из моей руки. Его легко усмирили, и он совершенно спокойно, к моему удивлению, пошел со служителями, повторяя при этом без конца: «Кровь – это жизнь, кровь – это жизнь...»

Я слишком много крови потерял за последнее время, да и болезнь Люси с ее ужасными перепадами сильно отразилась на мне. Я чересчур взволнован и устал, и мне нужен покой, покой, покой. К счастью, Ван Хелсинг не звал меня сегодня, так что я могу отдохнуть; мне трудно было бы обойтись без этого.

ТЕЛЕГРАММА ВАН ХЕЛСИНГА, АНТВЕРПЕН,

СЬЮАРДУ, КАРФАКС

(Из-за того, что Карфакс, Сассекс, указано не было, вручена на двадцать два часа позже)

«*17 СЕНТЯБРЯ.* Ночуйте в Гилингаме. Если не можете все время сторожить, часто навещайте, следите, чтобы цветы были на месте. Будьте внимательны. Появлюсь у вас, как только приеду».

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

18 СЕНТЯБРЯ. Выехал в Лондон. Полученная от Ван Хелсинга телеграмма приводит меня в отчаяние. Целая ночь потеряна, а я по горькому опыту знаю, что за ночь может случиться. Конечно, возможно, все сошло хорошо, но одному Богу известно, что могло произойти. Должно быть, какой-то ужасный рок властвует над нами, ибо все вооружились против нас и

чинят препятствия, несмотря на любые наши старания. Возьму с собой этот валик, тогда смогу закончить запись на фонографе Люси.

ЗАПИСКА, ОСТАВЛЕННАЯ ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

17 СЕНТЯБРЯ. НОЧЬ. Я пишу это и кладу на заметное место, чтобы никто обо мне не беспокоился. Вот точная запись того, что в эту ночь случилось. Я чувствую, что умираю от слабости, у меня едва хватает сил, чтобы написать, но это надо сделать, даже если бы я при том умерла.

Я легла спать, как обычно, предварительно позаботившись о том, чтобы цветы лежали там, куда д-р Ван Хелсинг велел их положить, – и вскоре уснула.

Меня разбудило то хлопанье крыльев об окно, которое началось после того, как я ходила во сне на утесы в Уитби, когда Мина спасла меня, и которое теперь мне столь хорошо знакомо. Я не испугалась, но мне очень хотелось, чтобы д-р Сьюард был в соседней комнате. Д-р Ван Хелсинг говорил, что он будет, – тогда я смогла бы позвать его. Я старалась заснуть, но не могла. Тут мной снова овладел прежний страх перед сном, и я решила бодрствовать. Строптивая сонливость нападала на меня именно тогда, когда я боялась заснуть, так что, испугавшись одиночества, я открыла дверь и крикнула: «Есть здесь кто-нибудь?» Ответа не было. Я боялась разбудить мать, поэтому снова закрыла дверь. Затем я услышала в кустах какой-то вой, точно собачий, но только более резкий и глухой. Я подошла к окну и взглянула, но ничего не увидела, кроме большой летучей мыши, которая, должно быть, билась своими крыльями об окно. Тогда я снова легла в постель, но решила не спать. Вскоре дверь открылась, ко мне заглянула мать; видя по моим движениям, что я не сплю, она вошла, под села ко мне и нежно сказала:

– Я очень беспокоюсь о тебе, дорогая, и пришла узнать, как твое здоровье.

Я боялась, что она простудится, сидя так, и сказала ей, чтобы она легла со мной спать, и она легла ко мне в постель; она не сняла халат, потому что решила недолго пробыть у меня и пойти спать к себе. Когда мы лежали обнявшись, снова раздался шум крыльев, ударяющихся в окно. Она вздрогнула от испуга и воскликнула: «Что это такое?» Я старалась ее успокоить, наконец мне это удалось, и она тихо лежала; но я слышала, как страшно бьется ее бедное сердечко. Чуть позже снова послышался глухой вой в кустах, и вскоре вслед за этим в окно что-то ударило, и множество осколков стекла посыпалось на пол. Шторы распахнулись от ворвавшегося ветра, и в оконном проеме показалась голова худого крупного волка. Мать закричала от страха и приподнялась на кровати, цепляясь за все, что попадет под руку. И ненароком она схватилась и за венок из цветов, который д-р Ван Хелсинг велел мне носить на шее, и сорвала его с меня. В течение нескольких секунд она сидела и, дрожа от страха, указывала на волка, в горле у нее странно и страшно забулькало, затем она упала навзничь, как пораженная молнией, и, падая, так ударила меня по голове, что голова у меня на мгновение закружилась. Комната и все остальное завертелось перед моими глазами. Я уставилась в окно, волк вдруг исчез, и мне показалось, что целые мириады мошек вместе с ветром ворвались в комнату через разбитое окно и кружились и вертелись, как песчаный столб, который, по описанию путешественников, образуется в пустыне при самуме. Я пробовала пошевелить рукой, но находилась под влиянием какого-то колдовства, а кроме того, тело моей несчастной, дорогой матери, которое, казалось, уже холодело, так как ее сердце перестало биться, давило меня своею тяжестью, и я на некоторое время потеряла сознание.

Было очень страшно; наконец я снова пришла в себя. Где-то поблизости раздался звон колокольчика на проезжей дороге; все собаки по соседству завыли; и в кустах, как будто совсем близко, запел соловей. Я чувствовала себя совершенно ошеломленной и разбитой от переживаний, страха и слабости, но голос соловья казался мне голосом моей покойной матери, вернувшейся, чтобы утешить меня. Звуки, должно быть, разбудили и прислугу, так как я слышала

шлепанье их босых ног у двери. Я позвала, они вошли и, когда увидели, что случилось и кто лежит на моей постели, громко закричали. Ветер ворвался сквозь разбитое окно, и дверь распахнулась. Они сняли с меня тело моей дорогой матери и положили его, накрыв простыней, на постель, как только я сошла с нее. Они все были до такой степени перепуганы и расстроены, что я велела им пойти в столовую и выпить по бокалу вина. Дверь на мгновение распахнулась и затем снова закрылась. Девушки вскрикнули, и мне показалось, что кто-то вошел в столовую; а я положила все цветы, какие только у меня были, на грудь моей дорогой матери. Тут я вспомнила, что говорил мне д-р Ван Хелсинг, но мне не хотелось их больше трогать, да и, кроме того, я решила, что одна из служанок посидит теперь со мной. Я была очень удивлена, почему девушки так долго не возвращаются. Я позвала, но они не ответили, и я пошла в столовую посмотреть, что с ними.

Сердце у меня оборвалось, когда я увидела, что случилось. Все четыре девушки беспомощно лежали на полу и тяжело дышали. Наполовину пустой графин с хересом стоял на столе, но какой-то странный, дикий запах исходил оттуда. Мне это показалось подозрительным, и я проверила графин – пахнет лауданумом; взглянув на буфет, я увидела, что бутылка, из которой врач давал лекарство моей матери, была пуста. Что мне делать? Что мне делать? Я не могу ее оставить, а я одна, потому что прислуга спит, кем-то одурманенная. Одна со смертью! Я боюсь войти туда, так как слышу сквозь разбитое окно глухой волчий вой...

Воздух полон кружащимися и вертящимися мошками, и светильники горят синим тусклым светом. Что мне делать? Да хранит меня Бог от всякого несчастья в эту ночь! Я спрячу эту бумагу у себя на груди, где ее найдут, если меня придется переносить. Моя мать умерла! Пора и мне! Прощай, дорогой Артур, если я не переживу этой ночи! Да хранит тебя Бог, дорогой, да поможет Он мне!

Глава XII

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

18 СЕНТЯБРЯ. Получив телеграмму, я немедленно отправился в Гилингам и прибыл туда рано утром. Оставив свой экипаж у ворот, я пошел по дорожке. Я осторожно постучался и позвонил как можно тише, так как боялся потревожить Люси или ее мать и надеялся, что разбуду только прислугу. Но никто не вышел, и я вновь постучался и позвонил: снова никакого ответа. Я проклинал лень прислуги, в столь поздний час еще валявшейся в постели, так как было уже десять часов, и нетерпеливо постучался и позвонил еще раз, однако ответа все не было. До сих пор я винил прислугу, а теперь мною начал овладевать ужасный страх. Я не знал, чем вызвано это странное молчание: отчаянием ли перед неумолимостью рока, замкнувшего нас в кольцо, или тем, что передо мной дом смерти, куда я пришел слишком поздно. Я знал, что минута и даже секунда опоздания равняется часам страдания для Люси, если с нею вновь повторится один из ее ужасных припадков; и я обошел вокруг дома в надежде найти какой-нибудь вход. Я нигде не нашел даже намека на вход. Все окна и двери были закрыты, и, расстроенный, я снова вернулся к дверям. Тут я вдруг услышал топот быстро мчавшейся лошади. Топот стих у ворот, и через несколько секунд я увидел бегущего по дорожке д-ра Ван Хелсинга. Увидев меня, он воскликнул:

– Так это вы! И вы только что приехали? Как она? Мы опоздали? Вы получили мою телеграмму?

Я ответил ему так быстро и связно, как только мог, что получил его телеграмму рано утром и что не потерял ни секунды, чтобы сюда прийти, но что мне никак не удается дозвониться. Он помедлил и, сняв шляпу, торжественно произнес:

– Ну, тогда я боюсь, мы опоздали. Да свершится Божья воля! – С обычной для него энергией он произнес: – Пойдемте. И если нигде не отыщем входа, нам придется проделать его своими руками. Время теперь дороже всего.

Мы подошли к задней стороне дома, куда выходило кухонное окно. Профессор вынул из чемодана хирургическую пилу и передал ее мне, показав на железную решетку окна. Я принялся за дело, и вскоре три прута были распилены. Затем с помощью длинного тонкого ножа мы вытащили решетку и открыли окно. Я помог профессору влезть, а затем сам последовал за ним. В кухне и людской никого не оказалось. Мы осмотрели все комнаты и когда наконец пришли в столовую, скудно освещенную лучами солнца, проникавшими сквозь ставни, то нашли четырех служанок лежащими на полу. Ясно было, что они живы, так как их тяжелое дыхание и едкий запах опия в комнате объясняли все. Мы с Ван Хелсингом обменялись взглядами, и он, направляясь дальше, сказал: «Мы можем к ним вернуться позже».

Затем мы вошли в комнату Люси. На секунду мы остановились у двери, прислушиваясь, но ничего не услышали. Дрожа и побледнев, мы тихо открыли дверь и вошли.

Смогу ли я описать открывшуюся картину! На постели лежали две женщины, Люси и ее мать. Мать лежала дальше от нас, прикрытая белой простыней, край которой отогнул ворвавшийся через разбитое окно ветер, и открылось бледное лицо, искаженное отпечатком пережитого страха. Рядом лежала Люси, тоже бледная, с лицом еще более искаженным. Цветы с ее шеи теперь лежали на груди ее матери, а сама шея была открыта, и на ней виднелись две крошечные ранки, такие же, как прежде, но только края их были рваными и ужасно белыми. Не говоря ни слова, профессор склонился над постелью, почти касаясь груди бедной Люси; затем быстро повернул голову в сторону, как будто прислушался к чему-то, и, вскочив на ноги, крикнул мне:

– Еще не поздно! Скорей! Скорей! Принесите бренди!

Я помчался вниз и вернулся с бутылкой бренди, причем попробовал и понюхал его из предосторожности, боясь, что бутылка может оказаться отравленной, как тот графин хереса, который я нашел на столе. Служанки все еще спали, но дыхание их стало тревожнее, так что, по моему мнению, действие снотворного заканчивалось. Я не останавливался, чтобы убедиться в этом, а вернулся к Ван Хелсингу. Он натер губы, десны, запястья и ладони Люси бренди, как и в прошлый раз, и сказал мне:

– Ничего больше здесь пока сделать нельзя! Ступайте и приведите в чувство служанок. Похлопайте их по лицу мокрым полотенцем, и похлопайте как следует. Пусть они разведут огонь и приготовят горячую ванну. Бедняжка почти так же холодна, как и ее мать. Ее нужно согреть, прежде чем приниматься за что-то другое.

Я тотчас же спустился, и мне нетрудно было разбудить трех из них. Четвертая была еще очень молода, и снотворное подействовало на нее сильнее, чем на остальных, так что я положил ее на диван и дал ей выспаться. Другие, когда сознание к ним вернулось, стали плакать и биться в истерике. Но я строго остановил их и сказал, что достаточно одной погибшей жизни; если же они станут медлить, то погубят и Люси. Рыдая и плача, они как были, полуодетые, принялись за работу, развели огонь и вскипятили воду. К счастью, огонь в очаге и под котлом еще теплился, и в горячей воде недостатка не было. Мы приготовили ванну, вынесли Люси на руках и посадили ее туда. В то время как мы растирали ее, раздался стук в парадную дверь. Одна из служанок накинула на себя какую-то одежду и выбежала открыть. Затем вернулась и шепотом сказала нам, что какой-то господин пришел с поручением от м-ра Холмвуда. Я велел ей сказать, чтобы он подождал, так как сейчас мы очень заняты. Она ушла с поручением, и, погруженный в свою работу, я совершенно о нем забыл.

Впервые я видел, чтобы профессор работал столь серьезно. Я знал не хуже его, что идет решительный бой со смертью, и в паузе сказал ему об этом. Он ответил мне так, что я ничего не понял, но с самым строгим выражением лица, какое только могло быть:

– Если бы вы были правы, я бы остановился там, где мы теперь, и позволил бы ей отойти с миром, потому что не вижу света жизни на ее горизонте. – Он принялся за работу с новой, безумной энергией, если это только возможно.

Наконец мы заметили, что тепло начинает оказывать на Люси некоторое действие. При помощи стетоскопа удары ее сердца слышались уже яснее, а дыхание ощущалось чуть лучше. Лицо Ван Хелсинга почти сияло, и, когда мы вынули ее из ванны и завернули в теплую сухую простыню, он сказал мне:

– Начало игры за нами! Шах королю!

Мы понесли Люси в другую комнату, которую за это время приготовили, и положили ее на кровать, затем влили ей несколько капель бренди в рот. Я заметил, что Ван Хелсинг повязал ей вокруг шеи мягкий шелковый платок. Она все еще находилась без сознания, и ей было очень плохо, чуть ли не хуже, чем когда-либо.

Ван Хелсинг позвал одну из служанок и велел ей остаться возле Люси и не сводить с нее глаз, пока мы не вернемся, затем вышел со мной из комнаты.

– Нужно обсудить дальнейшие действия! – сказал он, когда мы спускались по лестнице.

Из передней мы прошли в столовую, где и остановились, закрыв за собою дверь. Ставни были распахнуты, но шторы уже опустили с тем уважением к смерти, которое столь свойственно британской женщине из низших сословий. Поэтому в комнате царил полумрак. Тем не менее для нас она была достаточно светла. Обычно суровое лицо Ван Хелсинга выражало какое-то смущение. Его, очевидно, что-то тревожило; после небольшой паузы он сказал:

– Что нам теперь делать? Куда нам обратиться за помощью? Необходимо сделать ей новое переливание крови, и как можно скорее, потому что жизнь бедняжки висит на волоске: она не выдержит больше и часу. Вы для этой цели не годитесь. Я тоже. Этим женщинам я боюсь

довериться, даже если у них и хватит храбрости подвергнуться операции. Как нам найти кого-нибудь, кто согласится ради нее открыть свои вены?

– Не могу ли я вам служить?

Голос раздался с кушетки, в другом конце комнаты, и звуки эти принесли облегчение и радость моему сердцу, так как это был голос Квинси Морриса. При первых звуках этого голоса Ван Хелсинг разозлился, но выражение его лица смягчилось и глаза его смотрели уже ласково, когда я воскликнул: «Квинси Моррис!» – и бросился к нему с объятиями.

– Как вас сюда занесло? – крикнул я ему, когда наши руки встретились.

– Думаю, Арт – причина!

Он вручил мне телеграмму:

«Вот уже три дня, как от Сьюарда ничего нет, страшно беспокоюсь. Не могу уехать. Отец все еще в том же положении. Напишите, здорова ли Люси. Не медлите. Холмвуд».

– Мне кажется, что я пришел как раз вовремя. Вы ведь знаете, вам стоит только сказать слово, чтобы я сделал все.

Ван Хелсинг шагнул вперед, взял его за руку и, взглянув ему прямо в глаза, сказал:

– Кровь храброго человека – самая чудесная вещь на свете, когда женщина в беде. Вы настоящий мужчина, в этом нет сомнений. Прекрасно, пусть дьявол работает изо всех сил, но Бог шлет нам людей, когда они нужны.

И снова мы провели эту тяжелую операцию. У меня не хватит сил описать ее подробно. Люси, по-видимому, перенесла ужасное потрясение, и оно отразилось на ней сильнее, чем раньше, так как, несмотря на то что в ее вены было влито много крови, тело ее уже не поддавалось так хорошо лечению, как прежде. Тяжело было слышать и смотреть на ее возвращение к жизни. Но, как бы там ни было, работа сердца и легких улучшалась; Ван Хелсинг сделал ей подкожную инъекцию, как и раньше, и снова с успехом. Ее обморок перешел в глубокий сон. Профессор остался сторожить, пока я спустился вниз с Квинси Моррисом и послал одну из служанок отпустить ожидавшего извозчика. Я оставил Квинси отдохнуть, заставил его выпить бокал вина, а кухарке велел приготовить солидный завтрак. Тут вдруг мне пришла в голову одна мысль, и я пошел в комнату, где лежала Люси. Когда я тихо вошел, то застал там Ван Хелсинга с несколькими листочками бумаги в руках. Он, очевидно, уже прочел их и теперь сидел, подпирая голову рукой, в глубокой задумчивости. На лице его видно было выражение мрачного удовлетворения, словно он удачно разрешил какое-то сомнение. Он передал мне листочки со словами:

– Это упало у Люси с груди, когда я нес ее в ванну.

Прочтя их, я взглянул на профессора и после некоторого молчания сказал ему:

– Ради Бога, скажите, что же все это значит? Была ли она и прежде безумной, или теперь сошла с ума, или то, что написано, правда и в этом кроется какая-то ужасная опасность?

Я был сбит с толку и не знал, что сказать; Ван Хелсинг протянул руку, взял обратно листочки и ответил:

– Не думайте теперь об этом. Забудьте – пока! Вы узнаете и поймете все в свое время; но это будет позже. А теперь скажите, о чем вы собирались мне рассказать?

Это вернуло меня к реальности, и я снова пришел в себя.

– Я пришел сказать вам, что надо написать заключение о смерти миссис Вестенра. Если мы не поступим должным образом и предусмотрительно, то будет расследование, и тогда эти листочки придется предъявить. Надеюсь, в расследовании нет никакой надобности, потому что оно наверняка убьет бедную Люси. Опустим лишние подробности. Я и вы, доктор, который лечил миссис Вестенра, знают о ее больном сердце, и мы можем составить соответствующее заключение. Давайте сразу это сделаем, и я сам отнесу его зарегистрировать, а потом – к гробовщику.

– Хорошо, мой дорогой Джон! Здорово придумано! Воистину мисс Люси не имеет недостатка не только во врагах, но и в друзьях, которые ее любят. Первый, второй, третий открыли ей свои вены, не считая еще одного старика. Да, дружище Джон, я понимаю: я не слепец! И за это люблю вас еще больше. А теперь идите.

Я снова спустился и в передней встретил Квинси Морриса с телеграммой, которую он собирался послать Артуру, в ней он сообщал о смерти миссис Вестенра и о том, что Люси также была больна, но что ей теперь лучше и что Ван Хелсинг и я с нею. Я объяснил, куда направляюсь, и он поторопил меня, а когда я уже уходил, спросил:

– Мы поговорим с вами, Джон, когда вы вернетесь?

Я кивнул ему в ответ головой и вышел. Я не встретил никаких затруднений при занесении в реестр и велел местному гробовщику прийти вечером снять мерку для гроба и взять на себя устройство похорон.

Когда я вернулся, Квинси уже ждал меня. Я сказал ему, что поговорю с ним, как только узнаю, что с Люси, и вошел к ней в комнату. Она все еще спала, а профессор, по-видимому, так и не двинулся с места. Он приложил палец к губам, и я понял, что он в скором времени ждет ее пробуждения и не желает упреждать природу. Я вернулся к Квинси, и мы пошли в столовую, в которой ставни не были закрыты и которая была приятней или, вернее, не столь неприятна, как другие комнаты.

Когда мы остались одни, он сказал:

– Я не люблю бывать там, где у меня нет на это права, но здесь случай исключительный. Вы знаете, как я любил эту девушку; и, несмотря на то что это все уже в прошлом, я все же не могу не беспокоиться о ней. Скажите, что с нею случилось; голландец – очень славный старик; это он, видно, сказал, когда вы вошли в комнату, что необходима *новая* трансфузия крови и что вы оба, и вы и он, истощены. Я, конечно, понимаю, что это вами, медиками, говорилось *при закрытых дверях* и что простой смертный не вправе ждать отчета о ваших частных консультациях. Но случай далеко не ординарный, и, как бы то ни было, я тоже сыграл свою роль. Не так ли?

– Так, – подтвердил я, а он продолжал:

– Я догадываюсь, что вы оба с Ван Хелсингом уже проделали над собой то, что я сегодня сделал. Не так ли?

– Да, так.

– И я догадываюсь, что Артур тоже приносил себя в жертву. Когда я встретился с ним четыре дня тому назад, он очень плохо выглядел. Я никогда не верил, что можно так быстро ослабеть. Одна из тех больших летучих мышей, которых там называют вампирами, напала на несчастную лошадь ночью, высосала у нее из горла и открытых ран столько крови, что она уже не в силах была больше оправиться, и мне пришлось пристрелить ее из сострадания. Скажите мне совершенно откровенно, Джон, – Артур был первым, не так ли?

Говоря, бедняга ужасно волновался. Он мучительно подозревал женщину, которую любил, и его полное неведение об ужасной тайне, окружавшей ее, казалось, усиливало страдания. Само его сердце кровоточило, и ему потребовалось все мужество – львиная доля по крайней мере, чтобы удержаться от срыва.

Я задумался, так как сознавал, что не следует выдавать того, что профессор держит в секрете, но Моррис знал уже слишком много и о многом догадывался, и потому не было причины ему не отвечать, – поэтому я и ответил ему той же самой фразой: «Да, так».

– И как долго это продолжается?

– Дней десять.

– Десять дней! Значит, Джон Сьюард, в вены этого бедного создания, которое мы все так любим, за это время вкачали кровь четырех здоровых людей. Помилуй, Господи, да все ее

тело не вместило бы этого! – Подойдя ко мне вплотную, он потом горячо прошептал: – Куда же она девалась, эта кровь?

Я покачал головой.

– Куда? – повторил я. – В этом-то вся загадка. Ван Хелсинг едва не сходит с ума, да и я тоже. Я определенно ничего не соображаю, да и представить себе не могу. Множество мелких случайностей спутали все наши распоряжения, касающиеся охраны Люси. Но больше такого не случится. Мы тут останемся, пока все это не кончится, – хорошо ли, дурно ли, как будет угодно Богу!

Квинси протянул мне руку.

– Рассчитывайте на меня, – сказал он. – Вы и голландец говорите только, что делать, а я сделаю.

Когда Люси поздно вечером проснулась, то, к моему удивлению, нашла те листки, которые Ван Хелсинг давал мне прочесть. Осторожный профессор положил их обратно, чтобы, проснувшись, она не встревожилась. Без сомнения, ее взгляд натолкнулся на нас с Ван Хелсингом, и в нем засветилась радость. Затем она огляделась и, заметив, где находится, вздрогнула, громко вскрикнула и закрыла свое бледное лицо бледными, худыми руками. Мы оба поняли значение всего этого, она вспомнила о смерти матери, и мы приложили все старания, чтобы ее успокоить. Без сомнения, от нашего сочувствия ей стало немного легче, но она очень пала духом и долгое время тихо и слабо плакала. Мы сказали, что один из нас или оба останутся дежурить на всю ночь, и это, казалось, успокоило ее. Когда стемнело, она вновь задрожала. Но тут произошло нечто странное. Во сне она выхватила листки и порвала их. Ван Хелсинг встал и отобрал их у нее, а она все-таки продолжала рвать воображаемую бумагу; наконец она подняла руки и развела их, будто разбрасывая оставшиеся клочки. Ван Хелсинг был поражен и нахмурился, что-то соображая, но ничего не сказал.

19 СЕНТЯБРЯ. Прошлую ночь она спала очень беспокойно, все боялась заснуть, а когда проснулась, чувствовала себя намного слабее. Профессор и я по очереди сторожили и ни на минуту не оставляли ее. Квинси Моррис ничего не говорил о своих намерениях, но я знаю, что он всю ночь бродил вокруг дома и сторожил. На следующий день при дневном свете мы увидели, насколько ослабела наша бедная Люси. Она с трудом поворачивала голову, и то ничтожное количество пищи, которое она в состоянии была принять, несколько не помогло ей. Временами она засыпала, и оба мы, Ван Хелсинг и я, заметили, как отличалось ее состояние, когда она спала, по сравнению с ее состоянием после сна. Во сне она выглядела более сильной, хотя была бледнее, и дышала ровнее: открытый рот обнажал бледные, бескровные десны, причем зубы казались как-то длиннее и острее, чем обычно; когда же она бодрствовала, мягкий взгляд ее глаз менял выражение лица, – она снова становилась похожей на себя, хотя очень изменилась от истощения, и казалось, что она вот-вот умрет. Вечером она спросила об Артуре, и мы вызвали его телеграммой. Квинси поехал на вокзал его встречать. Артур приехал около шести часов вечера; когда он увидел ее, то его охватило чувство умиления, и никто из нас не мог произнести ни слова. В течение дня припадки сонливости стали учащаться, так что возможности поговорить с ней почти не было. Все-таки присутствие Артура подействовало на нее возбуждающе: она немного посмеялась и разговаривала с ним веселее, чем с нами до его приезда. Он сам тоже чуть-чуть ободрился. Теперь около часа ночи, он и Ван Хелсинг все еще сидят возле нее. Через четверть часа я должен их сменить. Я сейчас записываю все это на фонографе Люси. До шести часов они могут отдохнуть. Я боюсь, что завтра – конец нашим заботам, так как потрясение было слишком сильным, бедное дитя может не выдержать. Да поможет нам всем Бог!

ПИСЬМО МИНЫ ХАРКЕР ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

(ею не распечатанное)

«17 СЕНТЯБРЯ.

Моя дорогая Люси!

Кажется, целый век, как я ничего не слышала от тебя или, вернее, как я тебе ничего не писала. Я знаю, что ты простишь мне мой грех, когда ты узнаешь все мои новости. Мой муж благополучно вернулся; когда мы приехали в Эксетер, коляска уже ждала нас; в ней сидел м-р Хокинс, приехавший нас встречать, несмотря на то что снова сильно страдает от подагры. Он повез нас к себе, где для нас были приготовлены удобные и уютные комнаты, и мы все вместе пообедали. После обеда м-р Хокинс сказал:

– Мои дорогие, пью за ваше здоровье и благополучие и желаю вам обоим бесконечного счастья. Я знаю вас с детства, с любовью и гордостью наблюдал за тем, как вы росли. Я хочу, чтобы вы жили здесь со мной. У меня нет никого на свете, и я решил оставить все вам.

Дорогая Люси, я плакала, когда Джонатан и этот старик пожимали друг другу руки... Это был очень, очень счастливый вечер для нас.

Итак, мы устроились теперь в этом чудном, старом доме. Из спальни и гостиной я вижу величественные вязы у недействующего собора: их величавые черные стволы высятся на фоне старого желтого соборного камня, и над головой грачи кричат, и болтают, и сплетничают на манер грачей – и людей. Я страшно занята устройством квартиры и хозяйством. Джонатан и м-р Хокинс заняты целыми днями, ибо, взяв Джонатана в компаньоны, м-р Хокинс хочет посвятить его во все дела своих клиентов.

Как поживает твоя милая матушка? Хотелось бы мне приехать к вам в город на день или на два, увидеть вас, дорогие мои, но я не смею, так как у меня слишком много дел, а за Джонатаном нужно очень и очень ухаживать. Он уже начинает толстеть, но все же страшно ослабел после своей долгой болезни: даже теперь он порой внезапно просыпается и весь дрожит, пока я ласково не успокою его. Однако, слава Богу, дни идут, и эти припадки становятся все реже, и я надеюсь, вскоре совсем пройдут.

Теперь я рассказала тебе все свои новости, послушаю твои. Когда твоя свадьба? Где и кто будет вас венчать, и что ты наденешь, и будет ли это торжественная или скромная свадьба?

Расскажи мне обо всем, дорогая, так как нет ничего, что касалось бы тебя и не интересовало бы меня и не было бы мне дорого.

Джонатан передает тебе свое «почтение», что, я думаю, еще слишком милостиво для младшего компаньона солидной фирмы «Хокинс и Харкер», а посему, поскольку ты любишь меня, и он любит меня, и я люблю тебя во всех наклонениях и временах этого глагола, я передаю тебе лишь его простое «с любовью». Прощай, моя дорогая, да благословит тебя Бог.

Твоя МИНА ХАРКЕР».

**ОТЧЕТ ПАТРИКА ГЕННЕСИ, Д. М. И
Т.Д. И Т.Д., ДЖОНУ СЬЮАРДУ, Д. М.**

«20 СЕНТЯБРЯ.

Любезный сэр,

Согласно вашему желанию при сем прилагаю отчет обо всех делах, порученных мне... Что касается пациента Ренфилда, то о нем много новостей. С ним был новый припадок, который мог бы кончиться очень плохо, но который, к счастью, не имел никаких печальных последствий. Вчера после обеда двухколесная повозка подвезла к пустому дому, который граничит с нашим, двух господ, – к тому самому дому, куда, помните, пациент дважды убежал. Эти господа остановились у наших ворот, чтобы спросить, как им туда пройти; они, очевидно, иностранцы. Я стоял у окна кабинета и курил после обеда и видел, как один из них приближался к дому. Когда он проходил мимо окна Ренфилда, то пациент начал обвинять его в том, что он его обкрадывал, что хотел его убить, и сказал ему, что он ему помешает, если тот только снова вздумает это сделать. Я открыл окно и сделал господину знак, чтобы он не обращал внимания на слова больного, – он ограничился тем, что огляделся, как будто желая вспомнить, куда он попал, и сказал: «Боже меня сохрани обращать внимание на то, что мне кричат из несчастного сумасшедшего дома. Мне очень жаль вас и управляющего, которым приходится жить под одной крышей с таким диким зверем, как этот субъект». Затем он очень любезно спросил меня, как ему пройти в пустой дом, и я показал калитку; он ушел, а вслед ему сыпались угрозы, проклятия и ругань Ренфилда. Я пошел к нему, чтобы узнать причину его злости, так как он всегда вел себя прилично и ничего подобного с ним не случилось, когда у него не было припадка буйства. К моему великому удивлению, я застал его совершенно успокоившимся и даже веселым. Я старался навести его на разговор об этом инциденте, но он коротко начал расспрашивать меня, что я этим хотел сказать, и заставил меня поверить тому, что он тут совершенно ни при чем. И все-таки, сколь ни печально, это оказалось не что иное, как хитрость с его стороны, ибо не прошло и получаса, как я снова услышал о нем. На этот раз он опять разбил окно в своей комнате и, выскочив через него, мчался по дорожке. Я крикнул сторожу, чтобы он следовал за мной, а сам побежал за Ренфилдом, так как опасался какой-нибудь беды. Мои опасения оправдались: около повозки с несколькими большими деревянными ящиками, которая раньше уже проезжала, стояли несколько вспотевших человек с багровыми лицами и утирали потные от тяжелой работы лбы; прежде чем я успел подойти, наш пациент бросился к ним, столкнул одного из них с повозки и начал колотить его головою о землю. Если бы я не схватил его вовремя, Ренфилд убил бы его на месте. Его товарищ схватил тяжелый кнут и стал бить Ренфилда по голове рукояткой кнута. Это были ужасные удары, но Ренфилд, казалось, не чувствовал – бросился на него и боролся сразу с тремя, хотя я довольно грузен и те два тоже дюжие молодцы. Сначала он вел себя в свалке довольно спокойно: но, как только заметил, что мы его осилили и сторожа надевают на него смирительную рубашку, начал кричать: «Я хочу их уничтожить! Они не смеют меня грабить! Они не смеют убивать меня постепенно! Я сражаюсь за своего Лорда и Хозяина!» – и прочие бессмысленные фразы. Порядочного труда стоило нам вернуть его домой и водворить в его обитую войлоком комнату. Один из сторожей, Гарди, сломал себе при этом палец, но я сделал ему перевязку, и он уже поправляется.

Два носильщика вначале громко требовали возмещения ущерба и обещали обрушить на нас потоки законных взысканий. В их требованиях, однако, сквозило некоторое чувство неудобства из-за поражения, нанесенного двум из них слабым безумцем. Они намекали, что если бы не устали, перетаскивая тяжелые ящики и грузя их на повозку, то быстро сладили бы с ним. В качестве другой причины поражения выдвигалась необыкновенная жажда, возникающая вследствие пыльной природы их работы, и достойная порицания удаленность места их трудов от общественных увеселительных точек. Я вполне понял маневр, и вскоре, после стаканчика-другого крепкого грога, зажав каждый по монете в руке, они ослабили натиск и поклялись, что готовы повстречаться с вовсе психом ради удовольствия пообщаться с таким «дьявольски приятным парнем», как ваш покорный слуга. Я записал их имена и адреса на случай, если они понадобятся. Вот они: Джек Смолетт, квартиры Даддинга, Кинг-Джордж-роуд, Грейт-Вулвор, и Томас Спелинг, дома Питера Фарлея, Гайд-корт, Бетнал-Грин. Оба состоят на

службе в компании «Харрис и сыновья, Сухопутный и водный транспорт», Оранж-Мастерс-Ярд, Сохо.

Я поставлю вас в известность обо всем представляющем интерес и немедленно дам знать, если случится нечто важное...

*Поверьте, любезный сэръ,
искренне ваши
ПАТРИК ГЕННЕСИ».*

ПИСЬМО МИНЫ ХАРКЕР ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

(Не распечатанное ею)

«18 СЕНТЯБРЯ.

Моя дорогая Люси!

Какой удар! М-р Хокинс внезапно умер! Многие подумают, что это вовсе не столь печалит нас, но мы оба так полюбили его, что нам определенно кажется, будто мы потеряли отца. Для меня, никогда не знавшей родителей, смерть милого м-ра Хокинса – настоящий удар. Джонатан сильно сокрушается: он опечален, глубоко опечален – не только тем, что потерял этого доброго старика, всю жизнь так хорошо относившегося к нему, заботившегося о нем, как о родном сыне, и в конце концов оставившего ему такое состояние, которое нам, скромным людям, обыкновенно кажется несбыточной мечтой, – но чувствует эту утрату и в другом отношении. Он говорит, что ответственность, которая теперь целиком ложится на него, заставляет его нервничать. Он стал сомневаться в себе. Я стараюсь его подбодрить, и моя вера в него поддерживает его веру в себя. А то сильное потрясение, которое он недавно перенес, отражается теперь на нем еще больше. О-о! Так ужасно, что его чудесная, простая, честная и твердая натура, давшая ему возможность с помощью нашего дорогого друга пройти за несколько лет путь от простого клерка до хозяина, уязвлена настолько, что сама твердость ее утрачена. Прости, дорогая, что беспокою тебя своими горестями в те дни, когда ты так счастлива, но, дорогая Люси, мне приходится быть мужественной и веселой при Джонатане, а это мне стоит большого труда, и не с кем отвести душу. Послезавтра мне придется быть в Лондоне, так как м-р Хокинс перед смертью выразил желание быть похороненным рядом со своим отцом. Так как у него нет никаких родственников, Джонатан должен принять на себя все хлопоты по погребению. Я постараюсь забежать к тебе, дорогая, хоть на несколько минут. Прости, что потревожила тебя. Да благословит тебя Бог! Любящая тебя

МИНА ХАРКЕР».

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

20 СЕНТЯБРЯ. Только решительность и привычка смогли заставить меня начать сегодняшнюю запись. Я слишком печален и подавлен, настолько устал от всего в этом мире, включая саму жизнь, что мне было бы безразлично, услышь я в эту самую минуту шум крыльев ангела смерти. И он не без успеха взмахивал зловещими крыльями – мать Люси, отец Артура, а теперь... Но вернусь к своим обязанностям.

Я сменил Ван Хелсинга возле Люси. Мы хотели, чтобы Артур также пошел отдохнуть, но он отказывался и согласился уйти лишь тогда, когда я сказал ему, что он понадобится нам днем и будет плохо, если мы все устанем, так как от этого может пострадать Люси.

Ван Хелсинг был с ним очень внимателен и заботлив.

– Пойдемте, мой мальчик, – сказал он Артуру, – пойдемте со мной. Вы ослабли и устали, ваше отчаяние и душевная боль, мы знаем, также легли тяжким бременем на душу. Вам не надо оставаться в одиночестве, одиночество исполнено страха и тревоги. Пойдемте в столовую, там много света и две софы. Вы ляжете на одну, а я на другую, и наша взаимная приязнь благотворно подействует на нас обоих, даже если мы не будем разговаривать, даже если мы заснем.

Артур ушел вместе с Ван Хелсингом, бросив пристальный взгляд на бледное лицо Люси, которое было блее полотна подушки, на которой покоилась ее голова. Люси лежала совершенно спокойно, она мельком оглядела комнату, словно желая убедиться, что все в ней так, как должно быть. Профессор снова развесил тут повсюду цветы чеснока. Дыру в разбитом окне он заткнул чесноком, да и на шее Люси, над шелковым платочком, который Ван Хелсинг заставил ее повязать, был густой венок из тех же самых ароматных цветов. Люси как-то тяжело дышала и выглядела гораздо хуже, чем раньше, так как полуоткрытый рот обнажал бледные десны. Зубы ее в сумерках казались еще длиннее, чем утром. Благодаря игре света казалось даже, будто у нее появились длинные и острые клыки. Я присел к ней на кровать, и она шевельнулась, словно почувствовала себя неловко. В это время раздался глухой звук, точно кто-то постучал чем-то мягким в окно. Я осторожно подошел к нему и выглянул за край отогнутой шторы. Светила полная луна, и я увидел, что шум производила большая летучая мышь, которая кружилась у самого окна – очевидно, притянутая светом, хотя и тусклым, – постоянно ударяясь крыльями об окно. Когда я вернулся на свое место, то заметил, что Люси слегка подвинулась и сорвала со своей шеи венок из чеснока. Я положил его обратно и продолжал сторожить.

Затем она проснулась, и я дал ей поесть, как это предписал Ван Хелсинг. Она поела нехотя и очень мало. В ней не было больше заметно той бессознательной борьбы за жизнь, которая до сих пор служила доказательством крепости ее организма. Меня поразило, что, как только она пришла в себя, она тотчас же лихорадочным движением прижала к груди цветы. Необычайно страшно было то, что, как только она впадала в свой странный, как бы летаргический сон с его тревожным движением, она сбрасывала с себя цветы, а как только просыпалась, снова прижимала их к себе. Я не допускал, что явление это случайно, ибо на протяжении долгих ночных часов, которые я провел, оберегая ее сон, она постоянно то засыпала, то просыпалась и всякий раз повторяла те же движения.

В шесть часов Ван Хелсинг сменил меня. Артур задремал, и доктор, пожалев, не стал его будить. Когда он увидел лицо Люси, он испуганно вздрогнул и сказал резким шепотом: «Отодвиньте штору, мне нужен свет!» Затем он наклонился и, почти касаясь Люси, осторожно осмотрел ее. Сдвинув цветы и сняв шелковый платок с шеи, он осмотрел шею и пошатнулся. «Боже мой!» – воскликнул он сдавленным голосом. Я тоже наклонился и взглянул; то, что я увидел, и меня поразило: раны на шее совершенно затянулись.

Целых пять минут Ван Хелсинг молча стоял и сурово глядел на нее. Затем он обернулся ко мне и спокойно сказал:

– Она умирает. Теперь это недолго протянется. Заметьте, это будет иметь громадное значение, умрет ли она в сознании или во сне. Разбудите нашего несчастного друга, пусть он придет и взглянет на нее в последний раз; он доверял нам, а мы ему это обещали.

Я пошел в столовую и разбудил Артура. В первую минуту он был как в дурмане, но когда увидел солнечный луч, пробившийся сквозь щель ставни, то испугался, что опоздал. Я уверил его, что Люси все время спала, но намекнул ему, насколько мог осторожно, на то, что мы с Ван Хелсингом боимся, как бы это не было ее последним сном. Он закрыл лицо руками, опустился на колени возле кушетки и оставался в таком положении несколько минут, молясь. Плечи его содрогались от беззвучных рыданий. Я взял его за руку и заставил подняться.

– Пойдемте, – сказал я ему, – мой дорогой друг, укрепитесь духом: так будет лучше и легче для нее.

Когда мы вошли в комнату Люси, я заметил, что Ван Хелсинг, со свойственной ему предусмотрительностью, решил идти напрямик и постарался обставить и устроить все как можно лучше. Он даже причесал Люси, так что волосы ее лежали на подушке светлыми прядями. Когда она увидела Артура, то тихо прошептала:

– Артур! О моя любовь, я так рада, что ты пришел.

Он нагнулся, чтобы поцеловать ее, но Ван Хелсинг быстро оттащил его.

– Нет, – прошептал он ему на ухо, – не теперь! Возьмите ее за руку, это больше успокоит ее.

Артур взял ее руку и встал перед ней на колени, а она ласково посмотрела на него своими добрыми, чудными, ангельскими глазами. Затем она медленно закрыла глаза и задремала. Грудь ее тяжело поднималась, и она дышала, как уставшее дитя.

Тут с нею снова произошла та перемена, которую я не раз наблюдал ночью. Ее дыхание стало тяжелее, губа вздернулась и открыла бледные десны, благодаря чему зубы ее казались длиннее и острее, чем раньше; она в полусне бессознательно открыла глаза, ставшие вдруг мутными и суровыми, и сказала таким странным и сладострастным тоном, какого никто из нас никогда у нее не слышал:

– Артур, любовь моя, я так рада, что ты пришел! Поцелуй меня!

Артур быстро наклонился к ней; но тут Ван Хелсинг, пораженный, как и я, ее тоном, бросился к нему, схватил его обеими руками за шиворот и со страшной, невероятной силой отшвырнул от нее!

– Ради вашей жизни, – сказал он, – ради спасения и вашей собственной, и ее души, не прикасайтесь к ней.

Артур сначала не знал, что ему делать и что сказать, но, прежде чем приступ злости успел охватить его, он сообразил, в каких условиях находится, и молча остался стоять в углу.

Ван Хелсинг и я взглянули на Люси и увидели, как на лице ее мелькнула тень бешеной ярости: острые зубы ее щелкнули от досады.

Вскоре после того она вновь открыла глаза и, протянув свою бледную, худую руку, взяла Ван Хелсинга за его большую загорелую руку и, притянув ее к себе, поцеловала ее.

– Мой верный, дорогой друг, – произнесла она слабым голосом. – Мой и его верный друг! Берегите его и дайте мне надежду на покой!

– Клянусь вам, – ответил он торжественно, подняв вытянутую руку, точно клялся в суде. Затем он повернулся к Артуру и сказал ему: – Подойдите сюда, дитя мое, возьмите ее за обе руки и поцелуйте в лоб, но только один раз.

И встретились их глаза, а не губы; так они и расстались.

Глаза Люси закрылись; Ван Хелсинг, стоявший рядом с ней, взял Артура под руку и отвел его в сторону.

Затем дыхание Люси сделалось вновь тревожным и вдруг совсем прекратилось.

– Все кончено, – сказал Ван Хелсинг, – она умерла.

Я взял Артура под руку и увел в гостиную, где он принялся так рыдать, что я не в силах был на него глядеть. Я вернулся в комнату уснувшей и застал Ван Хелсинга глядящим на Люси необычайно серьезным взглядом – с ней произошла какая-то перемена: смерть вернула ей часть былой красоты, черты ее лица смягчились; даже ее губы не были больше так бледны. Как будто вся ее кровь, в которой сердце уже больше не нуждалось, прилила к лицу и старалась по мере возможности смягчить неприглядную работу смерти.

Уснула, и кажется нам – умерла;

Скончалась, мы думаем – спит.

Я стоял около Ван Хелсинга и сказал ему:

– Ну вот, наконец-то бедняжка нашла покой! Все кончено!

Он повернулся ко мне и сказал мне торжественно:

– Нет, увы! Еще далеко не все! Это только начало.

Когда я спросил его, что он этим хотел сказать, он лишь покачал головой и ответил:

– Пока что мы ничего не можем сделать. Подождем и посмотрим.

Глава XIII

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

(Продолжение)

Похороны были назначены на следующий день, так, чтобы Люси была похоронена вместе с матерью.

Я позаботился обо всех ужасных формальностях, и агент городской похоронной фирмы доказал, что его люди сострадали – или прикидывались – с некоторой подобострастной обходительностью. Даже женщина, обряжающая покойников, заметила мне в конфиденциальной, родственно-профессиональной манере, выходя из мертвецкой: «Из нее получился прекрасный труп, сэр. Просто удовольствие ею заниматься. Не будет преувеличением сказать, сэр, она окажет честь нашему заведению».

Я заметил, что Ван Хелсинг все время держался поблизости. Возможно, что причиной тому был господствовавший в доме беспорядок. Никаких родственников не осталось, так что мы с Ван Хелсингом решили сами просмотреть все бумаги, тем более что Артуру пришлось уехать на следующий день на похороны отца. Ван Хелсингу захотелось непременно самому просмотреть бумаги Люси. Я боялся, что он, как иностранец, не сумеет разобраться в том, что законно и что незаконно, и спросил его, почему он настаивает на этом. Он ответил:

– Не надо забывать: я не только врач, но и юрист. Хотя в данном случае нельзя считаться только с тем, чего требует закон. Тут, вероятно, найдутся и другие бумаги, в которые никто не должен быть посвящен.

При этом он вынул из своего бумажника записки, которые были у Люси на груди и которые она разорвала во сне.

– Если в бумагах отыщется что-нибудь о стряпчем миссис Вестенра, – продолжал он, – то запечатайте все бумаги и напишите ему сегодня же. А я останусь на всю ночь сторожить здесь, в комнате Люси, так как хочу посмотреть, что будет. Нехорошо, если кто-то чужой узнает ее мысли.

Я продолжал свою работу и вскоре нашел имя и адрес стряпчего миссис Вестенра и написал ему. Все бумаги были в порядке, там было даже точно указано, где хоронить усопших. Только я запечатал письмо, как, к моему великому удивлению, вошел Ван Хелсинг, говоря:

– Не могу ли я помочь вам, Джон? Я свободен и весь к вашим услугам.

– Ну как, нашли вы наконец, что искали? – спросил я.

Он ответил:

– Я не искал ничего определенного. Я нашел то, на что надеялся, – несколько писем, заметок и начатый недавно дневник. Вот они, но мы о них никому не скажем. Завтра я увижу нашего бедного друга и с его согласия воспользуюсь кое-какими из отысканных бумаг.

Закончив работу, он обратился ко мне:

– А теперь, мой друг, думаю, можно идти спать. И вы, и я – мы оба должны выспаться и отдохнуть, чтобы восстановить силы. Завтра нам предстоит многое сделать, а ночью, увы... в нас нет нужды.

Прежде чем отправиться спать к себе, мы еще раз пошли посмотреть на бедную Люси. Агент, право, все хорошо устроил, он превратил комнату в маленькую *chapelle ardente*¹². Все утопало в роскошных белых цветах, и смерть уже не производила отталкивающего впечатления. Лицо усопшей было покрыто краем покрывала. Профессор подошел и приподнял его; мы были поражены той красотой, которая представилась нашим взорам. Хотя восковые свечи довольно плохо освещали комнату, но все-таки было достаточно светло, чтобы разглядеть, что вся прежняя прелесть вернулась к Люси и что смерть, вместо того чтобы разрушить, восстановила всю красоту жизни до такой степени, что мне стало казаться, будто Люси и не умирала, а только спала.

У профессора был очень суровый вид. Он не любил ее так, как я; вполне естественно, что плакать ему было нечего. Он сказал мне:

– Побудьте здесь до моего возвращения, – и вышел.

Вскоре он вернулся с массой цветов белого чеснока; он вынул их из ящика, стоявшего до сих пор нераскрытым, и рассыпал среди других цветов по всей комнате и возле кровати. Затем он снял у себя с шеи маленький золотой крест, положил его на губы Люси, прикрыл ее вновь покрывалом, и мы ушли.

Я как раз раздевался в своей комнате, когда Ван Хелсинг, постучав предварительно, вошел и сказал:

– Прошу вас завтра еще до вечера принести мне пару ножей для вскрытия.

– Разве нужно будет производить вскрытие? – спросил я.

– И да и нет. Я хочу провести операцию, но не такую, как вы думаете. Я сейчас расскажу, в чем дело, но, смотрите, другим ни слова! Я хочу отрезать ей голову и вынуть сердце. Ай! ай! ай! вы врач – и настолько ошеломлены! Я видел, как вы без колебаний решались на операции, от которых другие хирурги отказывались. Да, конечно, милый друг, я должен помнить, что вы ее любили; я и не забыл этого; наконец, я решил сам провести операцию, вам же придется лишь помогать мне. Мне хотелось бы сделать это сегодня, но ради Артура придется подождать; он освободится только завтра после похорон отца, и ему, наверное, захочется еще раз на нее взглянуть! Затем, после того как ее положат в гроб, мы придем сюда, когда все будут спать, отвинтим крышку гроба и проведем операцию, а потом вернем все на место, чтобы никто, кроме нас, ничего не знал.

– Но к чему это вообще делать? – спросил я. – Девушка умерла. К чему резать напрасно ее бедное тело? И если мы этим не вернем ей жизнь, если это не принесет никакой пользы ни ей, ни нам, ни науке, ни человечеству, то к чему это делать? И без того все это так ужасно!

В ответ на мои слова он положил мне руки на плечи и ласково сказал:

– Мне жаль, Джон, ваше сердце, обливающееся кровью, и я еще больше люблю вас за это. Если бы я мог, то взял бы на себя всю тяжесть с вашей души. Но есть вещи, которые вам неизвестны, но которые вы, несомненно, узнаете; радуйтесь, что пока знаю их только я, так как они не слишком приятны. Джон, дитя мое, мы дружим уже много лет; подумайте, вспомните и ответьте: делал ли я что-нибудь без оснований? Возможно, я ошибаюсь, я ведь только человек, но я верю во все то, что делаю. Не потому ли вы прислали за мной, когда случилось это великое горе? Ведь потому, не правда ли? Разве вас не удивило, не возмутило то, что я не позволил Артуру поцеловать свою возлюбленную, отшвырнул его, несмотря на то что она умирала? Разумеется, так! А между тем вы ведь видели, как она меня потом благодарила своим ласковым взглядом, своим слабым голосом, как она поцеловала мою старую, грубую руку и как меня благословила. Да? Разве вы не слышали, как я поклялся ей исполнить ее просьбу, и она спокойно закрыла глаза? Да? Так вот, у меня довольно причин для всего того, что я делаю. Вы в течение многих лет верили мне; верили мне тогда, когда несколько недель тому назад

¹² Часовня (фр.).

произошли странные вещи, которых вы никак не могли понять. Доверьтесь мне еще ненадолго, Джон. Если вы мне не доверяете, придется сказать вам то, что я думаю, а это может плохо кончиться. Но если мне придется работать, когда мне не доверяет мой друг, я буду чувствовать себя одиноким, а это очень тяжело; между тем помощь и поддержка могут мне понадобиться!

Я взял его за руку и обещал помочь ему...

Когда он вышел, я оставил дверь открытой и видел, как он вошел в свою комнату и закрыл за собою дверь. Стоя неподвижно у двери, я увидел также, как одна из служанок прошла тихонько по коридору и вошла в комнату, где лежала Люси.

Увиденное тронуло меня. Преданность столь редка, и мы так признательны тем, кто проявляет ее сам в отношении людей, которых мы любим. И вот здесь, передо мной, бедная девушка, преодолев естественный ужас, который испытывают в присутствии смерти, пришла одна к смертному одру любимой госпожи, чтобы прах ее не чувствовал одиночества перед вечным упокоением...

Я, должно быть, долго и крепко спал, потому что было уже поздно, когда приход Ван Хелсинга разбудил меня. Он подошел к моей кровати и сказал мне:

– Можете не беспокоиться о ножах – мы этого не будем делать.

– Почему? – спросил я, так как его торжественность накануне ночью поразила меня.

– Потому что, – ответил он, – слишком поздно – или слишком рано. Взгляните, – он показал мне свой золотой крестик, – это было украдено ночью!

– Как украдено, – спросил я удивленно, – раз он теперь у вас?

– А так! Я отобрал его у недостойной служанки, укравшей его, у женщины, обкрадывавшей мертвых и живых. Она, конечно, будет достойно наказана, но не мной, так как не ведала, что творит, и, не ведая, она совершила лишь кражу. Теперь нам придется подождать.

И он ушел, задав мне новую загадку, снова перепутав все мои мысли.

День прошел тоскливо; вечером пришел стряпчий, м-р Маркан. Это был одаренный и самоуверенный господин; он взял на себя все наши мелкие заботы.

Во время завтрака он рассказал нам, что миссис Вестенра уже с некоторых пор ожидала смерти из-за болезни сердца и что поэтому она привела свои дела в полный порядок; далее он сообщил нам, что все состояние, за исключением имущества отца Люси, которое теперь, за отсутствием прямых наследников, перейдет к побочной фамильной линии, как движимое, так и недвижимое, завещано Артуру Холмвуду.

Сообщив нам столь многое, он продолжал:

– Откровенно говоря, мы сделали все, что было в наших силах, чтобы воспрепятствовать такому завещательному распоряжению, и указали некоторые непредвиденные обстоятельства, которые могут либо оставить ее дочь вообще без средств, либо ограничить свободу ее действий согласно брачному контракту. И действительно, мы настаивали столь упорно, что почти разразился конфликт, а миссис Вестенра спросила, готовы ли мы исполнить ее желание. Естественно, у нас не было иного выхода, и мы смирились. Мы были, в принципе, правы и в девятности девяти случаях из ста смогли бы, по логике событий, доказать справедливость нашего заключения.

Однако, сказать по чести, следует признать, что в этом случае любая другая форма распоряжения сделала бы невозможным выполнение ее пожеланий. В случае если бы она скончалась раньше дочери, последняя вступала бы во владение собственностью, и, даже переживи она свою мать на пять минут, ее достояние, в случае отсутствия завещания (а завещание в таком случае было бы практически невозможным), рассматривалось бы после ее кончины как оставшееся без распоряжений. В таком случае лорд Годалминг, при всей моей к нему дружбе, не смог бы ни на что претендовать. А наследники не оказались бы обойденными в правах, по сентиментальным причинам переданных чужому. Уверяю вас, мои дорогие, я обрадован результатом, истинно обрадован.

Он был добрым малым, но его радость по поводу небольшой подробности (в которой он был официально заинтересован) огромной трагедии являла собой наглядный урок, сколь ограниченно сочувственное понимание.

Он не остался надолго, а предупредил, что заглянет попозже, днем, чтобы повидать лорда Годалминга. Приход его тем не менее был некоторой поддержкой для нас, так как он уверил нас (укрепил нас в мысли), что не все наши действия будут встречаться в штыки. Артура ожидали к пяти часам, так что до тех пор мы свободно могли успеть сходить в покойницкую. В данном случае комната вполне оправдывала свое назначение, так как там лежали теперь и мать, и дочь.

Агент похоронной фирмы, верный своему ремеслу, устроил все самым наилучшим образом, и дух смерти, казалось, витал над этим местом. Наше настроение совсем испортилось. Ван Хелсинг приказал оставить все как было, объяснив, что прибывающему вскоре лорду Годалмингу было бы менее мучительно видеть совершенно нетронутым все, что осталось от его *fiancé*¹³. Агент, казалось, был шокирован собственным тупоумием и лез из кожи, стараясь расставить вещи в том порядке, в котором мы оставили их предыдущей ночью, так что приехавший Артур был избавлен от удара, чего мы и добивались.

Бедный Артур! Он был невероятно грустен и, казалось, впал в отчаяние; даже его удивительное мужество будто исчезло после столь тяжких переживаний. Он, я знаю, был искренне предан своему отцу, и утратить отца, да еще в такое время, было для него тяжелым ударом. Со мной он был, как всегда, очень сердечен, а с Ван Хелсингом изысканно любезен; мне было тяжело видеть, как он страдает. Профессор это также заметил и сделал мне знак, чтобы я повел его наверх. Я так и сделал и оставил его у дверей комнаты, так как чувствовал, что ему хотелось побыть с нею наедине, но он взял меня под руку, повел в комнату и сипло проговорил:

– Вы также любили ее, мой старый друг, она мне все рассказала, и у нее не было лучшего друга, чем вы. Я не знаю, как мне благодарить вас за все, что вы сделали для нее, даже не могу и придумать...

Тут силы ему изменили, он обнял меня, опустил голову на мое плечо и заплакал:

– О, Джон! Джон! Что мне делать? Мне кажется, жизнь потеряла смысл и жить больше незачем!

Я утешил его как мог. В таких случаях мужчины мало нуждаются в словах. Пожатие руки, объятие, совместные тихие слезы – вот выражения чувства, дорогие мужчине. Я тихо стоял и ждал, пока он овладеет собой и перестанет плакать, затем ласково сказал ему:

– Пойдем посмотрим на нее.

Мы вместе подошли к кровати, и я поднял покрывало с ее лица. Господи! Как она была хороша! С каждым часом, казалось, ее красота расцветала. Это пугало и поражало меня. Что же касается Артура, он дрожал, как в лихорадке, и сомнение закралось в его душу. Наконец после долгого молчания он тихим шепотом произнес:

– Джон, она действительно умерла?

Я с грустью сказал ему, что это так, и продолжал убеждать его, так как находил, что необходимо развеять эти ужасные сомнения. Я объяснил ему довольно частое явление, когда после смерти лица становятся мягче и даже расцветают своеобразной красотой; так бывает особенно тогда, когда смерти предшествовали сильная боль или продолжительные страдания. Это, казалось, развеяло все сомнения, и, постояв недолго на коленях перед гробом, Артур посмотрел на нее долгим любящим взглядом и отошел. Затем я сказал ему, что надо проститься с ней, так как нужно начать приготовления к похоронам; он снова вернулся, взял ее мертвую руку и поцеловал ее, затем наклонился и поцеловал ее в лоб. Уходя, он поглядел на нее так же долго и проникательно, как и тогда, когда пришел.

¹³ Здесь: невеста (фр.).

Я оставил его в гостиной и сказал Ван Хелсингу, что Артур уже простился с ней; Ван Хелсинг пошел в кухню сказать агенту, чтобы тот поспешил с приготовлениями. Когда Артур вышел из комнаты, я сказал Ван Хелсингу, о чем Артур меня спрашивал, и он ответил:

– Ничего удивительного – я только что сам в этом усомнился.

Мы обедали все вместе, и я заметил, что бедный Артур страшно волновался. Ван Хелсинг все время молчал: он заговорил лишь тогда, когда мы закурили сигары.

– Лорд, – начал он, но Артур перебил его:

– Нет, нет, только не так, ради Бога! Во всяком случае – не теперь. Простите, сэр, я не хотел обидеть вас, но я не могу слышать этот титул, моя рана еще слишком свежа.

Профессор очень ласково ответил ему:

– Я назвал вас так только потому, что колебался, как обратиться к вам. Я не могу называть вас мистером, я полюбил вас – да, мой дорогой мальчик, я полюбил вас как Артура.

Артур протянул руку и горячо пожал руку старика.

– Называйте меня как хотите, – сказал он. – Я надеюсь, что с гордостью буду носить звание вашего друга; позвольте мне сказать вам: я не нахожу слов, чтобы выразить вам свою благодарность за все, что вы сделали для моей бедной, дорогой Люси. Если я был резок или недоволен – помните, тогда, когда вы так странно поступили, – то прошу меня простить.

Профессор ласково ответил ему:

– Я знаю, как вам трудно было тогда вполне довериться мне, ведь, чтобы поверить в необходимость такого поведения, необходимо понимание; по-моему, даже и теперь вы не вполне мне верите, да и не можете верить, так как пока не понимаете, в чем дело. Но время придет, когда вы вполне доверитесь, и, когда вам все станет ясно, тогда вы будете благодарить меня и за себя, за других, и за нее, за ту, которую я поклялся защищать.

– Да, конечно, сэр, – горячо заговорил Артур, – я во всем доверюсь вам. Я знаю и верю, что у вас благородная душа, вы ведь друг Джона и были ее другом. Делайте все, что хотите!

– Мне хотелось бы задать вам кое-какие вопросы.

– Пожалуйста.

– Вам известно, что миссис Вестенра оставила вам все свое состояние?

– Нет. Я никогда об этом не думал.

– Так как теперь все принадлежит вам, то вы имеете право располагать всем по своему усмотрению. Мне хочется, чтобы вы разрешили мне прочесть бумаги и письма Люси. Поверьте, это не праздное любопытство. И поверьте, что у меня имеются на это очень важные причины. Вот все бумаги. Я взял их прежде, чем мне стало известно, что все это ваше, для того чтобы чужие взоры не проникли в ее душу. Я их приберегу, если вы ничего не имеете против; я даже вам не хотел бы их показывать, я буду их хорошенько беречь. Ни одно слово не пропадет, а когда настанет время, я их вам верну. Я прошу у вас почти невозможного, но вы это сделаете. Ведь правда? Ради Люси.

– Делайте все, что хотите, доктор. Я чувствую, что, отвечая так, я исполняю желание Люси. Я не стану вас тревожить вопросами, пока не настанет время.

– И будете правы, – ответил профессор. – Нам всем предстоит еще пережить немало горя. Не следует падать духом, не надо быть эгоистичным, нас зовет долг, и все кончится благополучно!

В эту ночь я спал на диване в комнате Артура. Ван Хелсинг совсем не ложился. Он ходил взад и вперед, точно карауля дом, и все время следил за комнатой, где Люси лежала в гробу, осыпанная белыми цветами чеснока, запах которых смешивался в ночном воздухе с ароматом роз и лилий.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

22 СЕНТЯБРЯ. В поезде по дороге в Эксетер. Джонатан спит.

Кажется, только вчера был сделан последний шаг, но как много лежит между «тогда» – в Уитби, весь мир предо мной, Джонатана нет, и нет новостей от него, – и «сейчас» – замужество, Джонатан – стряпчий, супруг, богач, хозяин собственного дела. М-р Хокинс мертв и похоронен, и – новый удар, выпавший на долю Джонатана, столь болезненный для него. Однажды он может задать мне вопрос об этом. Пусть это исчезнет. Я небрежна в своих стенографических записях – что делает с нами неожиданное богатство! – так что стоило бы вновь освежить все это...

Похороны были очень простые, но все было торжественно. За гробом шли мы, прислуга, пара друзей из Эксетера, лондонский агент и один господин, заместитель сэра Джона Пакстона, президента Общества юристов. Джонатан и я стояли рука об руку и чувствовали, что потеряли дорогого и близкого человека. Мы медленно вернулись в город, доехав автобусом до Гайд-парка. Джонатан думал, что мне будет интересно прогуляться в Роу, поэтому мы присели на скамью, однако было очень малоллюдно и грустно, и одиноко стояли многочисленные пустые скамьи. Это напомнило нам пустое кресло дома; мы встали и ушли. Затем шли по Пиккадилли пешком. Джонатан держал меня под руку, как в былые времена, до того как я поступила в школу. Я чувствовала себя очень неловко, так как не могли пройти даром годы преподавания этикета и правил поведения – они и на меня наложили отпечаток чопорности, – но рядом был Джонатан, мой муж, и мы не знали никого из тех, кто мог нас видеть, и нам было это совершенно безразлично – мы гуляли. Я засмотрелась на очень красивую барышню в большой круглой шляпе, сидевшую в коляске, как вдруг Джонатан схватил меня за руку так сильно, что даже причинил мне боль, и воскликнул: «Господи!»

Я нахожусь в постоянном страхе за Джонатана, так как все время боюсь, что у него опять повторится нервный припадок, так что я моментально повернулась к нему и спросила, что случилось.

Он был очень бледен, и его вытаращенные глаза, полные ужаса, смотрели на какого-то высокого, тонкого господина с крючковатым носом, черными усами и остроконечной бородой, глядевшего на ту же хорошенькую барышню, что и я. Он так пристально на нее смотрел, что совсем нас не замечал, и мне удалось хорошо его разглядеть. Выражение его лица нельзя было назвать добрым, оно было суровым, жестоким и чувственным, а его крупные белые зубы, казавшиеся еще белее на фоне ярко-пунцовых губ, походили больше на клыки зверя, чем на зубы человека. Джонатан не спускал с него глаз, так что я боялась, как бы он этого не заметил. Я боялась, что он рассердится, ибо вид у него был отвратительный и злой. Я спросила Джонатана, почему он так взволнован. Джонатан, кажется, думал, что мне столько же известно, сколько и ему, и ответил:

– Ты знаешь, кто это?

– Нет, дорогой, – ответила я, – я его не знаю. Кто это?

Ответ его поразил меня, так как он, казалось, совершенно забыл, что разговаривает со мною, с Миной.

– Это он и есть!

Бедняжка! Его, как видно, что-то очень взволновало, я убеждена, что, не поддержи я его, он, наверное, упал бы. Он продолжал смотреть на этого господина, не спуская глаз; из магазина вышел какой-то господин с пакетом, передал его леди в коляске, и они оба тотчас же уехали. Мрачный господин не сводил с нее глаз; когда она уехала, он долго глядел ей вслед, затем нанял экипаж и поехал вслед за ними. Джонатан все время следил за ним и наконец сказал как бы про себя:

– Мне кажется, что это граф, но он как будто помолодел. Господи, если это правда! О Боже! Боже мой!! Если б я только знал! Если б я только знал!

Он был так встревожен, что я боялась его даже расспрашивать, стараясь не напоминать ему об этом. Я слегка потянула его за рукав, и он пошел со мной дальше. Мы немного прошли, затем зашли в Грин-парк и посидели там. Был жаркий осенний день, так что приятно было отдохнуть в тени. Джонатан долго глядел в пространство, затем глаза его закрылись, и, опустив голову мне на плечо, он заснул. Я не тревожила его, ведь сон для него лучшее лекарство.

Минут через двадцать он проснулся и ласково сказал мне:

– Что это, Мина, неужели я спал? О, прости, что я так груб. Зайдем куда-нибудь выпить чашку чаю.

Он, как видно, совершенно забыл о том мрачном господине, так же как и во время своей болезни он ничего не помнил о том, что случилось раньше. Мне не нравится такая забывчивость, это может плохо отразиться на его мозге. Я не стану его расспрашивать, опасаясь, что это принесет ему больше вреда, нежели пользы, но все-таки нужно будет узнать, что с ним произошло во время путешествия. Боюсь, что настало время распечатать тот пакет и посмотреть, что там написано. О, Джонатан, ты простишь меня, если я так поступлю, но я это делаю лишь для твоей же пользы!

ПОЗДНЕЕ. Во всех отношениях печально возвращаться домой – дом опустел, нет там больше нашего друга; Джонатан все еще бледен и слаб после припадка, хотя тот и был лишь в очень легкой форме... А тут еще телеграмма от Ван Хелсинга; что бы это могло быть?

«Вам, наверное, грустно будет узнать, что м-с Вестенра умерла пять дней тому назад и что Люси умерла третьего дня. Сегодня хороним их обеих».

Какая масса горя в нескольких словах! Бедная м-с Вестенра! Бедная Люси! Их больше нет, и никогда больше не вернутся они к нам! Бедный Артур – утратил самое дорогое в жизни. Да поможет нам Господь пережить все эти горести!

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

22 СЕНТЯБРЯ. Все кончено. Артур уехал в Ринг и взял с собой Квинси Морриса. Чудесный парень этот Квинси! В глубине души я уверен, что он переживал смерть Люси так же, как любой из нас, но вел он себя как какой-нибудь викинг. Если Америка сможет производить и дальше таких парней, она и вправду станет мировой силой. Ван Хелсинг отдыхает, так как ему предстоит длинная дорога. Сегодня вечером он едет в Амстердам; говорит, что завтра вечером он вернется, так как ему хочется кое-что сделать, то есть то, что только он один и может сделать. Он остановился у меня, так как, по его словам, у него дела в Лондоне, на которые придется потратить порядочно времени. Бедный старик! Боюсь, работа за последнее время и его лишила сил. Во время похорон было видно, как он себя сдерживает. Когда все закончилось, мы стояли рядом с Артуром, а он, бедный мальчик, твердил о какой-то операции и что его кровь перелита в жилы его Люси; я видел, как лицо Ван Хелсинга то бледнело, то краснело. Артур все повторял, что он чувствовал с тех пор, что они как бы и вправду женаты и что Люси – его жена перед Богом. Ни один из нас не заикнулся о другой операции, да и не заикнется... Артур и Квинси отправились вместе на станцию, и мы с Ван Хелсингом пошли туда же. Когда мы наконец остались вдвоем в вагоне, с Ван Хелсингом случилась настоящая истерика. Потом, в беседе со мной, он отрицал это и настаивал на том, что так проявился его юмор в тогдашних столь тяжелых обстоятельствах. Он смеялся до тех пор, пока не зарыдал, и я был вынужден опустить шторы, чтобы кто-нибудь не увидел нас и не подумал бы что-нибудь не так. Он рыдал, пока не начинал вновь смеяться, и смеялся, и плакал одновременно, совсем как женщина. Я

пытался быть суровым с ним, как бываешь по обстоятельствам суров с женщиной, но это не помогло. Мужчины и женщины весьма отличаются друг от друга в проявлениях слабости или выдержки, при нервных кризах. Поэтому, когда его лицо вновь затвердело, я спросил его, чему он радуется и почему в такой момент. Его ответ был типично в его духе – логичный, энергичный и чудесный. Он сказал: «О, вы не поняли, мой друг Джон. Не думайте, что мне не грустно, хотя я и смеюсь. Да, я плакал, даже когда смех душил меня. Но неверно думать, что я – весь скорбь, когда я плачу, потому что смех все равно приходит. Навсегда запомните, что смех, постучавший в твою дверь с вопросом: «Можно войти?» – не есть настоящий смех. Нет. Настоящий смех – это король, и он приходит, когда и как ему нравится. Он никого не спрашивает, он не выбирает подходящего времени. Он говорит: «Я здесь». Вот, например, я скорблю душой по поводу смерти этой юной прекрасной девушки: я отдал ей свою кровь, хотя я стар и утомлен; я отдал ей свое время, свой сон, свое умение; я оставил моих пациентов, чтобы полностью посвятить ей себя. И тем не менее я могу смеяться над ее свежей могилой, смеяться, когда комья земли с лопаты могильщика падают на ее гроб и стук их отдается в моем сердце, когда кровь отливает от щек. Мое сердце болит за бедного мальчика, этого милого мальчика, которому столько же лет, сколько было бы моему сыну, если бы на мне лежало благословение и он существовал! С такими же глазами, с такими же волосами! Теперь вы знаете, почему я так полюбил его. И даже когда он произнес слова, заставившие мое сердце биться быстрее, как сердце мужа, заставившее мое отцовское сердце тосковать по нему сильнее, чем кому-либо, включая и вас, старина Джон, – ведь наши отношения не отношения отца и сына, они другого рода, – и даже в такой момент Король Смех приходит ко мне, и кричит, и ревет мне в ухо: «Я здесь! Я здесь!» – пока кровь не затанцует в венах и не засияет кусочек солнца, который Он всегда носит с собой, и мои щеки зарумянятся. О, дружище, это странный мир, это грустный мир, мир, полный жалости, бед, скорби, но когда Король Смех приходит, он заставляет их танцевать под свою дудку. И сердца, истекающие кровью, и сухие кости на кладбище, и горячие слезы – все танцует вместе под музыку, раздающуюся из его неулыбчивого рта. И поверьте, дружище Джон, что приходит Он с добром и к лучшему. А мы, и мужчины и женщины, как канатами, туго опутавшими нас, окованы разными трудностями. Затем приходят слезы и сначала дают облегчение, но затем напряжение становится слишком сильным, и мы срываемся. Но вот Король Смех приходит как солнечный луч, он облегчает и снимает напряжение, и мы потихоньку возвращаемся к нашим повседневным заботам».

Мне не хотелось ранить его, делая вид, что понимаю его слова, но, так как я все еще не знал причины его смеха, я ему это высказал. Его лицо стало суровым, и он ответил мне совершенно иным тоном:

– О-о! Есть мрачная ирония во всем этом – прекрасная юная леди, украшенная цветами, выглядела столь же дивной, как сама жизнь, пока мы, один за другим, не убеждались с удивлением, что она действительно мертва; она лежала в этом красивом мраморном доме, на этом пустынном кладбище, где обрели покой ее многочисленные родственники, лежала там со своей матерью, которая любила ее и которую любила она; и этот священный колокол звонил: «Дон! – дон! – дон!» – так медленно и грустно; и эти святые люди в белых ангельских облачениях, делающие вид, что читают книги, и за все время ни разу не опустившие глаз на страницы; и все мы, понурые, с глазами, опущенными долу. И почему, зачем? Она мертва! Так? Разве не так?

– Ну, что касается меня, профессор, – ответил я, – то не вижу во всем этом ничего смешного. Более того, ваше объяснение запутывает все еще больше. Даже если панихида выглядела смешной, что вы скажете про бедного Арта и его горе? Ведь его сердце попросту разбито!

– Едва ли не так. А не говорил ли он, что переливание крови сделало Люси его невестой по-настоящему?

– Да, и это трогательная и утешительная мысль для него.

– Верно. Но есть одно затруднение, дружище Джон. Если это так, как быть с остальными? Ха-ха! Выходит, у прелестной девы множество мужей? И я, для которого моя бедная жена мертва, хотя жива по законам церкви, даже я, честнейший муж этой не вполне существующей жены, оказываюсь двоеженцем.

Теперь мы все разошлись в разные стороны, и надолго. Люси лежит в своем фамильном склепе, в роскошном доме смерти, вдали от шумного Лондона, на уединенном кладбище, где воздух свеж, где солнце светит над Хэмпстед-Хилл и где на воле растут дикие цветы.

Итак, я могу покончить со своим дневником, и один Бог знает, примусь ли я за него снова. Если мне придется это сделать или если я когда-нибудь открою его, то лишь для того, чтобы поделиться записанным в нем с другими, ибо роман моей жизни закончен, я возвращаюсь к своей работе и с грустью, потеряв всякую надежду, скажу:

«FINIS».

«ВЕСТМИНСТЕР ГАЗЕТТ» ОТ 25 СЕНТЯБРЯ

Тайна Хэмпстеда

В окрестностях Хэмпстеда произошел целый ряд событий, похожих на те, что известны авторам «Кенсингтонского ужаса», «Женщины с ножом» или «Женщины в черном». В течение двух или трех последних дней маленькие дети стали исчезать из дому или же не возвращались домой после игр на Гите. Дети были настолько малы, что не могли дать себе отчета в том, что с ними приключалось: ответ их был один и тот же, они были с «леди привидением». Они исчезали обычно по вечерам, и двоих из них нашли только на следующее утро. Предполагают, что дети подхватили фразу первого исчезнувшего ребенка, будто «леди привидение» звала его погулять, и воспользовались в качестве примера. Это кое-что разъясняет, так как любимая игра детей заключается в том, что они хитростью заманивают друг друга. Один корреспондент пишет, что необычайно смешно видеть этих малышек, изображающих «леди привидение». Наши карикатуристы, говорил он, могли бы тут поучиться и сравнить действительность с фантазией. Наш корреспондент наивно говорит, что даже Эллен Терри не столь очаровательна, как эти малышки, изображающие «леди привидение».

И все-таки возможно, что проблема намного серьезнее, так как у некоторых малышек на шее обнаружены ранки. Ранки такие, какие бывают после укуса крысы или маленькой собаки: опасного в них ничего нет, но видно, что у этого животного своя определенная система. Полиции приказано разыскивать заблудившихся детей и собак в Хэмпстед-Хит и окрестностях.

«ВЕСТМИНСТЕР ГАЗЕТТ» ОТ 25 СЕНТЯБРЯ

Экстренный выпуск

ХЭМПСТЕДСКИЙ УЖАС

ЕЩЕ ОДИН РЕБЕНОК РАНЕН

«ЛЕДИ-ПРИВИДЕНИЕ»

Нам только что сообщили, что пропал еще один ребенок. Его нашли утром в кустах вереска у Шутер-Хилл, в самой глухой части местности. У него такие же ранки на шее, какие раньше уже наблюдались у других детей. Ребенок был истощен и слаб. Когда он чуть-чуть оправился, он рассказал ту же самую историю о том, как «леди-привидение» заманила его к себе.

Глава XIV

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

23 СЕНТЯБРЯ. Джонатан немного оправился после ночного недомогания. Я так рада, что он загружен работой, отвлекающей его мысли от этих ужасных вещей. О! Я радуюсь, что новое положение его не тяготит. Я знала, что он уверен в себе, и теперь горжусь, видя моего Джонатана на вершине успеха, прекрасно справляющегося со своими многочисленными обязанностями. Его не будет сегодня допоздна, так как он предупредил, что не сможет вернуться к ленчу домой. Вся работа по дому сделана, так что я возьму его заграничный дневник, закроюсь в своей комнате и прочту его...

24 СЕНТЯБРЯ. Не было сил писать прошлой ночью: так меня расстроили ужасные страницы дневника Джонатана. Бедняжка! Как он страдал, ломая голову, было ли все происходящее правдой или его фантазиями. Я сомневаюсь, есть ли хоть капля правды во всем этом. Была ли у него лихорадка и он написал это в горячечном бреде или были тому другие причины? Думаю, я никогда этого не узнаю и потому никогда не стану обсуждать с ним эти вещи... Да еще этот человек, которого мы видели вчера. Кажется, Джонатан определенно знает прохожего... Бедный мальчик! Наверное, похороны так подействовали на него и придали его мыслям определенный настрой... Сам он во все это верит. Помню, как в день нашей свадьбы он сказал: «О, если бы священный долг не заставлял меня мысленно возвращаться к тем зловещим часам – спящего или бодрствующего, в здравом рассудке или в безумии».

И этим пронизано все наше существование... Страшный граф приближается к Лондону... Если это случится и он появится там вместе со своими несметными миллионами... Может, это и является тем самым важным обязательством; его появление не повергнет нас в трепет... Я готова. Я немедленно беру пишущую машинку и расшифровываю. Тогда, если потребуется, это смогут прочесть другие. И если понадобится и я буду в силах, не придется беспокоить бедного Джонатана – я скажу за него и сумею оградить его от забот и тревог. И если Джонатан придет в себя и захочет рассказать мне все, я узнаю наконец, в чем дело, и пойму, как ему помочь.

ПИСЬМО ВАН ХЕЛСИНГА МИССИС ХАРКЕР

(Лично)

«24 СЕНТЯБРЯ.

Дорогая мадам!

Умоляю вас простить мне это письмо, в котором я, не будучи вашим близким другом, сообщаю вам печальную новость о смерти мисс Люси Вестенра. Благодаря любезности лорда Годалминга я уполномочен читать ее письма и бумаги, поскольку меня глубоко волнуют ее некие жизненно важные обстоятельства. Среди бумаг я нашел несколько ваших писем, показывающих, какими близкими подругами вы были и насколько она была вам дорога. О, мадам Мина, во имя этой любви умоляю вас помочь мне! Выполнив мою просьбу, вы избавите многих от великого зла, предотвратите серьезные неприятности, которые более существенны, чем вы предполагаете. Можем ли мы увидеться? Доверьтесь мне. Я друг д-ра Джона Сьюарда и лорда Годалминга (Артура, жениха мисс Люси). В настоящее время я вынужден хранить тайну. Если

вы окажете мне честь, согласившись встретиться, я немедленно прибуду в Эксетер, сообщите только, куда и когда. Умоляю вас, мадам, простить меня! Прочитав ваши письма к Люси, я узнал, сколь вы добры, узнал о страданиях вашего мужа и потому умоляю вас не посвящать его во все это, дабы не причинить ему боль. Еще раз простите и извините меня.

ВАН ХЕЛСИНГ».

ТЕЛЕГРАММА МИССИС ХАРКЕР ВАН ХЕЛСИНГУ

«25 СЕНТЯБРЯ. Приезжайте сегодня поездом 10.15, если успеете. Встретимся в удобное для вас время.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ХАРКЕР».

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

25 СЕНТЯБРЯ. Не могу сдержать волнения перед приездом д-ра Ван Хелсинга. Думаю, эта встреча прольет свет на ужасное приключение Джонатана, а поскольку доктор ухаживал за Люси во время ее смертельной болезни, он мне все об этом расскажет. Истинная причина его приезда не Джонатан, а Люси и ее прогулки во сне. Значит, я не узнаю сейчас правды! Какая же я глупая! Все мои мысли заняты этим ужасным дневником, и потому все окрашено в мрачные тона. Конечно, все дело в Люси. После той ужасной ночи на утесе болезнь вернулась к ней, и ее ночные прогулки возобновились. Погрузившись в свои заботы, я почти забыла о недуге Люси. Должно быть, сама Люси рассказала Ван Хелсину о той ночи на утесе и что я все знаю об этом. Надеюсь, я поступила правильно, ничего не сказав миссис Вестенра. Если бы хоть одним действием я повредила несчастной Люси, то никогда бы себе не простила. Надеюсь также, д-р Ван Хелсинг не осудит меня; у меня было столько переживаний и запоздалых сожалений, что больше я не выдержу.

Я думаю, слезы приносят порой облегчение – так свежеет после дождя. Наверное, меня расстроило вчерашнее чтение дневника и то, что впервые после свадьбы Джонатана не было рядом целые сутки. Хочу надеяться, мой дорогой будет осторожен и с ним ничего не случится. Уже два часа дня, и доктор скоро будет здесь.

Я ничего не скажу ему о дневнике, пока он сам не спросит. Я так рада, что мой дневник переписан на пишущей машинке, так что, если он спросит о Люси, я просто передам ему дневник, и это избавит меня от лишних расспросов.

ПОЗДНЕЕ. Он был и ушел. Какая странная встреча и какая путаница у меня в голове! Мне кажется, все это сон. Но неужели это правда? Не прочти я дневник Джонатана, никогда бы не поверила, что это возможно. Мой бедный, милый Джонатан! Как он, должно быть, страдал! Даст Бог, он совсем успокоится. Я буду его беречь от всего. Если он наверняка будет знать, что слух и зрение не обманывали его, это будет ему утешением и поддержкой. Возможно, сомнения овладели им, так что, если удастся их рассеять, он будет удовлетворен и ему легче будет пережить этот удар. Д-р Ван Хелсинг, должно быть, очень милый и умный господин, раз он друг Артура и д-ра Сьюарда и раз его пригласили из Голландии для лечения Люси. На меня он произвел впечатление человека доброго, сердечного и благородного. Завтра он снова придет, я спрошу его насчет Джонатана, и, Бог даст, всем этим тревогам настанет конец.

А пока воспользуюсь отсутствием Джонатана, чтобы подробно описать наше сегодняшнее свидание.

В половине второго раздался звонок. Мэри открыла дверь и доложила, что пришел д-р Ван Хелсинг.

Это человек среднего роста, здоровый, широкоплечий, с быстрыми движениями. Видно, что он очень умен и обладает большой силой воли; у него благородная голова, достаточно крупная. Лицо чисто выбритое, с резким, квадратным подбородком, большим, решительным, подвижным ртом, большим, довольно прямым носом. У него широкий благородный лоб, вверху совершенно гладкий, но с выдающимися надбровными дугами. Большие темно-синие глаза широко расставлены, и выражение этих живых глаз то ласковое, то суровое.

– Миссис Харкер, не так ли?

Я утвердительно кивнула.

– Бывшая мисс Мина Мюррей?

Я снова кивнула.

– Я пришел к Мине Мюррей, бывшей подруге Люси Вестенра, побеседовать об умершей.

– Сэр, – сказала я, – я рада видеть друга Люси Вестенра, – и протянула ему руку.

Он взял и ласково произнес:

– О мадам Мина, я знал, что у бедной девушки должны быть хорошие друзья, но все-таки то, с чем мне пришлось встретиться...

Он заключил свои слова глубоким поклоном. Я спросила, почему он желал меня видеть, и он сразу начал:

– Я читал ваши письма к мисс Люси. Я хотел кое-что разузнать, но было не у кого. Я знаю, что вы были с нею в Уитби. Она иногда вела дневник – вас это не должно удивлять, мадам Мина; она начала его после вашего отъезда, по вашему примеру; в нем она упоминает о некоторых событиях своей жизни и говорит, что вы ее спасли. Это навело меня на кое-какие предположения, и я пришел просить вас любезно рассказать мне все, что вы помните.

– Я думаю, доктор, что смогу рассказать вам все.

– Ах вот как! У вас хорошая память на факты и на детали? Это не всегда встречается у молодых дам.

– Нет, доктор, дело не в памяти, но я тогда все записывала. Могу вам показать, если хотите.

– Буду вам очень благодарен; вы окажете мне большую услугу.

Я не могла удержаться от соблазна поразить его – мне кажется, это врожденное женское чувство, – и я подала ему свой дневник, написанный при помощи стенографии. Он взял его с благодарностью, поклонился и сказал:

– Разрешите мне его прочесть?

– Если хотите, – ответила я, смутившись.

Он открыл тетрадь, и выражение лица его сразу изменилось.

– Я знал, что Джонатан – очень образованный человек, но и жена у него тоже оказалась умницей на редкость. Но не будете ли вы так любезны, чтобы прочесть его мне? Увы, я не знаю стенографии.

Тут я поняла, что моя шутка окончена, и мне стало неловко, так что я вынула копию, переписанную на пишущей машинке, из моего рабочего ящика и передала ему.

– Простите, – сказала я, – я сделала это нечаянно, я думала, что вы хотели спросить меня относительно Люси, но, чтобы вам не ждать – для меня это не важно, но ваше время, я знаю, дорого, – я могу дать вам свой дневник, переписанный для вас на пишущей машинке.

Он взял его, и глаза его блеснули.

– Вы так добры, – произнес он. – Разрешите прочесть его сейчас? Может быть, мне придется вас кое о чем спросить.

– Да, пожалуйста, – ответила я, – прочтите его сейчас, а я пока распоряжусь о завтраке; за столом можете расспрашивать меня сколько хотите.

Он поклонился, затем, усевшись в кресло спиной к свету, углубился в чтение, я же ушла заботиться о завтраке, главным же образом для того, чтобы его не беспокоить. Вернувшись, я

застала его ходящим взад и вперед по комнате; на лице его отражалась тревога. Он бросился ко мне и обеими руками сжал мою ладонь.

– Если бы вы знали, – сказал он, – как я вам обязан. Эти записки как луч солнца. Они мне все объяснили. Я ослеплен, столько света! Но за светом виднеются еще и тучи. Впрочем, этого вы не поймете – не можете понять. Ах, как я вам благодарен, какая вы умница. Сударыня, если Абрахам Ван Хелсинг когда-либо сможет оказать вам услугу, надеюсь, вы дадите мне знать. Я сочту за радость и счастье быть полезным другом. Все, что в моих силах, я сделаю для вас и для тех, кого вы любите. Вы один из светочей среди окружающего нас мрака. Ваша жизнь будет счастлива и светла, и ваш муж будет счастлив благодаря вам.

– Но, доктор, вы слишком превозносите меня, а вы меня не знаете.

– Не знаю вас? Я старик, изучивший столько мужчин и женщин; я, который избрал своей специальностью мозг и все, что к нему относится? Я прочел ваш дневник, который вы так любезно переписали для меня и в котором каждая строка дышит истиной. Я, который прочел ваше милое письмо к бедной Люси о вашей свадьбе и о вашей доверии, и я не знаю вас? О, вы несправедливы и к себе, и ко мне... Добродетельные женщины рассказывают истории своих судеб день за днем, час за часом, минута за минутой; такие вещи могут прочесть только ангелы; и мы, мужчины, которые стремимся к пониманию, хотим, чтобы в нас была частица ангельской проницательности. Ваш муж – честнейшая, благородная душа, и вы – благородная душа, поэтому я, доверяя душе, доверяю вам. Кстати, расскажите мне о муже. Ушла ли лихорадка? Выздоровел ли он, окреп ли он?

Я воспользовалась случаем поговорить с ним о Джонатане.

– Он почти совсем поправился, но смерть м-ра Хокинса очень его взволновала.

– О да, я знаю, знаю; я читал два последних ваших письма.

– Я думаю, это его встревожило, так как в прошлый четверг, когда мы были в городе, у него снова был припадок.

– Припадок, так скоро после воспаления мозга? Это нехорошо. Какой же припадок у него был?

– Ему казалось, что он видел кого-то, напоминавшего ему нечто ужасное, нечто, что было причиной его болезни.

Теперь уж я больше не могла выдержать. Мне стало жаль Джонатана; ужас, который ему пришлось пережить, страшная таинственность его дневника и тот страх, который меня с тех пор не покидал, – все это живо предстало предо мною. Я, должно быть, была болезненно расстроена, так как бросилась на колени и, протягивая к нему руки, умоляла вылечить моего мужа. Он взял меня за руки, поднял, усадил на диван и сам сел рядом. Затем, держа мои руки в своих, он бесконечно ласково сказал:

– Моя жизнь одинока, и я всегда был так занят своими делами, что у меня оставалось очень мало времени для дружбы; но с тех пор как мой друг Джон Сьюард вызвал меня сюда, я узнал столько хороших людей, что теперь я больше, чем когда-либо, чувствую свое одиночество, все усиливающееся с годами. Уверяю вас в своей бесконечной преданности, благодарю вас за то, что вы доказали мне существование милых женщин, которые улаживают жизнь и жизнь и вера которых служат хорошим примером для детей. Я рад, очень рад, что могу быть вам полезным. Болезнь вашего мужа, наверное, находится в области моих познаний. Обещаю вам сделать все, что в моих силах, чтобы он был здоров и мужествен и чтобы ваша жизнь была счастлива. А теперь съешьте что-нибудь. Вы слишком измучены и слишком взволнованы. Джонатану тяжело будет видеть вас такой бледной, вы должны пожалеть его, поэтому вы должны есть и смеяться. Вы все уже рассказали мне о Люси, и больше не будем говорить об этом, а то все это уж слишком грустно. Я переночую в Эксетере, так как хочу обдумать все то, что вы мне говорили, а затем, если позволите, задать вам еще несколько вопросов. Тогда вы расскажете мне все о болезни Джонатана, а сейчас вы должны поесть. Потом все расскажете.

После завтрака мы вернулись в гостиную, и он сказал:

– А теперь расскажите мне все о нем.

Вначале я боялась, что этот ученый примет меня за дурочку, а Джонатана за сумасшедшего – ведь его дневник такой странный, – и я не решалась начать. Но он был очень любезен, обещал мне помочь, я поверила ему и начала свое повествование:

– Мой рассказ будет очень странным, но вы не должны смеяться ни надо мною, ни над моим мужем. Со вчерашнего дня меня охватило какое-то сомнение, но вы должны быть серьезны и не считать меня дурочкой из-за того, что я смогла поверить некоторым странным вещам.

– О, моя дорогая, – ответил он, – если б вы только знали, из-за каких странных явлений я здесь, то сами рассмеялись бы. Я научился уважать чужие убеждения, каковы бы они ни были. У меня широкие взгляды, и изменить это может лишь нечто из ряда вон выходящее.

– Благодарю вас, бесконечно благодарю вас! Вы облегчили мою душу. Если позволите, я дам вам прочесть одну тетрадь. Она очень длинная, но я переписала ее на пишущей машинке. Это копия заграничного дневника Джонатана; там описано все то, что с ним произошло. Я не решусь вам ничего о ней сказать, пока вы сами не прочтете ее. Затем, когда я снова вас увижу, быть может, вы будете так любезны и скажете мне, что вы думаете по этому поводу.

– Обещаю, – сказал он, когда я протягивала тетрадь. – Я зайду, если позволите, к вам завтра утром, пораньше, навестить вас и вашего мужа.

– Джонатан будет дома в половине одиннадцатого, приходите к завтраку – и тогда увидите его; вы можете успеть на скорый в 3.34 и будете в Паддингтоне раньше восьми.

Он взял с собой бумаги и ушел, а я сижу здесь и думаю – думаю, сама не знаю о чем.

ПИСЬМО ВАН ХЕЛСИНГА МИССИС ХАРКЕР

(Лично в руки)

«25 СЕНТЯБРЯ, 6 ЧАСОВ.

Дорогая мадам Мина!

Я прочел удивительный дневник вашего мужа.

Можете спать спокойно! Как это ни страшно и ни ужасно, но все это *правда!* Ручаюсь своей головой! Может быть, другим от этого хуже, но для вас и для него во всем этом нет ничего страшного. Ваш муж – очень смелый человек, и, смею вас уверить – я хорошо знаю людей, – тот, кто может спуститься по стене, как он это проделал, да еще найти в себе мужество вторично проделать то же самое, – у того потрясение не может быть продолжительным. Мозг и сердце его здоровы, за это я ручаюсь, даже его не обследуя, а потому будьте спокойны. Мне придется о многом его расспросить. Я буду рад сегодня повидаться с вами, ибо я только что узнал так много нового, что положительно озадачен, озадачен более, чем когда-либо.

Преданный вам

АБРАХАМ ВАН ХЕЛСИНГ».

ПИСЬМО МИССИС ХАРКЕР ВАН ХЕЛСИНГУ

«25 СЕНТЯБРЯ, 6.30 ВЕЧ.

Милый д-р Ван Хелсинг!

Бесконечно благодарна вам за ваше любезное письмо, так облегчившее мне душу. Но неужели это правда и такие ужасные вещи происходят на самом деле; какой ужас, если этот

господин, это чудовище, действительно в Лондоне! Мне страшно даже подумать! Я только что получила телеграмму от Джонатана, он выезжает сегодня вечером в 6.25 из Лаунсестона и будет здесь в 10.18, так что сегодня вечером я уже не буду волноваться. Поэтому прошу вас пожаловать на завтрак к восьми часам, если это не слишком рано для вас; при желании вы можете уехать в 10.30, и тогда будете в Паддингтоне в 2.35.

*Ваш преданный и благодарный друг
МИНА ХАРКЕР».*

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

26 СЕНТЯБРЯ. Я надеялся, что мне больше нечего будет вносить в этот дневник, но ошибся.

Когда я вчера вернулся домой, у Мины был уже приготовлен ужин; после ужина она рассказала мне о визите Ван Хелсинга, о том, что она дала ему оба дневника, и о том, как она за меня беспокоилась.

Она показала мне письмо доктора, в котором он говорил, что все это правда. Это меня сразу поставило на ноги. Я сомневался в реальности всего этого, что меня и убивало. Но теперь, когда я *знаю* наверняка, я ничего не боюсь, даже самого графа. Он, как видно, все же решился приехать в Лондон, и тот, кого я видел, был, несомненно, он. Он помолодел. Ван Хелсингу суждено сорвать с него маску и разыскать его, если только он то, что говорит Мина. Мы поздно сидели и беседовали об этом. Мина одевается, а я сейчас отправлюсь в гостиницу за Ван Хелсингом.

Мне кажется, что он удивился, увидев меня. Когда я вошел в его комнату и представился, он взял меня за плечо и, повернув к свету, сказал, предварительно разглядев меня хорошенько:

– Но ведь мадам Мина говорила, что вы больны, что у вас было потрясение.

Мне было странно слышать, как этот добрый, серьезный старик называет мою жену мадам Миной. Я улыбнулся и ответил:

– Я *был* болен, у меня *было* потрясение, но вы меня вылечили.

– Каким образом?

– Я прочел ваше вчерашнее письмо к Мине. Я мучился в сомнениях, все казалось мне неестественным, я не знал, чему верить, и не верил даже собственным чувствам. Не зная, чему верить, я не знал, что делать, и все продолжал трудиться над тем, что меня губило. Гибель казалась неминуемой, так как я перестал себе доверять. Вы понятия не имеете, что значит сомневаться во всем, даже в самом себе. Сужу по вашим бровям.

– О, – сказал он, улыбнувшись, – да вы физиономист. Каждый час здесь для меня наука. Я с удовольствием пришел к вам. Простите меня, старика, но должен сказать, что вы на редкость счастливый человек, так как у вас необыкновенная жена.

Я мог бы слушать, как он превозносит Мину, целый день, поэтому я просто кивал и молчал. Она – одна из женщин, которых отличил Бог, отмеченная Его собственным перстом, дабы показывать нам, мужчинам, и другим женщинам, что существует идеал, к которому мы можем стремиться, и что его сияние доступно и здесь, на земле. Столь правдива, столь добра, столь честна, столь мало склонна к эгоизму – и это в ее юном возрасте, как правило скептическом и самовлюбленном.

– А вы, сэр?

– Я читал все ее письма к бедной Люси, и в некоторых из них говорится о вас так, что, хотя я вас знаю всего лишь несколько дней, да и то по рассказам других, все же предлагаю вам свою дружбу.

Мы пожали друг другу руки.

– А теперь, – продолжал он, – позвольте попросить вас прийти мне еще немного на помощь. Мне предстоит трудная задача, но я не знаю, с чего начать. Вы можете мне помочь. Не расскажете ли, что было до вашего отъезда в Трансильванию? Впоследствии мне понадобится еще кое о чем спросить, но пока довольно и этого.

– Послушайте, сэръ, – сказал я, – то, о чем вы говорите, касается графа?

– Да, – ответил он.

– Тогда я весь к вашим услугам. Так как вы уезжаете поездом в 10.30, у вас не будет времени прочесть сейчас все, но я вам дам имеющиеся у меня бумаги, можете взять их с собой и прочесть в поезде.

После завтрака я проводил его на вокзал. Прощаясь, он сказал:

– Можете вы приехать в город с женой, если я попрошу вас?

– Мы приедем к вам, когда пожелаете, – ответил я.

Я купил ему местные утренние газеты и вчерашние лондонские; пока мы стояли у окна вагона в ожидании отхода поезда, он перелистывал и просматривал их. Вдруг глаза его остановились на чем-то в «*Вестминстер газетт*». Я узнал ее по цвету бумаги. Он побледнел, внимательно прочел и тихо простонал: «Боже мой! Боже мой! Так скоро! Так скоро!» Мне кажется, он совершенно забыл обо мне. Тут раздался свисток, и поезд тронулся. Это заставило его опомниться, он высунулся в окно, замахал мне рукой и крикнул: «Привет мадам Мине, напишу вам, как только успею!»

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

26 СЕНТЯБРЯ. Действительно, нет ничего труднее конца. Не прошло и недели, как я сказал себе: «*Finis*», а вот уже снова приходится начинать или, вернее, продолжать свои записки. До сегодняшнего вечера не было причин обдумывать то, что произошло. Благодаря нашим заботам Ренфилд сделался чрезвычайно здравомыслящим, он покончил с мухами и принялся за пауков, так что не доставляет мне никаких хлопот. Я получил письмо от Артура, написанное в воскресенье, из которого видно, что ему намного лучше; Квинси Моррис с ним, а это для него большое утешение. Квинси также написал мне пару строк и утверждает, что к Артуру возвращается его прежняя беспечность, так что за них я больше не беспокоюсь. Что же касается меня, я снова с прежним восторгом принялся за работу и теперь могу сказать, что рана, нанесенная мне Люси, начинает затягиваться. Теперь все началось сначала, и одному Творцу известно, чем все это кончится. Мне сдается, что Ван Хелсинг думает, будто ему это тоже известно, но он хочет разжечь любопытство. Вчера он ездил в Эксетер и ночевал там. Сегодня он вернулся в половине пятого, стремглав влетел в мою комнату и сунул мне в руки вчерашнюю «*Вестминстер газетт*».

– Что вы по этому поводу скажете? – спросил он, заложив руки за спину.

Я вопросительно взглянул на газету, так как не понимал, что он имел в виду; он взял у меня газету и показал статью о детях, похищенных в Хэмпстеде. Меня это мало интересовало, пока наконец я не прочел описание маленьких, как точки, ранок от укола на шее. Какая-то мысль блеснула у меня, и я посмотрел на него.

– Ну? – спросил он.

– Это вроде ранок бедной Люси?

– Что же это значит?

– Только то, что причина одна и та же. Что ранило ее, также ранило их...

Я не совсем понял его ответ.

– Косвенно это так, но в прямом смысле – нет.

– То есть как, профессор? – спросил я.

Его серьезность меня забавляла, ибо четыре дня полного отдыха после того вечного страха воскресили во мне бодрость духа, но, взглянув на него, я смутился. Я никогда еще не видел его таким суровым, даже тогда, когда мы пали духом из-за состояния бедной Люси.

– Объясните мне! – попросил я. – Я ничего не понимаю. Я не знаю, что думать, и у меня нет никаких данных, по которым я мог бы догадаться, в чем дело.

– Ведь не станете вы утверждать, Джон, что не имеете понятия, отчего умерла Люси, несмотря на факты, которые вы могли наблюдать, несмотря на мои намеки?

– Из-за нервного потрясения, вследствие большой потери крови?

– А откуда потеря крови?

Я покачал головой. Он подошел ко мне, сел и продолжал:

– Вы очень умны, Джон, вы хорошо рассуждаете, ваш дух смел, но вы слишком рассудочны. Вы не желаете ни видеть, ни слышать ничего неестественного, и все, что не касается вашей обычной жизни, вас не трогает. Вы не думаете, что существуют вещи, которых вы не понимаете, но которые тем не менее существуют, что есть люди, которые видят то, чего другой не может видеть; но имейте в виду, существуют вещи, которых просто так не увидишь. В tomto и ошибка нашей науки, она все хочет разъяснить, а если это не удастся, утверждает, что это вообще не поддается объяснению. И все-таки каждый день рядом с нами заявляют о возникновении новых религий, вернее, считающихся новыми; но в основе своей они стары и только притворяются юными, как светские дамы в опере. Надеюсь, в настоящее время вы верите в преобразование тел? Нет? А в материализацию? Нет? А в астральные тела? Нет? А в чтение мыслей? Нет? А в гипноз?

– Да, – сказал я. – Шарко это довольно убедительно доказал.

Он улыбнулся и продолжил:

– Значит, вы этим удовлетворены и можете проследить за мыслью великого Шарко – мир праху его! – проникающей в самую душу пациента? Да? Но, может быть, вы в таком случае довольствуетесь одними фактами и не ищете их объяснения? Нет? Тогда ответьте мне: как же вы верите в гипнотизм и отрицаете чтение мыслей? Позвольте обратить ваше внимание, мой друг, на то, что в области электричества теперь сделаны такие открытия, которые посчитали бы дьявольскими происками даже те, кто открыл само электричество, и, между прочим, происходи это чуть раньше, их самих сожгли бы как колдунов. В жизни всегда есть тайны. Почему это Мафусаил прожил девятьсот лет, старый Парр – сто шестьдесят девять, между тем как бедная Люси, в венах которой струилась кровь четырех человек, не смогла прожить и дня? Ибо, проживи она еще хотя бы день, мы бы ее спасли. Знаете ли вы тайну жизни и смерти? Знаете ли вы сравнительную анатомию и можете ли с ее помощью сказать, почему в некоторых людях сидит зверь, а в других его нет? Не можете ли вы мне сказать, почему все пауки умирают в молодости и смерть их быстра, а ведь нашелся один большой паук, который жил сотни лет в башне древней испанской церкви и рос, рос до тех пор, пока наконец не оказался в состоянии выпить все масло из церковных лампад? Не можете ли вы мне сказать, почему в пампасах, да и в других местах живут летучие мыши, которые прилетают ночью, прокусывают вены у коров и лошадей и высасывают у них кровь? Почему на некоторых островах западных морей существуют летучие мыши, которые целыми днями висят на дереве; видевшие их говорят, что они величиной с гигантский орех или гроздь; ночью же, когда матросы спят на палубе из-за духоты, они набрасываются на них, а затем... а затем на следующее утро находят мертвецов, таких же бледных, как Люси?

– Помилуй Бог, профессор! – воскликнул я, вскочив. – Не хотите ли вы сказать, что такая летучая мышь укусила Люси и что подобная вещь возможна в Лондоне в девятнадцатом веке?

Он остановил меня движением руки и продолжал:

– Не объясните ли вы мне, почему черепаха живет дольше, чем целые поколения людей, почему слон способен пережить целые династии и почему попугай умирает лишь от укуса

кошки или собаки и ни от каких других болезней? Не объясните ли вы мне, почему люди разного возраста, живущие в разных местах, верят, что существуют такие люди, которые могли бы жить вечно, если бы их существование не прекращалось насильственно, что существуют мужчины и женщины, которые не могут умереть? Нам известно – ибо наука подтверждает эти факты, – что жабы жили тысячи лет замурованными в скалах. Не можете ли вы мне сказать, как это индийский факир приказывает похоронить себя живым, на его могиле сеют рожь, рожь созревает, ее жнут, она снова созревает, и снова ее жнут, затем раскапывают могилу, вскрывают гроб, и из него выходит живой факир и продолжает жить по-прежнему среди людей?

Тут я прервал его. Я окончательно сбился с толку, он засыпал меня целым градом причудливых явлений природы и всевозможных невозможностей, так что мозг мой попросту воспалился.

У меня было смутное ощущение, что вновь, как когда-то давно в Амстердаме, он давал мне урок; но тогда он говорил об определенных вещах, так что у меня всегда был конкретный предмет для размышлений. Теперь же, не имея опоры, мне едва удавалось следить за ходом его рассуждений.

– Профессор, я готов снова быть вашим прилежным учеником. Скажите ваш тезис, чтобы я мог применить полученные от вас знания, когда вы станете продолжать. До сих пор я бросался из стороны в сторону, следовал за вашей фантазией как безумец, а не как здравомыслящий человек. Я чувствую себя новичком, заблудившимся на болоте в тумане, он скачет с кочки на кочку в надежде выбраться, шагает, сам не зная куда.

– Очень наглядно, – ответил он. – Хорошо, я вам скажу. Тезис следующий: я хочу, чтобы вы уверовали.

– Во что?

– Уверовали в то, во что верить не можете. Приведу пример. Мне пришлось слышать от одного американца такое определение веры: это то, что дает нам возможность поверить в то, что мы считаем невероятным. В одном отношении я с ним согласен. Он этим хотел сказать, что на жизнь надо смотреть широко и не следует допускать, чтобы маленькая ничтожная истина подавляла бы великую истину, как маленький утес вагонетку железной дороги. Нам для начала нужна небольшая истина. Господи! Мы храним и ценим ее, но не следует верить, что это всемирная истина.

– Так, значит, вы боитесь, что преждевременное раскрытие может вызвать во мне предубеждение в отношении некоторых странных явлений? Я правильно понял вашу мысль?

– Ах, вы все же мой любимый ученик! Вас стоит учить. Так как вам хочется понять, то вы уже сделали к истине первый шаг, значит, вы полагаете, что ранки на шее у детей того же происхождения, что и у мисс Люси?

– Я так полагаю, – ответил я.

– Вы ошибаетесь. О, если б так оно было! Но увы! Нет! Хуже, гораздо, гораздо хуже!

– Во имя Господа Бога, Ван Хелсинг, что вы хотите сказать? – воскликнул я.

В отчаянии взмахнув руками, он упал в кресло, поставил локти на стол и, закрыв лицо руками, произнес:

– Эти ранки нанесла сама Люси!

Глава XV

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

(Продолжение)

Страшная злоба овладела мной; у меня возникло такое чувство, будто он дал пощечину живой Люси. Я резким движением отодвинул стул, встал и сказал:

– Вы с ума сошли, Ван Хелсинг.

Он поднял голову и грустно и бесконечно ласково посмотрел на меня, я сразу успокоился.

– Хотелось бы мне, чтобы так было на самом деле, – сказал он. – Сумасшествие легче перенести, чем такую действительность. О мой друг, подумайте, почему я шел окольными путями и так долго не говорил вам столь простой вещи. Потому ли, что я презираю вас и презирал всю жизнь? Оттого ли, что хотел доставить вам страдания? Оттого ли, что я теперь захотел отплатить за то, что вы когда-то спасли мне жизнь, избавив от столь ужасной смерти? О нет!

– Простите меня, – пробормотал я.

Он продолжал:

– Милый друг, все это оттого, что я жалел вас, не хотел вас сразить одним махом, так как знаю, что вы любили эту милую девушку. Но я знаю, что даже и теперь вы не верите. Столь трудно поверить в истину, отвергаемую нашими убеждениями, что мы неизбежно колеблемся, тем более когда истина касается такого существа, как мисс Люси. Сегодня ночью я хочу убедиться! Хватит ли у вас мужества пойти со мной?

Меня это потрясло. Человек не любит убеждаться в подобной правде. Только Байрон был исключением из правила, когда речь шла о ревности:

И убедиться в том, чего страшишься знать.

Он заметил мои колебания и добавил:

– Моя логика очень проста, на сей раз не логика безумца, прыгающего наугад с кочки на кочку в туманном болоте; если это неправда, то доказательство принесет облегчение; во всяком случае, оно не повредит. Но если это правда!.. Вот в том-то весь ужас; но даже ужас поможет мне, потому что в нем я обрету уверенность! Пойдемте, я изложу вам свой план: во-первых, навестим того ребенка в больнице. Д-р Винсент из «Северной больницы», где, судя по газетам, находится ребенок, мой большой друг. Он разрешит ознакомиться с этим случаем двум ученым. Мы ему скажем, что хотим получить. А потом... Мы ему скажем, что хотим поучиться. А потом...

Он вынул из кармана ключ и показал его мне.

– А потом мы проведем ночь на кладбище, где похоронена Люси. Вот ключ от ее склепа. Мне дал его кладбищенский служащий, поручив передать Артуру.

Сердце мое оборвалось, я чувствовал, что нам предстоит ужасное испытание. И все-таки я не мог отказаться... Я собрал все свое мужество и сказал, что нам следует торопиться, так как время близится к полудню.

Ребенок уже проснулся. Он выспался, поел и в общем чувствовал себя хорошо. Д-р Винсент снял с его шеи повязку и показал нам ранки. Не было сомнения, что они тождественны с теми, которые были у Люси. Они были только чуть поменьше, а края у них – свежие, вот и

вся разница. Мы спросили у Винсента, каково его мнение; он ответил, что это, должно быть, укус животного, быть может, крысы; но лично он склонен думать, что это укус одной из тех летучих мышей, которых так много в северной части Лондона.

– Вполне вероятно, – сказал он, – что среди множества безвредных есть опасные, дикие летучие мыши с юга. Возможно, моряк привез такую мышь с собой, а она улетела, или молодая летучая мышь улетела из Зоологического сада, или, наконец, какая-нибудь из них вскормлена вампиром. Такие вещи, знаете ли, случаются. Десять дней назад убежал волк, и его видели в этих местах. Поэтому всю следующую неделю дети играли в «Красную Шапочку», пока не появилась новая страшная игра «леди-привидение», которой все отдались с восторгом. Даже этот бедный малыш, проснувшись сегодня, спросил у сестры, не отпустит ли она его домой. Когда она спросила его, почему он мечтает покинуть больницу, тот ответил, что хочет поиграть с «леди-привидением».

– Надеюсь, – сказал Ван Хелсинг, – отправляя ребенка домой, вы не забудете предупредить родителей, чтобы те глаз с него не спускали. Его навязчивое желание убежать из дому чрезвычайно опасно – если он проведет вне дома еще одну ночь, это может кончиться самым роковым образом. Но в любом случае, полагаю, вы продержите его у себя еще несколько дней?

– Разумеется. По меньшей мере еще неделю, а может быть, и еще дольше, пока ранка совсем не затянется.

Посещение больницы отняло больше времени, чем мы рассчитывали, солнце село еще до того, как мы вышли из больницы. Когда Ван Хелсинг увидел, что стемнело, он сказал:

– Ну, теперь нам нечего спешить. Сейчас куда позже, чем я думал. Пойдем поищем, где бы нам поесть, затем отправимся дальше.

Мы поужинали в «Джек-Стро-Кэстль» в компании велосипедистов и прочих веселых и шумных людей. Около десяти часов мы покинули кабачок. Было очень темно, и редкие фонари только подчеркивали мрак, когда мы покидали освещенное место. Профессор, очевидно, уже обдумал дорогу, так как шел уверенно; что же до меня, я совсем не мог ориентироваться. Чем дальше мы шли, тем меньше попадалось нам людей навстречу, так что мы даже поразились, когда нам встретился конный ночной патруль, объезжавший свой участок. Наконец мы пришли к кладбищенской стене, через которую мы и перелезли с некоторым трудом, так как было страшно темно и местность казалась незнакомой; мы добрались с трудом до склепа Вестенра. Профессор достал ключ, открыл дверь склепа и, отступив, любезно, но совершенно бессознательно жестом предложил мне пройти вперед. Какая-то странная ирония заключалась в этом предложении, в этой любезной уступчивости в столь ужасный момент. Мой спутник тотчас же последовал за мной и осторожно притворил дверь, предварительно убедившись, что замок у нее простой, а не пружинный. Затем он пошарил в своей сумке и, вынув оттуда спички, зажег свечу. В склепе и днем было мрачно и жутко, несмотря на цветы, усыпавшие могилу, а теперь, при слабом мерцании свечи, он производил настолько жуткое и тяжелое впечатление, что невозможно даже представить себе, не увидев: цветы поблекли, завяли, они порыжели и слились с превратившейся в коричневую зеленью; в огромном количестве появились пауки и жуки и чувствовали себя как дома; время обесцветило камень, известняк пропитался пылью, железо заржавело и покрылось плесенью, медь потускнела, и потемнела серебряная доска. Невольно рождалась мысль, что не только жизнь – физическая жизнь – недолговечна.

Ван Хелсинг продолжал методично работать. Он поднес свечу совсем близко к надписи на плите и убедился в том, что перед ним могила Люси. Капли воска застывали на металле светлыми пятнами. Затем он снова порылся в сумке и вынул оттуда отвертку.

– Что вы собираетесь делать? – спросил я.

– Открою гроб. Я сейчас докажу, что я прав.

И он начал отвинчивать винты, снял крышку, и мы увидели поверхность свинцового гроба. Подобное зрелище оказалось мне не по силам. Это было такое же оскорбление покойной,

как если бы ее, еще живую, раздели во сне! Я невольно схватил его за руку, желая остановить. Он же только сказал:

– Убедитесь сами!

И, порывшись опять в сумке, вынул оттуда маленькую пилу. Сильным ударом он отверткой пробил в свинце дыру, достаточно большую, чтобы конец пилы мог в нее пройти. Я невольно сделал шаг назад, ожидая обычного тошнотворного запаха от пролежавшего целую неделю тела. Мы, врачи, знаем, чего следует опасаться и к чему надо привыкнуть. Но профессор даже не помедлил: он пропилил пару футов вдоль края гроба, затем обогнул его и перешел на другую сторону. Потом, захватив свободный конец, отогнул крышку гроба и, держа свечку в открытом отверстии, предложил мне подойти и посмотреть.

Я подошел и взглянул... Гроб был пуст! Меня это поразило и страшно ошеломило, но Ван Хелсинг даже не дрогнул. Сейчас более чем когда-либо он был уверен в своей правоте, и это придавало ему решимости.

– Ну, теперь вы довольны, мой друг? – спросил он.

Страшное упорство заговорило во мне, и я ответил:

– Я вижу, что тела Люси нет в гробу, но это доказывает только одно.

– Что именно, Джон?

– Что его там нет.

– Недурная логика. Но почему, по-вашему, его здесь нет?

– Может быть, это дело рук похитителя трупов, – сказал я. – Может быть, его украл кто-нибудь из могильщиков!

Я чувствовал, что говорю глупость, и все же ничего больше не мог придумать.

Профессор вздохнул.

– Ну хорошо, – сказал он. – Вам нужны еще доказательства? Пойдемте со мной!

Он опустил крышку на место, собрал свои вещи, положил их обратно в сумку, потушил свечу и положил ее туда же. Мы открыли дверь и вышли. Он запер дверь на ключ. Затем передал его мне и сказал:

– Оставьте у себя, вам будет спокойнее.

Я засмеялся, но, сознаюсь, это был не слишком умный смех, и хотел вернуть ему ключ.

– Дело не в ключе, – сказал я. – Может существовать дубликат, и, кроме того, такой замок ничего не стоит открыть.

Он не возразил, только положил ключ в карман. Затем он сказал, чтобы я караулил на одном конце кладбища, а он будет караулить на другом. Заняв свое место под тисом, я видел, как его темная фигура удалялась, пока наконец не скрылась за памятниками и деревьями.

Ожидание в одиночестве! Сразу после того, как я занял свое место, я услышал – часы в отдалении бьют двенадцать, а со временем час и два. Я продрог, начал нервничать да еще злился на профессора за то, что он увлек меня в такое странствование, а на себя за то, что согласился пойти. Я слишком устал и слишком хотел спать, чтобы иметь возможность следить во все глаза, но одновременно я был не настолько сонным, чтобы позабыть о своей надежде, – в общем, было скучно и неприятно.

Вдруг, повернувшись случайно, я увидел какую-то белую фигуру,двигающуюся между тисами в конце кладбища, далеко за могилами; одновременно с той стороны, где караулил профессор, от земли отделилась темная масса и поспешно двинулась ей навстречу. Тогда двинулся и я, но мне пришлось обходить памятники и могильные ограды, и я несколько раз падал, спотыкаясь о могилы. Небо было затянуто тучами, где-то вдали запел петух. Поблизости, за кустами можжевельника, которыми была обсажена дорога к церкви, в сторону склепа двигалась какая-то смутная фигура. Могила была скрыта за деревьями, и я не мог видеть, куда фигура девалась. Я услышал шум там, где сначала увидел белую фигуру, и, когда подошел, обнаружил

профессора, который держал на руках худенького ребенка. Увидев меня, он протянул ребенка мне и спросил:

– Теперь вы довольны?

– Нет, – ответил я, и, как сам почувствовал, в голосе звучала враждебность.

– Разве вы не видите ребенка?

– Да, вижу, но кто же его принес сюда? Он ранен? – спросил я.

– Посмотрим, – сказал профессор и направился к выходу с кладбища, неся на руках спящего ребенка.

Подойдя к зарослям деревьев, при свете спички мы осмотрели ребенка. На нем не оказалось ни царапин, ни порезов.

– Ну что, я прав? – спросил я торжествующим тоном.

– Мы появились вовремя, – сказал профессор задумчиво.

Нам нужно было решить, как поступить с ребенком. Если его отнести в полицию, придется давать отчет о наших ночных похождениях; во всяком случае, официально заявить, как мы его нашли. В конце концов мы решили отнести его на Гит, если заметим какого-нибудь полисмена, спрятать ребенка так, чтобы тот его непременно нашел, а самим отправиться как можно скорее домой. Все обошлось благополучно. Возле самого Хэмпстед-Гита мы услышали тяжелые шаги полисмена и положили ребенка у самой дороги. Полисмен посветил вокруг себя фонарем и нашел его. Мы услышали его удивленный возглас и ушли. К счастью, мы скоро встретили кеб и поехали в город.

Не могу заснуть, поэтому записываю. Но все-таки нужно будет поспать, так как Ван Хелсинг зайдет за мною в полдень. Он настаивает на том, чтобы я с ним опять отправился в экспедицию.

27 СЕНТЯБРЯ. Только после двух часов нам представилась возможность предпринять новую попытку. Закончились чьи-то похороны, тянувшиеся с полудня, и последние провожаемые уже удалились с кладбища. Выбрав укрытием две ольхи, сросшиеся стволами, мы видели, как могильщик закрыл за последним из них ворота. Мы знали, что до самого утра нас никто больше не потревожит, но профессор сказал, что нам понадобится самое большее час. Снова я почувствовал весь ужас действительности, более фантастичной, чем сказка; я отчетливо понимал, какой опасности мы себя подвергаем перед лицом закона, занимаясь своим нечестивым делом. Кроме того, мне казалось, что все это бесполезно. Возмутительно было уже то, что мы открыли свинцовый гроб, желая убедиться в том, что женщина, умершая неделю тому назад, действительно была мертва, – теперь же было верхом безумия вновь открывать могилу, раз мы уже знали, собственными глазами убедились, что она пуста. Меня коробило при одной мысли об этом. Но я молчал, так как против Ван Хелсинга любые уговоры бессильны, у него собственная манера действовать. Он взял ключ, открыл склеп и снова любезно дал мне пройти вперед. На сей раз место не казалось таким ужасным, но впечатление, которое оно производило при свете солнца, было все-таки отвратительным. Ван Хелсинг подошел к гробу Люси, я последовал за ним. Он наклонился и опять отогнул свинцовую крышку – удивление и негодование наполнили мою душу.

В гробу лежала Люси, точь-в-точь такая, какой мы видели ее накануне погребения. Она казалась еще прекрасней, и мне никак не верилось, что она умерла. Ее пунцовые губы были даже ярче прежнего, а щеки покрывал нежный румянец.

– Что это, колдовство? – спросил я.

– Теперь вы убедились? – сказал профессор в ответ: при этом он протянул руку, раздвинул мертвые губы и показал мне белые клыки.

Я содрогнулся.

– Взгляните, – сказал он, – видите, они стали еще острее. Этим и этим, – и он указал сначала на один из верхних клыков, а затем на нижний, – она может кусать детей. Теперь, Джон, вы верите?

И снова дух противоречия проснулся во мне.

– Может быть, ее сюда положили только вчера!

– Неужели? И кто это сделал?

– Не знаю. Кто-нибудь!

– Но ведь она умерла неделю тому назад. Большинство людей через такое время выглядели бы иначе.

На это у меня не нашлось возражений. Ван Хелсинг, казалось, не замечал моего молчания; во всяком случае, он не выразил ни разочарования, ни торжества. Он внимательно вглядывался в лицо мертвой женщины, поднимал ей веки, чтобы взглянуть в глаза, потом еще раз отогнул губы и осмотрел клыки. Потом, обернувшись ко мне, сказал:

– Тут есть одна вещь, не вмещающаяся в привычные рамки. Это двойная жизнь, которая так не похожа на обыкновенную. Ее укусил вампир, когда она была в трансе и бродила во сне. О, вы содрогнулись, вы покуда ничего не знаете, Джон, но вы все это узнаете позже, потом... Пока она пребывала в трансе, ему было очень удобно сосать ее кровь. В трансе она умерла, в трансе она и пребывает «не-мертвой». Именно этим она отличается от других. Обычно, когда «не-мертвые» спят дома, – он сделал выразительный жест, показывая, что есть «дом» для вампира, – по их лицам видно, кто они; и это столь привлекательно, тогда как, не будь она «не-мертвой», началось бы тление, как у обыкновенных мертвецов. Это не злодеяние, и, пусть тяжело, я должен убить ее во сне.

Мне сделалось жутко, я стал уже верить словам Ван Хелсинга, но ведь, если она действительно была мертва, какой смысл был в том, чтобы убивать ее снова? Он взглянул на меня и, очевидно, заметил перемену в лице, так как с торжеством спросил:

– А теперь вы верите?

– Не слишком торопите меня. Я готов это допустить. Но как вы исполните свой кровавый долг?

– Я отрублю ей голову, набью рот чесноком и вобью кол в ее тело.

Я содрогнулся при мысли, что так изуродуют тело женщины, которую я любил. И все-таки чувство не было столь сильным, как я того ожидал. В сущности, я уже начинал содрогаться от присутствия этого существа, этого «не-мертвого», как называл его Ван Хелсинг, и еще я чувствовал омерзение. Возможно ли, чтобы любовь была полностью объективной или субъективной?

Ван Хелсинг долго размышлял о чем-то, наконец закрыл свою сумку и сказал:

– Я передумал. Если бы я решил исполнить свое намерение, я сделал бы это тотчас же, но может возникнуть множество осложнений, которые оказались бы гораздо неприятнее, чем мы способны представить. И вот почему! Она еще не погубила ни одной жизни, хотя времени было достаточно, и, если бы я сейчас это сделал, я обезвредил бы ее навсегда. Но для этого нам нужен Артур, а как мы ему обо всем расскажем? Уж если вы не поверили мне, вы, кто видел ранки на шее Люси, а затем такие же ранки у ребенка в госпитале, вы, кто вчера ночью видел пустой гроб, а сегодня в нем была эта женщина, которая не только не изменилась, а даже порозовела и похорошела, хотя прошла целая неделя со дня ее смерти, вы, кто видел белую фигуру, которая вчера принесла на кладбище ребенка, – чего можно ждать от Артура, который ничего не знает и ничего не видел. Он усомнился во мне, когда я не позволил ему поцеловать ее перед смертью. Он простил меня, хотя я лишил его возможности попрощаться с ней так, как он должен был бы сделать, но теперь, по незнанию, он решил бы, что мы похоронили ее живой, а после, чтобы скрыть нашу величайшую ошибку, убили ее. Он станет ненавидеть нас за то, что мы по ошибке ее убили, и будет несчастен всю жизнь. Да он никогда и не обретет

уверенность, а это самое ужасное. Сегодня он будет думать, что его возлюбленную похоронили живой, и ему станут рисоваться страшные картины ее мучений; а завтра он будет думать, что, возможно, мы правы и его возлюбленная была, в конце концов, «не-мертвой». Нет! Однажды я ему уже говорил это, но с тех пор я так много нового узнал сам. Теперь же, когда я твердо знаю, что все это правда, я тысячу раз уверен: он должен прийти через страдания к радости. Он, бедняга, должен пережить час, когда небеса для него покроются мраком; потом мы устроим все наилучшим образом, и он обретет покой.

Поэтому я решил сделать это в его присутствии. Идемте. Вы возвращайтесь в больницу и посмотрите, все ли в порядке. А я проведу ночь по-своему, здесь, на кладбище. Завтра в десять часов вечера приходите ко мне в гостиницу «Беркли». Тогда я пошлю за Артуром и за тем американцем, который тоже отдал ей свою кровь. Впоследствии нам всем придется много работать. Я дойду с вами до Пиккадилли и там пообедаю, ведь мне нужно вернуться сюда еще раз до захода солнца.

Мы закрыли склеп, перелезли через кладбищенскую ограду, что было не слишком трудно, и поехали обратно на Пиккадилли.

ЗАПИСКА ВАН ХЕЛСИНГА, ОСТАВЛЕННАЯ ИМ В ЧЕМОДАНЕ В ГОСТИНИЦЕ «БЕРКЛИ» И АДРЕСОВАННАЯ ДЖОНУ СЬЮАРДУ, Д. М.

(Не вручена)

«27 СЕНТЯБРЯ.

Дружище Джон!

Пишу это на случай, если произойдет нечто непредвиденное. Иду один на кладбище. Меня радует, что сегодня ночью «не-мертвой», мисс Люси, не удастся выйти, так что завтра ночью ее страсть проявится еще определеннее. Поэтому я приделаю к склепу то, чего она не любит, – чеснок и крест, и таким образом запечатаю дверь в гробницу. Она как «не-мертвая» еще молода и будет осторожна. Кроме того, ведь это лишь воспрепятствует ей, но не отвратит ее от желания выйти; когда «не-мертвая» в отчаянии, то идет по пути наименьшего сопротивления. Я буду находиться поблизости от заката и до восхода и, может, что-нибудь разужнаю. Люси я не боюсь, но остерегаюсь того, из-за кого она стала «не-мертвой»; у него теперь есть и право, и власть искать ее могилу, и у него она может обрести защиту. Он хитер, судя по словам Джонатана и по тому, как водил нас за нос, играя жизнью Люси; да и вообще он во многих отношениях очень силен. У него сила двадцати человек; даже та сила, которую мы вчетвером вливали в кровь Люси, пошла исключительно ему на пользу. Кроме того, он может сзывать волков и сам не знаю, право, кого еще. Так что, если он ночью туда придет, он застанет меня, но больше уж никто не должен присутствовать при этом, а не то будет скверно. Хотя, возможно, он не станет покушаться на это место. У него, наверное, есть на примете нечто более интересное, чем кладбище, где спит «не-мертвая» и караулит старик.

Пишу это на случай, если... Возьмите все бумаги, которые тут же находятся, дневник Харкера и остальное и прочтите их, затем отыщите «не-мертвого», отрубите ему голову, сожгите его сердце, вбейте в него кол, чтобы мир наконец вздохнул свободно.

*Итак, прощайте,
ВАН ХЕЛСИНГ».*

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

28 СЕНТЯБРЯ. Прямо удивительно, до чего благотворен сон. Вчера я почти готов был поверить ужасным идеям Ван Хелсинга, теперь же они мне кажутся дикими и лишены всякого смысла. Не может быть, чтобы он сошел с ума. Ведь должно существовать *какое-нибудь* объяснение этим таинственным событиям. Возможно, все дело рук самого профессора. Он необычайно умен и, даже если сошел с ума, обязательно отыщет, пусть необыкновенный, способ воплотить свои идеи. Впрочем, не хочется так думать, да и сумасшествие Ван Хелсинга – вещь маловероятная. Постараюсь найти разгадку тайны.

29 СЕНТЯБРЯ, УТРОМ. Артур и Квинси зашли вчера вечером около десяти часов к Ван Хелсингу: он объяснил все, что нам нужно делать, обращаясь главным образом к Артуру, словно все наши желания сконцентрированы в нем одном. Он говорил, что надеется на нашу общую помощь, так как нам предстоит исполнить тяжкий долг. Затем спросил Артура, удивился ли он его письму.

– Я? Да! Оно меня порядком встревожило. В последнее время я испытал столько невзгод, что у меня нет больше сил. Мне было бы интересно знать, что случилось.

Мы обсуждали это с Квинси, но в результате пришли в еще большее замешательство. Я совершенно перестал понимать, что происходит.

– Я тоже, – кратко заметил Квинси Моррис.

– В таком случае, – сказал профессор, – вы оба стоите в начале пути, а вот нашему другу Джону предстоит возвратиться назад, чтобы обрести способность опять двигаться вперед.

Значит, от него не укрылось, что ко мне вернулся мой прежний скептицизм, хотя я и не произнес ни слова.

– Мне нужно ваше согласие, – сказал Ван Хелсинг, – на то, что я собираюсь сделать сегодня ночью. Знаю, я требую многого, и только тогда, когда вы поймете, в чем дело, вы поймете, что это стоит того. Поэтому я хотел бы, чтобы вы заодно дали мне согласие и потом бы не упрекали себя ни в чем. Вы будете некоторое время сердиться на меня – мне уж придется примириться.

– Мне нравится откровенность, – вставил Квинси, – я ручаюсь за профессора. Не вполне понимаю, куда он клонит, но, клянусь, он честный человек, и мне этого довольно.

– Благодарю вас, сэр, – с достоинством произнес Ван Хелсинг, – считаю за честь числить вас среди своих друзей и ценю вашу поддержку.

И он протянул Квинси руку.

– Я вовсе не желаю, – возразил Артур, – покупать свинью в мешке, как говорят в Шотландии, и если тут будут затронуты моя честь джентльмена или моя вера христианина, то не могу дать подобных обещаний. Если вы поклянетесь, что ваше намерение не затрагивает ни того ни другого, я сейчас же даю на все свое согласие, хотя, клянусь жизнью, никак не могу понять, к чему вы клоните.

– Принимаю ваши условия, – сказал Ван Хелсинг, – но прошу вас об одном – вы, прежде чем будете осуждать меня, хорошенько взвесьте свое решение и уверьтесь, что мои поступки не нарушают ваших условий.

– Решено! – сказал Артур. – Итак, *переговоры* завершены; могу теперь спросить у вас, в чем дело.

– Я хочу, чтобы вы пошли со мной на кладбище в Кингстед, но об этом никто не должен знать.

Артур изумился.

– Туда, где похоронена Люси? – спросил он.

Профессор кивнул. Артур продолжал:

– Зачем?

– Чтобы войти в склеп!

Артур вскочил:

– Профессор, вы говорите серьезно или жестоко шутите?.. Простите, я вижу, это серьезно.

Он снова сел, гордо выпрямившись, как человек, чье достоинство оскорблено.

Наступила долгая пауза. Наконец он спросил:

– И что же мы будем там делать?

– Откроем гроб.

– Это уж слишком, – сердито сказал Артур, вставая. – Я согласен на все в разумных пределах, но такое... такое осквернение гроба той, которую... – Дальше он не мог говорить от негодования.

Профессор с состраданием смотрел на него.

– О, если бы я мог уберечь вас от мучений, мой дорогой друг, Бог тому свидетель, я сделал бы это, – сказал он. – Но в эту ночь вам придется пройти по тернистой дороге, иначе вам суждено потом, быть может, даже на веки вечные, ходить по пылающему пути!

Артур побледнел и вскричал:

– Осторожней, сэр, осторожней!..

– Не лучше ли будет, если вы послушаете меня? – спросил Ван Хелсинг. – Тогда, по крайней мере, вы будете знать, что я предлагаю. Могу я начать?

– Да, разумеется, – вставил Моррис.

После некоторого молчания Ван Хелсинг продолжил, видно было, что это ему стоило большого труда:

– Мисс Люси умерла, не так ли? Да? Следовательно, все в порядке. Но если она не умерла?

Артур подскочил.

– Господи! – воскликнул Артур. – Что вы этим хотите сказать? Разве произошла какая-то ошибка? Разве ее похоронили живой? – Он был в таком отчаянии, что тяжело было на него смотреть.

– Я не сказал, что она жива, дитя мое, я не то хотел сказать. Я хотел сказать только, что она не мертва.

– Не мертва! Не жива! Что вы имеете в виду? Это кошмар или что-то другое, еще более ужасное?

– Бывают тайны, о которых мы можем только догадываться, разгадка их приходит годами и по частям. Поверьте мне, перед нами только часть тайны. Но я ничего еще не сделал. Вы разрешите мне отрубить голову умершей Люси?

– Клянусь небом и землей, нет! – воскликнул Артур с негодованием. – Я ни за что на свете не соглашусь, чтобы тело ее было поругано. Ван Хелсинг, вы слишком испытываете меня! Что я вам сделал дурного, за что вы меня так терзаете? Что сделала вам эта бедная девушка, что вы так издеваетесь над ее могилой? Или вы помешались, что говорите подобные вещи, или я сошел с ума, что слушаю их! Не смейте и думать о таком святотатстве, я ни за что не дам своего согласия! Я пойду защищать ее могилу от поругания, и, клянусь Богом, я это сделаю!

Ван Хелсинг встал со своего места и сказал сурово и серьезно:

– Лорд Годалминг, у меня тоже есть долг, долг по отношению к другим, к вам, к покойной, и, клянусь Богом, я это сделаю. Я прошу вас лишь об одном: пойдите со мной, посмотрите, послушайте, и если потом я предложу вам то же самое, не беритесь за это дело более ревностно, чем я, ибо тогда – тогда я исполню свой долг по собственному усмотрению. Тогда я исполню ваше желание и буду готов дать вам отчет, когда и где захотите.

Тут голос его дрогнул, и он продолжал гораздо мягче:

– Но, умоляю вас, не смотрите на меня так гневно. В моей жизни было много тяжелых минут, терзавших душу, но столь трудная задача впервые выпала на мою долю. Поверьте, когда придет время и вы перемените ваше мнение обо мне, один ваш взгляд искупит эти печальные часы, ибо я сделаю все, что в человеческих силах, чтобы уберечь вас от горя. Подумайте только, чего ради стал бы я так стараться и так горевать! Я пришел сюда, чтобы помочь вам, во-первых, чтобы оказать услугу моему другу Джону, затем помочь милой молодой девушке, которую я, как и вы, очень любил. Ей – мне даже стыдно сказать, но я говорю просто – я отдал то, что и вы: кровь из моих вен, отдал ей, хотя я вовсе не ее возлюбленный, а только врач и друг, если смерть моя в состоянии ей что-нибудь дать теперь, когда она и мертвая и «не-мертвая», пусть свободно возьмет мою жизнь.

Он сказал это с какой-то благородной, мягкой гордостью, и Артур был очень тронут. Он взял старика за руку и произнес, пусть голос его дрожал:

– О, сколь ужасно об этом думать, я никак не могу понять, в чем дело, но обещаю вам пойти с вами и подождать.

Глава XVI

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

(Продолжение)

Ровно без четверти двенадцать мы перелезли через низкую ограду кладбища. Ночь была темна, луна лишь изредка выглядывала из-за туч, тянувшихся по небу. Мы старались держаться как можно ближе друг к другу; Ван Хелсинг шел впереди, показывая дорогу. Когда мы ближе подошли к могиле, я стал внимательно следить за Артуром, так как близость мест, связанных со столькими печальными воспоминаниями, могла его взволновать, но он держался молодцом. Должно быть, таинственность приключения увлекала его. Профессор открыл дверь склепа и, заметив нашу нерешительность, подбодрил нас тем, что сам прошел вперед. Мы последовали за ним, и он закрыл за нами дверь. Затем он зажег тусклый фонарь и указал на гроб. Артур, сильно волнуясь, двинулся вперед; Ван Хелсинг обратился ко мне:

– Вы вчера были здесь со мной. Тело Люси лежало тогда тут, в гробу?

– Да, лежало.

Профессор обратился к остальным со словами:

– Слышите? И все-таки тут есть кое-кто еще, кто мне не верит.

Он взял отвертку и снова снял крышку с гроба. Артур, бледный и молчаливый, глядел на это; когда крышку сняли, он вышел вперед. Он, очевидно, не подозревал или забыл о свинцовом гробе. Когда он увидел в нем дыры, кровь бросилась ему в лицо, потом мгновенно отхлынула, и он, мертвенно-бледный, стоял и молчал.

Ван Хелсинг отогнул свинцовую крышку, мы заглянули в гроб и попятнулись.

Гроб был пуст!

В течение нескольких минут никто не произнес ни слова. Молчание прервал Квинси Моррис:

– Профессор, я за вас поручился. Вашему слову я поверил! Я никогда бы не оскорбил вас подозрением, но эта тайна заставляет поступить вопреки чести. Это дело ваших рук?

– Клянусь всем, что мне свято, я не прикасался к ней и не убирал ее тела. Произошло же вот что. Два дня тому назад я пришел сюда с Сьюардом и открыл гроб; и мы нашли его, как и сейчас, пустым. Затем мы остались ждать и увидели нечто белое, двигавшееся между деревьями. На следующий день мы пришли сюда днем и нашли Люси в гробу. Не правда ли, Джон?

– Да.

– В ту ночь мы подросли как раз вовремя. Пропал еще один ребенок, и мы нашли его, благодаря Богу, невредимым среди могил. Вчера я пришел сюда до заката, так как на закате «не-мертвые» оживают.

Я прождал тут всю ночь до восхода солнца, но ничего не увидел. Должно быть, потому, что привесил к дверям чеснок, которого «не-мертвые» не выносят, и другие вещи, которых они избегают. Сегодня вечером, еще до захода солнца, я убрал чеснок и остальное. Вот почему мы нашли гроб пустым. Подождите вместе со мной. До сих пор тут происходило много странного. Постойте вне склепа, спрячемся где-нибудь потихоньку, вы увидите еще более странные вещи.

Мы один за другим покинули склеп, он вышел последним и закрыл дверь.

О, сколь приятен и чист ночной воздух после душного склепа. Как приятно было видеть бегущие по небу облака, а в просветах мерцание лунного света – не так ли чередуются радости и горести в человеческой жизни? Каким наслаждением было вдыхать свежий воздух, в котором отсутствуют запахи смерти и разложения. Как успокаивал вид алеющего неба вдалеке и приглушенный шум – верные спутники жизни большого города. Все были серьезны и подавлены. Артур молчал, и видно было, что он тщетно пытается постичь тайный смысл происходящего. Я терпеливо ждал развязки и снова был готов отбросить сомнения и поверить Ван Хелсингу. Квинси Моррис был невозмутим, как человек, привыкший принимать вещи такими, какие они есть, а если надо, то и рискнуть всем со спокойной храбростью. Курить было нельзя, и потому он отрезал кусок от плитки табака и начал его жевать. Ван Хелсинг же принялся за работу. Сначала он вынул из своей сумки пачку чего-то вроде тонких вафельных бисквитов, аккуратно завернутых в белую салфетку, затем вынул полную пригоршню беловатого вещества вроде теста. Он мелко крошил вафли и замесил в тесто. Затем, сделав из этой массы тонкие полоски, он замазал щели дверей склепа. Меня это озадачило, и, стоя поблизости от него, я спросил, что он делает. Артур и Квинси также подошли, так как оба были очень заинтересованы. Он ответил:

– Я закрываю вход в могилу, чтобы «не-мертвая» не могла войти.

– Что это у вас? – спросил Артур.

Ван Хелсинг благоговейно снял шляпу и сказал:

– Святые Дары. Я привез их из Амстердама. У меня есть индульгенция.

Ответ мог устроить самого большого скептика, и каждый из нас почувствовал, что при таких серьезных шагах профессора, шагах, при которых он решался употребить самое священное для него, невозможно ему не верить. Мы тихо и покорно заняли указанные нам места возле склепа, стараясь разместиться так, чтобы никто из прохожих не мог нас заметить. Я жалел других, в особенности Артура. Мне-то весь этот ужас был знаком по предыдущему визиту.

Еще час назад я все отвергал, но теперь и у меня похолодело сердце. Никогда еще могилы не казались такими призрачно-белыми, а тисы и кипарисы не были столь исполнены погребального мрака; никогда еще трава и деревья не шелестели так зловеще, а сучья не потрескивали столь таинственно; и никогда еще далекий собачий вой не казался столь дурным предзнаменованием. Наступило долгое молчание, бесконечная, томительная тишина, затем послышался резкий и тихий свист профессора. Он указал вдалеке: там в тисовой аллее показалась белая фигура, прижимавшая что-то темное к своей груди, она приближалась. Вдруг фигура остановилась, и в ту же минуту луна выглянула из-за мчавшихся туч и осветила с поразительной ясностью темноволосую женщину, одетую в саван. Лица не было видно, ибо она склонилась над белокурым ребенком. Было тихо, затем раздался резкий, короткий вскрик, так кричат иногда дети во сне. Мы хотели броситься вперед, но профессор, стоявший за деревом, сделал предостерегающий жест, и мы увидели, что белая фигура двинулась дальше. Теперь она была очень близко от нас, и мы могли ее хорошо разглядеть, тем более что продолжала светить луна. Дрожь пробежала у меня по телу, и я услышал тяжелое дыхание Артура, когда мы узнали Люси Вестенра; но до чего она изменилась! Мягкое выражение ее лица сменилось на каменную бессердечную жестокость, а непорочность уступила место сладострастной похотливости. Ван Хелсинг выступил вперед, и, повинаясь его жесту, мы четверо, вытянувшись в цепочку, приблизились к склепу. Ван Хелсинг поднял фонарь и вытянул вперед руку с облаткой; при свете, падавшем на лицо Люси, мы увидели, что губы ее в крови и свежая кровь сочится по ее подбородку, пятная белизну ее савана.

Нам сделалось жутко. При трепетном свете я заметил, что даже железные нервы Ван Хелсинга ему изменили. Артур стоял возле меня, и, если бы я не схватил его за руку и не поддержал, он, вероятно, упал бы.

Увидев нас, Люси – я называю фигуру, стоявшую перед нами, Люси, потому что она была на нее похожа, – отступила назад, шипя, словно кошка, застигнутая врасплох, и посмотрела на нас. Это были глаза Люси по форме и по цвету, это были, несомненно, ее глаза, но не ясные, а полные адского огня вместо чистых, знакомых нам, ласковых очей. В тот момент остаток моей любви к ней перешел в ненависть и омерзение; если бы нужно было ее убить, я сделал бы это с диким удовольствием. Когда она взглянула на нас, глаза ее пылали адским пламенем, а лицо искажалось сладострастной улыбкой. О Господи, сколь ужасным было это зрелище! Она опустилась на землю, бесчувственная, как дьявол, и продолжала ревностно прижимать к груди ребенка; она рычала, как собака над костью. Ребенок вдруг резко вскрикнул и застонал. При этом стон вырвался из груди Артура; она же, поднявшись, двинулась к нему с раскрытыми объятиями и сладострастной улыбкой; Артур отшатнулся и закрыл лицо руками.

Она приблизилась к нему с томной, сладострастной грацией и сказала:

– Приди ко мне, Артур! Оставь остальных и приди ко мне. Мои объятия жаждут тебя, приди, мы отдохнем вместе с тобой. Приди ко мне, супруг мой, приди ко мне.

В голосе ее слышалась какая-то дьявольская сладость, он звучал, как серебряный колокольчик, и слова ее, хотя и относились к другому, завораживали нас, что же касается Артура, он находился будто под каким-то очарованием – он широко раскрыл ей свои объятия. Она была уже готова кинуться к нему, но Ван Хелсинг бросился вперед, держа перед ней свой золотой крестик. Она отшатнулась и с искаженным, исполненным злобы лицом бросилась мимо него к выходу из склепа.

В нескольких шагах от дверей она остановилась, точно задержанная какой-то непреодолимой силой. Затем она обернулась к нам, и яркий свет луны и фонаря Ван Хелсинга осветили ее лицо. Мне никогда еще не приходилось видеть такого злобного выражения лица, и, надеюсь, ни один смертный его не увидит. Роскошные краски превратились в багрово-синие; глаза, казалось, метали искры адского огня, брови насупились, изгибы тела напоминали кольца змей Медузы, очаровательный рот стал квадратным, словно у маски страсти греков или японцев.

Так она простояла несколько минут, показавшихся нам целой вечностью, между поднятым крестом и запечатанным входом в склеп. Ван Хелсинг нарушил тишину, он спросил Артура:

– Ответьте, друг мой, продолжать мне свою работу?

Артур, закрыв лицо руками, ответил:

– Делайте что хотите, делайте что хотите. Таких ужасов больше быть не должно.

Ему сделалось дурно. Квинси и я одновременно подскочили к нему и взяли под руку. Мы слышали, как Ван Хелсинг подошел к дверям и принялся вынимать из щелей освященные предметы, которые туда поместил. Мы были поражены, когда увидели, что, после того как Ван Хелсинг сделал шаг назад, женщина, с таким же телом, как наше собственное, проскользнула в промежуток, сквозь который едва ли могло протиснуться даже лезвие ножа. Какое-то радостное чувство овладело нами, когда мы увидели, как Ван Хелсинг снова спокойно заткнул щели замазкой.

Покончив с этим, он поднял ребенка и сказал:

– Идемте, друзья мои; до завтра нам тут нечего делать. В полдень здесь похороны; сразу же после этого мы придем сюда. Все друзья покойного уйдут раньше двух часов; когда могильщик закроет ворота, мы останемся, так как тут еще кое-что нужно сделать, но не то, что мы делали нынешней ночью. Что же до малютки, так как у него нет ничего опасного, к завтрашнему дню он будет здоров. Мы положим его так, чтобы полиция его нашла, как в ту ночь, а затем отправимся домой.

Подойдя вплотную к Артуру, он сказал:

– Вы, мой друг Артур, выдержали тяжкое испытание, но впоследствии когда вы оглянетесь, то увидите, сколь оно было необходимо. Теперь вам плохо, дитя мое. Завтра в это время, Бог даст, все уже будет кончено, так что возьмите себя в руки.

Мы оставили ребенка в безопасном месте и отправились домой.

29 СЕНТЯБРЯ, НОЧЬ. Около двенадцати часов мы трое – Артур, Квинси Моррис и я – отправились к профессору. Странно вышло, но все мы совершенно инстинктивно надели черные костюмы. В половине второго мы были уже на кладбище и бродили там, читая надписи на плитах; когда же могильщики кончили свою работу и сторож, убежденный, что все ушли, закрыл ворота, каждый из нас занял свое место. На сей раз у Ван Хелсинга вместо маленькой черной сумки была длинная кожаная, напоминающая крикетную, должно быть, порядочно весившая.

Когда на дороге замолкли шаги посетителей, мы тихо последовали за профессором к склепу. Профессор вынул из сумки фонарь, две восковые свечи и осветил склеп. Когда мы вновь подняли крышку гроба Люси, то увидели тело во всей его красе. Но у меня любовь исчезла, осталось лишь отвращение к тому, что приняло образ Люси, не приняв ее души. Даже лицо Артура сделалось каким-то жестоким, когда он на нее взглянул. Он обратился к Ван Хелсингу и сказал:

– Это тело Люси или дьявол в ее оболочке?

– Это ее тело и в то же время не ее. Но подождите немного, и вы увидите ее такой, какая она была и есть.

То лежала не она, так могла выглядеть Люси, привидевшаяся в кошмарном сне: острые зубы, окровавленные, сладострастные губы, на которые страшно было даже взглянуть, – это плотское, бездушное существо казалось дьявольской насмешкой над непорочностью Люси. Ван Хелсинг со своей обычной обстоятельностью начал вынимать из сумки разные вещи и раскладывать их в определенном порядке. Сначала он вынул маленькую масляную паяльную лампу, затем скальпели, которые он оставил под рукой, и, наконец, круглый деревянный кол толщиной в два с половиной или три дюйма и около трех футов длины, с одного конца заостренный и обожженный. Потом он вынул тяжелый молот. Меня врачебные приготовления возбуждают и подбадривают, но Артура и Квинси они повергли в смущение. И все-таки они крепнулись и терпеливо ждали.

Когда все было приготовлено, Ван Хелсинг сказал:

– Прежде чем приняться за дело, объясню вам, что это такое. Это из области знаний и опыта древних народов и всех тех, кто изучал власть «не-мертвых». Становясь таковыми, они обретают бессмертие; они не могут умереть, им приходится продолжать жить год за годом, увеличивая количество жертв и приумножая мирское зло, ибо все умершие от укуса «не-мертвого» сами делаются «не-мертвыми» и в свою очередь губят других. Таким образом, их круг расширяется, словно круги по воде от брошенного камня. Друг Артур, если бы Люси вас поцеловала, помните, тогда, перед ее смертью, или вчера ночью, когда вы раскрыли ей свои объятия, то и вы со временем, после смерти, стали бы *nosferatu*¹⁴, как зовут их в Восточной Европе, и увеличили бы число «не-мертвых». Карьера несчастной милой леди только лишь началась. Дети, кровь которых она высасывала, еще не в опасности, но если она будет продолжать жить «немертвой», они во все большем количестве станут терять кровь; ее власть заставит их приходить к ней, и она высосет у них всю кровь своим отвратительным ртом. Но если она и вправду умрет, все прекратится. Крошечные ранки на шее исчезнут, и они вернуться к своим играм, даже не зная, что с ними произошло. Самое главное тут то, что, если вернуть эту «не-мертвую» к настоящей смерти, душа бедной Люси станет свободной. Вместо того чтобы творить зло по

¹⁴ Не-мертвый (*румьн.*).

ночам и с каждым днем все больше делаться подобием дьявола, она сможет спокойно занять свое место среди ангелов. Так что, друг мой, рука, которая нанесет ей удар освобождения, будет для нее благословенной. Я сам готов это сделать, но, может быть, среди нас найдется кто-нибудь, у кого на это больше прав? Наградой ему будет право думать в бессонные ночи: «Это моя рука отворила ей путь в небеса – рука того, кто ее любил больше других, рука, которую избрала бы она сама». Найдется ли среди нас такой человек?

Мы все смотрели на Артура. Он понимал так же, как мы, что бесконечная любовь к нему призывала его исполнить этот долг, дабы память Люси осталась для нас святой, а не проклятой; он шагнул вперед и смело сказал, хотя руки его дрожали, а лицо было бело как снег:

– Верные друзья мои, благодарю вас от глубины своей разбитой души! Скажите, что нужно сделать, и я не отступлю.

Ван Хелсинг положил ему руку на плечо и сказал:

– Молодец! Чутьочку храбрости, и все кончено. Этот кол надо вбить ей в сердце. Ужасное испытание, я в этом уверен, но это ненадолго, и потом вы будете радоваться больше, чем теперь горевать, и выйдете отсюда с легкой душой. Но не следует колебаться, если решились. Думайте лишь о том, что мы, ваши верные друзья, с вами и молимся за вас все время.

– Начинайте, – хрипло сказал Артур. – Скажите, что нужно делать.

– Возьмите кол в левую руку, а молот в правую. Мы начнем читать заупокойные молитвы – я принес с собой молитвенник, – и остальные будут мне вторить. Вы же бейте с Божьей помощью, чтобы та, которую мы любили, успокоилась, а «не-мертвая» исчезла.

Артур взял кол и молот. А раз он на что-нибудь решился, рука его уже не дрогнет.

Ван Хелсинг раскрыл молитвенник и начал читать молитву, а Квинси и я повторяли за ним слова как могли. Артур приставил кол заостренным концом к ее сердцу, и я видел, как тот впился в мясо. Затем он ударил изо всех сил.

Люси стала корчиться в гробу, и какой-то гнусный, отвратительный, кровь леденящий крик сорвался с ее красных губ. Тело вздрагивало, корчилось и кривлялось; белые острые зубы стучали и кусали губы, а изо рта била пена. Но Артур не дрогнул. Он был подобен Тору, когда твердой рукой все глубже и глубже вгонял в тело кол, несущий избавление, а из пронзенного сердца била фонтаном кровь. Его лицо окаменело, но в глазах светилось осознание высокого долга; его вид придавал нам мужество, и голоса наши звенели под сводами небольшого склепа.

Затем извивавшееся и дрожащее тело стало постепенно затихать, зубы перестали стучать, а лицо перестало искажаться. Наконец оно совсем успокоилось. Ужасная работа была кончена.

Молот выпал из рук Артура. Он зашатался и упал бы, если бы мы его не поддержали. Пот градом катился у него со лба, и он задыхался.

Нечеловеческая сила воли и желание спасти ее душу помогли ему исполнить эту работу, иначе у него никогда не хватило бы сил. В течение нескольких минут мы были так погружены в заботы о нем, что и не смотрели на гроб, когда же взглянули, раздался шепот испуга и удивления. Мы так внимательно смотрели, что даже Артур поднялся с земли, на которую он в изнеможении опустился, и подошел взглянуть. Лицо его изменилось, мрачное выражение исчезло и сменилось радостью.

В гробу уже больше не было того ужасного существа, которого мы так боялись и которое презирали так, что убить его считалось среди нас привилегией. Там лежала Люси такой, какой мы видели ее при жизни: выражение лица ее было удивительно чисто и мило, хотя горе и страдания оставили на нем следы, но даже эти следы были нам дороги, ибо такой мы привыкли видеть ее в последнее время. Мы чувствовали, что спокойствие, отразившееся на ее лице, было не чем иным, как символом вечного грядущего покоя. Ван Хелсинг подошел, положил руку на плечо Артура и сказал:

– Ну что, Артур, друг мой, дорогое дитя мое, теперь вы меня простили?

Артур взял руку старика, поднял ее и, поцеловав, сказал:

– Простил! Да благословит вас Бог за то, что вы вернули моей возлюбленной душу, а мне покой!

Он обнял профессора и беззвучно зарыдал у него на груди. Мы же стояли неподвижно. Когда Артур поднял голову, профессор сказал:

– Теперь, дитя мое, можете ее поцеловать. Поцелуйте ее в мертвые губы, если хотите. Ибо теперь она уже не злой насмешливый дьявол и не погибшее навек существо. Она больше не данница сатаны, «немертвая». Она верная покойница Бога, душа которой вместе с Ним.

Артур наклонился и поцеловал ее, а затем мы отослали его и Квинси из склепа; мы с профессором отпилили кол, оставив конец его в теле.

Затем мы отрезали ей голову и набили рот чесноком. Мы запаяли свинцовый гроб, привинтили крышку деревянного гроба и, собрав наши вещи, ушли. Закрыв дверь, профессор передал ключ Артуру. Воздух был напоен свежестью, сияло солнце, и пели птицы; казалось, вся природа настроилась на новый лад. Всюду царили мир и спокойствие, и мы были покойны и довольны и тихо радовались.

Прежде чем двинуться дальше, Ван Хелсинг сказал:

– Теперь, мой друг, первый шаг уже сделан, а он был самым трудным для нас. Но остается еще одно огромное дело – надо найти виновника наших несчастий и уничтожить его. У меня есть нить, и мы по ней доберемся и до него, но это долгая и трудная задача, тут и опасность, и огромный риск. Не поможете ли вы мне все? Мы все научились верить, не так ли? А если так, не наш ли это долг! Да? И не поклялись ли мы идти до самого конца, пусть он будет горек?

Мы по очереди пожали его руку, и клятва была принесена. Затем профессор сказал:

– Через два дня прошу вас всех ко мне обедать к семи часам. Я представлю вам двух других, которых вы еще не знаете; я приготовлю все для нашей совместной работы и раскрою вам свои планы. Джон, пойдите ко мне, я должен с вами еще о многом посоветоваться, и вы можете мне помочь. Сегодня я еду в Амстердам, но завтра вечером вернусь. Затем начнется великая борьба. Но сначала мне хочется еще многое рассказать вам, чтобы вы знали, что делать и чего следует остерегаться.

Потом мы дадим последнюю клятву друг другу: ведь нам предстоит ужасные испытания, и мы не должны отступить.

Глава XVII

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

(Продолжение)

Когда мы прибыли в гостиницу «Беркли», Ван Хелсинг нашел ожидавшую его телеграмму.

«Приеду поездом. Джонатан в Уитби. Важные новости. МИНА ХАРКЕР».

Профессор был в восторге.

– О, эта чудная мадам Мина, – сказал он. – Это жемчужина, не женщина! Она едет, но я не могу остаться. Она заедет к вам, Джон. Вы должны встретить ее на станции. Телеграфируйте ей *в поезд*, чтобы предупредить ее об этом.

Когда депеша была отправлена, он выпил чашку чаю; одновременно он сообщил мне о дневнике, который вел Джонатан Харкер за границей, и дал мне его копию, перепечатанную на пишущей машинке, вместе с копией дневника госпожи Харкер в Уитби.

– Возьмите, – сказал он, – и ознакомьтесь хорошенько с их содержанием. Когда я вернусь, в ваших руках будут все нити, и тогда нам легче будет приступить к нашим расследованиям. Берегите их – тут много ценного. Вам нужна будет вся ваша вера в меня, даже после сегодняшнего опыта. То, что здесь сказано, может послужить началом конца для вас, для меня и для многих других; или же может прозвучать погребальным звоном по «не-мертвым», которые ходят по земле. Прочтите все внимательно и, если можете что-либо добавить к этой повести, сделайте это, потому что это крайне важно. Вы ведь тоже вели дневник, куда вносили замечания о разных странных вещах, не так ли? Да? Тогда мы все это обсудим вместе при встрече.

После этого он уложился и вскоре поехал на Ливерпуль-стрит. Я направился к Паддинг-тону, куда и приехал приблизительно за пятнадцать минут до прихода поезда.

Толпа поредела после беспорядочной суеты, свойственной всем платформам в момент прибытия поезда, и я уже начал беспокоиться, боясь пропустить свою гостью, когда изящная хорошенькая девушка подошла ко мне и, окинув меня быстрым взглядом, сказала:

– Д-р Сьюард, не правда ли?

– А вы – миссис Харкер? – ответил я тотчас же, она протянула мне руку.

– Я узнала вас по описанию милой, бедной Люси.

Она запнулась и покраснела. Мое лицо тоже покрылось краской. И это нас сблизило и успокоило.

Я взял ее чемодан, в котором была пишущая машинка, и мы отправились на Фенчерч-стрит по подземной железной дороге, после того как я послал депешу моей экономке, чтобы она немедленно приготовила гостиную и спальню для миссис Харкер.

Вскоре мы приехали. Она знала, конечно, что моя квартира помещалась в сумасшедшем доме; но, когда мы вошли, я увидел, что она не в силах сдержать легкую дрожь.

Она сказала, что, если можно, она сейчас же придет ко мне в кабинет, так как многое должна мне сообщить. Так что этим я заканчиваю предисловие к моему надиктованному на фонограф дневнику в ожидании ее прихода. До сих пор у меня еще не было случая просмотреть

бумаги, которые мне оставил Ван Хелсинг, хотя, раскрытые, они лежат передо мной. Я должен ее чем-нибудь занять, чтобы иметь возможность прочесть их. Она не знает ни того, как дорого время, ни того, какая нас ждет работа. Я должен быть осторожным, чтобы не напугать ее. Вот и она!

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

29 СЕНТЯБРЯ. Приведя себя в порядок, я спустилась в кабинет д-ра Сьюарда. У дверей я на минуту остановилась, так как мне показалось, что он с кем-то разговаривает. Но ввиду того что он просил меня поторопиться, я постучалась и после его приглашения вошла.

К моему величайшему изумлению, у него никого не было. Он был совершенно один, а перед ним на столе стояла машина, в которой я сейчас же по описанию узнала фонограф. Я никогда его не видела и была очень заинтересована.

– Надеюсь, что не задержала вас, – сказала я, – но я остановилась у дверей, услышав, что вы разговариваете, я думала, вы не один.

– О, – ответил он, улыбнувшись, – я только заносил записи в свой дневник.

– Дневник? – переспросила я удивленно.

– Да, – ответил он. – Я храню его здесь. – Говоря это, он положил руку на фонограф.

Меня это страшно взволновало, и я выпалила:

– Да ведь это побьет даже стенографию! Можно мне послушать, как он говорит?

– Конечно, – ответил он быстро и встал, чтобы его завести. Затем он остановился, и на лице его отразилась озабоченность. – Дело в том, – начал он, испытывая неловкость, – что у меня записан только дневник, а так как в нем исключительно – почти исключительно – факты, относящиеся ко мне, может быть, неудобно, – то есть я хочу сказать... – Он остановился, а я попыталась вывести его из затруднения:

– Вы помогли ухаживать за умирающей Люси. Позвольте мне услышать, как она умерла; я буду очень благодарна. Она была мне очень, очень дорога.

К моему удивлению, он отвечал, лицо его выражало ужас:

– Рассказать вам о ее смерти? Ни за что на свете!

– Почему же? – спросила я, ибо меня стало охватывать какое-то жуткое, ужасное чувство.

Он опять замолчал, и я видела, что он старался придумать предлог. Наконец он пробормотал:

– Видите ли, я затрудняюсь выбрать какое-нибудь определенное место из дневника.

В то время как он это говорил, его осенила мысль, и он сказал с неосознанным просто-душием, изменившимся голосом и с детской наивностью:

– Это совершенная правда, клянусь честью.

Я не могла сдержать улыбку, на которую он ответил гримасой.

– Представьте себе, хотя я уже много месяцев веду дневник, мне никогда не приходило в голову, как найти какое-нибудь определенное место в том случае, если бы мне захотелось его просмотреть.

К концу этой фразы я окончательно решила, уверенная в том, что дневник врача, лечившего Люси, может многое прибавить к нашим сведениям о том ужасном существе, и я смело сказала:

– В таком случае, д-р Сьюард, лучше разрешите мне переписать его на пишущей машинке.

Он побледнел как мертвец и почти закричал:

– Нет! Нет! Нет! Ни за что на свете я не дал бы вам узнать эту ужасную историю!

Тогда я почувствовала, что меня охватывает ужас: значит, мое предчувствие оказалось верным!

Я задумалась и машинально переводила глаза с одного предмета на другой, бессознательно ища какой-нибудь благовидный предлог, чтобы дать ему понять, что я догадываюсь, в чем дело. Вдруг мои глаза остановились на огромной кипе бумаг, напечатанных на пишущей машинке, лежавшей на столе. Его глаза встретили мой взгляд и бессознательно последовали в том же направлении. Увидав пакет, он понял мое намерение.

– Вы не знаете меня, – сказала я, – но, когда вы прочтете эти бумаги – мой собственный дневник и дневник моего мужа, который я переписала, – вы узнаете меня лучше. Я не утаила ни единой мысли своего сердца, но, конечно, вы меня еще не знаете – пока; и я не вправе рассчитывать на такую же степень вашего доверия.

Он, несомненно, благородный человек. Несчастливая Люси была права.

Он встал и открыл дверцу шкафа, в котором были расставлены в определенном порядке полые металлические цилиндры, покрытые темным воском, и сказал:

– Вы совершенно правы: я не доверял вам, потому что не знал вас. Но теперь я вас знаю, и позвольте сказать, я должен был бы знать вас с давних пор. Я знаю, что Люси говорила вам обо мне, так же она говорила и мне о вас. Позвольте мне искупить свой невежливый поступок. Возьмите эти валики и прослушайте их. Первые шесть штук относятся лично ко мне, и если они не ужаснут вас, тогда вы меня узнаете ближе. К тому времени будет готов обед. Между тем я перечитаю некоторые из этих документов и смогу лучше понять некоторые вещи.

Он сам отнес фонограф в мою гостиную и завел его. Теперь я узнаю что-нибудь приятное, потому что он познакомит меня с другой стороной любовного эпизода, одну сторону которого я уже знаю...

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

29 СЕНТЯБРЯ. Я был так поглощен удивительными дневниками Джонатана Харкера и его жены, что не замечал времени. Миссис Харкер еще не спустилась вниз, когда горничная позвала к обеду, и я сказал: «Она, наверное, устала: пусть обед подождет еще час». И я вернулся к своей работе.

Как раз когда я кончил чтение дневника, вошла миссис Харкер. Она была прелестна, но очень печальна, и в ее глазах стояли слезы. Это меня глубоко тронуло. Видит Бог, у меня самого были причины для слез, но мне не дано облегчать душу слезами; и теперь вид ее прекрасных, блестящих влагой глаз поразил меня в самое сердце.

– Я чрезвычайно боюсь, что огорчил вас, – сказал я возможно мягче.

– О нет, не огорчили, – ответила она, – но ваше горе бесконечно меня тронуло. Это удивительная машина, но она до жестокости правдива. Она передала мне мучения вашего сердца с болезненной точностью. Никто не должен больше услышать их повторение! Видите, я старалась быть полезной; я переписала слова на пишущей машинке, и никому больше не придется подслушивать биение вашего сердца, как сделала это я.

– Никому не нужно больше знать об этом, и никто не узнает, – сказал я мягким голосом.

Она положила свою руку на мою и сказала очень серьезно:

– Ах да! Но ведь они же должны!

– Должны? Почему? – спросил я.

– Потому что часть этой ужасной истории касается смерти бедной, дорогой Люси и всего, что вызвало ее, потому что для борьбы, которая нам предстоит, для избавления земли от этого ужасного чудовища мы должны владеть всеми знаниями и всеми средствами, какие только возможны. Я думаю, валики, которые вы мне дали, содержали больше, чем мне следовало бы знать, но я вижу, что ваши записки проливают яркий свет на эту мрачную тайну. Вы позволите помочь вам, не правда ли? Мне известно все до определенного пункта, и я уже вижу, хотя ваш дневник довел меня только до 7 сентября, в каком состоянии была бедная Люси и как

подготавливалась ее ужасная гибель. Джонатан и я работали день и ночь с тех пор, как нас видел профессор Ван Хелсинг. Джонатан поехал в Уитби, чтобы раздобыть еще сведения, а завтра он придет сюда, чтобы нам помочь. Нам незачем таиться друг от друга, работая сообща, при абсолютном доверии, мы, безусловно, будем сильнее, чем если бы некоторые из нас блуждали впотьмах.

Она посмотрела на меня с такой мольбой и в то же время проявила столько мужества и решимости, что я сейчас же согласился с ее пожеланием.

– Вы будете, – сказал я, – поступать в этом доме как вам угодно... Вам еще предстоит узнать ужасные вещи; но раз вы прошли такой большой путь по дороге к кончине бедной Люси, то не согласитесь, я знаю, оставаться в потемках. Конец – самый конец – может дать вам проблеск успокоения... Но пойдемте обедать, так как нам надо поддерживать силы для работы, которая нам предстоит: перед нами жестокий и ужасный путь. После обеда вы узнаете остальное, и я отвечу на все вопросы, если вам попадется что-нибудь непонятное, тем более что для нас, присутствовавших при этом, нет ничего непонятного.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

29 СЕНТЯБРЯ. После обеда я прошла с д-ром Сьюардом в его кабинет. Он принес из моей комнаты фонограф, а я взяла свою пишущую машинку. Он усадил меня на удобный стул и поставил фонограф так, чтобы я могла достать его, не вставая с места, и показал, как его остановить, если я захочу сделать паузу. Затем он взял стул, повернул его спинкой ко мне, так, чтобы я чувствовала себя как можно свободнее, и углубился в чтение. Я взяла металлический вилкообразный наушник и стала слушать.

Когда ужасная повесть о смерти Люси и обо всем последующем была окончена, я лежала беспомощно в кресле. По счастью, я не склонна к обморокам. Когда д-р Сьюард увидел меня, он вскочил с испуганным криком, торопливо достал из буфета бутылку и налил мне немного бренди, которое через минуту вернуло мне силы. В моей голове все смешалось, и, если бы не святой луч света, проникший в эту бездну ужасов при мысли, что моя милая, славная Люси наконец обрела покой, не думаю, чтобы я вынесла эту муку без истерики. Все это было до того дико, таинственно и странно, что, не зная я приключений Джонатана в Трансильвании, я не могла бы поверить в случившееся. Я решила попытаться развеяться, занявшись чем-нибудь другим, поэтому взяла футляр от пишущей машинки и сказала д-ру Сьюарду:

– Дайте мне теперь все это переписать. Мы должны быть готовы к приезду д-ра Ван Хелсинга и Джонатана. В подобных случаях порядок – все; и я думаю, что, если мы подготовим весь материал и каждая статья будет помещена в хронологическом порядке, мы сделаем многое.

Исполняя мое желание, он включил фонограф на малую скорость, и я стала писать, начиная с седьмого валика. Я сняла три копии с дневника и со всего остального. Было поздно, когда я закончила; д-р Сьюард в это время совершал обход; когда он освободился, он вернулся, сел рядом со мной и стал читать, так что я не чувствовала себя одинокой за работой.

Как он добр и внимателен! Все-таки в мире много хороших людей, даже если в нем *есть* и чудовища. Прежде чем уйти к себе, я вспомнила, что Джонатан писал в дневнике о профессоре, о его смятении, когда он прочитал что-то в вечерней газете на станции в Эксетере. Увидев, что д-р Сьюард хранит старые газеты, я попросила у него подшивку «*Вестминстер газетт*» и «*Пелл-Мелл газетт*» и взяла их к себе в комнату. Я помню, как мои вырезки из «*Дэйли телеграф*» и «*Уитби газетт*» помогли нам многое понять в страшных событиях в Уитби, куда приезжал граф Дракула, поэтому я просмотрю вечерние газеты и, может быть, найду что-нибудь новое. Мне не хочется спать, и работа поможет мне успокоиться.

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

30 СЕНТЯБРЯ. М-р Харкер приехал в 9 часов. Он получил телеграмму от жены перед самым своим отъездом. Насколько можно судить по лицу человека, он необыкновенно умен и полон энергии. Если его дневник правдив, – а исходя из собственного опыта, можно сказать, так оно и есть, – это человек огромной выдержки. Его второе посещение склепа – пример необычайного мужества. Прочитав его отчет, я ожидал встретить дюжего молодца, а никак не тихого джентльмена, похожего на торговца, а именно такой сегодня сюда и явился.

ПОЗДНЕЕ. После завтрака он с женой отправился к себе в комнату, и когда я некоторое время тому назад проходил мимо, то услышал стук пишущей машинки. Они, по-видимому, очень заняты этим делом. Миссис Харкер говорит, что они стараются расположить в хронологическом порядке каждый клочок того, что у них имеется. У Харкера в руках переписка между принимавшими ящики в Уитби и посыльными в Лондоне, которым они были поручены. Теперь он читает мой дневник, переписанный его женой. Мне интересно, что они из него извлекают. Вот он...

Странно, как мне никогда не приходило в голову, что соседний дом может быть убежищем графа! А между тем поведение пациента Ренфилда давало достаточно указаний на это. О, если бы мы догадались раньше, то могли бы спасти бедную Люси! Харкер обещает к обеду продемонстрировать целую связную повесть. Он думает, что тем временем мне следует повидать Ренфилда, так как он до сих пор служил известным указанием на приход и уход графа. Пока я с трудом это вижу, но, когда разберусь в числах, вероятно, соглашусь с этим. Как хорошо, что миссис Харкер перепечатала мой звуковой дневник. Мы никогда не сумели бы разобраться в датах.

Когда я вошел, Ренфилд спокойно сидел в своей комнате, сложив руки и кротко улыбаясь. В эту минуту он казался совершенно нормальным. Я сел и принялся беседовать с ним на самые разнообразные темы, и он отвечал вполне рассудительно. Затем он сам заговорил о возвращении домой – вопрос, который он не поднимал еще, насколько я помню, за все время своего пребывания здесь. Он совершенно уверенно говорил о своем немедленном освобождении. Я уверен, что, не поговори я с Харкером и не сверь по числам время его припадков, я был бы готов отпустить его после недолгих наблюдений. Но теперь я крайне подозрительно отношусь к нему. Все эти припадки были каким-то непонятным образом связаны с близостью графа. Он – плотоядный и во время своих диких рысканий у дверей часовни пустынного дома всегда говорил о «хозяине». Все это, похоже, подтверждает нашу мысль... Однако я недолго оставался у него; он до некоторой степени даже чересчур нормален в настоящее время, так что нельзя слишком упорно испытывать его вопросами. Он может задуматься, и тогда... Я не доверяю его спокойному настроению и приказал служителям, чтобы те получше присматривали за ним и имели наготове на случай надобности смирительную рубашку.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

29 СЕНТЯБРЯ, В ПОЕЗДЕ ПО ДОРОГЕ К ЛОНДОНУ. Когда я получил любезное известие м-ра Биллингтона, что он даст мне всевозможные справки, я решил, что лучше всего поехать в Уитби и на месте получить необходимые сведения. Моей целью было теперь проследить жуткий груз графа до его местонахождения в Лондоне. Поздней мы можем заняться самим графом. М-р Биллингтон-младший, прелестный юноша, встретил меня на станции и привез в дом своего отца, где я и остался ночевать. Они по-йоркширски гостеприимны: обеспечивают гостя всем необходимым и дают полную свободу действий. Они знали, что я очень

занят и визит мой краток. М-р Биллингтон приготовил в своей конторе все бумаги относительно отправки ящиков. Меня передернуло, когда на глаза мне попало одно из тех писем, что я видел на письменном столе графа еще до того, как узнал о его дьявольских планах. Все было им тщательно продумано, и его распоряжения выполнялись аккуратно и точно. Казалось, он подготовился к преодолению любых препятствий, которые случай мог воздвигнуть на пути намерений. Он ничем не рисковал, и абсолютная точность, с которой выполнялись его приказы, была логическим следствием его предусмотрительности. Тут оказались: накладная на «пятьдесят ящиков простой земли, предназначенной для опытов», копия с письма Картеру – Патерсону и их ответ; я снял копию со всех документов. Вот все сведения, которые мне мог предоставить м-р Биллингтон, так что я спустился к порту и повидался с береговой охраной, таможенными чиновниками порта. У всех нашлось что сказать мне по поводу странного прибытия корабля, которое уже начинает мало-помалу изглаживаться из людской памяти, но никто не мог добавить что-либо к несложному описанию «пятидесяти ящиков простой земли». Затем я повидался с начальником станции, который дал мне возможность побеседовать с рабочими, принявшими ящики. Их квитанции совершенно сходились со списком, им нечего было добавить, кроме того, что ящики были «огромные и ужасно тяжелые» и что перемещение их вызвало дикую жажду. Один из них добавил: особенно неприятным было то, что рядом не оказалось «джентльмена вроде вас, сэр», который оценил бы их труды и вознаградил выпивкой. Другой добавил, что жажда, вызванная работой, была столь сильна, что и сейчас, по прошествии времени, еще дает о себе знать. Уходя, я, естественно, постарался удовлетворить их жалобы.

30 СЕНТЯБРЯ. Начальник станции был настолько добр, что дал мне рекомендацию к своему товарищу, начальнику станции в Кингс-Кросс, так что, приехав туда утром, я мог спросить его о прибытии ящиков. Он сейчас же познакомил меня с нужными служащими, и я увидел, что их квитанция сходилась с исходной накладной.

Оттуда я прошел в центральную контору Картера – Патерсона, где меня встретили чрезвычайно любезно. Патерсон просмотрел дело в своей конторской книге, приказав снять копии, и сейчас же протелефонировал в свою контору в Кингс-Кросс за дополнительными сведениями. К счастью, люди, перевозившие вещи, оказались там, и чиновник сейчас же прислал их ко мне, послав с одним из них накладную и все бумаги, имеющие отношение к отправке ящиков в Карфакс. Здесь я опять увидел полную согласованность с квитанцией; посылные смогли дополнить краткость написанных слов некоторыми подробностями. Эти последние, как я вскоре увидел, относились почти исключительно к большому количеству пыли во время работы и, соответственно, к вызванной в действующих лицах жажде. После того как при посредстве государственного денежного знака я предоставил им возможность облегчить оную, один из рабочих заметил:

– Это был, сударь, самый ветхий дом, какой я когда-либо видел. Черт возьми! Да его не трогали лет сто. Там было столько пыли, что вы могли бы спокойно спать на ней, не повредив ваших костей. Ну а старая часовня – от нее пробегал мороз по коже! Господи, да я бы ни минуты не остался там, после того как стемнеет.

Побывав там сам, я вполне поверил ему; но если бы он знал тогда то, что знаю я, думаю, он потребовал бы гораздо большую плату за свою работу.

Одной вещью я теперь доволен: тем, что все ящики, прибывшие в Уитби из Варны на «*Деметре*», были в целости перенесены в старую часовню Карфакса. Их должно быть там пятьдесят, если только некоторые из них с тех пор не сменили место.

Я постараюсь найти возчика, который увез ящики из Карфакса, когда Ренфилд напал на них. Держась за эту нить, мы можем многое узнать.

ПОЗДНЕЕ. Мина и я работали весь вечер и теперь привели все бумаги в полный порядок.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

30 СЕНТЯБРЯ. Я так рада, что едва сдерживаю себя. Думаю, это реакция на преследовавший меня все время страх, что это ужасное дело, разбередившее старые раны, повредит Джонатану. Я провожала его в Уитби, изо всех сил стараясь выглядеть храброй, но меня мутило от дурных предчувствий. Мои усилия, однако, принесли пользу. Никогда еще не был он таким решительным, сильным, полным вулканической энергии, как сейчас. Как сказал дорогой профессор Ван Хелсинг, он тверд и только тверже становится в обстоятельствах, губительных для более слабых натур.

Джонатан вернулся полный жизни, надежды и решимости; к вечеру мы привели все в порядок. Собственно говоря, следует пожалеть всякого, кого так неустанно преследовали бы, как графа. Ведь, по сути, это существо не человек и даже не зверь. Достаточно прочесть отчет д-ра Сьюарда о смерти бедной Люси и обо всем, что последовало, чтобы иссушить источники жалости в сердце.

ПОЗДНЕЕ. Лорд Годамминг и м-р Моррис приехали раньше, чем мы их ожидали. Д-р Сьюард отсутствовал по делу и взял с собой Джонатана, так что мне пришлось их принять. Встреча была слишком мучительна, так как напоминала нам надежды бедной Люси несколько месяцев тому назад. Конечно, они слышали от Люси обо мне, и казалось, что д-р Ван Хелсинг тоже плясал под мою дудку, как выразился м-р Моррис. Бедные дети, ни один из них не знал, что мне известно все о предложениях, которые они делали Люси. Они не знали хорошенько, что говорить или делать, так как не были осведомлены, насколько я посвящена в то, что происходило; так что им пришлось придерживаться нейтральных тем. Как бы то ни было, я обдумала дело и пришла к заключению, что лучшее, что я могу сделать, – это ввести их всех в курс дела, обратив их внимание на хронологию событий. Я знала из дневника д-ра Сьюарда, что они присутствовали при смерти Люси – ее настоящей смерти – и что мне нечего бояться выдать преждевременно какую-либо тайну. Так что я сказала им как умела, что прочитала все бумаги и дневники и мы с мужем, перепечатав все на машинке, только что привели их в порядок. Я дала каждому из них по копии для чтения в библиотеке. Когда лорд Годамминг получил свою стопку листов и перечитал все – а стопка получилась весьма солидная, – то сказал:

– Вы переписали все это, миссис Харкер?

Я кивнула головой, он продолжал:

– Я не совсем понимаю цель, но вы все такие хорошие люди и работали так сердечно и энергично, что мне остается лишь с закрытыми глазами принять ваши выводы и постараться помочь вам. Я уже получил урок, и такой урок, который может сделать человека скромным до последнего часа его жизни. Кроме того, я знаю, что вы любили мою бедную Люси. – Он отвернулся и закрыл лицо руками.

Я услышала слезы в его голосе. М-р Моррис с врожденной деликатностью прикоснулся к его плечу, а затем спокойно вышел из комнаты. Я думаю, есть что-то такое в женской природе, что позволяет мужчинам раскрывать перед ними свои чувства и эмоции, не чувствуя, будто это бросает тень на их мужественность; когда мы остались одни с лордом Годаммингом, он бросился на диван и открыто отдался обуревавшим его чувствам. Я села рядом с ним и взяла его руку. Мне кажется, он не мог подумать обо мне плохо – он настоящий джентльмен. Я видела, что сердце его разрывается. И сказала ему:

– Я любила Люси и знаю, кем она была для вас и кем вы были для нее. Мы с ней были как сестры. Теперь, когда ее нет, позвольте же мне быть вам сестрой в вашем несчастье. Я знаю вашу печаль, хотя и не могу наверняка постичь всю глубину ее. Если сочувствие и сострадание помогут вам в беде, позвольте мне помочь вам ради Люси.

Горе захлестнуло несчастного. Мне казалось, что все доселе тайно переживаемое страдание вырвалось наружу. В порыве отчаяния он всплеснул руками. Он вскочил и сел опять, слезы текли по его лицу. Я почувствовала к нему бесконечную жалость и, ни о чем не думая, обняла его. Всклипывая, он положил голову мне на плечо и плакал, сотрясаясь от переживаний, как маленький изможденный ребенок.

В каждой женщине, вероятно, живет материнское чувство, которое позволяет духу высидеться над мелочами. Я чувствовала голову этого большого горящего человека на своем плече, гладила его волосы, будто это была голова моего собственного ребенка. Наверное, странно, но я о том не думала. Постепенно его рыдания прекратились, он встал с извинениями, не скрывая своих чувств. Он сказал, что за последние дни и ночи – томительные дни и бессонные ночи – ему не с кем было даже поговорить так, как говорят с людьми в беде. Не было рядом женщины, чье сочувствие придало бы ему силы, с которой он мог бы говорить свободно.

– Теперь я знаю, как я страдал, – сказал он, вытирая глаза. – Но я еще не могу постичь, чем было для меня ваше сострадание. Со временем я пойму это лучше, и, поверьте, хоть я и сейчас полон благодарности, она будет еще больше, когда я лучше пойму, что произошло. Позвольте мне быть вам братом на всю жизнь – ради нашей дорогой Люси.

– Ради нашей дорогой Люси, – произнесла я, и мы пожали друг другу руки.

– И ради вас самой, – добавил он. – Ибо если уважение и благодарность мужчины чего-то стоят, вы их действительно заслуживаете. Если вдруг в будущем вам понадобятся помощь и поддержка мужчины, поверьте, вам не придется долго ждать. Дай вам Бог, однако, чтобы никогда не настал в вашей жизни черный день. Но если что-то случится, обещайте дать мне знать немедленно.

Он был так серьезен, а его печаль столь искренней, что я сказала: «Обещаю».

Проходя по коридору, я увидела м-ра Морриса, смотревшего в окно. Он обернулся, услышав мои шаги.

– Как Артур? – спросил он. Потом, заметив мои покрасневшие глаза, он продолжал: – А, вижу, вы его утешали! Бедный малый, ему это необходимо. Никто, кроме женщины, не может помочь мужчине, когда у него сердечное горе; а его некому было утешить.

Он переносил свое собственное горе так мужественно, что мое сердце истекало за него кровью. Я видела рукопись в его руках и знала, что, прочитав ее, он поймет, как много я знала, так что сказала ему:

– Я бы хотела иметь возможность утешить всех, чьи сердца страдают. Разрешите мне быть и вашим другом и приходите ко мне за утешением, когда вам будет нужно. Вы узнаете потом, почему я так говорю.

Он увидел, что я говорю серьезно, и, подойдя ко мне, взял мою руку и поднес ее к своим губам; это показалось мне жалким утешением для такой мужественной и бескорыстной души; инстинктивно я наклонилась и поцеловала его. Слезы подступили к его глазам, но заговорил он совершенно спокойным голосом:

– Маленькая девочка, вы никогда не раскаетесь в этой искренней доброте!

Затем он прошел в кабинет к своему товарищу.

«Маленькая девочка» – это те самые слова, с которыми он обращался к Люси – ей он доказал свою дружбу!

Глава XVIII

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

30 СЕНТЯБРЯ. Я вернулся домой в пять часов и узнал, что Годаминг и Моррис не только приехали, но уже успели проштудировать копии различных дневников и писем, составленных и написанных Харкером и его женой. Харкер еще не вернулся из своей экспедиции. Миссис Харкер дала нам по чашке чаю, и я откровенно признаюсь, что первый раз с тех пор, как я живу в нем, это старое здание напоминало то, что называют *домом*. Когда мы кончили чаепитие, миссис Харкер обратилась ко мне:

– Д-р Сьюард, могу ли я попросить вас об одолжении? Я хочу видеть вашего пациента м-ра Ренфилда. Позвольте мне повидаться с ним. Написанное о нем в вашем дневнике меня страшно интересует!

Не было никакого основания для отказа, поэтому я взял ее с собой. Когда я вошел в комнату Ренфилда, то сказал ему, что его хочет видеть одна дама, на что он ответил необыкновенно просто:

– Зачем?

– Она обходит весь дом и хочет видеть всех его обитателей, – ответил я.

– Прекрасно, – сказал он, – пустите ее, но подождите минутку, пока я приведу все в порядок.

У него был своеобразный способ уборки: он попросту проглотил всех мух и пауков, заключенных в коробках, прежде чем я имел возможность остановить его. Было ясно, что он боялся или подозревал какое-то вмешательство. Окончив свое мерзкое занятие, он весело сказал: «Пусть дама войдет», – и сел на край постели, опустив голову, но поглядывая исподлобья, так, чтобы видеть ее, когда она войдет. На минуту я подумал, что у него могло быть какое-нибудь преступное намерение: я вспомнил, как он был спокоен как раз перед своим нападением на меня в моем кабинете, и я постарался встать так, чтобы сразу схватить его, если бы он попытался броситься к ней. Она вошла в комнату с непринужденной грацией, подошла к нему с милой улыбкой и протянула руку.

– Добрый вечер, м-р Ренфилд, – сказала она. – Как видите, я знаю вас по рассказам д-ра Сьюарда.

Он долго ничего не отвечал, но глаза его внимательно оглядели ее с ног до головы, а лицо было сосредоточенно нахмурено. Постепенно это выражение сменилось удивлением, перешедшим в сомнение; затем, к моему великому изумлению, он сказал:

– Ведь вы не та девушка, на которой доктор хотел жениться, не так ли? Впрочем, вы не можете, знаете ли, быть ею, потому что она умерла.

Миссис Харкер ответила с прелестной улыбкой:

– О нет! У меня есть муж, за которого я вышла замуж прежде, чем мы встретились с д-ром Сьюардом. Я – миссис Харкер.

– Что же вы здесь в таком случае делаете?

– Мы с мужем гостим у д-ра Сьюарда.

– Ну так не оставайтесь тут больше.

– Почему же?

Я подумал, что такого рода разговор столь же малоприятен миссис Харкер, как и мне, поэтому я сменил тему:

– Откуда вы знаете, что я собирался на ком-то жениться?

Его ответ раздался после паузы, во время которой он на секунду перевел глаза с миссис Харкер на меня и сейчас же стал снова смотреть исключительно на нее:

– Что за дурацкий вопрос!

– Я вовсе этого не нахожу, м-р Ренфилд, – сказала миссис Харкер, желая помешать моей беседе с ним.

Он ответил, выказывая ей столько же почтительности и вежливости, сколько презрения мне:

– Вы, конечно, поймете, миссис Харкер, когда человек так любим и уважаем, как наш хозяин, все, касающееся его, интересует наш маленький круг. Д-р Сьюард любим не только своими домашними и друзьями, но также и своими пациентами, из которых некоторые почти лишены душевного равновесия и способны исказить причины и следствия. Так как я сам являюсь пациентом сумасшедшего дома, не могу не заметить, что ущербность рассуждений многих больных сводится к ошибкам *non causa*¹⁵ и *ignoratio elenchi*¹⁶.

Я просто глаза раскрыл, услышав это. Вот сидит мой собственный сумасшедший пациент, типичный случай в своем роде, и философствует с видом утонченного джентльмена! Мне интересно было узнать, не затронуло ли присутствие миссис Харкер какую-нибудь струну у него в памяти. Если эта новая фаза была самопроизвольной или вызвана ее бессознательным влиянием, у нее должен быть какой-нибудь редкий дар или сила.

Мы продолжали некоторое время наш разговор; видя, что он рассуждает вполне здраво, она осмелилась с моего молчаливого согласия навести его на любимую тему. Я опять был поражен, ибо он отнесся к вопросу спокойно и рассудительно; он даже приводил в пример самого себя, когда это было уместно.

– Я принадлежу к людям со странными убеждениями. Неудивительно, что мои друзья были встревожены и настояли на том, чтобы поместить меня сюда на обследование. Мне приходило в голову, что все виды жизни взаимосвязаны, и, питаясь живыми существами, сколь бы низким ни был уровень их развития, можно, безусловно, продлить собственную жизнь. Временами я верил в это так сильно, что даже покушался на жизнь человека. Доктор может подтвердить, что однажды я пытался убить его, чтобы укрепить свои жизненные силы, впитав силу доктора при помощи крови, ибо, как сказано в Библии, «кровь есть жизнь». Не так ли, доктор?

Я молча кивнул, я был так поражен, что не знал, что сделать или сказать. Трудно было представить, что не далее как пять минут назад он глотал пауков и мух.

Посмотрев на часы, я увидел, что время ехать на вокзал встречать Ван Хелсинга, и сказал миссис Харкер, что надо уходить. Она тотчас же собралась, сказав любезно Ренфилду:

– До свидания. Надеюсь видеться с вами часто при более благоприятных для вас обстоятельствах.

На это, к моему глубокому удивлению, он ответил:

– Прощайте, милая! Молю Бога, чтобы мне больше никогда не пришлось увидеть ваше прекрасное лицо. Благослови и храни Он вас.

Отправляясь на вокзал навстречу Ван Хелсингу, я оставил всех дома. Бедный Артур выглядит веселее, чем я привык его видеть с тех пор, как Люси заболела, а Квинси куда больше похож на жизнерадостного человека, чего уже давно не бывало. Ван Хелсинг выскочил из вагона с юношеской живостью. Он сразу заметил меня и бросился ко мне со словами:

– Ну, Джон, как дела? Хороши? Так! Я был очень занят, ибо решил приехать сюда и остаться здесь сколько понадобится. Все мои дела устроены, и мне о многом надо рассказать вам. Мадам Мина у вас? Да? А ее муж? А Артур и мой друг Квинси, они тоже у вас? Прекрасно!

¹⁵ Отсутствие основания (*лат.*).

¹⁶ Незнание указателя (*лат.*).

По дороге домой я рассказал ему о происшедшем и о том, что мой дневник до некоторой степени пригодился благодаря сообразительности миссис Харкер. Профессор прервал меня:

– Ах, эта удивительная мадам Мина! У нее мужской ум и женское сердце. Милосердный Бог предназначил ее для определенной цели, устроив такое чудесное сочетание. До сих пор судьба делала из этой женщины нашу помощницу, но после этой страшной ночи она не должна больше принимать участие в этом ужасном деле. Нехорошо, что ей приходится так сильно рисковать жизнью. Мы, мужчины, намерены уничтожить чудовище, но это не женское дело. Даже если это ей и не повредит, все же ее сердце может не выдержать подобных ужасов, а после она может страдать наяву от нервных припадков, а во сне от кошмаров. К тому же она молодая женщина и недавно замужем; надо подумать и о других вещах, если не сейчас, то через некоторое время. Вы говорите, она все переписала? Тогда она должна присутствовать при нашем разговоре; но завтра пусть она простится со своей работой, а мы будем продолжать.

Я с радостью согласился с ним и затем рассказал, что мы обнаружили в его отсутствие: дом, который купил Дракула, находится рядом с моим. Он был поражен и, мне показалось, сильно встревожился.

– О, если бы мы это знали прежде, – сказал он, – тогда мы могли бы схватить его раньше и спасти нашу бедную Люси. Однако чего причитать, когда молоко убежало. Не будем думать о том и доведем дело до конца.

Затем он глубоко задумался; его молчание длилось до тех пор, пока мы не въехали в ворота моего дома. Прежде чем разойтись, чтобы переодеться к обеду, он сказал миссис Харкер:

– Я узнал, мадам Мина, от моего друга Джона, что вы с мужем привели в полный порядок бумаги, касающиеся того, что произошло до настоящего момента.

– Не до настоящего момента, профессор, – возразила она, – а до сегодняшнего утра.

– Но почему же не до этой минуты? Мы уже видели, сколь много света могут пролить даже незначительные вещи. Мы все поведали свои тайны, и, однако, никому из рассказавших не стало хуже.

Миссис Харкер покраснела и, вынув из кармана бумагу, сказала:

– Будьте добры прочитать и ответить, следует ли это включить. Это зафиксированные мной события сегодняшнего дня. Я также вижу необходимость заносить теперь все, даже пустяки, но здесь мало материала, за исключением имеющего сугубо личное значение. Надо ли это вписать?

Профессор серьезно прочитал написанное и отдал ей обратно со словами:

– Это можно и не включать, если хотите, но я очень прошу вас все же включить. Это только заставит вашего мужа еще сильнее полюбить вас, а всех нас, ваших друзей, еще больше чтить вас – также больше уважать и любить.

Она, зардевшись второй раз, взяла бумагу. Таким образом, все отчеты, имеющиеся в наших руках, полны и приведены в порядок. Профессор взял одну копию, чтобы ознакомиться с ней после обеда до общей беседы, которая назначена на 9 часов. Остальные уже все прочитали; так что, когда мы встретимся в кабинете, мы будем осведомлены относительно фактов и сможем обсудить план борьбы с ужасным и таинственным врагом.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

30 СЕНТЯБРЯ. Сойдясь вечером после обеда в кабинете д-ра Сьюарда, мы, сами не сознавая того, устроили что-то вроде совещания. Профессор Ван Хелсинг был председателем, как его о том попросил д-р Сьюард, едва лишь он вошел в комнату. Меня он посадил рядом с собой и просил быть секретарем.

– Я могу, надеюсь, принять за основу, что мы все знакомы с фактами, изложенными в этих бумагах.

Мы ответили утвердительно, и он продолжал:

– В таком случае, полагаю, полезно будет сообщить вам кое-что о том, с какого рода врагом нам придется иметь дело. Потом я посвящу вас в историю жизни этого человека, которая была мною тщательно изучена. Затем мы сможем обсудить, как нам следует действовать, и принять соответствующие меры.

На свете существуют вампиры, некоторые из нас убедились воочию в их существовании. Даже если бы у нас не было собственного несчастного опыта, учения и свидетельства прежних времен достаточно убедительны для здравомыслящих людей. Сознаюсь, сначала я был скептиком. Увы, знай я тогда, что знаю теперь, догадайся я раньше – одна драгоценная для всех нас жизнь была бы спасена, на радость всем любившим ее. Но это, к сожалению, необратимо, и мы должны работать, чтобы не дать погибнуть другим душам, пока еще есть возможность их спасти. *Носферату* не умирает, как пчела, после того как ужалит. Он только крепнет и, делаясь сильнее, приобретает способность творить еще больше зла. Этот вампир, живущий среди нас, сам по себе обладает силой двадцати человек; он хитрее смерти, потому что его хитрость – плод веков; все люди, к которым он может приблизиться, в его власти; он – зверь, даже больше чем зверь, так как он дьявол во плоти; он может в доступных ему пределах появляться где и когда угодно и в свойственной ему форме управлять стихиями: бурей, туманом, громом. Он может повелевать низшими существами: крысами, совами, летучими мышами, молью, лисицами, волками. Он может увеличиваться и уменьшаться в размерах. Он может временами исчезать и неожиданно появляться. Каким же образом мы способны бороться с ним и как приступить к делу? Как мы обнаружим его местопребывание? И, найдя его, как сможем его уничтожить? Друзья мои, это очень трудно; перед нами стоит ужасная задача, и могут встретиться явления, которые заставят нас страшно содрогнуться. Если мы хоть на минуту растеряемся, он наверняка победит, и тогда что станет с нами? Жизнь – пустяки! Но быть побежденными в данном случае – не только вопрос жизни или смерти. Дело в том, что мы уподобимся ему и с момента его победы превратимся в таких же бездушных существ, как и он, без сердца и совести, питающихся телами и душами тех, кого мы больше всего любим. Для нас навеки будут закрыты райские двери, ибо кто их вновь откроет для нас? Мы будем вести существование всеми отвергнутых; мы сделаемся темным пятном на фоне божественного сияющего солнца, стрелой в борьбе против Того, кто умер за нас всех. Но мы стоим лицом к лицу со священной обязанностью, а разве в таком положении можно отступить? За себя я скажу – нет, но я стар, и жизнь с ее солнечным светом, с ее сияющими днями, с ее пением птиц, музыкой и любовью осталась далеко позади. Вы же все молоды. Некоторые из вас близко познали печаль, но вам предстоит еще немало прекрасных дней. Что же вы мне ответите?

Пока он говорил, Джонатан взял мою руку. Я так боялась, что чувство ужасной опасности сломило его, когда увидела, как его рука тянется к моей. Но прикосновение вернуло мне уверенность – рука смелого человека говорит сама за себя. Не нужно даже любить человека, чтобы почувствовать эту силу.

Когда профессор закончил, муж посмотрел мне прямо в глаза, я ответила тем же, не нужно было слов.

– Я отвечаю за Мину и за себя, – сказал он.

– Рассчитывайте на меня, профессор, – сказал коротко м-р Квинси Моррис.

– Я с вами, – сказал лорд Годалминг, – ради Люси, даже если другой причины и нет.

Д-р Сьюард просто кивнул головой. Профессор встал и, положив на стол золотое распятие, протянул руки. Мы все взяли друг друга за руки. Таким образом, был заключен наш торжественный союз. Я чувствовала, что сердце мое холодеет, но мне и в голову не пришло отступить.

Мы сели вновь на свои места, и Ван Хелсинг продолжал:

– Итак, вы знаете, с чем нам предстоит бороться, но мы также не бессильны. На нашей стороне власть единения – власть, которой порода вампиров лишена, в наших руках научные источники, мы можем свободно мыслить и действовать, и часы дня и ночи – совершенно одинаково – принадлежат нам.

В общем, поскольку наши силы в нашей власти, мы можем свободно пустить их в ход. Мы преданы делу и стремимся к цели не из корысти. Это немало.

Теперь давайте посмотрим, что может препятствовать выступившим против нас силам и отдельным их проявлениям. Короче, рассмотрим, каковы границы возможностей вампиров вообще и данного вампира в частности.

Все, на что мы можем опираться, – это верования и суеверия. На первый взгляд не так-то много, когда речь идет о большем, чем о жизни и смерти. Тем не менее мы должны довольствоваться этим – во-первых, просто потому, что другими средствами мы не располагаем, а во-вторых, потому, что верования и суеверие – это, в сущности, все. Разве для всех, кроме – увы! – нас, не на том основана вера в вампиров? Кто из нас, живущих в век науки и скепсиса, еще год назад допустил бы подобную возможность? Мы не поверили даже в то, что происходило на наших глазах. Итак, договоримся, знание о вампире, его свойствах надежно сохранилось в суевериях. Ибо, позвольте вам заметить, вампир известен повсюду, где жили люди. В Древней Греции, в Древнем Риме, он процветал в Германии, во Франции, в Индии, даже в Китае. Даже там по сей день боятся вампира. Он следовал по пятам за исландцем-берсерком, за дьяволами-гуннами, славянами, саксонцами, мадьярами. Пока, стало быть, мы располагаем всем, чтобы действовать; и, позвольте заметить, изрядное количество этих воззрений нашло подтверждение в нашем столь горестном опыте. Вампир продолжает жить. Просто от старости он не умрет; он будет процветать там, где сможет упиваться кровью живых. Более того, мы видели, что он способен возвращать себе молодость, что его жизненные функции восстанавливаются и словно обновляются, когда он в изобилии обеспечен своей особой пищей. Но он может существовать лишь на этой диете, иная пища не по нему. Даже наш друг Джонатан, живший с ним бок о бок, ни разу не видел, чтобы он ел. Ни разу! Он не отбрасывает тени; его не отражают зеркала – опять же по наблюдениям Джонатана. Сила его руки равняется силе многих, свидетельствует Джонатан, которому он помогал спуститься из дилижанса и на чьих глазах удержал дверь против стаи волков. Он умеет превращаться в волка, как мы можем заключить на основании фактов о его прибытии в Уитби, где он выпустил кишки собаке; он может обратиться в летучую мышь, таким его наблюдала через окно мадам Мина в Уитби, и друг мой Джон в доме по соседству, и друг мой Квинси у окна мисс Люси. Он может облекать себя туманом, который создает, – достойный капитан тому свидетель, – но, насколько нам известно, туман он может создавать только вокруг себя. Он ходит с лунными лучами, как мириады пылинки, – опять же Джонатан видел тех сестер в замке Дракулы. Он способен уменьшаться в размерах – мы сами видели, как мисс Люси, пока она не обрела покой, проскальзывала в приоткрытую на волос дверь склепа. Однажды проникнув куда-нибудь, как бы плотно это ни было замкнуто или полыхай там даже огонь, он может входить и выходить беспрепятственно. Он видит в темноте – немаловажная способность в мире, наполовину погруженном во мрак. Но дослушайте до конца. Он все это может, но он не свободен. О нет, он в оковах куда более, чем раб на галерах или безумец в карцере. Он не может идти куда вздумает; порождение иной реальности, он все же связан некоторыми законами нашей жизни – почему так, мы не знаем. Он не может поначалу войти никуда – лишь по зову кого-то из домочадцев, но потом он волен приходить когда пожелает. Сила его, как и прочей нежити, оставляет его с наступлением дня. Лишь в определенные моменты он обладает ограниченной свободой. Находясь не в том месте, с которым он связан, превращаться он способен только в полдень или на рассвете и закате. Так говорят, и в наших записях есть подтверждение. Таким образом, хоть и может он творить свою

волю у себя в пределе: в доме-гробу, адском доме, нечистом месте – как мы знаем, он ходил к могиле самоубийцы в Уитби, – но в другое время он может превращаться лишь в определенные моменты. Также говорят, он может переходить проточную воду лишь во время прилива или отлива. Есть предметы, которые лишают его силы: уже известный нам чеснок, а также освященные предметы, например это распятие, находящееся все время с нами. Они гонят его прочь и заставляют умолкнуть. Есть и другие, о которых я вам расскажу, поскольку они нам могут понадобиться в дальнейших поисках. Ветка шиповника на гробе не даст ему вылезти; если выстрелить в гроб освященной пулей, это убьет его и он будет мертв по-настоящему; кол и отделение головы тоже приносят покой, что мы видели своими глазами.

Таким образом, когда мы найдем убежище того, кто некогда был человеком, то сможем заточить его в гроб и уничтожить, если будем следовать известным нам правилам. Однако он умен. Я просил моего друга Арминия из Будапештского университета выписать все, что известно о его прошлом. И Арминий, изучив источники, рассказал, кем тот был. Это действительно воевода Дракула, прославившийся в борьбе с турками на границе владений султана. Коль так, он необычный человек, потому что и столетие спустя о нем говорили как об умнейшем, коварнейшем и храбрейшем из сынов Трансильвании. Могучий ум и железная воля ушли с ним в могилу, а теперь они направлены против нас. Дракулы, как сообщает Арминий, большой и знатный род. По мнению современников, кое-кто из этого рода имел дело с нечистым. Многие тайны узнали они в школе дьявола – Шоломанче, среди гор, где каждого десятого ученика дьявол делает своим помощником. В выписках были такие слова, как «stregoica» – «ведьма», «ordog» и «rokol» – «сатана» и «ад». А в одной рукописи об этом самом Дракуле говорилось, что он вампир, о чем нам уже хорошо известно. Он плоть от плоти великих мужей и добрых жен своего рода, и лишь на земле, освященной их могилами, могла родиться такая мерзость. Ведь самое ужасное то, что зло глубоко коренится в добре – в земле неосвященной его останки не упокоились бы.

Пока они беседовали, м-р Моррис пристально смотрел в окно. Затем он тихо встал и вышел из комнаты. После небольшой паузы Ван Хелсинг продолжал:

– А теперь мы должны продумать, как действовать дальше. У нас много фактов, и надлежит разобрать план кампании. Благодаря Джонатану мы знаем, что из замка в Уитби прибыло пятьдесят ящиков с землей, которые доставлены в Карфакс; мы также знаем, что несколько ящиков потом перевезли.

Мне кажется, прежде всего мы должны установить, остались ли другие ящики в доме, за стеной, которая граничит с нашим домом.

В эту минуту нас неожиданно прервали. На улице раздался звук револьверного выстрела; окно было разбито пулей, которая, отлетев рикошетом от верха оконного проема, ударила в противоположную стену комнаты. Боюсь, я в душе труслива, потому что я вскрикнула. Мужчины вскочили на ноги, лорд Годалминг бросился к окну и открыл его. В это время мы услышали с улицы голос м-ра Морриса:

– Простите! Сожалею, что испугал вас. Сейчас я вернусь и объясню, в чем дело.

Через минуту он вошел и сказал:

– Это было очень глупо с моей стороны, извините, миссис Харкер, боюсь, я вас страшно испугал. Но дело в том, что, пока профессор говорил, прилетела огромная летучая мышь и уселась на подоконник. Под влиянием последних событий я питаю такое отвращение к этим проклятым тварям, что не выношу их вида, и потому я пошел и выстрелил, как поступаю теперь всегда, видя их вечером или ночью. Вы смеялись надо мной по этому поводу, Арт!

– Вы попали в нее? – спросил Ван Хелсинг.

– Не знаю, думаю, нет, она улетела в лес.

Не сказав больше ни слова, он сел на место, а профессор закончил свой доклад:

– Мы должны выяснить местонахождение каждого ящика и, когда с этим покончим, взять в плен либо убить чудовище в его логове или, так сказать, «стерилизовать» землю, чтобы он не мог больше укрыться. Тогда в конце концов мы сможем его отыскать в человеческом образе в период между полуднем и заходом солнца и справиться с ним тогда, когда он слабее всего.

Что же касается вас, мадам Мина, нынешняя ночь будет последняя, когда вы участвуете в этом деле. Вы слишком всем нам дороги, чтобы позволить вам подвергаться риску; вы не должны нас больше ни о чем расспрашивать. Мы все расскажем вам в свое время. Мы, мужчины, выносливы, а вы должны быть нашей путеводной звездой и надеждой; чем больше мы будем уверены, что вы вне опасности, которая угрожает нам, тем свободнее станем действовать.

Все мужчины, даже Джонатан, похоже, почувствовали облегчение, но мне показалось, что нехорошо, если они будут подвергаться опасности и, может быть даже во вред себе, заботиться обо мне, ибо потратят часть сил, необходимых для борьбы; но они твердо это решили, и, хотя пилюля показалась мне слишком горькой, я ничего не могла возразить, оставалось только принять их рыцарскую заботу.

М-р Моррис прекратил прения:

– Времени терять нельзя, поэтому предлагаю сейчас же хорошенько осмотреть дом. В подобном деле время – все, и от быстроты наших действий, может быть, зависит судьба очередной жертвы.

Сознаюсь, у меня оборвалось сердце, когда настал момент приниматься за дело, но я промолчала, боясь больше всего стать им в тягость, быть помехой в работе, чтобы они не отстранили меня даже от участия в совещаниях.

Итак, они решились направиться к Карфаксу, чтобы пробраться в дом.

Как истинные мужчины, они предложили мне лечь спать, точно женщина может заснуть, когда тому, кого она любит, угрожает опасность! Я лягу и притворюсь спящей, чтобы Джонатан не волновался, когда вернется.

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

1 ОКТЯБРЯ, 4 ЧАСА ДНЯ. Мы только что собрались выйти из дому, как мне принесли спешное послание от Ренфилда, спрашивавшего, не может ли он меня повидать сейчас же, так как ему надо сообщить нечто чрезвычайно важное. Я поручил посланному передать ему, что в настоящую минуту я очень занят. Служитель добавил:

– Он, по-видимому, необыкновенно нуждается в этом, сэр. Я никогда еще не видел его в таком нетерпении. Не берусь предсказывать, что будет, но полагаю, если вы с ним не повидаетесь, с ним опять сделается один из его страшных припадков.

Я знал, что он не сказал бы такого без оснований, поэтому ответил: «Хорошо, я сейчас приду», – и попросил остальных подождать несколько минут, так как мне надо навестить пациента.

– Возьмите нас с собой, Джон, – сказал профессор. – Его случай, сужу по описанию в вашем дневнике, сильно заинтересовал меня и к тому же имеет некоторое отношение к *нашему* случаю. Я очень хотел бы повидать его, особенно тогда, когда его душевное равновесие нарушено.

– Можно нам тоже пойти? – спросили лорд Годалминг и м-р Моррис.

Я кивнул, и мы все вместе проследовали по коридору.

Мы нашли Ренфилда в состоянии возбуждения, но речь его и поведение были гораздо разумнее, чем мне приходилось наблюдать раньше.

Его требование заключалось в том, чтобы я немедленно выпустил его из больницы и отправил домой. Он подкреплял свое требование аргументами, доказывавшими, по его мнению, его полное выздоровление, и обращал внимание на свою полную нормальность.

– Я взываю к вашим друзьям, – добавил он, – может быть, они не откажутся высказать свое мнение, хотя, к слову сказать, вы забыли нас познакомить.

Я был удивлен настолько, что странная претензия безумца, находящегося в сумасшедшем доме, чтобы ему представили посетителей, не поразила меня в ту минуту, и к тому же в его манере держаться было известного рода достоинство, как у человека, привыкшего к обращению с равными, так что я сейчас же представил их друг другу.

– Лорд Годалминг, профессор Ван Хелсинг, м-р Квинси Моррис из Техаса – м-р Ренфилд.

Он пожал всем руки, говоря каждому по очереди:

– Лорд Годалминг, я имел честь быть одно время помощником вашего отца в Виндхеме, чрезвычайно огорчен знать, что, судя по вашему титулу, его уже нет в живых. Все знавшие любили и уважали его; в молодости он изобрел, как я слышал, пунш из рома, он пользуется огромной популярностью в ночь перед дерби.

– М-р Моррис, вы должны гордиться своим штатом. Признание его Соединенными Штатами является прецедентом, могущим иметь большие последствия, когда полюс и тропики присягнут в верности звездам, то есть национальному американскому флагу.

– О, как мне выразить свое удовольствие при встрече с профессором Ван Хелсингом? Сэр, я не приношу извинений за то, что не произнес в честь вас приличных случаю слов. Когда человек произвел революцию в области терапии, открыв бесконечную эволюцию в материи мозга, обычные формы обращения неуместны как слишком незначительные. Вас, джентльмены, которые национальностью, наследственностью или врожденными дарованиями предназначены для высокого положения в этом мире, я призываю в свидетели, что я нормален настолько, по крайней мере, насколько нормально большинство людей, пользующихся полной свободой. И я уверен, что вы, д-р Сьюард, гуманный и образованный врач с познаниями в юрисдикции, сочтете своим нравственным долгом обращаться со мною как с человеком, который заслуживает, чтобы просьбу его исполнили...

Думаю, все мы опешили. Я, по крайней мере, был убежден, несмотря на мое знакомство с характером и историей болезни этого человека, что к нему вернулся рассудок, и у меня было сильное желание сказать ему, что я удовлетворен состоянием его здоровья и позабочусь о формальностях, необходимых для его освобождения на следующее утро. Все же я решил, что лучше подождать немного с решением столь важного вопроса, ибо я давно знал на основании прежнего опыта о внезапных переменах, которым был подвержен этот больной. Поэтому я ограничился тем, что констатировал быстрое выздоровление, и сказал, что об остальном побеседую с ним утром и тогда посмотрю, можно ли удовлетворить его желание. Это его совсем не устроило, и он быстро сказал:

– Боюсь, д-р Сьюард, вы едва ли поняли меня как следует. Я хочу уехать сейчас – немедленно – в этот час – в эту минуту, если можно. Время не терпит. Я уверен, стоит только высказать такому великолепному практику, д-р Сьюард, столь простое и в то же время столь важное желание, чтобы оно было исполнено.

Он зорко посмотрел на меня и, заметив, что я отношусь к этому отрицательно, посмотрел на других, словно их испытывая. Не получив удовлетворительного ответа, он продолжал:

– Неужели я ошибся в своем предположении?

– Да, ошиблись, – сказал я откровенно, но почувствовал, что прозвучало это грубо. Наступило продолжительное молчание, после чего он медленно произнес:

– В таком случае разрешите мне изложить вам причины моей просьбы. Позвольте просить о такой уступке, о милости, о привилегии – как хотите. В данном случае я прошу не ради себя, а ради других. Я не вправе сообщать вам все причины, но вы можете, уверяю вас, мне поверить: это хорошие, честные и бескорыстные причины, основанные на высочайшем чувстве

долга. Если бы вы могли, сэр, заглянуть в мое сердце, вы бы вполне одобрили чувства, которые мной движут. Даже больше, вы стали бы считать меня своим лучшим и преданнейшим другом.

Опять он испытующе посмотрел на нас! У меня росло убеждение, что эта внезапная перемена в его вполне логичной манере выразиться была лишь новой формой или стадией сумасшествия, и поэтому решил не прерывать его еще некоторое время, зная по опыту, что в конце концов, как все сумасшедшие, он выдаст себя. Ван Хелсинг смотрел на него с крайне сосредоточенным видом, его пушистые брови почти сошлись, до того он нахмурился. Он сказал Ренфилду тоном, на который я не обратил внимания в данный момент, но которому я немало удивлялся впоследствии, когда припоминал его, потому что это вполне походило на обращение к равному себе:

– Можете ли вы мне откровенно сообщить настоящую причину вашего пожелания быть освобожденным именно сегодня? Ручаюсь, если со свойственной вам откровенностью вы удовлетворите меня – незнакомца без предрассудков, д-р Сьюард предоставит вам на собственный страх и ответственность привилегию, которой вы добиваетесь.

Ренфилд грустно покачал головой с выражением глубокого сожаления на лице. Профессор продолжал:

– Послушайте, сэр, образумьтесь! Вы требуете, чтобы к вам относились как ко вполне здоровому человеку, вы стараетесь импонировать нам своей полной нормальностью. И это делаете вы, в выздоровлении которого мы имеем основания сомневаться, так как вы еще не освобождены от медицинского ухода, продиктованного вашей болезнью. Если вы не поможете нам определить правильный образ действий, то как сможем мы выполнить те обязанности, которые вы на нас же возлагаете? Будьте благоразумны и помогите нам, и, если это окажется в наших силах, мы поможем вам исполнить ваше желание.

Ренфилд продолжал качать головой и ответил:

– Мне нечего сказать, профессор. Ваши аргументы чрезвычайно убедительны, и я не колебался бы ни минуты, если бы имел право, но в данном случае я несвободен. Я могу только просить вас поверить мне. Если мне откажут, ответственность за то, что случится, будет лежать не на мне.

Я решил, что пора прекратить эту сцену, которая становится излишне трагикомической, и поэтому направился к двери со словами:

– Идемте, друзья мои, у нас есть дела. Спокойной ночи, Ренфилд.

Но когда я приблизился к двери, с пациентом произошла новая перемена. Он так быстро подошел ко мне, что у меня моментально зародилось подозрение, не собирается ли он вторично попытаться напасть на меня. Опасения мои, однако, были неосновательны, так как он умоляюще протянул ко мне руки и теперь жестами выражал ту же просьбу об освобождении. Хотя он заметил, что эти движения вредили ему в наших глазах, так как они наводили на мысль о новом припадке, он все-таки продолжал умолять меня. Я взглянул на Ван Хелсинга и увидел в его глазах подтверждение собственного мнения, поэтому я сделался чуть сдержаннее, продолжая оставаться настороже, и сказал Ренфилду, что все его усилия напрасны. Я и раньше замечал у него нечто похожее на это растущее волнение именно в тех случаях, когда он добивался выполнения какого-нибудь из своих многочисленных фантастических требований, например в том случае, когда ему нужна была кошка; я полагал, что после категорического отказа он впадет в ту же угрюмую покорность, что и прежде. Мои ожидания не оправдались: убедившись, что просьба его не будет исполнена, он впал в неистовство. Он бросился на колени, протягивая ко мне руки и ломая их в жалобной мольбе, по щекам его катились слезы, а лицо и фигура выражали глубочайшее волнение.

– Позвольте умолять вас, д-р Сьюард, о, позвольте звать к вам, чтобы вы сейчас же выпустили меня из этого дома. Отправьте меня куда и как хотите; пошлите со мной сторожей с кнутами и цепями, пусть они увезут меня в смиренной рубашке со связанными руками и

ногами, закованными в железо, хоть в тюрьму, но выпустите меня отсюда! Я говорю от всего сердца и от всей души. Вы не знаете, кому и как вы вредите, а я не могу вам сказать! Горе мне! Я не могу сказать! Но во имя всего для вас святого, дорогого, в память вашей разбитой любви, во имя еще живущей в вас надежды, ради Всемогущего, возьмите меня отсюда и спасите от зла мою душу! Неужели вы не слышите меня, человек? Не понимаете? Неужели вы никогда не узнаете? Разве вы не видите, что я теперь здоровый, нормальный человек, борющийся за спасение своей души? О, послушайте меня! Послушайте! Отпустите! Отпустите!

Я решил, что чем дольше это будет продолжаться, тем он больше будет неистовствовать и дело дойдет до припадка, поэтому я взял его за руку и поднял с колен.

– Довольно, – сказал я строго, – довольно, я достаточно насмотрелся. Ложитесь в постель и постарайтесь вести себя прилично.

Он неожиданно затих и внимательно взглянул мне прямо в глаза. Потом, не говоря ни слова, встал, медленно пошел и сел на край кровати. Покорность явилась так же неожиданно, как и в предыдущих случаях.

Когда я покидал комнату, последним из нашей компании, он сказал мне спокойным голосом благовоспитанного человека:

– Со временем, д-р Сьюард, вы отдадите мне справедливость: сегодня я сделал все, что в моих силах, чтобы убедить вас.

Глава XIX

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

1 ОКТЯБРЯ, 5 ЧАСОВ ВЕЧЕРА. Мы с легким сердцем отправились на поиски, потому что оставили Мину в прекрасном расположении духа. Я так рад, что она согласилась остаться и предоставить заботы нам, мужчинам. Мне страшно становилось от мысли, что она вообще участвует в этом ужасном деле. Но теперь, когда ее работа кончена и когда благодаря ее энергии, сообразительности и предусмотрительности вся история увязана в единое целое, она может чувствовать, что ее дело сделано, и с этого момента остальное она может предоставить нам. Все мы были несколько взволнованы сценой с Ренфилдом. Выйдя от него, мы до самого возвращения в кабинет не обмолвились ни единым словом. Затем м-р Моррис сказал д-ру Сьюарду:

– Послушайте, Джон, мне кажется, что если этот человек не замышляет какой-нибудь выходки, то он самый нормальный из сумасшедших, которых я когда-либо встречал. Я не вполне уверен, но мне сильно кажется, у него была какая-то серьезная цель, и, если это верно, пожалуй, жаль, что вышло вопреки его желанию.

Мы с лордом Годалмингом молчали, но д-р Ван Хелсинг добавил:

– Вы лучше меня знаете сумасшедших, Джон, и я рад этому, так как боюсь, что, если бы мне пришлось решать вопрос о его освобождении, я бы, несомненно, освободил его до того истерического припадка, который мы наблюдали в конце вечера. Но век живи – век учись, и в данном случае не надо было давать потачки, как выразился бы мой друг Квинси. Что ни делается – все к лучшему.

Д-р Сьюард ответил:

– Не знаю! Но я, пожалуй, согласен с вами! Если бы этот человек был обычным сумасшедшим, я бы решился ему поверить, но он, по-видимому, связан с графом каким-то непонятным образом, и я боюсь повредить нашему предприятию, потакая его выходкам. Не могу забыть, как он молил о кошке, а затем почти с такой же страстностью пытался перегрызть мне зубами горло. Кроме того, он называл графа господином и повелителем. Он хочет выйти, чтобы помочь ему каким-нибудь дьявольским способом. Наш отвратительный вампир имеет в своем распоряжении волков, крыс и прочую братию; думаю, он не побрезгует обратиться и к помощи почтенного безумца. Хотя, по правде говоря, он казался очень искренним. Остается надеяться – мы поступили наилучшим образом. Подобные вещи заодно с предстоящей нам дикой работой способны измучить человека.

– Не волнуйтесь, дружище Джон, – ответил профессор, – мы все стараемся исполнить свой долг в этом печальном и ужасном деле: каждый из нас поступает так, как ему кажется наиболее правильным. Но что же нам остается еще, кроме надежды на милосердие всемиростивого Бога?

Лорд Годалминг ненадолго вышел из комнаты и вернулся с маленьким серебряным свистком в руках.

– Эта старая дыра, – сказал он, – вероятно, полна крыс, на всякий случай я захватил с собой волшебную дудочку.

Обогнув стену, мы направились к дому, стараясь держаться в тени деревьев. Когда мы подошли к подъезду, профессор открыл свой мешок и вынул множество предметов, которые разложил на ступеньках, рассортировав их на четыре небольшие кучки, предназначавшиеся, по-видимому, каждому из нас. Затем он сказал:

– Друзья мои, мы отправляемся на очень рискованное предприятие, и нам необходимо самое разное оружие. Наш враг силен не только как дух. Помните, он обладает силой двадцати человек, и в то время как наши глотки и шеи совершенно обычные и, следовательно, их можно сломать или свернуть, его горло неподвластно обычной силе. Очень сильный человек или группа людей, которые вместе сильнее его, способны на некоторое время его удержать, но все же они не могут так повредить ему, как он им. Поэтому мы должны остерегаться его прикосновения. Храните это у вашего сердца, – сказал он, подняв небольшое распятие и протянув его мне, так как я был к нему ближе других. – Наденьте эти цветы себе на шею, – протянул он мне венок из увядших цветов чеснока, – а для других, земных, врагов возьмите револьвер и нож, и на всякий случай вот вам маленькие электрические фонарики, которые можете прикрепить себе на грудь, но важнее и превыше всего оружие, которое мы не должны расточать понапрасну.

Это был кусочек освященной облатки, которую он положил в конверт и передал мне.

– А теперь, – добавил он, – скажите-ка, Джон, где отмычки? Если нам не удастся отпереть дверь, придется вламываться в дом через окно, как было однажды у мисс Люси.

Д-р Сьюард попробовал несколько отмычек, причем его хирургическая практика сослужила ему немалую службу. Он быстро нашел подходящую дверь. После нескольких движений отмычки вверх-вниз замок поддался и со ржавым скрипом открылся. Мы надавили, заскрипели петли, и дверь распахнулась. Это поразительно напомнило мне описание в дневнике д-ра Сьюарда того, как он открывал склеп мисс Вестенра. Думаю, подобная мысль пришла в голову и остальным, потому что все разом подались назад. Первым шагнул профессор.

– *In manus tuas, Domine!*¹⁷ – сказал он, осенив себя крестом, и переступил порог.

Мы закрыли за собой дверь, чтобы не привлекать внимания, когда зажжем фонарики. Профессор осторожно попробовал замок, чтобы узнать, сможем ли мы без осложнений открыть его, если будем торопиться к выходу. После этого мы все зажгли фонарики и приступили к поискам. Свет фонариков рождал причудливые и странные тени вокруг нас. Я никак не мог отделаться от ощущения, что с нами был еще кто-то. Вероятно, это было связано с воспоминаниями, неотвязно жившими в моей душе, воспоминаниями о жуткой обстановке, в которой произошли эти ужасные события в Трансильвании. Мне кажется, это чувство разделяли все, так как я заметил, что и остальные, подобно мне, то и дело оглядывались при каждом звуке, каждой новой тени, при каждом шорохе.

Все вокруг было покрыто густым слоем пыли. Пол, казалось, зарос ею на несколько вершков, кроме тех мест, где виднелись свежие следы, и я мог различить, освещая слежавшуюся пыль своим фонариком, отпечатки гвоздей с широкими шляпками. Стены были также покрыты слоем пыли, а по углам скопилась паутина, которая свисала, будто рваные тряпки. В зале на столе лежала большая связка ключей с пожелтевшими от времени ярлыками на каждом из них. По-видимому, ими пользовались, потому что на пыльной поверхности стола было несколько одинаковых следов, подобно тому, что образовался, когда профессор поднял их. Он повернулся ко мне и сказал:

– Тебе знакомо это место, Джонатан? Ты снимал здесь план, и оно тебе, во всяком случае, знакомо больше, чем нам. Где дорога к часовне?

Я имел смутное представление о том, где находится часовня, хотя в предыдущее свое посещение так и не смог до нее добраться. В конце концов после нескольких неверных поворотов я нашел дорогу и очутился перед низкой дубовой дверью, обитой железными полосами.

– Вот это где, – сказал профессор, осветив фонариком маленький план дома, скопированный из книг с моей собственной перепиской относительно его найма.

¹⁷ Предаем себя в руки твои, Господи! (лат.)

С небольшим затруднением мы отыскивали в связке нужный нам ключ и отперли дверь. Мы готовились к чему-то неприятному, потому что, когда отпирали дверь, сквозь щели сочился слабый отвратительный запах, но никто из нас не ожидал той вони, которая ударила в нос. Никто из нас не встречал близко графа в закрытом помещении, а когда я видел его, он либо находился в своих комнатах, но постился, либо, если был напитан свежей кровью, пребывал в разрушенных зданиях на сквозняке; здесь же помещение было небольшое и запертое, кроме того, здесь десятилетиями никто не жил, и воздух стал затхлым, распространял зловоние. В нем плавал землистый запах какой-то гнили. Но как мне описать сам этот запах? Не просто тление и едкий, острый запах крови, но, казалось, будто само разложение разлагается! Фу! Тошно подумать. Дыхание чудовища, казалось, навсегда впиталось здесь и сделало это место еще отвратительнее.

При обычных условиях такое зловоние заставило бы нас отказаться от предприятия, но нынешний случай был не из обыкновенных, а высокая и ужасная цель, к которой мы стремились, вливая в нас поднимающую нас ввысь силу, которая была сильнее простых физических неудобств. После невольного содрогания, которое мы испытали, первый раз вдохнув отвратительный запах, мы все как один принялись за работу, словно это гадкое место было розовым садом. Мы подробно осмотрели местность, а перед этим профессор сказал:

– Нам предстоит, во-первых, проверить, сколько осталось ящиков; затем мы должны исследовать каждую дыру, каждую щель, каждый угол и посмотреть, не отыщется ли какой-нибудь отгадки, что произошло с остальными ящиками.

Хватило одного взгляда, чтобы узнать, сколько их оставалось, потому что ящики с землей были огромными, и их нельзя было не заметить.

Из пятидесяти осталось лишь двадцать девять!

На мгновение меня охватил ужас, потому что, заметив, как лорд Годаминг внезапно обернулся и посмотрел в конец темнеющего прохода, я также взглянул туда – и у меня замерло сердце. Мне показалось, я вижу силуэт графа, вырисовывающийся в тени; я отчетливо увидел лукавое, мертвенно-бледное лицо его, часть горбатого носа, красные глаза, красные губы. Это продолжалось всего мгновение, потому что, когда лорд Годаминг сказал: «Мне показалось, я видел чье-то лицо, но это только игра теней», – и возобновил свои поиски, я направил свет лампы в указанную сторону и зашагал по проходу. Я не нашел и следа кого бы то ни было; а так как там не было ни углов, ни дверей, ни малейшей скважины, только толстые капитальные стены, значит, ему некуда было и скрыться. Я решил, что страх сыграл на руку воображению, и не сказал ничего своим спутникам.

Через несколько минут я увидел, как Моррис внезапно попятился от угла, который изучал. Мы все инстинктивно повернули головы в его сторону, так как не подлежало никакому сомнению, что нервы у нас взвинчены, и увидели множество фосфоресцирующих точек, мерцавших, как звезды. Мы невольно попятнулись, разглядев, как угол буквально затопили крысы.

Минуту или две мы стояли, словно окаменев, но лорд Годаминг, который, по-видимому, приготовился к такого рода встрече, подошел к огромной, обитой железом дубовой двери, наружную сторону которой д-р Сьюард описал в своем дневнике, повернул ключ в замке, отодвинул огромные засовы и распахнул ее настежь. Затем, вытащив из кармана маленький серебряный свисток, он резко и пронзительно свистнул. Ему ответил собачий лай из-за дома д-ра Сьюарда, и через минуту из-за угла примчались три фокстерьера. Мы бессознательно придвинулись к двери: я случайно заметил, что в этом месте пыль была сильно пририта, по-видимому, недостающие ящики несли этим путем. Но за короткое время количество крыс возросло. Казалось, само помещение зашевелилось, и в свете фонарей их светящиеся глаза были подобны целому рою светлячков, усеявших землю. Собаки бросились к нам, но на пороге дома вдруг остановились, зарычали, затем, одновременно задрав носы, принялись выть самым зловещим образом.

Лорд Годалминг взял одну из собак, внес ее и опустил на пол. Как только ее ноги коснулись земли, к ней вернулась ее природная храбрость и она кинулась на своих извечных врагов. Те столь быстро обратились в бегство, что, прежде чем она успела загрызть хотя бы одну крысу, другим собакам, которых внесли таким же образом, почти не осталось добычи. Крысы исчезли столь стремительно, сколь и появились.

После того как крысы исчезли, мы почувствовали облегчение, точно избавились от чьего-то лукавого присутствия. К нам вернулось бодрое настроение. Было ли оно вызвано тем, что открыли дверь часовни, или облегчением, которое мы почувствовали, очутившись на открытом воздухе, – не знаю, но тень ужаса, казалось, соскользнула с нас, словно одежда, и даже цель нашего прихода потеряла отчасти свое ужасное значение, хотя мы ни на йоту не колебались, какое принять решение. Закрыв наружную дверь и задвинув засов, мы заперли ее и, захватив собак, возобновили поиски в доме. Мы ничего не нашли, кроме огромного количества пыли; все оставалось нетронутым, даже следы моих ног с момента первого моего посещения. Ни разу собаки не проявляли признаков какой-либо боязни, и, даже когда мы вернулись к часовне, они прыгали вокруг нас, словно только что вернулись из лесу, с летней охоты на зайцев.

На востоке уже алела заря, когда мы вышли из подъезда. Д-р Ван Хелсинг отыскал в связке ключ от дверей дома, запер ее, как обычно, и затем положил ключ к себе в карман.

– До сего момента, – сказал он, – ночь была очень удачной. Мы не причинили себе никакого вреда, чего я очень опасался, и в то же время узнали, сколько недостает ящиков. Больше всего я рад тому, что наш первый – и, может быть, труднейший и опаснейший – шаг совершен без участия нашей прелестной мадам Мины, и ее сон или бодрствование не омрачатся образами, звуками и запахами и тому подобными ужасами, которые бы она никогда не смогла забыть. Мы также кое-чему научились: эти ужасные создания, которых граф заставляет служить себе, не обладают его зловещей духовной силой. Ибо, взгляните, подобно тому как волки, которых он с высоты своего замка созвал по случаю вашего ухода, испугались женского крика, эти крысы, которые хоть и пришли по его зову, бросились врассыпную, завидев собачек нашего друга Артура. Нас ждет впереди еще много ужасов и опасностей – этот жестокий негодяй не в последний раз демонстрирует свою силу. Похоже, он куда-то убрался. Хорошо! Мы имели случай крикнуть «шах» в той шахматной игре, что ведем за спасение человеческих душ. А теперь – домой. Заря приближается, у нас же есть основания быть довольными своей работой в первую ночь.

Когда мы вернулись, все было тихо, только в дальней палате причитал какой-то несчастный, а из комнаты Ренфилда доносился низкий стон, – несомненно, беднягу преследовали кошмары.

Я на цыпочках вошел в нашу комнату и нашел Мину спящей, она дышала столь тихо, что мне пришлось близко нагнуться к ней, чтобы расслышать ее дыхание. Она выглядит бледнее обыкновенного. Надеюсь, ей не повредили сегодняшние разговоры. Я действительно очень признателен профессору за то, что он освободил ее от нашей будущей работы и даже от наших совещаний. Некоторые вещи растревожили бы ее слух, и в то же время скрывать их от нее было бы хуже, чем сказать ей, если б она заподозрила, что от нее что-то скрывают. С этих пор эта работа должна быть для нее запретной книгой, по крайней мере до того момента, когда мы сможем сказать ей, что все кончено и земля освободилась от чудовища из преисподней. Да, трудно будет хранить молчание после того, как столько было сказано откровенно. Но я должен хранить решимость и завтра ничего не скажу о наших ночных приключениях. Я лег на диван, чтобы не беспокоить ее.

1 ОКТЯБРЯ, ПОЗДНЕЕ. Вполне естественно, что мы проспали, ибо весь вчерашний день мы трудились, а ночь не принесла нам покоя. Изнурение после вчерашнего дня, должно быть, сказалось даже на Мине, и, хотя я сам проспал чуть ли не до полудня, все же я проснулся

раньше ее и будил ее два или три раза, пока она наконец проснулась. Она спала так крепко, что, пробудившись, в течение нескольких секунд не узнавала меня и смотрела с невыразимым ужасом, как бывает после кошмара. Она пожаловалась на легкую усталость, и я оставил ее отдыхать. Теперь нам известно, что двадцать один ящик перевезли в другое место, и, если их перевозили по одному, нетрудно будет их выследить. Это облегчило бы дело, и чем раньше мы возьмемся за него, тем лучше.

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

1 ОКТЯБРЯ. Было около полудня, когда профессор разбудил меня: он был веселее и радостнее, чем обычно, – по-видимому, результаты прошлой ночи прояснили для него кое-какие вопросы и сняли с его души тяжесть. Коснувшись ночных происшествий, он вдруг сказал:

– Меня чрезвычайно интересует ваш больной. Нельзя ли посетить его сегодня утром вместе с вами? Однако, если вы очень заняты и ничего не имеете против, я могу пойти один. Для меня новость – сумасшедший, разговаривающий как философ и рассуждающий так здраво.

У меня была срочная работа, и я сказал, что буду рад, если он отправится один, так как тогда ему не придется меня дожидаться; затем я позвал служителя и дал ему необходимые инструкции.

Прежде чем профессор ушел, я предостерег его от неверных суждений о моем пациенте.

– Но, – ответил он, – я хочу, чтобы он рассказал о себе и о том, почему им владеет мания поедать живых существ. Как я узнал из вашего дневника, он говорил мадам Мине, что однажды подобные идеи приходили ему в голову. Однако почему вы улыбаетесь, дружище Джон?

– Простите меня, – сказал я, – ответ здесь. – Я положил руку на стопку исписанных листов. – Когда наш разумный и ученый друг рассуждал о том, как он *когда-то* поедал живое, рот его еще был полон мухами и пауками, которых он засунул туда перед самым приходом миссис Харкер!

Ван Хелсинг в ответ улыбнулся.

– Хорошо, – сказал он. – Память вас не подводит, мне следовало бы помнить об этом. И все же именно самые причудливые идеи и делают душевные болезни столь интересными для изучения. Думаю, безумие этого сумасшедшего может научить большему, чем разговор с мудрецом. Кто знает?

Я продолжал свою работу и скоро ее окончил. По-видимому, время прошло в самом деле очень быстро, так как Ван Хелсинг успел вернуться.

– Я не помешаю? – вежливо спросил он, стоя у двери.

– Нисколько, – ответил я. – Войдите. Работа окончена, и я свободен. Теперь я могу пойти с вами, если хотите.

– Это лишнее: я его видел!

– Ну?

– Боюсь, он не слишком высокого мнения обо мне. Наше свидание было кратким; когда я вошел в комнату, он сидел на стуле, упершись локтями в колени, и лицо его выражало мрачное недовольство. Я обратился к нему возможно веселее и насколько мог почтительно. Он ничего не ответил. «Разве вы не знаете меня?» – спросил я. Ответ был малоутешителен: «Я прекрасно вас знаю, вы старый дурак Ван Хелсинг. Я хотел бы, чтобы вы с вашими идиотскими теориями убрались куда-нибудь подальше. Будь прокляты толстокожие голландцы». Больше он не сказал ни слова, а сидел с невозмутимой мрачностью и таким равнодушием ко мне, будто меня вовсе не было в комнате. Итак, на сей раз я упустил случай поучиться чему-нибудь у этого мудрого безумца, поэтому я решил пойти и, если можно, развеселить себя приятной беседой с нашей

прелестной мадам Миной. Меня бесконечно радует, что она не станет больше волноваться из-за этих ужасов. Хотя нам и будет сильно недоставать ее общества, но так лучше.

– Всем сердцем с вами согласен, – ответил я серьезно, ибо хотел поддержать его намерения. – Хорошо, что она уже непричастна к этому. Даже нам, выдавшим виды мужчинам, приходится туго. Это совсем не женское дело, и если бы она продолжала участвовать в нашем деле, со временем бы это кончилось катастрофой.

Итак, Ван Хелсинг ушел совещаться с Харкерами. Квинси и Артур заняты поисками следов исчезнувших ящиков. Сейчас я закончу свою работу, а вечером все мы встретимся.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

1 ОКТЯБРЯ. Странно находиться в потемках, как сегодня, после стольких лет полного доверия Джонатана, видеть, как он умышленно избегает разговора на определенные темы, особенно на интересующие меня. После вчерашнего утомительного дня я долго спала нынешним утром, и, хотя Джонатан также проспал, он все-таки встал раньше меня. Перед тем как уйти, он говорил со мной так нежно и ласково, как никогда, но не проронил ни слова о том, что произошло с ними во время посещения графского дома. А между тем он должен знать, как ужасно я волновалась. Милый, бедный мальчик! Вероятно, это расстроило его еще больше, чем меня. Все они сошлись на том, что мне лучше быть подальше от этой ужасной работы, и я согласилась с ними. Но каково мне знать, что он от меня что-то скрывает! И вот сейчас я плачу как дурочка, думая, что это продиктовано огромной любовью ко мне моего мужа и чистыми, самыми благородными намерениями этих сильных мужчин.

Мне стало лучше.

Что же делать, когда-нибудь Джонатан все мне расскажет, а я во избежание того, чтобы он когда-нибудь не подумал, будто я от него что-то скрываю, по-прежнему буду вести свой дневник. Если он усомнится во мне, я покажу ему этот дневник, где записано каждое движение моего сердца, чтобы его дорогие глаза прочитали их. Сегодня я чувствую себя странно грустной и у меня упадок духа. Вероятно, это последствия ужасного волнения.

Прошлой ночью я отправилась спать, когда все ушли, просто потому, что они так велели. Спать не хотелось, и я сгорала от нетерпения узнать, что с ними. Я продолжала думать обо всем, что произошло с тех самых пор, как Джонатан приехал повидаться со мной в Лондон, и все это представляется мне ужасной игрой рока, ведущего нас неумолимо к какому-то концу. Любой, казалось бы самый правильный, поступок имеет ужасные последствия. Если бы я не приехала в Уитби, милая, бедная Люси была бы теперь с нами. У нее не было никакого желания идти на кладбище, пока я не приехала; если бы она не пошла туда днем со мной, ее не влекло бы туда сонную, а если бы она не попала туда ночью во сне, чудовище не повредило бы ей. О, зачем я поехала в Уитби!.. Ну вот, я опять расплакалась! Не знаю, что со мной сегодня. Джонатану больно будет узнать, что я дважды за утро плакала. Я ведь не имею обыкновения лить слезы, и он ни разу не заставил меня плакать. Я должна набраться мужества и не подавать виду. Нельзя, чтобы он заметил, какой плаксой я стала. Это, по-моему, одна из главных заповедей, которые мы, бедные женщины, должны твердо усвоить.

Не помню хорошо, как я заснула прошлой ночью. Помню только, что услышала внезапно лай собак и множество странных звуков, словно в комнате м-ра Ренфилда, которая находится где-то под моей, громко играют гаммы. Затем вокруг наступило полнейшее молчание, молчание до того глубокое, что оно поразило меня; я встала и выглянула в окно. Все темно и безмолвно, черные тени, отбрасываемые деревьями, озаренными лунным светом, казалось, наполнены собственной молчаливой тайной. Все выглядело неподвижным, мрачным и застывшим, так что тонкая змейка белого тумана, которая медленно ползла по траве к дому, представлялась

единственной живой частью природы. Думаю, смена темы для раздумий была мне полезна, потому что, когда я вернулась в постель, я почувствовала, что меня одолевает сонливость.

Я лежала какое-то время спокойно, но все не могла заснуть, поэтому снова встала и опять выглянула в окно. Туман расстился теперь около самого дома, и я могла видеть, как он лежал у самых стен, точно подкрадывался к окнам. Несчастный Ренфилд шумел в своей комнате сильнее прежнего, и, хотя я не могла различить ни единого слова в его разговоре, в звуках его голоса я улавливала странную угрозу в чей-то адрес. Затем я услышала шум борьбы и поняла, что слугители борются с ним. Я очень испугалась, бросилась в кровать, натянула на голову одеяло и заткнула пальцами уши. Тогда мне несколько не хотелось спать – так, по крайней мере, я думала, – но я, должно быть, тут же заснула, потому что не помню ничего, кроме снов, до самого утра, когда Джонатан разбудил меня. Мне пришлось сделать огромное усилие, и прошло некоторое время, пока я сообразила, где я и что надо мной наклонился Джонатан. Мне приснился очень страшный сон. Странно, что в нем необычным образом отразилось то, о чем я слышала и о чем думала в последнее время.

Мне казалось, я сплю и жду Джонатана. Я боялась за него, но была не в силах действовать, так как мои ноги, руки и мозг страшно отяжелели. Итак, я спала беспокойно и думала. Затем мне стало казаться, будто воздух тяжелый, сырой и холодный. Я откинула с лица одеяло и, к своему удивлению, увидела, что вокруг меня все было тускло. Газовый рожок, который я оставила гореть ради Джонатана, привернув его слегка, казался крошечной красной искрой в сплошном тумане, который, по-видимому, сделался гуще и пробрался в комнату. Тогда мне пришло в голову, что я не закрыла окно, перед тем как легла спать. Я хотела подойти, чтобы удостовериться в этом, но какой-то свинцовый летаргический сон, казалось, сковал и тело, и волю. Я закрыла глаза, но видела сквозь веки. (Удивительные шутки разыгрывают над нами сны, и как мы можем, соответственно, фантазировать.) Туман становился все гуще и гуще, и я могла видеть теперь, как он проникал в комнату, потому что видела его в виде дыма или паров кипятка, проникавших не через окно, а через замочную скважину. Он делался все гуще, пока наконец не представился сконцентрированным, вроде облачного столба, сквозь вершину которого я могла разглядеть свет газового рожка, горевшего, как красный глаз. В голове у меня все закружилось, а облачная колонна тоже кружилась по комнате, и вдруг во мне зазвучали слова Писания: «Столб облачный днем, и ночью – столб огненный». Может, это было духовное прозрение во сне? Но в этом столбе слились день и ночь, и огонь был заключен в красном глазу, который все сильнее притягивал меня. Но вдруг у меня на глазах пламя раздвоилось и засверкало, как мне показалось сквозь туман, двумя красными глазами, подобно тому, что мне рассказывала Люси в одну из наших совместных прогулок, когда на утесе заходящая заря осветила окна церкви Св. Марии. Вдруг я с ужасом сообразила, что Джонатан точно так же видел этих ужасных женщин, превращавшихся из кружащегося в лунном свете тумана в реальных существ, и, должно быть, во сне мне сделалось дурно, потому что все превратилось в беспросветный туман. Последним проблеском сознания было фантастическое видение багрово-белого лица, склонявшегося ко мне из тумана. Надо быть осторожной с подобными снами, потому что они могут повредить рассудку, если будут часто повторяться. Я бы могла попросить д-ра Ван Хелсинга или Сьюарда прописать мне что-нибудь от бессонницы, но боюсь напугать их, в настоящее время они и так немало волнуются из-за меня. Постараюсь сегодня выспаться как следует. Если это не удастся, попрошу их дать мне хлорала; это не может причинить вред, если этим не злоупотребляют, но даст мне хороший ночной сон. Прошлая ночь утомила меня сильнее, чем утомляет бессонница.

2 ОКТЯБРЯ, 10 ВЕЧЕРА. В прошлую ночь я спала, но без снов. Я, должно быть, спала крепко, даже не проснулась, когда вернулся Джонатан; но сон не освежил меня, и сегодня я чувствую страшную слабость и упадок духа. Весь вчерашний день я лежала и дремала, изредка

пытаясь читать. Днем м-р Ренфилд попросил разрешения меня видеть. Бедный человек – он был очень кроток, а когда я уходила, поцеловал мою руку и призвал на меня Божье благословение. Меня это сильно тронуло: я плачу, когда вспоминаю о нем. Новая слабость; Джонатан страшно огорчился бы, если б узнал, что я плакала. До обеда Джонатан и все остальные отсутствовали и вернулись усталыми. Я сделала все, что могла, чтобы подбодрить их, и, вероятно, мои старания принесли мне пользу, я забыла о собственной усталости. После обеда они отослали меня спать, а сами пошли покурить, как сказали мне, но я-то знала, они хотели поделиться друг с другом своими дневными впечатлениями; я видела по поведению Джонатана, что он собирается сообщить нечто важное. Мне совсем не хотелось спать, поэтому я попросила д-ра Сьюарда дать мне какое-нибудь снотворное, так как я плохо спала прошлую ночь. Он был настолько добр, что сам приготовил для меня порошок и велел принять, сказав, что это мне не повредит. Я приняла его и жду сна, которого все нет. Надеюсь, я не поступаю неправильно; когда мною начинает овладевать сон, мною овладевает и чувство страха; мне начинает казаться, что я, должно быть, совершаю глупость, лишая себя возможности проснуться: у меня все время такое чувство, точно это может понадобиться... Но меня начинает клонить ко сну. Спокойной ночи.

Глава XX

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

1 ОКТЯБРЯ, ВЕЧЕРОМ. Я застал Томаса Снелинга у себя в Бетнал-Грин, но, к несчастью, он был не в состоянии что-либо вспомнить. Перспектива выпить со мной стакан пива показалась столь привлекательной, что он слишком рано приступил к долгожданной пирушке. Все-таки я узнал от его жены, что он был только помощником Смоллета, который из двух помощников был главным, так что я решил поехать в Волворт. М-ра Джозефа Смоллета я застал дома. Он пил чай одетый по-домашнему. Это очень скромный и умный малый, совершенный тип хорошего, добросовестного работника, очень при том толкового. Он ясно помнил весь эпизод с ящиками и, вынув откуда-то из штанов записную книжку – на страничках, углы которых загибались, оказались похожие на иероглифы полустершиеся карандашные пометки, – сообщил мне, куда ящики доставлены. Их было шесть, сказал он, на той повозке, которую он принял в Карфаксе и сдал в доме номер сто девяносто семь, Чиксенд-стрит, Мил-Энд-Нью-Таун, и, кроме того, еще шесть штук, которые он сдал по адресу: Джамайка-Лейн, Бермондси. Если граф намеревался рассредоточить свои таинственные укрытия по всему Лондону, эти два места наверняка были выбраны им как перевалочные пункты, чтобы позднее иметь возможность обосноваться более тщательно. Он действовал по определенной системе, и, я уверен, двумя районами Лондона он ограничиваться не собирался. Сейчас он обосновался на крайнем востоке северного берега, на востоке южного берега и на юге города. Едва ли он не учел в своей дьявольской схеме север и запад, не говоря о Сити и самых фешенебельных районах Лондона на западе и юго-западе.

Я дал Смоллету полсоверена и спросил, брали ли еще ящики из Карфакса.

Он ответил:

– Вы были так добры ко мне, и я вам расскажу все, что знаю. Несколько дней тому назад я слышал, как некий Блоксем рассказывал, что он со своим помощником обдeldывал темное дельце в каком-то старом доме в Парфлите. Такие дела выпадают не столь часто, и, возможно, Сэм Блоксем вам расскажет кое-что интересное.

Я сказал, что если он достанет мне его адрес, то получит еще полсоверена. Тут он наскоро допил чай и встал, сказав, что пойдет разыскивать его повсюду. У дверей он остановился и сказал:

– Знаете, дяденька, вам нет никакого смысла тут оставаться. Скоро я найду Сэма или нет, сегодня, во всяком случае, он вам ничего не скажет. Сэм странноват, когда выпьет. Если вы мне дадите конверт с маркой и напишете на нем свой адрес, я отыщу Сэма и напишу вам сегодня же вечером. Но вам придется отправиться к нему, иначе вы его не поймаете, так как Сэм встает очень рано и сразу уходит из дому, как бы ни был пьян вечером.

Я написал адрес, наклеил марку и, отдав конверт Смоллету, отправился домой. Как бы там ни было, а мы идем по следам. Я сегодня устал, и мне хочется спать. Мина крепко уснула, она что-то слишком бледна, и у нее такой вид, будто она плакала. Бедняжка, я убежден, ее терзает неведение, и она, должно быть, волнуется за меня и других. Но самое лучшее – так, как оно есть. В данном случае мне легче видеть ее разочарованной и обеспокоенной подобным образом, чем в будущем страдающей нервным расстройством. Врачи были правы, предупреждая, чтобы ее не вовлекали в это ужасное предприятие. Я должен с твердостью хранить обет молчания. Никогда ни при каких обстоятельствах не стану говорить с ней на эту тему.

Возможно, это и не столь уж трудно. С тех пор как мы объявили ей о своем решении, она сама избегает разговоров о графе и его делах.

2 ОКТЯБРЯ, ВЕЧЕРОМ. Долгий, томительный, тревожный день. С первой же почтой я получил адресованное мне письмо, в конверт был вложен грязный клочок бумаги, на котором карандашом нетвердой рукой было написано:

«Сэм Блоксем, Коркранс, 4, Потерс-Корт, Бартел-стрит, Волворт. Спросить перевозчика».

Письмо принесли, когда я еще лежал в постели, и я поднялся, не будя Мину. Она казалась усталой, сонной, бледной и не совсем здоровой. Я решил не будить ее, а, вернувшись после очередных поисков, отправить ее в Эксетер. Мне кажется, дома, занимаясь повседневными делами, она будет чувствовать себя лучше, чем здесь, среди нас, да еще пребывая в полном неведении, что происходит. Я встретил д-ра Сьюарда и сообщил ему, куда иду, пообещав вскоре вернуться и рассказать ему и остальным, если что-нибудь разузнаю. Я поехал в Волворт и с некоторыми затруднениями нашел Потерс-Корт. Когда я спросил человека, открывшего дверь, где живет перевозчик, то всего за полсоверена узнал, что м-р Блоксем, проспавшись после выпитого накануне в Коркрансе пива, уже в пять часов утра отправился на работу в Поплар. Он не знал точно, где его искать, но, насколько он помнил, это какой-то новый товарный склад. С такими жалкими сведениями я и отправился в Поплар. Было около двенадцати часов, когда, ничего не найдя, я зашел в кофейню, где обедали несколько рабочих. Один из них утверждал, что на Крос-Энжел-стрит возводят новый холодный склад. Это вполне могло оказаться новым товарным складом. И я туда немедленно отправился. Беседа со сторожем и десятником – я наградил обоих звонкой монетой – навела меня на след Блоксема; я обещал ему уплатить его поденную плату, и он пошел к начальнику за разрешением побеседовать со мною. Он был довольно сообразительный мальчик, хотя грубоватый и в разговоре, и в обращении. Когда я ему дал задаток, пообещав заплатить за полученные сведения, он сказал, что дважды ездил из Карфакса в какой-то дом на Пиккадилли и отвез туда девять больших ящиков – «страшно тяжелых» – на специально нанятой подводе. Я спросил его номер дома на Пиккадилли, на что он мне ответил:

– Номер-то, дяденька, я позабыл, но это всего в нескольких шагах от большой, недавно выстроенной белой церкви или чего-то вроде того. Дом старый и пыльный, хотя в сравнении с тем проклятым домом, откуда ящики взяты, это царский дворец.

– Как же вы попадали в эти дома, раз они пустые?

– В доме в Парфлите меня встретил старый господин, он и ящики помог мне поднять и поставить на подводу. Черт его подери, это самый здоровый паренек, какого я встречал, а ведь старый, усы седые и такой тощий, что и тени не отбрасывал.

Его слова ужасно меня поразили.

– Представляете, он поднял свой конец ящика с такой легкостью, точно фунтик чая, когда я, задыхаясь и обливаясь потом, с трудом поднял свой, а ведь я тоже не цыпленок.

– Как же вы вошли в дом на Пиккадилли? – спросил я.

– А он и там был. Он, должно быть, вышел и пришел туда раньше и сам открыл мне дверь и помог внести ящики в переднюю.

– Все девять? – спросил я.

– Да, на первой повозке пять, а на второй четыре. Тяжкий труд, и я даже не помню, как я домой попал.

– И что же, ящики вы оставили в передней?

– Да, большая передняя, совершенно пустая.

Я предпринял еще одну попытку разузнать, что происходило дальше:

– А никаких ключей у вас не было?

– Мне не нужно было ни ключей, ни чего другого, старик сам открыл дверь и сам закрыл ее за мной, когда я перенес все на место. Точнее не помню – все это проклятое пиво!

– И не можете вспомнить номер дома?

– Нет, сэр, но вы и так легко его найдете. Такой высокий дом с каменным фасадом и аркой наверху и с высокими ступенями перед дверью. Ступени я хорошо помню, я по ним таскал наверх ящики вместе с тремя бродягами, мечтавшими получить на чай. Старик дал им по шиллингу; они увидели, что им так много дают, и стали требовать еще больше, тогда старик схватил одного из них за плечо и хотел спустить его с лестницы, только тогда они и ушли ругаясь.

Я решил, что узнал достаточно, чтобы найти дом, и, заплатив своему приятелю за его сведения, поехал на Пиккадилли. Тут мне пришла в голову новая мысль: ведь граф сам мог убрать ящики. Если так, то время дорого, теперь он в достаточной степени рассредоточил ящики и, оставаясь незамеченным, в любое время способен выполнить свое намерение.

У площади Пиккадилли я отпустил свой кеб и пошел пешком. Недалеко от белой церкви я увидел дом, похожий на тот, что описывал Блоксем, и убедился – передо мной очередное логово Дракулы. У дома был такой запущенный вид, словно здесь давно никто не жил. Ставни были распахнуты, и окна покрыты толстым слоем пыли. Балки почернели от старости, а с железа облупилась краска. До недавнего времени на передней части балкона, по-видимому, располагалась большая доска для объявлений, но потом ее грубо сорвали, сохранились только подпорки. За балконной решеткой я разглядел несколько досок с еще не потемневшими торцами. Я бы многое дал, чтобы увидеть эту доску объявлений целой: ведь она могла привести к владельцу дома. Мой опыт расследования в Карфаксе подсказывал, что, если отыскать прежнего владельца, возможно, найдутся и способы проникнуть в дом.

Сейчас на Пиккадилли мне больше нечего было делать, так что я обошел дом с обратной стороны, прикидывая, не узнаю ли чего-нибудь. Там были извозчицьи дворы. На Пиккадилли я расспрашивал бывших поблизости конюхов и их помощников, не могут ли они мне что-нибудь рассказать о пустом доме. Один из них сказал, что слышал, будто его недавно заняли, но неизвестно кто. Он сказал еще, что раньше тут висела доска с объявлением о продаже дома, и, может быть, «Митчел, сыновья и Кенди», агенты, которым была поручена продажа дома, что-нибудь и смогут сказать по этому поводу, так как, насколько он помнит, он, кажется, видел название этой фирмы на объявлении. Я старался не показывать виду, что мне это очень важно, и затем, поблагодарив его, как обычно дав полсоверена, я отправился дальше. Сгустились сумерки, близился осенний вечер, так что я не хотел терять времени. Разыскав адрес фирмы «Митчел, сыновья и Кенди» в адресной книге, я немедленно отправился в их контору на Секвилл-стрит.

Господин, встретивший меня, был невероятно любезен, но столь же и необщителен. Сказав мне, что дом на Пиккадилли продан, он считал вопрос исчерпанным. Когда я спросил, кто его купил, он широко раскрыл глаза и, немного помолчав, ответил:

– Он продан, сэр.

– Прошу прощения, – сказал я так же любезно, – по исключительно важным причинам мне необходимо знать, кто купил этот дом.

Он снова помолчал, затем, подняв брови еще выше, лаконично повторил:

– Он продан, сэр.

– Неужели, – сказал я, – вы больше ничего не скажете?

– Ничего, – ответил он. – Дела клиентов фирмы «Митчел, сыновья и Кенди» находятся в надежных руках.

Он меня как холодной водой окатил, и спорить с ним не было никакого смысла, так что, решив все же разойтись по-хорошему, я сказал:

– Счастливы клиенты, у которых такой хороший поверенный, столь ревностно стоящий на страже их интересов. Я сам юрист. – Тут я ему подал свою визитную карточку. – В данном случае я действую не из простого любопытства, а по поручению лорда Годалминга, желающего узнать кое-какие подробности относительно имущества, которое, как ему казалось, недавно продавалось.

Эти слова изменили дело, он ответил еще любезнее:

– Если бы я мог, то охотно оказал бы услугу вам, а в особенности его светлости. Мы выполняли его поручения и, между прочим, сняли для него несколько комнат, когда он еще был достопочтенным Артуром Холмвудом. Если хотите, оставьте его адрес, я проконсультируюсь с представителями фирмы по этому поводу и при любом решении напишу лорду сегодня же. Если возможно, я с удовольствием отступлю от наших правил и сообщу сведения, необходимые его светлости.

Мне нужно было заручиться другом, а не врагом, так что я дал ему адрес д-ра Сьюарда и ушел. Было уже темно; я порядком устал и проголодался. В «Эйррейе Брэд Компани» я выпил чашку чаю и следующим поездом поехал в Парфлит.

Все были дома. Мина выглядела усталой и бледной, но старалась казаться веселой и ласковой; мне было больно, что приходится от нее все скрывать и тем причинять ей беспокойство. Слава Богу, это последняя ночь, когда она будет знать о наших совещаниях и чувствовать болезненные уколы из-за нашего недоверия. Мне потребовалась вся моя воля, чтобы вывести ее из-под удара. Кажется, она с этим уже примирилась, или, может быть, сам предмет наших усилий внушает ей отвращение, ибо, когда мы проговариваемся при ней о каких-то деталях дела, она содрогается. Я рад, что мы вовремя приняли наше решение, так как с подобными чувствами это было бы для нее пыткой.

Я не мог рассказать остальным о сегодняшнем открытии, приходилось ждать, пока уйдет Мина; после обеда мы немного музицировали, чтобы отвлечься от окружавшего нас ужаса, а затем я проводил Мину в спальню и попросил ее лечь спать. В этот вечер Мина была особенно ласкова и сердечна и ни за что не хотела меня отпускать, но мне следовало еще о многом переговорить с друзьями, и я ушел. Слава Богу, наши отношения несколько не изменились от того, что мы друг друга не во все посвящаем.

Вернувшись, я застал своих друзей у камина в кабинете. В поезде я все точно записал в дневник, так что мне пришлось только прочесть им запись; когда я кончил, Ван Хелсинг сказал:

– Немало, однако, вам пришлось потрудиться, дружище Джонатан. Но зато мы теперь почти наверняка напали на след пропавших ящиков. Если они все отыщутся в том доме, то и делу скоро конец. Но если части из них не окажется, придется снова отправляться на поиски, пока мы не найдем все ящики, после чего нам останется лишь одно – заставить негодя умереть естественной смертью.

Все молчали, когда м-р Моррис вдруг спросил:

– Скажите, а как мы попадем в этот дом?

– Но ведь в первый мы попали, – быстро ответил лорд Годалминг.

– Нет, Артур, здесь большая разница. Мы взломали дом в Карфаксе, но ведь тогда мы находились под защитой ночи и обнесенного стеною парка. А на Пиккадилли будет гораздо труднее совершить взлом, безразлично, днем или ночью. Я не уверен, что нам удастся туда попасть, если только агент не достанет ключи; может быть, завтра мы получим от него письмо, тогда все разъяснится.

Лорд Годалминг насупился и мрачно зашагал по комнате. Затем, постепенно замедляя шаги, он остановился и, обращаясь к каждому из нас по очереди, сказал:

– Квинси рассуждает совершенно правильно. Взлом помещения – вещь слишком серьезная. Один раз все сошло великолепно, но в данном случае куда трудней, разве только мы найдем ключи от дома у графа.

Так как до утра мы ничего не могли предпринять и приходилось ждать письмо от Митчела, мы решили устроить передышку до завтрака; мы довольно долго сидели, курили, обсуждая проблему со всех сторон, и наконец разошлись. Я воспользовался случаем и записал все в дневнике; теперь мне страшно хочется спать, пойду и лягу.

Еще несколько строк. Мина крепко спит, ровно дыша. Ее лоб слегка нахмурен, будто и во сне мысли не отпускают ее. Она немного бледна, но не выглядит уже такой изможденной, как сегодня утром. Завтрашний день все изменит, ей будет лучше дома, в Эксетере. Но как же я хочу спать!

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

1 ОКТЯБРЯ. Ренфилд меня опять беспокоит; его настроения так быстро меняются, что его положительно трудно понять; не знаю даже, как это объяснить, и чувствую огромный интерес. Когда я вошел к нему сегодня утром, после того как он не принял Ван Хелсинга, у него был такой вид, точно он повелевал судьбами мира; и он действительно повелевал судьбами, но очень своеобразно. Его определенно не интересовало ничего на свете; он пребывал точно в тумане и глядел свысока на слабости и желания смертных. Я решил воспользоваться случаем и кое-что разузнать, а потому спросил:

– Как в этот раз насчет мух?

Он улыбнулся с чувством превосходства – улыбкой Мальволио – и ответил:

– У мух, любезный сэр, есть одна удивительная черта: в их крылышках заключена огромная духовная сила. Древние были правы, когда изображали душу в виде бабочки!

Мне захотелось, чтобы он развил аналогию, и я сказал быстро:

– А, значит, вы охотитесь за душой?

Его безумие победило рассудок, на лице отразилась озадаченность, потом с решительностью, которую я редко в нем замечал, он сказал:

– Нет, нет, мне не нужна душа. Жизнь – вот все, что мне нужно. – Тут лицо его просветлело. – В данный момент мне это совершенно безразлично. У меня есть все необходимое. Вам следовало бы подыскать другого пациента, если вы вознамерились изучать зоофагию.

Это меня слегка озадачило. Я опять подступил к нему:

– Значит, вы имеете власть над жизнью, верно? Вы чувствуете себя Богом?

Он улыбнулся с явным превосходством:

– О нет, я далек от мысли равняться с Богом. Я даже не задумываюсь о духовных деяниях. Если говорить о моем образе мыслей, я определил бы его как земное воплощение духовного состояния Еноха.

Это оказалось для меня слишком трудным, я не смог сразу вспомнить соответствующее место о Енохе. Поэтому пришлось задать вопрос, хотя я и понимал, что теряю в глазах этого безумца.

– Почему – Енох?

– Потому что он ходил по земле вместе с Богом.

Я не понял аналогии, но не захотел признаться в этом и вернулся к его прежним словам:

– Значит, вы не думаете о жизни и не покушаетесь на души. Но разве это так?

Я задал вопрос быстро и решительно, полагая застать его врасплох. И преуспел: он мгновенно вернулся к своей подбострастной манере, низко склонился передо мной и заискивающе ответил:

– Конечно, мне не нужны души, нет! Как бы я ими пользовался, что бы с ними делал? Я ведь не могу их съесть или... – Он вдруг остановился, и обычное лукавое выражение мелькнуло на его лице, будто рябь прошла по воде. – А что касается жизни, доктор, то что это такое, в конце концов? Когда у вас появляется все, что вам угодно, и больше желать становится нечего,

наступает конец. А у меня есть хорошие друзья, вроде вас, д-р Сьюард, – это было произнесено с непередаваемым лукавством, – и я знаю, у меня всегда будет то, что необходимо для жизни.

Полагаю, сквозь туман своего безумия он видел мое неприятие его идей и использовал единственный выход для людей его типа – замкнулся в полном молчании. Я понял, что пытаться продолжить с ним разговор бесполезно. Он обиженно надулся, и я предпочел покинуть его.

Позднее днем он сам прислал за мной. В иной раз я бы ни за что не пошел без особого повода, но сейчас он был так мне интересен, что я с удовольствием откликнулся. Кроме того, я рад, это поможет убить время. Харкера нет в доме, он занят своим исследованием; так же лорд Годалминг и Квинси; Ван Хелсинг сидит в моем кабинете, погруженный в записи, сделанные Харкером, – кажется, он считает, что если изучит мельчайшие детали, то найдет разгадку тайны. И он не любит, когда его отрывают от работы по пустякам. Я мог бы взять его с собой к больному, но он вряд ли ищет повторной встречи после неудачи с Ренфилдом. Была и еще одна причина – Ренфилд мог и не захотеть говорить откровенно в присутствии третьего лица.

Когда я вошел, он сидел на табурете посреди комнаты в той позе, которая у него означала крайнее умственное напряжение. Он немедленно задал вопрос, который, казалось, сильно его мучил:

– Так что же души?

Очевидно, мои предположения оправдались: подсознание продолжает работать даже у сумасшедших. Я решил выяснить все до конца.

– А что вы сами об этом думаете? – спросил я.

Он стал озираясь по сторонам, будто ища вдохновения, и не сразу ответил.

– Мне не нужны души, – сказал он слабым, извиняющимся голосом. Какая-то мысль терзала его, и я решил использовать это, быть «жестоким во благо».

Поэтому я спросил:

– Вы любите живое, это именно то, что вам необходимо?

– Да! Но это пустяки, вам не следует волноваться.

– Однако, – сказал я, – как можно забрать жизнь, не забрав при этом и душу?

Вопрос озадачил его, а я поторопился развить свою мысль:

– Веселая жизнь начнется у вас, когда вы покинете клинику в сопровождении роящихся вокруг вас, щелкающих, жужжащих, мяукающих душ мух, пауков, птиц и кошек. Вы отняли у них жизнь, теперь вам придется иметь дело с их душами.

Это затронуло его воображение; он обхватил голову руками и крепко зажмурился, как маленький мальчик, которому намыливают голову. В этом было нечто патетическое и потому тронуло меня. Я также понял, что передо мной всего лишь ребенок, хоть и со взрослым грубоватым лицом, заросшим к тому же седой щетиной. Было ясно, что в его сознании происходит какая-то работа, и, зная, как тяжело ему справляться с мыслями, которые не были его собственными, я решил пройти этот путь вместе с ним. Главное – восстановить между нами доверие, и я сказал довольно громко, чтобы услышали его зажатые руками уши:

– Может, вам нужен еще сахар, чтобы приманить побольше мух?

Он сразу очнулся и покачал головой. Со смехом он сказал:

– Совсем немного! Несчастные создания эти мухи, в конце концов.

После паузы он добавил:

– Но я совсем не хочу, чтобы их души жужжали вокруг меня!

– Или души пауков! – сказал я.

– К черту пауков! Какой прок от пауков? В них совсем нечего есть или... – Он оборвал себя, будто вспомнив о каком-то запрете.

«Так-так, – подумал я. – Вот уже во второй раз он спотыкается о слово «пить»; что бы это значило?»

Ренфилд понял, что допустил оплошность, и заговорил торопливо, стараясь отвлечь мое внимание:

– Я не могу делать припасы: всяких там, как говорил Шекспир, «мышек, крыс и прочей живности» – я уже прошел через это. Все равно что заставлять человека поддевать на вилку отдельные молекулы – пытаться отвлечь меня всякой мелочью, когда я вижу то, что находится прямо передо мной!

– Понимаю, – сказал я. – Вы хотите чего-нибудь побольше, во что можно вонзить зубы. Что бы вы сказали о слоне на завтрак?

– Какие глупости вы говорите! – Он совсем пришел в себя, и я решил усилить давление.

– Интересно, – сказал я задумчиво, – на что похожа душа слона?

Я добился нужного эффекта – он мгновенно растерял свою заносчивость и снова превратился в маленького ребенка.

– Мне не нужна душа слона и вообще никакая душа! – сказал он. На мгновение он впал в уныние. Вдруг он вскочил на ноги, глаза его зажглись бешенством. – К черту вас с вашими душами! – закричал он. – Что вы надоедаете мне со своими душами! Неужели вы думаете, что мне мало своих забот и огорчений, чтобы еще и о душах думать!

Он был так возбужден и враждебен, что я испугался, не пришло ли ему в голову опять напасть на меня. Я дунул в свисток. В то же мгновение он успокоился и сказал примирительно:

– Простите, доктор, я забылся. Вам не нужно звать на помощь. Мой ум в смятении, и я бываю раздражительным. Если б вы только знали, с чем мне пришлось столкнуться и какие заботы одолевают меня, вы простили бы и пожалели меня. Умоляю, не надевайте на меня смиренной рубашки. Я хочу думать, но я не могу думать, когда тело мое сковано. Я уверен, что вы меня поймете!

Очевидно, он вполне овладел собой; поэтому, когда явились служители, я отослал их обратно. Ренфилд проводил их глазами, а когда дверь закрылась, мягко сказал:

– Д-р Сьюард, вы были внимательны ко мне. Поверьте, я очень вам благодарен.

Я решил оставить его и на том покинул палату.

Есть что-то в состоянии этого человека, что надлежит как следует проанализировать. Попробую привести наблюдения в порядок. Итак:

он остерегается употреблять слово «пить»;

боится думать о душе;

считает нормальным и впредь питаться «жизнями»;

презирает «малые» формы жизни, хотя и боится, что их души будут преследовать его.

По логике вещей все это указывает только на одно! Он уверен, что он может, питаясь живыми существами, обрести какую-то иную, более высокую форму жизни. И боится последствий – мысли о душе тяготят его. Значит, его цель – человеческая жизнь? Но откуда его уверенность? Бог мой! Здесь чувствуется влияние графа, и неизвестно, какие еще ужасы он замыслил.

ПОЗДНЕЕ. После обхода я пошел к Ван Хелсингу и рассказал ему о своих подозрениях. Он очень серьезно отнесся к моим словам и, подумав немного, попросил меня взять его с собой к Ренфилду. Когда мы вошли, то были поражены зрелищем: он снова рассыпал свой сахар; сонные осенние мухи жужжа влетали в комнату. Мы старались навести его на прежний разговор, но он не обращал на нас никакого внимания. Он продолжал петь, будто нас совсем нет в комнате. Он достал лист бумаги и смастерил записную книжку. Мы так и ушли ни с чем.

По-видимому, это действительно исключительный случай; надо будет сегодня тщательно следить за ним.

ПИСЬМО ФИРМЫ «МИТЧЕЛ, СЫНОВЬЯ И КЕНДИ» ЛОРДУ ГОДАЛМИНГУ

«1 ОКТЯБРЯ.

Ваша светлость!

Мы счастливы в любой момент пойти навстречу вашим желаниям. Из этого письма ваша светлость узнает, согласно его пожеланиям, переданным нам м-ром Харкером, подробности о покупке и продаже дома № 347 на Пиккадилли. Продавцами были поверенные м-ра Арчибальда Винтер-Саффилда. Покупатель – знатный иностранец граф де Виль, который произвел покупку лично, заплатив всю сумму наличными деньгами. Вот все, что нам известно.

*Остаемся покорными слугами вашей светлости
«МИТЧЕЛ, СЫНОВЬЯ И КЕНДИ».*

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

2 ОКТЯБРЯ. Вчера ночью я поставил человека в коридоре и велел следить за каждым звуком, исходящим из палаты Ренфилда; я приказал немедленно послать за мной, если произойдет что-нибудь странное. После того как миссис Харкер отправилась спать, мы долго еще обсуждали предпринятые нами шаги и открытия, сделанные в течение этого дня. Один лишь Харкер узнал кое-что новое, и мы надеемся, что его открытие окажется важным.

Перед сном я еще раз подошел к палате Ренфилда и посмотрел в дверной глазок. Он крепко спал; грудь его спокойно и ровно вздымалась и опускалась. Сегодня утром дежурный доложил мне, что вскоре после полуночи сон Ренфилда стал тревожным и пациент все время громко бормотал молитвы. Я спросил, все ли это. Он ответил, что больше ничего не слышал. Его ответ показался мне чем-то подозрительным, и я прямо спросил, не спал ли он на дежурстве. Вначале он это отрицал, но затем сознался, что немного вздремнул. Грустно, что никому нельзя доверять без того, чтобы самому за ним не следить.

Сегодня Харкер отправился продолжать свои поиски, а Артур и Квинси ищут лошадей. Годалминг говорит, что лошади всегда должны быть наготове, ибо, когда мы получим нужные сведения, будет слишком поздно искать их. Нам нужно стерилизовать всю привезенную землю между восходом и заходом солнца; таким образом, мы сможем напасть на графа, воспользовавшись его самой слабой стороной, и будем меньше рисковать жизнью. Ван Хелсинг пошел в Британский музей посмотреть кое-какие книги по старинной медицине.

В древности врачи обращали внимание на такие вещи, каких их последователи не признают, и профессор ищет средство против ведьм и бесов, которое нам впоследствии может пригодиться.

Порой мне кажется, что все мы сошли с ума и нас вылечит только смирительная рубашка.

ПОЗДНЕЕ. Мы снова собрались; кажется, мы напали наконец на след, и завтрашняя работа, может быть, будет началом конца. Хотел бы я знать, имеет ли спокойствие Ренфилда что-нибудь общее с этим. Его настроения так явно соотносились с действиями графа, что уничтожение этого чудовища может оказаться для него благом. Если бы мы имели хоть малейшее представление о том, что происходит у него в мозгу, мы получили бы важные данные. Теперь он, как видно, на время успокоился...

Так ли?.. Этот вой, кажется, раздался из его комнаты... Сторож влетел ко мне и сказал, что с Ренфилдом что-то случилось. Он слышал, как тот завыл, и, войдя в комнату, обнаружил его лежащим лицом вниз на полу в луже крови. Иду к нему.

Глава XXI

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

3 ОКТЯБРЯ. Позвольте мне с точностью изложить, насколько я помню, все происшедшее со времени последней записи. Я придаю громадное значение тому, чтобы эти факты были зафиксированы с необыкновенной, прямо-таки педантичной точностью.

Когда я вошел в комнату Ренфилда, он лежал на левом боку на полу в луже яркой крови. Подойдя к нему, чтобы поднять его, я сразу заметил, что он получил тяжкие повреждения. Взглянув на голову, я увидел, что лицо его так разбито, словно Ренфилда колотили лицом об пол; действительно, лужа крови натекла из ран на лице. Служитель, стоявший на коленях рядом с телом, сказал, когда мы перевернули раненого:

– Мне кажется, у него сломан хребет. Смотрите, правая рука, нога и вся правая сторона лица парализованы.

Служителя чрезвычайно озадачило, как это могло случиться. Он был странно поражен, и его брови были грозно нахмурены, когда он говорил:

– Не пойму двух вещей. Он мог разбить себе лицо, если б бился головой об пол. Я видел, как делала это одна молодая женщина в Эверсфилдском сумасшедшем доме, прежде чем ее успели схватить. Думаю, он мог сломать хребет, свалившись с кровати, если с ним неожиданно случился опасный припадок. Но если б даже от этого зависело спасение моей души, я не смогу понять, как могло произойти и то и другое сразу. Если хребет у него сломан, он не мог биться головой об пол; а если лицо разбито до того, как он свалился с кровати, на постели должны остаться пятна.

Я приказал ему:

– Бегите к доктору Ван Хелсингу и попросите его немедленно прийти сюда. Он мне нужен сейчас же.

Служитель убежал, и через несколько минут появился профессор в халате и туфлях. Когда он увидел Ренфилда на полу, он проникательно взглянул на него, а затем обернулся ко мне. Полагаю, он по глазам прочел мои мысли, потому что спокойно сказал, очевидно имея в виду присутствие сторожа:

– Печальный случай! Потребуется весьма тщательный уход и большая забота. Я побуду с вами, но сперва оденусь. Подождите меня здесь, я вернусь через несколько минут.

Пациент хрипло дышал, видно было, что он испытывает невероятные страдания. Ван Хелсинг вернулся необычайно быстро с набором хирургических инструментов. Он, видимо, успел все обдумать и принял какое-то решение, потому что, не взглянув на пациента, шепнул мне:

– отошлите служителя. Мы должны остаться с ним наедине к тому моменту, когда к нему вернется сознание после операции.

Я сказал:

– Пока довольно, Симмонс. Вы сделали все, что могли. Можете идти к себе, а д-р Ван Хелсинг приступит к операции. Дайте немедленно знать, если случится что-нибудь необычное.

Служитель удалился, а мы приступили к тщательному осмотру пациента. Раны на лице были неглубокими; опасным было повреждение черепа с правой стороны черепной коробки. Профессор задумался на минуту и сказал:

– Надо постараться уменьшить давление костей на мозг и привести его в нормальное состояние, насколько это возможно; быстрота, с которой произошло излияние, указывает на

опасный характер повреждения. Кажется, затронут весь двигательный аппарат. Кровоизлияние в мозг быстро усиливается, необходимо приступить к операции немедленно, иначе будет поздно.

Пока он говорил, раздался легкий стук в дверь. Я открыл и увидел в коридоре Артура и Квинси в ночной одежде, пижамах и туфлях; первый сказал:

– Я слышал, как ваш человек позвал д-ра Ван Хелсинга и сообщил ему о печальном инциденте. Я разбудил Квинси, вернее сказать, позвал его, так как он не спал. Необычайные события происходят теперь слишком быстро, чтобы мы могли наслаждаться здоровым сном. Мне приходило в голову, что завтрашняя ночь все изменит. Мы должны смотреть в будущее гораздо внимательнее, нежели до сих пор. Можно нам войти?

Я молча кивнул и держал дверь открытой, пока они входили, затем снова запер ее. Когда Квинси увидел положение и состояние пациента и заметил страшную лужу на полу, он тихо спросил:

– Боже мой! Что с ним произошло? Бедняга, бедняга!

Я коротко рассказал ему о случившемся и объяснил, почему мы надеемся, что к пациенту вернется сознание после операции, на короткое время, во всяком случае. Он сел на край постели рядом с Годаммингом. Что ж, будем ждать, пока не станет ясно, в каком месте надо делать трепанацию, чтобы удалить тромб. Несомненно, кровотечение усиливается.

Минуты нашего ожидания текли с ужасающей медлительностью. У меня замирало сердце, и я видел по лицу Ван Хелсинга, что и он немало волнуется относительно будущего. Я боялся тех слов, которые мог произнести Ренфилд. И определенно боялся думать; угнетало предчувствие того неотразимого бедствия, которое надвигалось на нас, как море в часы прилива. Бедняга Ренфилд дышал отрывисто, спазматически. Каждую минуту казалось, что он откроет глаза и заговорит, но снова звучало хрипкое дыхание, и обморок делался все глубже. Как я ни привык к виду болезней и смерти, это ожидание все сильнее действовало мне на нервы. Я почти слышал удары собственного сердца, а кровь, приливавшая к вискам, отдавалась в моем мозгу как удары молота. Молчание делалось мучительным. Я поглядел на своих товарищей и по их пылающим лицам и влажным лбам понял, что они испытывают ту же муку. Наши нервы были взвинчены, словно вот-вот раздастся звон страшного колокола, который захватит нас врасплох.

Наконец настал момент, когда стало ясно, что пациент быстро слабеет; он мог умереть с минуты на минуту. Я посмотрел на профессора и увидел его пристальный взгляд, обращенный ко мне. Он сказал:

– Нельзя терять времени. От его слов зависит жизнь многих людей; я думал о том, пока стоял рядом. Быть может, ставкой здесь служат души. Мы сделаем трепанацию как раз над ухом.

Не сказав больше ни слова, он приступил к операции. Несколько минут дыхание оставалось хриплым. Затем последовал такой долгий вздох, что казалось, грудь должна распахнуться. Глаза Ренфилда вдруг открылись и уставились на нас с диким, бессмысленным выражением. Это продолжалось несколько минут; потом взгляд его смягчился, в нем отразилось приятное удивление, и вздох облегчения сорвался с губ. Он судорожно задвигался и сказал:

– Я буду спокоен, доктор. Велите им снять смирительную рубашку. Я видел страшный сон, и он так истощил мои силы, что я не могу сдвинуться с места. Что с моим лицом? Оно словно опухло и ужасно саднит.

Он хотел повернуть голову, но при этом усилием глаза его снова остекленели, и я тихонько поддержал его голову. Тогда Ван Хелсинг сказал спокойным, серьезным тоном:

– Расскажите нам ваш сон, м-р Ренфилд!

При звуках этого голоса на разбитом лице Ренфилда появилась радостная улыбка, и он ответил:

– Это д-р Ван Хелсинг? Как вы добры, что пришли сюда. Дайте воды, у меня губы пересохли; и я постараюсь рассказать вам. Мне снилось... – Он замолк, будто потерял сознание.

Я быстро сказал Квинси:

– Бренди у меня в кабинете, быстрее!

Он убежал и скоро вернулся с бокалами и графинами бренди и воды. Мы смочили потрескавшиеся губы пациента, и он ожил. Но было очевидно, что его бедный поврежденный мозг работал в это время, потому что, когда он совершенно пришел в себя, он взглянул пронизательно с мучительным смущением, которого мне никогда не забыть, и сказал:

– Я не должен обманывать самого себя; это был не сон, а жестокая действительность.

Его взгляд блуждал по комнате; когда он остановился на двух фигурах, терпеливо сидевших на краю постели, он продолжил:

– Если бы я не был в этом уверен, все равно понял бы по их присутствию.

На секунду его глаза закрылись – не от боли или сонливости, а по доброй воле, будто он хотел собрать свои мысли; когда он открыл глаза, то заговорил торопливо и более энергично, чем до сих пор.

– Скорее, доктор, скорее! Я умираю. Чувствую, что мне осталось жить всего несколько минут, и затем я снова вернусь к смерти... или к тому, что хуже смерти. Смочите опять мои губы бренди. Я должен сказать что-то прежде, чем умру, или прежде, чем замрет мой бедный убитый мозг... Благодарю вас... Это произошло ночью, после того как вы покинули меня, хотя я умолял вас меня выпустить. Я не мог тогда говорить, я чувствовал, что язык мой связан; но за исключением этого я был тогда так же здоров, как теперь. Я долго оставался в мучительном отчаянии, после того как вы оставили меня. Мне казалось, прошли целые годы. И вдруг неожиданный мир снизошел на меня. Мой мозг снова успокоился, и я понял, где я нахожусь. Я слышал, как лаяли собаки за нашим домом, но не там, где был Он.

Ван Хелсинг ничем себя не выдал. Он только нашел мою руку и крепко сжал ее. Затем с легким кивком сказал:

– Рассказывайте дальше.

Ренфилд продолжал:

– Он подошел к окну в тумане, как я это часто видел и прежде; но на этот раз Он был не духом, а человеком, и глаза Его сверкали, словно Он сердился. Я видел, как Его красный рот злобно ухмылялся; Его острые белые зубы блестели при свете луны, когда Он оглянулся на заросли деревьев, за которыми лаяли собаки. Поначалу я не хотел звать Его, хотя знал, что Ему хотелось войти ко мне, как и всегда. Тогда Он соблазнил меня, пообещав множество вещей – не на словах только, но их создавая.

Его прервал профессор:

– Каким образом?

– Заставляя их возникать точно так же, как Он создавал мух при свете солнца. Громадные, жирные мухи с крыльями, которые блистали сапфирами и сталью, а ночью – громадные бабочки с черепами и скрещенными костями на спинах.

Ван Хелсинг кивнул и пробормотал, обращаясь ко мне:

– *Acherontia atropos*... – так называется бабочка «Мертвая голова».

Больной продолжал говорить без остановки:

– Он начал шептать: «Крысы, крысы, крысы». Появились сотни, тысячи, миллионы крыс, все живые, и собаки, уничтожавшие их, и кошки. Все живые, с красной кровью, многолетней красной кровью, не простые, обыкновенные мухи... Я засмеялся над Ним, потому что мне хотелось посмотреть, что Он в состоянии сделать. Тогда завyli собаки за темными деревьями в Его доме. Он подозвал меня к окну. Я встал и подошел, а Он поднял руки и, казалось, призывал кого-то, не произнося ни единого звука. Темная масса надела на траву, появившись, словно огненное пламя; и когда Он движением рук раздвинул туман вправо и влево, я увидел, что тут

кишмя кишели тысячи крыс с такими же огненными красными глазами, и они все замерли: и мне казалось, что Он говорит: «Все эти жизни я подарю тебе и еще больше, на множество веков, если ты на коленях поклонись мне». И красное облако цвета крови спустилось на мои глаза, и, прежде чем я сообразил, что делаю, я открыл окно и сказал ему: «Войдите, Господин и Учитель». Крысы исчезли, а он проскользнул в комнату сквозь окно, хотя я приоткрыл его всего лишь на дюйм, подобно тому как луна проскальзывает сквозь малейшую щель, и явился предо мной во всей своей красоте и величии.

Его голос делался все слабее, так что я снова смочил ему губы бренди, и он продолжал, но его память будто утомилась за это время, и, возобновляя рассказ, он шагнул далеко вперед. Я хотел остановить его, но Ван Хелсинг шепнул:

– Не мешайте, пусть продолжает. Не прерывайте его; он не может вернуться назад и, пожалуй, не сможет продолжить, если потеряет нить рассказа.

Ренфилд продолжал:

– Весь день я ждал вести от Него, но Он ничего не прислал мне, даже ни одной синей мухи, так что, когда взошла луна, я был порядочно зол на Него. Когда Он вновь проскользнул в окно, хотя то и было закрыто, даже не постучавшись предварительно, я был вне себя. Он издевался надо мной, и Его бледное лицо проступало в тумане с красными, сверкающими глазами, и у Него был такой вид, точно это место принадлежало Ему, а я был ничто. И даже прежнего запаха не было от Него, когда Он прошел мимо. Я не мог удержать Его. Мне только показалось, будто в комнату вошла миссис Харкер, а не Он.

Мужчины, сидевшие на постели, поднялись и встали позади Ренфилда, так что он не мог их видеть, зато они могли лучше слышать. Они молчали, но профессор вздрогнул; его лицо стало еще суровее. Ренфилд продолжал, ничего не заметив:

– Когда миссис Харкер пришла ко мне сегодня днем, она была не такая, как прежде; знаете, бывает чай, сильно разбавленный водой.

Тут мы пошевелились, но никто не сказал ни слова. Он продолжал:

– Я не догадывался, что она здесь, пока она не заговорила: она была не такая, как прежде. Мне не нравятся бледные люди; я люблю людей, в которых много крови, а ее кровь, казалось, вытекла. Я не думал об этом тогда; но, едва она ушла, я стал думать об этом, и меня сводила с ума мысль, что Он отнимает у нее жизнь!

Я почувствовал, как все содрогнулись, содрогнулся и я; но мы молчали.

– Итак, когда Он явился сегодня ночью, я был готов принять Его. Я видел, как скользил туман, и я схватил Его крепко. Я слышал, что сумасшедшие обладают сверхъестественной силой, а так как я знал, что временами я сумасшедший, то и решил использовать свою силу. И Он тоже почувствовал это, потому что должен был выступить из тумана, чтобы бороться со мной. Я стойко держался; и я думал, будто начинаю одолевать, так как не хотел, чтобы Он отнимал у нее жизнь, но когда я увидел Его глаза, они прожгли меня, и моя сила стала подобна воде. Он осилил меня, и, когда я цеплялся за Него, Он поднял меня и бросил наземь. Красное облако застлало мне глаза, я услышал звук, подобный грому, и туман, казалось, уплывал под дверь.

Его голос делался все слабее, а дыхание все более хриплым. Ван Хелсинг машинально выпрямился.

– Мы знаем теперь самое худшее, – сказал он. – Чудовище здесь, и нам известно, с какой целью. Может быть, еще не поздно. Вооружимся, как в ту ночь, но не будем терять времени, каждая секунда дорога.

Не надо было вовсе напоминать нам об этом, и без того мы понимали, в чем дело. Мы поспешили в свои комнаты за теми предметами, с которыми ходили в дом графа. У профессора вещи были наготове, и, когда мы встретились с ним в коридоре, он сказал, многозначительно показывая на них:

– Эти вещи никогда не покидают меня и не покинут, пока это приключение не завершится. Будьте благоразумны, друзья мои. Мы имеем дело не с обыкновенным врагом. Увы! Увы! Подумать только, что дорогая мадам Мина должна страдать.

Он замолчал; у него перехватило дыхание, я не отдавал себе отчета, что преобладало в моем сердце – бешенство или ужас.

У двери миссис Харкер мы остановились. Арт и Квинси стояли сзади, и Квинси промолвил:

– Неужели мы потревожим ее?

– Мы обязаны это сделать, – мрачно ответил Ван Хелсинг. – Если дверь заперта, я ее сломаю.

– Ведь это может страшно напугать ее. Не принято насильно врывать в комнату леди.

Ван Хелсинг строго произнес:

– Вы, по обыкновению, правы; но тут речь о жизни и смерти. Все комнаты одинаковы для врача; даже если это и не всегда так, сегодня они таковы для меня. Джон, когда я поверну ручку и дверь не откроется, нажмите плечом изо всех сил; вы также, друзья мои. Ну...

Говоря это, он повернул ручку, но дверь не поддавалась. Мы навалились, она с треском раскрылась, и мы чуть не влетели в комнату головой вперед. Профессор действительно упал, и я видел, как он поднимался с колен. Меня ужаснуло то, что я увидел. Я почувствовал, как волосы встали у меня дыбом, а сердце остановилось.

Луна была такая яркая, что, несмотря на плотную желтую штору, в комнате было достаточно светло, чтобы видеть. Джонатан Харкер лежал на постели с воспаленным лицом и тяжело дышал, он был в оцепенении. У того края кровати, который был ближе к окну, виднелась стоящая на коленях фигура его жены в белом ночном одеянии. Около нее стоял высокий, стройный мужчина в черном. Сначала его лица не было видно, но, как только мы получили возможность рассмотреть его, все узнали графа. В левой руке он держал обе кисти рук миссис Харкер, сильно оттянув их; его правая рука сжимала ее затылок, прижав ее лицо к своей груди. Ее белое ночное одеяние было перепачкано кровью, которая тонкой струйкой стекала по обнаженной груди мужчины, видневшейся сквозь разорванную одежду. Поза их страшным образом напоминала картину, когда ребенок тычет котенка носом в блюдце с молоком, заставляя его пить. Когда мы ворвались в комнату, граф обернулся, и адский взор, который мне так часто описывали, мелькнул перед нами. Его глаза пылали дьявольской страстью; широкие ноздри бледного орлиного носа раздувались и трепетали, а острые белые зубы за толстыми губами окровавленного рта щелкали, как зубы дикого зверя. Отбросив сильным толчком свою жертву, которая упала на постель, словно сброшенная с высоты, он повернулся и бросился на нас. Но к этому времени профессор был уже на ногах и держал перед собой освященную облатку. Граф вдруг остановился точно так же, как остановилась бедняжка Люси у могилы, и попятился назад. Все дальше и дальше пятился он, когда мы, подняв наши распятия, начали наступать. Луна внезапно скрылась, так как черная туча повисла в небе; и, когда вспыхнул газ, зажженный Квинси, мы увидели лишь легкий туман. И мы видели, как этот туман тянулся под дверь, которая от силы размаха, когда мы ее открыли, захлопнулась сама по себе. Ван Хелсинг, Арт и я бросились к миссис Харкер, которая в этот момент глубоко вздохнула и крикнула столь дико, пронзительно и отчаянно, что, кажется, он будет звенеть в ушах до самого дня моей смерти. Несколько секунд она продолжала лежать беспомощно, не обращая внимания на беспорядок в своей одежде. Ее лицо было страшно, и бледность подчеркивали кровавые пятна на ее губах, щеках и подбородке; с шеи у нее стекала тонкая струйка крови. В глазах ее был безумный ужас. Она приложила к лицу свои бедные полураздавленные руки, на которых пунцовыми пятнами проступали следы страшного графского пожатия; затем мы услышали тихий, жалобный плач, который потряс нас не меньше, чем ее страшный крик, который был лишь первым проявлением проснувшегося сознания. Ван Хелсинг подошел к кровати и прикрыл ее одеялом, между

тем как Арт, поглядев с минуту в отчаянии на ее лицо, выбежал из комнаты. Ван Хелсинг шепнул мне:

– Джонатан находится в состоянии оцепенения, которое, как нам известно, может вызвать вампир. Мы ничем не можем помочь бедной мадам Мине, пока она не придет в себя; я должен разбудить его.

Он намочил кончик полотенца холодной водой и стал тереть его лицо; жена же его продолжала закрывать лицо руками, рыдая так, что сердца у нас разрывались. Я поднял штору и поглядел в окно. Полянка была залита лунным светом, и я увидел, как Квинси Моррис пробежал по ней и исчез за стволом большого тиса. Меня удивило, зачем он это делает, но в эту минуту мое внимание было привлечено коротким восклицанием Харкера, который почти пришел в себя и повернулся в постели. На его лице, как и следовало ожидать, была написана растерянность. Несколько секунд он пробыл в полубессознательном состоянии, затем к нему разом вдруг вернулось сознание, и он задрожал. Его жена услышала это быстрое движение и простерла к нему свои руки как бы для того, чтобы обнять его; но, однако, она тотчас же отдернула их и, закрыв руками лицо, забилась, точно в приступе сильнейшей лихорадки.

– Ради Бога, что это значит? – воскликнул Харкер. – Доктор Сьюард, доктор Ван Хелсинг, что это такое? Что произошло? Какое несчастье? Мина, дорогая, что случилось? Откуда эта кровь? Боже мой! Боже мой! Неужели дошло до этого! – И, приподнявшись, он вытянул руки в мольбе. – Боже милосердный, помоги нам, помоги ей! О, помоги ей!

Одним рывком он спрыгнул с постели и стал одеваться; в нем пробудился мужчина с его потребностью немедленного действия.

– Что случилось? Расскажите мне все! – воскликнул он после паузы. – Доктор Ван Хелсинг, вы, я знаю, любите Мину. О, спасите ее как-нибудь! Это не могло пойти слишком далеко! Охраняйте ее, пока я побегу искать *его*.

Его жена в своем страхе, ужасе и горе почувствовала грозившую ему опасность; тотчас же, забыв свое собственное горе, она обняла его и закричала:

– Нет! Нет! Джонатан, ты не должен оставлять меня! Я так настрадаюсь сегодня ночью, что не в силах буду пережить новые страхи. Ты должен остаться со мной. Оставайся с нашими друзьями, которые поберегут тебя!

Когда она говорила, ее лицо выражало безумие; он уступил ей, и она страстно к нему прижалась.

Ван Хелсинг и я старались успокоить их обоих. Профессор поднял свое маленькое золотое распятие и произнес с удивительным спокойствием:

– Не бойтесь, дорогая. Мы здесь; и пока вот это возле вас, нечистое не может приблизиться. Вы в безопасности на сегодня, а мы должны сохранять спокойствие и посоветоваться, что нам делать дальше.

Она задрожала и умолкла, опустив голову на грудь мужа. Когда она подняла голову, его белая ночная одежда была запятнана кровью там, где прикоснулись ее губы и куда скатились капли из маленькой ранки на шее. Как только она увидела это, она отодвинулась с тихим плачем и прошептала, заглушая рыдания:

– Нечистая, нечистая! Я не должна больше прикасаться к нему или целовать его! О, откуда этот ужас! Ведь теперь я его злейший враг, прикосновения которого он имеет полное основание бояться!

На это он ответил решительным тоном:

– Глупости, Мина! Мне стыдно слышать подобные слова. Я не желаю слышать этого от тебя и не стану. Да осудит меня Господь по делам моим, да накажет меня еще более горьким страданием, чем нынешнее, если когда-либо по моей вине или воле что-нибудь встанет между нами!

Он раскрыл объятия и прижал ее к своей груди; и она оставалась так некоторое время, тяжело вздыхая. Он глядел на нас поверх ее опущенной головы грустными, полными слез глазами; на губах его мелькала горькая усмешка. Постепенно ее вздохи стали реже и слабее; тогда он сказал мне, говоря с вынужденным спокойствием, которое, как я почувствовал, давалось ему с большим трудом и страшно напрягало его нервы:

– А теперь, доктор Сьюард, расскажите мне подробно обо всем, что произошло. Я слишком хорошо знаю суть; расскажите мне подробности.

Я точно передал ему все случившееся, и он слушал с кажущимся бесстрашием; однако ноздри его вздрагивали, а глаза засверкали, когда я рассказал, как безжалостные руки графа удерживали его жену в том ужасном положении, со ртом, прижатым к открытой ране на его груди. Даже в ту минуту меня поразило, что, хотя его бледное лицо над склоненной головой жены исказилось, руки его продолжали нежно, с любовью гладить ее растрепавшиеся волосы. Как только я кончил рассказ, Квинси и Годалминг постучали в дверь. Они вошли, получив разрешение. Ван Хелсинг вопросительно поглядел на меня. Он как бы спрашивал, воспользоваться ли нам их приходом, чтобы отвлечь мысли несчастных супругов; после моего утвердительного кивка он спросил, что они видели и слышали. Лорд Годалминг ответил:

– Я не нашел его ни в коридоре, ни в одной из комнат. Я побывал в кабинете, но он уже ушел оттуда, хотя и побывал там. Однако...

Он вдруг замолчал, глядя на поникшую фигуру, сидевшую на постели. Ван Хелсинг торжественно произнес:

– Продолжайте, дружище Артур. Теперь в тайнах больше нет нужды. Наша надежда на то, что мы все будем знать всё. Говорите свободно.

Артур продолжал:

– Он побывал там и, хотя провел там всего несколько секунд, успел все уничтожить. Рукописи сожжены, и голубые огоньки вспыхивали еще в комнате; валики от вашего фонографа тоже брошены в огонь, и воск помог пламени.

Тут я прервал его:

– Слава Богу, у нас есть копия в негораемом шкафу.

Его лицо посветлело на минуту, но потом снова омрачилось. Он продолжал:

– Я сбежал вниз, но не нашел даже его следов. Я заглянул в комнату Ренфилда; там тоже никаких следов, кроме...

Он снова замолчал.

– Продолжайте, – хрипло сказал Харкер.

Тот опустил голову и, облизав кончиком языка губы, добавил:

– Кроме того, что бедняга умер!

Миссис Харкер подняла голову и, обведя всех нас взглядом, торжественно произнесла:

– Да исполнится Божья воля!

Мне казалось, Арт что-то скрывает; но так как я подумал, что это сделано с определенной целью, то ничего не сказал. Ван Хелсинг обратился к Моррису:

– А вы, друг Квинси, имеете что-нибудь сообщить?

– Не много, – ответил тот. – Возможно, случайность, но я не могу этого сказать с уверенностью. Мне казалось нелишним узнать, куда направился граф, когда покинул дом. Я не нашел его, но я видел, как летучая мышь вылетела из окна Ренфилда и полетела на запад. Я ожидал, что он вернется в каком-нибудь виде в Карфакс, но, очевидно, он отыскал другую берлогу. Он и не вернется сегодня ночью; небо уже заалело на востоке, и рассвет близок. Мы должны действовать завтра.

Последние слова он произнес сквозь стиснутые зубы. Минуты две длилось молчание, и мне казалось, что я слышу удары наших сердец; затем Ван Хелсинг сказал очень нежно, положив руку на голову миссис Харкер:

– А теперь, мадам Мина, бедная, дорогая мадам Мина, расскажите нам подробно, что случилось. Видит Бог, я не желаю расстраивать вас, но нам необходимо все знать. Теперь более, чем когда-либо, следует действовать быстро и решительно. Близится день, когда все должно закончиться, если это возможно; а теперь есть шансы на то, что мы останемся в живых и узнаем его тайну.

Бедная, милая мадам Мина задрожала, и я мог видеть, как напряжены ее нервы, когда она сильнее прижала к себе своего мужа, все ниже и ниже опуская голову ему на грудь. Затем она гордо подняла голову и протянула Ван Хелсингу руку, которую тот, почтительно поклонившись, поцеловал; другую руку сжимал муж, обняв ее за плечи. После паузы, во время которой она, по-видимому, собиралась с силами, она заговорила:

– Я приняла снотворное, которое вы так любезно мне дали, но оно долго не действовало. Бессонница была как будто сильнее лекарства, и мириады страшных мыслей кружились в моей голове... связанные со смертью и вампирами, с кровью, болью и горем!

Ее муж невольно простонал, когда она обернулась к нему и любовно сказала:

– Не тревожься, дорогой! Ты должен быть смелым и твердым и помочь мне перенести страшное испытание. Если бы ты только знал, как трудно мне рассказывать об этом ужасе, ты бы понял, насколько мне нужна ваша общая помощь. Ну, я поняла, что моя воля должна помочь лекарству, раз оно полезно для меня, и решила заснуть во что бы то ни стало. После этого сон, должно быть, скоро пришел, потому что я не помню больше ничего. Приход Джонатана не разбудил меня, ибо, когда ко мне вернулась память, он уже лежал возле меня. В комнате был тот самый легкий, белый туман, который я прежде замечала. Я не помню, известно ли это вам; вы найдете заметку об этом в моем дневнике, который я покажу потом. Я почувствовала тот же смутный страх, охватывавший меня и раньше, и то же ощущение чужого присутствия. Я повернулась, чтобы разбудить Джонатана, но он спал так крепко, точно он принял снотворное, а не я. Как я ни старалась, я не могла разбудить его. Это сильно меня напугало, и я в ужасе оглядывалась. Сердце мое замерло: у постели стоял высокий, стройный мужчина в черном, словно он выступил из тумана или, вернее, словно туман превратился в его фигуру. Я сейчас же узнала его по описаниям других. Восковое лицо, резкий, орлиный нос, на который свет падал тонкой белой линией, приоткрытые красные губы с острыми белыми зубами между ними и красные глаза, какие, насколько мне помнится, я видела при закате солнца в окнах церкви Св. Марии в Уитби. Я узнала даже красный шрам на его лбу, след от удара Джонатана. С минуту мое сердце не билось; я бы закричала, но я была точно парализована. Он заговорил резким, язвительным шепотом, показывая на Джонатана: «Молчать! Если вы издадите хоть один звук, я схвачу его и вытащу из него мозг на ваших же глазах». Я была поражена и слишком испугана, чтобы действовать или говорить. Он с насмешливой улыбкой положил руку мне на плечо и, крепко держа меня, обнажил другой рукой мое горло, говоря при этом: «Сначала легкое прохладительное в награду за мои труды. Пора вам привыкнуть; не в первый и не во второй раз ваши жилы утоляют мою жажду». Я была растеряна и, что довольно странно, не желала препятствовать ему. Я думаю, это следствие того проклятия, которое возникает после того, как он прикоснулся к своей жертве. О Боже мой, Боже, сжался надо мной! Он прикоснулся своими ужасными губами к моему горлу.

Ее муж снова застонал. Она сильнее сжала его руку и, с состраданием глядя на него, будто это он пострадал, продолжала:

– Я чувствовала, как силы меня покидали, и впала в полуобморочное состояние. Как долго продолжался этот ужас, не знаю; но мне казалось, что прошло много времени, прежде чем он убрал от моего горла свой безобразный, ухмыляющийся рот. Я видела, как с него капала свежая красная кровь...

Воспоминание, казалось, на время лишило ее сил, она поникла и упала бы, если бы ее не поддерживала рука мужа. Усилием воли она овладела собой и продолжала:

– Затем он стал издеваться надо мной: «Итак, вы, подобно другим, хотите бороться со мной. Вы желаете помочь этим людям поймать меня и помешать мне исполнить задуманное. Вы знаете теперь, они тоже знают отчасти и скоро узнают вполне, что значит встать мне поперек дороги. Им следовало бы беречь свою энергию для самозащиты. В то время как они действовали хитростью против меня – меня, который властвовал над народами и повелевал ими, когда ваших друзей не было еще на свете, – я разрушал все их планы. И вы, самая дорогая для них, вы сделали плотью от моей плоти, кровью от моей крови; родная мне, мой живительный источник на время, вы будете потом моим товарищем и помощником. Вы будете отмищены; ведь никто из них не окажет вам помощи. Но пока вы должны быть наказаны за то, что вы сделали. Вы помогли вредить мне, теперь вы будете являться на мой зов. Когда мой мозг прикажет «приди», вы поспешите через моря и земли на мой зов; для этой цели я сделаю вот что». Он распахнул при этом рубашку и длинными ногтями вскрыл жилу на своей груди; когда кровь брызнула, он крепко зажал в одну руку обе мои руки, другой рукой схватил меня за шею и прижал мой рот к ране, так что я должна была задохнуться или проглотить немного... О Боже мой! Боже мой! Что я сделала!.. Что сделала я, чтобы пережить этот ужас! Ведь я всегда старалась быть кроткой и честной. Господи, смилуйся надо мной! Сжался над бедной душой, которой грозит более чем смертельная опасность; яви милосердие и пожалей тех, кому я дорога!

Затем она стала тереть губы, как бы желая очистить их от осквернения.

Пока она рассказывала свою страшную историю, восток алел и делался все светлее. Харкер был молчалив и спокоен; но на его лицо, по мере того как продолжался страшный рассказ, надвинулась серая тень, которая все более и более темнела при утреннем свете, и, когда блеснула красная полоска утренней зари, лицо казалось совсем темным под белеющими волосами...

Мы решили, что один из нас должен оставаться поблизости от несчастных супругов до тех пор, пока нам можно будет собраться и обсудить дальнейшие действия.

В одном я уверен: на своем дневном пути солнце не встретит сегодня более несчастного дома.

Глава XXII

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

3 ОКТЯБРЯ. Я пишу эти строки, потому что должен что-нибудь делать, не то сойду с ума. Только что пробило шесть, и мы через полчаса должны собраться в кабинете и позавтракать, так как д-р Ван Хелсинг и д-р Сьюард решили, что если мы будем голодны, то не сможем исполнить наш план. Да, сегодня наши силы будут страшно напряжены. Я должен писать во что бы то ни стало потому, что не могу думать.

Я должен описать не только основные факты, но и каждую мелочь. Быть может, эти-то самые мелочи и объяснят нам все скорее, чем основные факты. Знание прошлого не может ухудшить моего положения или положения Мины.

Но мы должны верить и надеяться. Бедная Мина сейчас, рыдая, сказала мне, что вера проверяется невзгодами и лишениями и что мы не должны ее терять, тогда Господь в конце концов не отвернется от нас. В конце концов! О Господи! Какой же сужден конец?.. К делу! К делу!

Когда д-р Ван Хелсинг и д-р Сьюард, осмотрев беднягу Ренфилда, вернулись, мы стали решать, как действовать дальше. Д-р Сьюард рассказал, что, когда они с д-ром Ван Хелсингом спустились вниз, они увидели Ренфилда, распростертого на полу. Лицо его было все в кровоподтеках, а шейные позвонки сломаны.

Д-р Сьюард справился у служителя, который дежурил ночью, слышал ли тот что-нибудь. Тот признался, что задремал, проснулся, услышав в комнате громкие голоса, а затем Ренфилд воскликнул: «Боже! Боже мой!» – после чего как будто что-то упало, и когда служитель вошел в комнату, то увидел Ренфилда, лежащего ничком на полу как раз в той позе, в которой увидели его господа врачи. На вопрос Ван Хелсинга, слышал ли он один голос или несколько голосов, точно ответить не смог; сначала ему показалось, что голосов было два, но, так как в палате никого больше не оказалось, возможно, голос был только один. Он мог поклясться, что слово «Боже!» было произнесено пациентом. Д-р Сьюард, когда мы остались одни, сказал, что не хочет широко обсуждать случившееся, и, ввиду возможного расследования, не нужно раскрывать правду, так как этому никто не поверит. Он счел возможным на основании показаний служителя написать свидетельство о смерти, последовавшей вследствие падения с кровати. Расследование может быть проведено по настоянию коронера, но и тогда они, по-видимому, придут к тем же выводам.

Перед тем как приступить к обсуждению наших дальнейших действий, мы решили, что Мина должна быть в курсе дела, что ни одно происшествие, сколь бы страшно оно ни было, не должно быть скрыто от нее. Она с нами согласилась. Но как же было тяжело смотреть на нее, такую храбрую и в то же время такую печальную, исполненную отчаяния.

– Отныне мы ничего не должны скрывать друг от друга, – сказала она, – к сожалению, мы слишком много скрывали. И кроме того, я не думаю, чтобы что-нибудь могло причинить мне большие страдания, чем те, которые я испытала и которые я сейчас испытываю. Что бы ни случилось, это должно придать мне новое мужество, возбудить новую надежду.

Пока она говорила, Ван Хелсинг пристально смотрел на нее, а затем произнес спокойным голосом:

– Дорогая мадам Мина, разве вы не боитесь не только за себя, но и за других после всего, что произошло?

Лицо ее опечалилось, но глаза сияли, как у мученицы, и она ответила:

– Ах нет! Потому что я готова на все!

– На что? – спросил он ласково, тогда как все мы сидели молча, потому что каждый из нас имел смутное представление о том, что она подразумевала. Ответ ее отличался прямолинейной простотой, будто она констатировала самый обыденный факт:

– Потому что, как только увижу, что причиняю горе тому, кого люблю, – и буду зорко за этим следить, – я умру.

– Неужели вы хотите покончить с собою? – спросил он хриплым голосом.

– Да, я сделала бы это, если бы у меня не было друга, который меня любит и который избавит от такого горя, такого отчаянного поступка.

Она бросила на него многозначительный взгляд. Когда она закончила, он встал, положил ей на голову руку и произнес торжественным тоном:

– Дитя мое, если это вам может помочь, имейте в виду, что такой друг у вас есть. И если бы в том была необходимость, я сам нашел бы для вас средство без страдания покинуть этот мир. Но, дитя мое, здесь есть несколько человек, которые встанут между вами и смертью. Вы не должны умереть. Вы не должны пасть ни от чьей руки, а меньше всего от вашей собственной. Пока еще не мертв тот, кто исковеркал вашу счастливую жизнь, вы не должны умирать; пока он все еще обладает своим лукавым бессмертием, ваша смерть сделает вас подобной ему... Нет, вы обязаны жить! Вы обязаны бороться и стараться жить, хотя бы смерть казалась вам невыразимым благодеянием. Вы должны бороться с самой смертью, придет ли она к вам в момент печали или радости, ночью или днем, в безопасности или в опасности! Итак, ради спасения вашей души вы не должны умереть – и не должны даже думать о смерти, пока не пройдет это ужасное несчастье.

Моя бедная Мина побледнела как смерть и задрожала всем телом. Мы все молчали, не будучи в состоянии помочь ей чем-нибудь. Наконец она успокоилась и, обратившись к нему, сказала необыкновенно ласково, но вместе с тем и печально, протягивая свою руку:

– Даю вам слово, дорогой друг, что, если Господь оставит меня в живых, я постараюсь поступать так, как вы советуете, пока не освобожусь от ужаса.

Она была так прекрасна, так смела, что в то мгновение мы почувствовали, как наши сердца переполняет решимость, желание помочь ей во что бы то ни стало.

Затем мы приступили к выработке плана действий. Я сообщил ей, что ее обязанностью будет хранение всех бумаг, дневников и валиков фонографа, которыми мы впоследствии, быть может, воспользуемся, – словом, что она будет заведовать нашим архивом, как она и делала до сих пор. Она с радостью приняла предложение, если только радость может сопутствовать такому мрачному мероприятию.

Ван Хелсинг, как обычно, все предусмотрел и был готов определить каждому его участок работы.

– Быть может, к лучшему, – сказал он, – что на нашем совещании после посещения Карфакса мы решили оставить в покое ящики, зарытые там. Если бы мы поступили иначе, граф узнал бы о нашем намерении и, без сомнения, принял бы меры, чтобы с другими убежищами нам это сделать не удалось; теперь же он ничего не знает о наших планах. По всей видимости, он не знает и того, что мы можем обезвредить его укрытия, чтобы он не мог ими больше пользоваться. Мы уже так много знаем об их расположении, что, обыскав его дом на Пиккадилли, должно быть, найдем последнее. Сегодняшний день в нашем распоряжении: сегодня наш план должен быть окончательно приведен в исполнение. Восходящее солнце осветило нашу печаль: оно будет нас сегодня охранять. Прежде чем оно зайдет, чудовище должно быть побеждено, в кого бы оно ни превратилось. Днем оно связано со своей земной оболочкой. Оно не может растаять в воздухе, не может пройти сквозь замочные скважины и щели. Если оно хочет пройти через дверь, оно должно ее открыть, как и всякий смертный. Итак, сегодня нам надо отыскать

все его убежища и обезвредить их. Если же нам не удастся схватить его и уничтожить, мы должны его загнать в такое место, где могли бы впоследствии наверняка стереть с лица земли.

Тут я вскочил, не будучи в состоянии сдерживаться при мысли, что, пока мы даром трагитим время на разговоры, уходят драгоценные минуты, от которых зависят жизнь и счастье Мины. Но Ван Хелсинг, предостерегая, поднял руку и сказал:

– Нет, любезнейший Джонатан, не забывайте старой истины – спешить надо медленно. Мы все будем действовать, и действовать сообща, притом с необыкновенной быстротой, когда настанет время. Полагаю, ключ к тайне находится в доме на Пиккадилли. Граф, наверное, приобрел для себя несколько домов. Он там хранил, конечно, документы, удостоверяющие покупку, ключи и прочие вещи. У него там имеется бумага, на которой он пишет, и чековая книжка. Там у него много нужных предметов, потому что этот дом он может посещать спокойно в любое время, не привлекая к себе внимания среди огромной толпы, движущейся по этой улице. Мы отправимся туда сейчас и обыщем дом; когда мы узнаем, что в нем заключено, тогда и начнем, по выражению нашего общего друга Артура, гнать лису. Не так ли?

– Так пойдем немедленно! – закричал я. – Мы ведь даром теряем драгоценное время.

Профессор не двинулся с места и спокойно сказал:

– А каким образом вы думаете проникнуть в дом на Пиккадилли?

– Все равно! – воскликнул я в ответ. – Если окажется нужным, мы вломимся силой.

– А про полицию вы забыли? Что она скажет по этому поводу?

Я был поражен, но я знал, что если он откладывает поход, то имеет веские основания. Поэтому я ответил как можно спокойней:

– Не медлите больше, чем надо. Надеюсь, вы сами знаете, какие страшные мучения я испытываю.

– Да, дитя мое, знаю и вовсе не хочу увеличивать ваших страданий. Но надо хорошенько обдумать то, что мы, в сущности, можем сделать, пока все еще на ногах. Настанет и наше время. Я долго раздумывал и решил наконец, что простейший путь будет в то же время и самым лучшим. Мы желаем войти в дом, но у нас нет ключа, не так ли?

Я молча кивнул головой.

– Теперь представьте себе, что вы хозяин дома и не можете в него попасть; что бы вы сделали, чтобы не походить на взломщика?

– Я пригласил бы слесаря и приказал ему открыть дверь.

– И неужели полиция не помешает вам?

– О нет! Если она знает, что слесаря пригласил хозяин.

– Значит, по вашему мнению, – сказал он, глядя пристально на меня, – недоразумение может быть только в том случае, если слесарь или полиция усомнятся, имеют ли дело с настоящим владельцем или нет. Ваши полицейские, должно быть, очень старательные и способные – настолько способные, что читают в сердцах людей. Нет, нет, дорогой Джонатан, вы можете пробраться в сотню пустых домов Лондона или какого-нибудь другого города, и если вы поступите умно и притом будете действовать в подходящее время, то никто и не подумает помешать вам. Я читал об одном джентльмене, у которого был прекрасный дом в Лондоне. Однажды, когда он отправился на лето в Швейцарию, какой-то мошенник пробрался в дом через окно с задней стороны. Затем он открыл ставни на окнах, выходящих на улицу, и с тех пор прямо на глазах у полиции стал пользоваться парадным входом. Затем, широко оповестив публику, устроил в доме аукцион и продал все вещи домовладельца. Затем он обратился в строительную фирму и продал ей этот дом при условии, что дом снесут и место расчистят. Ваша полиция и власти помогали ему как могли. Когда же настоящий владелец вернулся из Швейцарии, там, где раньше был дом, он обнаружил пустое место. Все это было сделано *en règle*¹⁸, так же и мы

¹⁸ Последовательно (фр.).

в своей работе будем действовать *en r g ie*. Мы не пойдем настолько рано, что полицейскому это покажется подозрительным; мы отправимся после десяти часов, когда на улице множество людей, и все будут думать, что мы на самом деле хозяева дома.

Я вполне согласился с ним, и лицо Мины утратило прежнее выражение отчаяния: его совет пробудил в нас надежду. Ван Хелсинг продолжал:

– Раз мы очутились в доме, мы отыщем нити, ведущие к разгадке тайны, кто-то из нас может остаться там на всякий случай, остальные же отправятся в другие места – Бермонд и Мил-Энд, разыскивать остальные ящики.

Лорд Годалминг вскочил.

– Я могу немного помочь вам, – сказал он. – Я сейчас протелеграфирую моим людям, чтобы они в определенных местах держали наготове экипажи и лошадей.

– Послушайте, дружище! – воскликнул Моррис. – Вас осенила блестящая мысль, потому что нам, пожалуй, и в самом деле придется ехать на лошадях; но разве вы не боитесь, что ваши экипажи, украшенные фамильным гербом, обратят на себя слишком большое внимание на проселочных дорогах Волворта или Мил-Энда? Полагаю, если мы отправимся на юг или на восток, надо пользоваться экипажами и, кроме того, оставить их поблизости от того места, куда мы пойдем.

– Дружище Квинси прав! – сказал профессор. – Наше предприятие чревато многими трудностями, и нам следует по возможности меньше обращать на себя внимание посторонних.

Интерес Мины к нашему делу все возрастал, и я с радостью видел, что благодаря этому она на время забыла свое ужасное ночное приключение. Она была бледна, мертвенно-бледна, и притом так худа, что почти не видно было ее губ, поэтому виднелись зубы. Я ничего не сказал ей об этом, боясь огорчить, но вздрагивал от страха при мысли о том, что произошло с бедной Люси, когда граф высосал ее кровь. Хотя пока еще незаметно было, чтобы зубы стали острее, но ведь все случилось совсем недавно, и можно было опасаться самого худшего.

Когда мы стали подробно обсуждать порядок выполнения нашего плана и решать, как расставить наши силы, возникли новые сомнения. В конце концов было решено перед отправлением на Пиккадилли разрушить ближайшее логово графа. Если бы он и узнал об этом раньше времени, все-таки мы опередили бы его, и тогда его присутствие в его чисто материальном, самом уязвимом виде дало бы нам в руки новые нити.

Что же касается расположения наших сил, профессор решил, что после посещения Кар-факса мы все проникнем в дом на Пиккадилли; затем я и оба доктора останутся там, в то время как лорд Годалминг и Квинси отыщут и разрушат убежище графа в Волворте и Мил-Энде. Было, конечно, возможно и даже вероятней всего, как сказал профессор, что граф явится днем в свой дом на Пиккадилли, и тогда мы сможем там схватить его. Во всяком случае, мы можем последовать за ним. Я упорно возражал против такого плана, то есть, собственно, против того, чтобы отправляться с другими, настаивая, что должен остаться для защиты Мины.

Я полагал, что смогу это сделать, но Мина не хотела и слышать об этом. Она сказала, что там от меня больше пользы, ведь среди бумаг графа могут оказаться полезные указания, которые я пойму легче, чем другие, после моего приключения в Трансильвании, и что, наконец, для борьбы с необыкновенным могуществом графа надо собрать все наши силы. Я вынужден был уступить, потому что решение Мины было непоколебимо; она сказала – ее последняя надежда в том, что мы станем работать все вместе.

– Что же касается меня, – прибавила она, – я его не боюсь. Я испытала уже самое худшее и, что бы ни случилось, найду хоть какое-нибудь успокоение. Ступай же, друг мой. Бог защитит меня, если такова Его воля, и без вас.

Тогда я встал и воскликнул:

– Итак, с Богом! Пойдем, не теряя больше времени. Граф может прийти на Пиккадилли раньше, чем мы предполагаем.

– Нет, этого не может быть! – произнес Ван Хелсинг, подняв руку.

– Почему? – спросил я его.

– Разве вы забыли, – ответил он, пытаясь улыбнуться, – что в прошлую ночь он пировал и поэтому встанет позже?

Разве я мог это забыть! Разве я это когда-нибудь забуду! Забудет ли кто-нибудь из нас ужасную сцену? Мина собрала все свои силы, чтобы сохранить спокойствие. Но страдание оказалось сильней, и, закрыв лицо руками, она задрожала и жалобно застонала.

Ван Хелсинг вовсе не желал напомнить ей о ее ужасном приключении. Он просто по своей рассеянности забыл о ее присутствии и упустил из виду ее участие в этом деле. Увидев, какое действие произвели его слова, он сам испугался и попытался ее успокоить.

– Мадам Мина, – говорил он, – милая, милая мадам Мина! Увы! Как же я, при всем моем уважении к вам, мог так забыть! Простите меня, старого глупца! Вы забудете это, правда? – Говоря это, он склонился над ней, а она, взяв его за руку и глядя на него сквозь слезы, хрипло сказала:

– Нет, не забуду! Лучше мне это помнить. У меня много прекрасных воспоминаний о вас, я буду помнить обо всех вместе. Но вам пора! Завтрак готов, нам надо поддержать силы.

Наш завтрак не походил на обычный завтрак. Мы пытались казаться веселыми и подбадривали друг друга, но самой любезной и веселой из нас, казалось, была Мина. По окончании завтрака Ван Хелсинг встал и сказал:

– Теперь, друзья мои, приступим к исполнению нашего ужасного плана; скажите, все ли вооружены так, как в ту ночь, когда мы впервые проникли в логово нашего врага; вооружены ли мы против нападения духов и против нападения смертных людей? Если да, то все в порядке. Теперь, мадам Мина, вы, во всяком случае, здесь *в полной безопасности*... до захода солнца, а до этого времени мы вернемся... если нам вообще суждено вернуться! Но прежде чем уйти, я хочу удостовериться в том, что вы вооружены против его личного нападения. Пока вы были внизу, я сам все приготовил в вашей комнате и оставил там некоторые предметы, при виде которых, как вы знаете, он не войдет. Теперь позвольте мне защитить вас лично. Этой освященной облаткой я касаюсь вашего чела во имя Отца и Сына и...

Послышался страшный стон, от которого у нас замерло сердце. Когда он коснулся облаткой чела Мины, то она обожгла ей кожу, будто ее лба коснулись куском раскаленного добела железа. Как только она почувствовала боль, она сейчас же все поняла, ее измученные нервы не выдержали, и она испустила этот ужасный стон. Но дар речи скоро вернулся к ней; не успел заглухнуть отголосок стоны, как наступила реакция, и она в отчаянии упала на колени на пол, закрыв лицо своими чудесными волосами, точно скрывая струпья проказы на своем лице. Она заговорила сквозь рыдания:

– Нечистая! Нечистая! Даже сам Всемогущий избегает меня. Я должна буду носить это позорное клеймо до дня Страшного Суда!

Все умолкли. Я бросился перед ней на колени, чувствуя свою беспомощность, и крепко обнял ее. Несколько минут наши печальные сердца бились вместе, в то время как друзья плакали, отвернувшись, чтобы скрыть слезы. Наконец Ван Хелсинг обернулся к нам и произнес таким необыкновенно серьезным тоном, что я понял: на него нашло в некотором роде вдохновение:

– Быть может, вам и придется нести это клеймо, пока в день Страшного Суда сам Бог не разберет, в чем ваша вина. Он это сделает, так как все преступления, совершенные на земле, совершены его детьми, которых он там поселил. О мадам Мина, если бы мы только могли оказаться там в то время, когда это красное клеймо, знак всезнания Господа, исчезнет и ваше чело будет таким же ясным, как и ваша душа! Клянусь вечностью, клеймо исчезнет, когда Богу угодно будет снять с нас тяжелый крест, который мы несем. До этого же будем послушны Его воле и будем нести свой крест, как это делал Его Сын. Кто знает, быть может, мы избраны Его

доброй волей и должны следовать Его приказанию, несмотря на удары и стыд, несмотря на кровь и слезы, сомнение и страх и все остальное, чем человек разнится от Бога.

В его словах звучала надежда и успокоение, они призывали нас к смирению. И Мина, и я почувствовали это и, одновременно склонившись к его рукам, поцеловали их. Затем мы все молча опустили на колени и, взявшись за руки, дали друг другу клятву верности. Мы, мужчины, дали обет не отступать, пока не избавим от горя ту, которую каждый из нас по-своему любит. Мы молили Господа помогать нам и направлять нас в том ужасном деле, которое нам предстояло выполнить.

Пора было уходить. Я распрощался с Миной, и этого прощания мы не забудем до самой смерти. Наконец мы вышли.

Я приготовился к одному: если окажется, что Мина до конца жизни останется вампиром, она не уйдет одна в неведомую страну, полную ужасов.

Так, я думаю, в давние времена один вампир плодил множество. Как тела этих чудовищ лежат в освященной земле, так и чистая святая любовь становилась сержантом, набирающим рекрутов в полки этих мерзких тварей.

Мы без всяких приключений добрались до Карфакса и нашли все в том же положении, как при нашем первом визите. Трудно было поверить, что среди столь обыденной обстановки, свидетельствующей о небрежении и упадке, могло быть нечто возбуждающее такой невыразимый ужас, какой мы уже испытали. Если бы мы не были к этому подготовлены и если бы у нас не осталось ужасных воспоминаний, мы вряд ли продолжили бы борьбу. В доме мы не нашли ни бумаг, ни полезных указаний, а ящики в старой часовне казались точно такими, какими мы их видели в последний раз. Когда мы остановились перед д-ром Ван Хелсингом, он сказал торжественно:

– Мы должны обезвредить эту землю, освященную памятью святых, которую он привез из отдаленного края для такой бесчеловечной цели. Он взял эту землю, потому что она была освящена. Таким образом, мы его победим его же оружием, так как сделаем ее еще более освященной. Она была освящена для людей, теперь мы ее освятим Богу.

Говоря это, он вынул стамеску и отвертку, и через несколько минут крышка одного из ящиков с грохотом отскочила.

Земля пахла сыростью и плесенью, но мы не обращали на это внимания, потому что внимательно следили за профессором. Взяв из коробочки освященную облатку, он положил ее благоговейно на землю, накрыл ящик крышкой и завинтил ее с нашей помощью.

Мы проделали так со всеми ящиками и оставили их по виду такими же, какими они были раньше, однако в каждом находилась облатка.

Когда мы заперли за собой дверь, профессор сказал:

– Многое уже сделано. Если все остальное будет исполнено так же легко и удачно, то еще до захода солнца чело мадам Мины засияет в своей прежней чистоте; с нее исчезнет позорное клеймо.

Проходя по дороге к станции через луг, мы могли видеть фасад нашего убежища. Я взглянул пристально и увидел в окне моей комнаты Мину. Я помахал ей рукой и кивком головы показал, что наша работа выполнена удачно. Она кивнула мне в знак того, что поняла меня.

Я с глубокой грустью смотрел, как она махала рукой на прощание. Мы с тяжелым сердцем добрались до станции и едва не пропустили поезд, который подходил к станции, когда мы выходили на платформу. Эти строки записаны мною в поезде.

ПИККАДИЛЛИ, 12.30. Перед тем как мы добрались до Фенчерч-стрит, лорд Годалминг сказал мне:

– Мы с Квинси пойдем за слесарем. Лучше, если вы не пойдете с нами, так как могут возникнуть некоторые затруднения, а при таких обстоятельствах нам, может быть, не удастся

прорваться в покинутый дом. Но вы принадлежите к сословию адвокатов, и против вас могут выдвинуть обвинение, что вы отлично знали, на что шли.

Я возразил, что не обращаю внимания на опасность и даже на свою репутацию, но он продолжил:

– К тому же чем меньше нас будет, тем меньше мы привлечем внимания. Мой титул поможет нам в переговорах со слесарем и при вмешательстве какого-нибудь полисмена. Будет лучше, если вы пойдете с Джоном и с профессором в Грин-парк, откуда сможете наблюдать за домом. Когда увидите, что дверь открыта и слесарь ушел, тогда идите все. Мы будем ждать и впустим вас в дом.

– Совет хорош! – сказал Ван Хелсинг.

И мы не возражали. Годамлинг и Моррис поехали в одном кебе, а мы в другом. На углу Арлингтон-стрит мы оставили кебы и вошли в Грин-парк. Сердце мое забилося при виде дома, в котором заключалась наша последняя надежда. Он стоял мрачный и всеми покинутый, выделяясь среди своих веселых и нарядных соседей. Мы сели на скамейку, не спуская глаз с входных дверей, и закурили сигары, стараясь не обращать на себя внимание прохожих. Минуты в ожидании наших друзей текли страшно медленно.

Наконец мы увидели экипаж, из которого вышли лорд Годамлинг и Моррис, а с козел слез толстый коренастый человек с ящиком для инструментов. Моррис заплатил кучеру, который ему поклонился и уехал. Оба поднялись по ступенькам лестницы, и лорд Годамлинг показал, что надо сделать. Слесарь снял свой пиджак и повесил его на забор, сказав что-то проходившему мимо полисмену. Полисмен утвердительно кивнул головой, слесарь встал на колени и придвинул к себе инструменты. Порывшись в ящике, он выбрал несколько инструментов, которые положил рядом с собой. Затем он поднялся, посмотрел в замочную скважину, подул в нее и, обратившись к предполагаемым хозяевам, сказал что-то, на что лорд Годамлинг ответил с улыбкой, а слесарь взял большую связку ключей, выбрал один ключ и попробовал открыть замок. Повертев немного ключом, он попробовал второй, затем третий. Вдруг дверь широко распахнулась, и они, все трое, вошли в дом. Мы сидели молча, моя сигара непрерывно дымилась, а сигара Ван Хелсинга, наоборот, потухла. Мы успокоились и стали ждать с большим терпением, когда увидели, что рабочий со своими инструментами вышел. Он притворил дверь, упершись в нее коленями, пока прилаживал к замку ключ, который он в конце концов и вручил лорду Годамлингу. Тот вынул кошелек и расплатился. Слесарь приподнял шляпу, взял ящик с инструментами, надел пиджак и ушел; ни одна душа не обратила на это ни малейшего внимания.

Когда слесарь скрылся из виду, мы перешли через дорогу и постучали в дверь; Квинси Моррис сейчас же открыл ее: рядом с ним стоял и лорд Годамлинг, куря сигару.

– Здесь очень скверно пахнет, – сказал лорд, когда мы вошли.

Действительно, пахло очень скверно, – точно в старой часовне Карфакса; на основании уже имеющегося опыта мы поняли, что граф часто пользуется этим убежищем. Мы отправились изучать дом, держась на случай нападения вместе, так как мы знали, что имеем дело с сильным врагом; к тому же мы не ведали, в доме граф или нет. В столовой, располагавшейся за передней, мы обнаружили восемь ящиков с землей. Только восемь из девяти, которые мы разыскивали. Наше предприятие не закончено и никогда не будет доведено до конца, если мы не найдем недостающего ящика. Сначала мы открыли ставни окна, выходившего на маленький, вымощенный камнями двор. Прямо против окна находилась конюшня, похожая на крошечный домик. Там не было окон, и нам нечего было бояться нескромных взглядов. Мы не теряли времени и принялись за ящики. С помощью принесенных с собой инструментов мы их открыли один за другим и поступили так же, как с остальными, находившимися в старой часовне. Было ясно, что графа нет дома, и мы стали искать его вещи. Осмотрев внимательно прочие помещения, мы пришли к выводу, что в столовой находятся некоторые предметы, при-

надлежащие, пожалуй, графу. Мы подвергли их тщательному осмотру. Они лежали в каком-то беспорядке, напомиравшем, однако, порядок, на большом обеденном столе. Там лежала связка документов, подтверждавших покупку дома на Пиккадилли, бумаги, удостоверявшие продажу домов в Мил-Энде и Бермонде; кроме того, конверты, бумага, перья, чернила. Все они были защищены от пыли оберточной бумагой; затем мы нашли еще платяную щетку, гребенку и умывальник с грязной водой, красной от крови. Под конец мы наткнулись на связку разных ключей, по-видимому от других домов. После того как мы осмотрели эту последнюю находку, лорд Годаминг и Моррис записали точные адреса домов на востоке и юге города, захватили с собой ключи и отправились на поиски. Мы же, остальные, должны были остаться и терпеливо дожидаться их возвращения или прихода графа.

Глава XXIII

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

3 ОКТЯБРЯ. В ожидании возвращения Годаминга и Морриса время тянулось страшно долго. Профессор всячески старался поддерживать в нас бодрость духа, но Харкер был так подавлен горем, что страшно было на него смотреть. Еще в прошлую ночь это был веселый, жизнерадостный человек, полный энергии, со здоровым молодежавым лицом и темно-русскими волосами. Теперь же он превратился в угрюмого старика с седыми волосами, вполне гармонирующими с его впалыми щеками, горящими глазами и глубокими морщинами, следами перенесенных страданий. Но все же он еще не совсем утратил энергию. Этому обстоятельству он, вероятно, и будет обязан своим спасением, потому что, если все пойдет хорошо, он переживет период отчаяния, а после этого как-нибудь вернется к деятельной жизни. Бедный мальчик, я думал, что мое собственное горе было достаточно велико, но его!!!

Профессор знает это очень хорошо и всячески старается, чтобы его мозг работал. То, что он говорил нам тогда, было чрезвычайно интересно. Вот его слова, насколько я их помню:

– Я основательно изучил все попавшие в мои руки бумаги, которые имели какое-либо отношение к этому чудовищу, и чем больше я в них вникал, тем больше приходил к убеждению, что его необходимо уничтожить. Везде в них говорится о его успехах; кроме того, видно, что он хорошо сознавал свое могущество. На основании сведений, полученных мною от моего друга Арминия из Будапешта, я пришел к заключению, что это был удивительнейший человек. Он был в одно и то же время и солдатом, и государственным деятелем, и даже алхимиком – эта последняя наука была высшей степенью знаний своего времени. Он обладал большим умом и необыкновенными способностями: к сожалению, сердце его не знало страха и угрызений совести. Он изучал даже схоластические науки, и, кажется, вообще не было такой области знания, с которой он не был бы знаком. Как нам известно, после его физической смерти его умственные способности сохранились, хотя, по-видимому, воспоминания о былом не полностью сохранились в его мозгу. По некоторым свойствам ума он был и остается ребенком. Однако он продолжает развиваться, и поэтому многое, что прежде было детским, теперь возмужало. Он производил удачные опыты; и если бы мы не встали на его пути, то он сделался бы – и сделается, если наши планы не воплотятся, – родоначальником новых существ, которые будут существовать «в смерти», а не в жизни.

Харкер тяжело вздохнул и сказал:

– И все это направлено против моей дорогой. Но какие же опыты он производит? Зная это, мы сможем расстроить его планы.

– Со дня прибытия он испытал свое могущество: его детский ум работал, продвигаясь вперед медленно, зато уверенно: но если бы он осмелился с самого начала приняться за некоторые тайные науки, то мы уже давно были бы бессильны против него. Впрочем, он надеется достичь успеха, а человек, у которого впереди столетия, может спокойно ждать и не торопиться. «*Festina lente*»¹⁹ – вот его девиз.

– Не понимаю, – сказал печально Харкер. – Прошу вас растолковать все яснее. Быть может, горе и беспокойство затемняют мой разум.

Профессор с нежностью положил ему руку на плечо и произнес:

¹⁹ Поспешай медленно (лат.).

– Хорошо, дитя мое, я постараюсь быть ясным. Разве вы не заметили, как это чудовище постепенно приобретало свои знания на основании своих опытов, как оно воспользовалось пациентом, чтобы войти в дом нашего Джона, потому что вампир хотя и может входить в жилище человека, когда и как ему угодно, однако не раньше, чем его позовет туда кто-то из живущих в доме. Но это не главные его опыты. Разве мы не видели, как вначале эти большие ящики перетаскивали другие; тогда он и не знал, что может быть иначе. Но все время, пока его младенческий разум развивался, он обдумывал, нельзя ли ему самому передвинуть ящик. Таким образом, он начал помогать; когда же он увидел, что все идет хорошо, то и сам, без посторонней помощи, сделал попытку перенести некоторые ящики, и никто, кроме него одного, не мог знать, где они укрыты. Он, вероятно, зарыл их глубоко в землю, так что он пользуется ими только ночью или в то время, когда может изменить свой облик; и никто не подозревает, что он в них скрывается. Но, дитя мое, не предавайтесь отчаянию! Это знание он приобрел слишком поздно! Теперь уже все его убежища уничтожены, за исключением одного, да и это последнее будет нами отыскано до захода солнца. Тогда у него не останется места, где бы он мог скрыться. Я медлил утром, чтобы мы могли действовать наверняка. Ведь мы рискуем не меньше его! Так почему же нам не быть осторожнее его? На моих часах теперь ровно час, и, если все обошлось благополучно, Артур и Квинси на обратном пути. Сегодняшний день – наш, и мы должны действовать уверенно, хотя и не опрометчиво, не упуская ни одного шанса: ведь если отсутствующие вернутся, нас будет пятеро против одного.

Вдруг при его последних словах мы вздрогнули, потому что раздался стук в дверь. Мы все бросились в переднюю, но Ван Хелсинг, знаком приказав хранить молчание, пошел к двери и осторожно открыл ее... Рассыльный подал ему телеграмму. Профессор запер снова дверь, открыл депешу и громко прочел: «Ожидайте Д. Он только что, в 12.45, поспешно из Карфакса отправился в сторону юга. Он, по-видимому, совершает обход и хочет вас поймать врасплох. Мина».

Наступило продолжительное молчание. Наконец послышался голос Харкера:

– Итак, слава Богу, мы скоро встретимся!

Ван Хелсинг быстро повернулся к нему и сказал:

– Все случится по Божьей воле и когда Он этого пожелает. Не бойтесь, но и не радуйтесь преждевременно: быть может, именно то, чего мы хотим, будет причиной нашей гибели.

– Я теперь думаю только о том, – воскликнул Харкер с горячностью, – чтобы стереть этого зверя с лица земли. Для этого я готов даже продать душу!

– Тише, тише, дитя мое! – быстро перебил его Ван Хелсинг. – Бог не покупает души, а дьявол если и покупает, то никогда не держит своего обещания. Но Бог милостив и справедлив, и Он знает ваши страдания и вашу любовь к Мине. Подумайте о том, как увеличилось бы ее горе, услышь она ваши слова. Доверьтесь нам, мы все преданы этому делу, и сегодня все должно кончиться. Настало время действовать. Днем вампир не сильнее остальных людей и до заката солнца не изменит своего образа. Ему необходимо время, чтобы прибыть сюда, – посмотрите, уже двадцать минут второго, – и, как бы он ни торопился, все же у нас есть в запасе время, прежде чем он явится. Будем надеяться, лорд Артур и Квинси придут раньше его.

Приблизительно через полчаса после того, как мы получили телеграмму от миссис Харкер, раздался решительный стук в дверь. Это был самый обыкновенный стук: так стучат ежеминутно тысячи людей; однако, когда его услышали мы, наши сердца забились сильнее. Мы посмотрели друг на друга и все вместе вышли в переднюю: каждый из нас держал наготове свое оружие – в левой руке оружие против духов, в правой – против людей. Ван Хелсинг отодвинул задвижку, приоткрыл немного дверь и отскочил, приготовившись к нападению. Но наши лица повеселели, когда мы увидели на пороге лорда Годамминга и Квинси Морриса. Они торопливо вошли, закрыв за собой дверь, и первый сказал, проходя через переднюю:

– Все в порядке. Мы нашли оба логова: в каждом было по шесть ящиков, которые мы и уничтожили.

– Уничтожили? – переспросил профессор.

– Да, он ими не сможет воспользоваться!

Наступила небольшая пауза, которую первым нарушил Квинси, сказав:

– Теперь нам остается только одно – ждать здесь. Если до пяти часов он не придет, мы должны уйти, потому что было бы неблагоприятно оставить миссис Харкер после захода солнца одну.

– Он теперь скоро должен прийти, – сказал мне Ван Хелсинг, глядя в свою записную книжку. – *Nota bene*, по телеграмме Мины видно, что он направился из Карфакса на юг, значит, ему придется переправиться через реку, что он может сделать только во время отлива, то есть немного раньше часа. То обстоятельство, что он направился на юг, имеет для нас большое значение. Он теперь только подозревает о нашем присутствии, а мы отправились из Карфакса сперва туда, где он меньше всего мог ожидать нашего появления. Мы были в Бермонде за несколько минут до его прихода. То обстоятельство, что здесь его еще нет, доказывает – он отправился в Мил-Энд. Это заняло некоторое время, так как ему надо было переправиться через реку. Поверьте, друзья мои, нам не придется долго ждать. Мы должны были бы составить какой-нибудь план нападения, чтобы не упустить чего-либо. Но тише, нет больше времени для разговоров. Приготовьте свое оружие.

При этих словах он поднял руку, предлагая нам быть настороже, и мы все услышали, как кто-то осторожно пытался открыть ключом входную дверь.

Даже в этот страшный момент я мог лишь восхищаться тем, как властный характер выкалывает себя. Когда мы вместе с Квинси Моррисом и Артуром охотились или просто шатались по всему свету, ища приключений, Моррис всегда был нашим заводилой, составляя план действий, мы же с Артуром привыкли без возражений повиноваться ему. Теперь, казалось, мы опять инстинктивно вернулись к старой привычке. Окинув быстрым взглядом комнату, он тотчас же изложил свой план нападения и затем, не говоря ни слова, жестами указал каждому его место. Ван Хелсинг, Харкер и я встали за дверью так, чтобы, когда ее откроют, профессор мог охранять ее, пока мы вдвоем загородили бы выход. Годаминг и Квинси стояли друг за другом, так что их нельзя было видеть, готовые преградить путь к окну. Мы ждали с таким напряжением, что секунды казались целой вечностью. Тихие осторожные шаги послышались в передней: граф, по-видимому, ожидал нападения, по крайней мере боялся его.

Вдруг одним прыжком он очутился посреди комнаты, прежде чем кто-нибудь из нас мог поднять руку и преградить дорогу. В движениях было столько хищного, столько нечеловеческого, что мы не сразу оправались от шока, вызванного его появлением. Харкер первым быстро бросился к двери, которая вела в комнату, выходящую на улицу. Граф при виде нас дико зарычал, оскалив свои длинные острые зубы; но злая усмешка быстро исчезла, и холодный взгляд его выражал лишь гордое презрение.

Но выражение его лица снова изменилось, когда мы все, словно по внушению, двинулись на него. Как жаль, что мы не составили подробного плана нападения, так как и в этот момент я недоумевал, что нам делать.

Я сам не знал, поможет ли нам наше смертоносное оружие или нет. Харкер, по-видимому, хотел это испытать, так как он приготовил свой длинный нож «кукри» и в бешенстве замахнулся на него. Удар был страшный, и граф спасся от смерти только благодаря той дьявольской ловкости, с которой он отпрыгнул назад. Опоздай он на секунду, острие ножа пронзило бы его сердце. Теперь же кончик ножа разрезал лишь его сюртук, и из разреза выпала пачка банкнот, а затем на пол полился целый дождь золотых монет. Лицо графа приняло такое дьявольское выражение, что я сперва опасался за Харкера, хотя и видел, что он поднял страшный нож и приготовился ударить вторично. Я инстинктивно двинулся вперед, держа в поднятой пра-

вой руке распятие, а в левой – освященную облатку. Я чувствовал, что к моей руке прилила могучая сила, и без удивления заметил, что чудовище прижалось к стене, так как остальные последовали моему примеру. Никакое перо не в состоянии описать то выражение дикой ненависти и коварной злобы, то дьявольское бешенство, которое исказило лицо графа. Восковой цвет его лица сделался зеленовато-желтым, глаза запылали адским пламенем, а красный шрам выделялся на бледном лбу, как кровавая рана. В одно мгновение граф ловким движением проскользнул под рукой Харкера, прежде чем тот успел его ударить, и, схватив с пола горсть монет, бросился через комнату и выпрыгнул в окно. Стекла со звоном разлетелись вдребезги, и он рухнул на двор, выложенный каменными плитами. Сквозь звон разбитого стекла я слышал, как несколько золотых монет, звеня, упали на плиты. Мы кинулись за ним и увидели, как он вскочил невредимый и, перебежав через двор, открыл дверь конюшни. Затем он остановился и закричал нам:

– Вы думаете победить меня – да ведь вы с вашими бледными лицами похожи на стадо баранов перед мясником. Никто из вас не обрадуется, что возбудил мой гнев. Вы думаете, я остался без всякого убежища, а между тем у меня их много. Мщение мое только начинается! Оно будет продолжаться столетия, и время будет моим верным союзником. Женщины, которых вы любите, уже все мои, через них и вы будете моими – моими тварями, исполняющими мои приказания, и моими шакалами, вот!

И, засмеявшись презрительно, он быстро вошел в дверь, и мы ясно слышали скрип заржавшей задвижки.

Вдали послышался шум отворяемой двери, которую сейчас же захлопнули. Поняв невозможность следовать за ним через конюшню, мы все бросились в переднюю. Первым заговорил профессор:

– Мы кое-что сейчас узнали, и даже узнали многое! Несмотря на свои гордые слова, он нас боится: он боится времени, боится и бедности! Если бы это было не так, то зачем же он так торопился? Сам тон выдал его, или же мой слух обманул меня. Зачем он подобрал эти деньги? Следуйте за ним скорее. Думайте, что вы охотитесь за хищным зверем. Я сделаю так, что он не найдет здесь ничего нужного для себя, если ему вздумается вернуться.

Говоря это, он положил оставшиеся деньги в карман, взял связку документов, которую бросил Харкер, и, собрав все остальные предметы, бросил в камин и поджег.

Годалминг и Моррис выбежали во двор. Харкер пустился в погоню за графом через окно. Но тот успел захлопнуть дверь конюшни; пока они ее открывали, его и след простыл. Я и Ван Хелсинг принялись искать за домом, но птичка улетела, и никто не видел, как и куда.

Было поздно, и до захода солнца оставалось немного времени. Мы должны были признаться, что наша кампания на сегодняшний день закончена, и нам пришлось с тяжелым сердцем согласиться с профессором, который сказал:

– Вернемся к мадам Мине! Мы сделали все, что можно было сделать; там же мы сможем, по крайней мере, защитить ее. Но не следует приходить в отчаяние. Остался всего один ящик, и нам надо его найти во что бы то ни стало; когда это будет сделано, все будет хорошо.

Я видел, что он говорил так смело для того, чтобы успокоить Харкера, который был совсем подавлен. Из груди его то и дело вырывались стоны, которые он был не в силах сдерживать, – он думал о своей жене.

С тяжелым сердцем вернулись мы домой, где нашли миссис Харкер, ожидавшую нас с напускным спокойствием, делавшим честь ее храбрости и самоотверженности. Увидев наши печальные лица, она побледнела как смерть. На несколько мгновений она закрыла глаза, как бы молясь про себя, а затем сказала бодрым голосом:

– Я не знаю, как вас всех благодарить! Бедный мой друг! – Говоря это, она обхватила руками седую голову своего мужа и поцеловала его. – Все еще образуется, дорогой мой! Господь защитит нас, если на это будет Его благая воля.

Несчастный зарыдал. Его печаль была невыразима словами.

Мы поужинали все вместе и немного повеселели. Возможно, это было только физическое воздействие пищи на голодных людей – ведь ни один из нас не ел ничего с утра, – или же нас поддерживало чувство товарищества, но мы чувствовали себя увереннее и в завтрашний день смотрели не без надежды. Исполняя свое обещание, мы рассказали Мине все, что произошло. Она слушала спокойно, без всякого страха, и только когда говорили о том, какая опасность угрожала ее мужу, она снова побледнела. Когда мы дошли до того места, когда Харкер отважно бросился на графа, она крепко схватила мужа за руку, как будто защищая его от несчастья. Однако она ничего не сказала, пока мы не кончили нашего повествования и не остановились на нынешнем положении дел. Тогда, не выпуская руки своего мужа, она встала и заговорила.

Могу ли я описать вид этой добрейшей женщины, которая сияла всей красотой молодости, в то время как на лбу ее багровел алый шрам, о существовании которого она помнила все время и на который мы не могли взглянуть без зубного скрежета, памятуя о том, откуда и как он появился. Ее исполненная любви доброта – и наша угрюмая ненависть, ее трогательная вера – и наши страхи и сомнения, – как описать их? И все мы знали, что, если верить законам, она была отринута Богом.

– Джонатан, – сказала она, и слово это звучало музыкой в ее устах, столько она вложила в него любви и нежности, – Джонатан и все вы, верные мои друзья, я знаю, что вы должны бороться, – что вы должны «его» уничтожить так же, как вы уничтожили ту – чужую – Люси, чтобы настоящая Люси потом перестала страдать. Но это не ненависть. Та бедная душа, которая является виновником этого несчастья, достойна сама величайшего сожаления. Подумайте, как она обрадуется, если ее худшая половина будет уничтожена, чтобы лучшая половина достигла бессмертия. Вы должны испытать жалость и к графу, хотя это чувство не должно вас удерживать от его уничтожения.

Пока она говорила, я наблюдал за тем, как мрачнело и напрягалось лицо ее мужа, – казалось, какая-то страсть терзала все его существо. Он инстинктивно сжимал руку жены все сильнее, так что даже костяшки пальцев побелели. Она же переносила боль, которую, безусловно, испытывала, не дрогнув и смотрела на него все более умоляющими глазами. Когда же она кончила говорить, он вскочил и, резко отняв свою руку, воскликнул:

– Дай Бог, чтобы он попался в мои руки и я мог уничтожить его земную жизнь и тем самым достичь нашей цели. И если бы я затем мог послать его душу навеки в ад, я это охотно сделал бы!

– Тише! Тише! Ради Бога, замолчи! Не говори таких вещей, дорогой Джонатан, ты меня пугаешь. Подожди, дорогой, я думала в течение всего этого долгого, бесконечного дня... быть может... когда-нибудь и я буду нуждаться в подобном сострадании и кто-нибудь, как теперь ты, откажет мне в этом. Я бы тебе не говорила о том, если бы могла. Но я молю Бога, чтобы Он принял твои безумные слова лишь за вспышку сильно любящего человека, сердце которого разбито и омрачено горем. Господи! Прими эту седину как свидетельство страданий того, кто за всю жизнь не совершил ничего дурного и на чью долю выпало столько несчастий!

Все мы были в слезах. Мы не могли их сдержать и рыдали открыто. Она тоже плакала, видя, как воздействуют ее увещевания. Ее муж бросился перед ней на колени и, обняв ее, спрятал лицо в складках ее платья. Ван Хелсинг кивнул нам, и мы тихо вышли из комнаты, оставив эти два любящих сердца наедине с Богом.

Прежде чем они пошли спать, профессор загородил вход в их комнату, чтобы вампир не мог проникнуть туда, и уверил миссис Харкер в ее полной безопасности. Она сама пыталась приучить себя к этой мысли и, видимо ради своего мужа, старалась казаться довольной. Это было смелое усилие, и, я думаю, она была вполне вознаграждена. Ван Хелсинг оставил им колокольчик, чтобы они могли в случае надобности позвонить. Когда они ушли, Квинси, Годамлинг и я решили бодрствовать поочередно всю ночь напролет и охранять бедную, убитую

горем женщину. Первым выпало сторожить Квинси, остальные же постараются по возможности скорее лечь в постель. Годаминг уже спит, так как должен сторожить следующим. Теперь и я, окончив свою работу, последую его примеру.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

ПОЛНОЧЬ С 3 НА 4 ОКТЯБРЯ. Я думал, вчерашний день никогда не кончится. Я стремился поскорее заснуть, почему-то слепо веря, что, проснувшись, обнаружу какую-то перемену, а всякая перемена в нашем положении будет к лучшему. Прежде чем уйти спать, мы еще обсуждали наши дальнейшие планы, но не пришли к единому мнению. Мы знаем только, что у графа остался единственный ящик и что лишь ему известно, где этот ящик находится. Если он пожелает в нем спрятаться, то в течение многих лет мы ничего не сможем предпринять; и между тем даже мне от этой мысли страшно, я не смею о том и подумать. Знаю одно: если и может быть на свете женщина, являющая собой само совершенство, то это она, моя опозоренная бедняжка! Рядом с ее состраданием, которое она выказала вчера вечером и за которое я люблю ее в тысячу раз больше, моя ненависть к этому чудовищу достойна презрения. Господь не допустит, чтобы мир потерял столь благородное создание. В этом моя надежда! Мы несемся на подводные скалы, и Бог – наш единственный якорь спасения. Слава Богу! Мина спит спокойно, без сновидений. Я боялся, что сны ее будут такие же страшные, как и действительность, вызывающая их. После захода солнца я вижу ее впервые такой умиротворенной. Лицо ее засияло тихим спокойствием, как будто его освежило дуновение весеннего ветерка. Сначала мне показалось, что это отблеск заката на ее лице, но теперь я вижу в этом нечто более важное. Я не сплю, хотя и устал, устал до смерти. Но я должен уснуть, потому что завтра надо все обдумать, я не успокоюсь, пока...

ПОЗДНЕЕ. Я все-таки, по-видимому, заснул, так как Мина разбудила меня. Она сидела в постели с искаженным от ужаса лицом. Я все видел, так как мы не гасили света. Она закрыла мой рот рукой и прошептала на ухо:

– Тише! В коридоре кто-то есть!

Я тихо встал и, пройдя через комнату, открыл осторожно дверь.

Передо мной с открытыми глазами лежал м-р Моррис, вытянувшись на матрасе. Увидев меня, он поднял руку, предупреждая, и прошептал:

– Тише! Идите спать, все в порядке. Мы будем по очереди здесь сторожить. Мы приняли меры предосторожности.

Взгляд его и решительный жест не допускали дальнейших возражений, так что я опять вернулся к Мине и сообщил ей обо всем. Она вздохнула, и по ее бледному лицу пробежала едва заметная улыбка, когда она, обняв меня, нежно промолвила:

– Да поможет Бог этим добрым смелым людям! – С тяжелым вздохом она опустилась на кровать и вскоре снова заснула. Я не сплю и записываю все это, но надо попытаться опять уснуть.

4 ОКТЯБРЯ, УТРОМ. В течение этой ночи я еще раз был разбужен Миной. На этот раз мы успели хорошо выспаться, так как серое утро уже глядело в продолговатые окна, язычок пламени на лампе казался лишь бледным пятнышком.

– Скорее позови профессора! – сказала она торопливо. – Мне нужно его немедленно видеть.

– Зачем? – спросил я.

– Мне пришла одна мысль. Думаю, она зародилась и развилась ночью, так что я этого не знала. Мне пришло в голову, что он должен загипнотизировать меня до восхода солнца, и тогда я сумею многое рассказать. Иди скорее, дорогой мой. Времени осталось мало.

Я направился к двери. Д-р Сьюард лежал на матрасе и при моем появлении быстро вскочил.

– Что-нибудь случилось? – спросил он в тревоге.

– Нет, – ответил я, – но Мина хочет сейчас же видеть Ван Хелсинга!

– Я схожу за ним, – сказал он, бросаясь в комнату профессора.

Минуты через две-три Ван Хелсинг стоял уже совершенно одетый в нашей комнате, в то время как Моррис и Годамлинг у дверей расспрашивали д-ра Сьюарда. Увидев Мину, профессор улыбнулся, чтобы скрыть свое беспокойство, потер руки и сказал:

– О дорогая мадам Мина, это действительно перемена к лучшему. Посмотрите-ка, Джонатан, мы вернули себе нашу Мину, она точно такая же, какой была всегда.

Затем, повернувшись к ней, он бодро сказал:

– Ну, чего вы от меня хотите? Ведь недаром же вы меня позвали в такой неурочный час.

– Я хочу, чтобы вы меня загипнотизировали, – ответила она, – и притом до восхода солнца, так как я чувствую, что смогу говорить свободно. Торопитесь, время не терпит!

Не говоря ни слова, он заставил ее сесть в постели.

Затем, устремив на нее пристальный взгляд, он стал делать пассы, водя руками сверху вниз. Мина смотрела на него неотрывно несколько минут. Пока это продолжалось, сердце мое стучало как отбойный молоток, – я чувствовал, что наступил решающий момент. Постепенно глаза Мины начали смыкаться. Она замерла. Лишь по едва заметному колыханию груди можно было понять, что она жива. Профессор сделал еще несколько пассов и затем остановился; я видел, что с его лба струится пот. Мина открыла глаза, но теперь она казалась совсем другой женщиной. Глаза ее глядели куда-то вдаль, а голос звучал как-то мечтательно, чего я прежде никогда не слышал. Профессор поднял руку, призывая к молчанию, и приказал мне позвать остальных. Они вошли на цыпочках, заперли за собой дверь и встали в ногах постели. Мина их, видимо, не замечала. Наконец Ван Хелсинг нарушил молчание, говоря тихим голосом, чтобы не прервать течение ее мыслей.

– Где вы?

– Не знаю, – раздалось в ответ. – У меня нет места.

На несколько минут опять водворилась тишина. Мина сидела без движения перед профессором, вонзившим в нее свой взор, остальные едва осмеливались дышать. В комнате стало светлей; все еще не сводя глаз с лица Мины, профессор приказал мне поднять шторы. Я исполнил его желание, и розовые лучи солнца расплылись по комнате. Профессор сейчас же продолжил:

– Где вы теперь?

Ответ прозвучал как бы во сне, но в то же время осмысленно. Казалось, она пытается что-то уяснить себе. Я слышал раньше, как она тем же голосом читала свои стенографические записи.

– Я не знаю. Все мне чуждо!

– Что вы видите?

– Я ничего не могу различить, вокруг меня темно.

– Что вы слышите?

Я заметил некоторое напряжение в ее голосе:

– Плеск воды; она журчит и волнуется, точно вздымая маленькие волны. Я слышу их снаружи.

– Значит, вы находитесь на корабле?

Мы переглянулись, пытаюсь прочесть что-либо на лицах друг у друга. Мы боялись даже думать. Ответ последовал быстро:

– О да!

– Что вы еще слышите?

– Шаги людей, бегающих над моей головой; кроме того, лязг цепей и грохот якоря.

– Что вы делаете?

– Я лежу спокойно, да, спокойно, будто я уже умерла!

Голос ее умолк, и она задышала, как во сне, глаза закрылись.

Между тем солнце поднялось высоко, и наступил день. Ван Хелсинг положил руки на плечи Мины и осторожно опустил ее голову на подушку. Она лежала несколько минут, как спящее дитя, затем глубоко вздохнула и с удивлением посмотрела на нас.

– Я говорила во сне? – спросила она. Она это, по-видимому, и так знала; но ей хотелось услышать, что она говорила.

Профессор повторил ей весь разговор, и она сказала:

– Итак, нельзя терять ни минуты; быть может, еще не поздно!

М-р Моррис и лорд Годалминг направились к дверям, но профессор позвал их спокойным голосом:

– Подождите, друзья! Судно это поднимало якорь в то время, когда она говорила. В огромном порту Лондона сейчас многие суда готовятся к отплытию. Какое из них наше? Слава Богу, у нас опять есть нить, хотя мы и не знаем, куда она нас приведет. Мы были слепы, слепы относительно повадок людей. Ведь если мы оглянемся назад, мы увидим, что бы мы увидели, смотря вперед, если бы могли тогда рассмотреть то, что могли бы увидеть. Ну что, очень путано? Мы теперь знаем, о чем думал граф, захватывая с собой деньги, хотя ему и угрожал страшный нож Джонатана, так что даже он испугался. Он хотел убежать, вы слышите, убежать! Но, зная, что у него остался всего один ящик и ему не укрыться в Лондоне, где его преследуют пять человек, словно собаки, гонящие лису, он сел на судно, захватив с собой ящик, и покинул страну. Он думает убежать, но нет, мы последуем за ним. Наша лиса хитра, о как хитра! И мы должны за нею ловко следить. Я также хитер и, думаю, хитрее его. А пока мы должны быть спокойны, потому что между ним и нами лежит вода и он не может сюда явиться, пока судно не пристанет к земле. Посмотрите, солнце уже высоко, и день принадлежит нам до захода солнца. Примем ванну, оденемся и позавтракаем, в чем мы все нуждаемся и что мы можем спокойно сделать, так как его нет больше в этой стране.

Мина взглянула на него умоляюще и спросила:

– Но зачем нам его искать, раз он уехал?

Он взял ее руку и погладил ее, говоря:

– Не спрашивайте меня пока ни о чем, после завтрака я вам все расскажу.

Он замолчал, и мы разошлись по своим комнатам, чтобы переодеться. После завтрака Мина повторила свой вопрос.

Он посмотрел на нее серьезно и затем ответил печальным голосом:

– Потому что, дорогая мадам Мина, мы теперь больше, чем когда-либо, должны найти его, если бы даже нам пришлось проникнуть в самый ад!

Она побледнела и спросила едва слышно:

– Почему?

– Потому что, – ответил профессор торжественно, – он может прожить сотни лет, а вы только смертная женщина! Теперь надо бояться времени, раз он наложил на вас свое клеймо.

Я вовремя успел подхватить ее, так как она упала как подкошенная.

Глава XXIV

НАДИКТОВАННОЕ НА ФОНОГРАФ Д-РА СЬЮАРДА ОБРАЩЕНИЕ ВАН ХЕЛСИНГА

Это адресуется Джонатану Харкеру.

Вы останетесь здесь с вашей дорогой мадам Миной, в то время как мы продолжим свои изыскания, если это можно так назвать, ведь мы уже все знаем и ищем лишь подтверждение. Но вы останетесь здесь и будете сегодня с ней. Это для вас самое лучшее и благородное дело. Сегодня он ни в коем случае не явится сюда. Позвольте вам теперь сообщить то, что я уже рассказал другим. Наш враг бежал; он отправился в свой трансильванский замок. Я уверен в этом, словно видел, как чья-то рука начертала это огнем на стене. Он давно готовился на всякий случай; потому-то он и держал наготове последний ящик, чтобы отправить его на корабль. Для этого он и взял деньги; потому он и торопился так, чтобы мы не могли его схватить до захода солнца. Это была его последняя надежда, хотя он, кроме того, думал, что может скрыться в могиле, которую приготовит для него наша бедная Люси; он считает, что она такая же, как он. Но у него не оставалось больше времени. Потерпев поражение, он обратился к последнему средству спасения, последнему земному пристанищу.

Он умен, да, он очень умен. Он знает, что здесь его игра проиграна, и решил вернуться домой. Он нашел судно, которое отправлялось по тому пути, по которому он приехал сюда, и он сел на него.

Нам теперь надо отправиться и узнать, какое это судно, а также и пункт его назначения. Узнав это, мы вернемся и расскажем обо всем. Таким образом, мы окончательно успокоим вас и бедную мадам Мину, возбудив в ваших душах новую надежду. Ведь вся ваша надежда в мысли, что не все еще потеряно. Чудовищу, которое мы преследуем, понадобилось несколько сотен лет, чтобы добраться до Лондона; а мы теперь его изгнали за один день, так как изучили, где лежат пределы его власти. Он погиб, хотя все еще способен причинить много зла и страдает далеко не так, как мы. Но и мы сильны, каждый по-своему, а все вместе еще сильнее. Воспряньте же духом! Борьба только начинается, и в конце концов мы победим, в этом я так же уверен, как в том, что Бог на небесах охраняет своих детей. Поэтому будьте спокойны и ждите нашего возвращения.

ВАН ХЕЛСИНГ.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

4 ОКТЯБРЯ. Когда я прочел Мине послание Ван Хелсинга, надиктованное на фонограф, бедняжка значительно повеселела. Уже одно известие о том, что граф покинул страну, успокоило ее, а спокойствие придало ей силы. Что касается меня, теперь, когда эта страшная опасность не угрожает нам непосредственно, мне даже кажется, что этому нельзя верить. Даже мои собственные ужасные приключения в замке Дракулы представляются какими-то давно позабытыми сновидениями. Здесь, на свежем осеннем воздухе, в ярких лучах солнца... Увы! Разве я смею не верить! Во время моих мечтаний взгляд мой упал на красное клеймо на белом лбу моей дорогой жены. Пока оно не исчезнет, я не могу не верить. А после – тогда сама память об этом будет залогом моей непоколебимой преданности. Мина и я избегаем безделья, поэтому постоянно ведем наши записи. Как ни странно, хотя реальность все время становится

все более жестокой, боль и страх уменьшаются. Во всем просматривается конечная цель, и это успокаивает. Мина говорит, что мы являемся орудием высшего блага. Может быть. Я попытаюсь думать так, как она. О будущем мы еще не говорим. Лучше подождать, пока не вернулись профессор и все остальные. Я не думал, что дни опять будут идти так быстро, как этот. Сейчас уже три часа.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

5 ОКТЯБРЯ, 5 ЧАСОВ ДНЯ. Профессор Ван Хелсинг сообщил нам, какие шаги они приняли для того, чтобы узнать, на каком корабле и куда бежал граф Дракула.

– Так как я знал, что он хочет вернуться в Трансильванию, то был уверен, он проедет через устье Дуная или, во всяком случае, через Черное море, так как он прибыл сюда этим путем.

Нам предстояло заполнить этот пробел. *Omne ignotum pro magnifico*²⁰.

С тяжестью на сердце мы принялись наводить справки, какие корабли отплыли в порты Черного моря. Нам было известно, что он находится на парусном судне, потому что мадам Мина сказала, что слышала, как поднимают паруса. Обычно эти суда не попадают в список отправок кораблей, и потому по совету лорда Годалминга мы навели справки в конторе Ллойда; здесь имеются сведения обо всех судах, как бы малы они ни были. Там мы узнали, что только одно судно отплыло с приливом от Дулитлской пристани, следуя в Черное море. Это была «Царица Екатерина», которая направлялась в Варну, а оттуда в другие порты и вверх по Дунаю!

Так вот, подумал я, на этом-то судне и находится граф. Мы отправились все к Дулитлской пристани и нашли там в крошечной конторе одного господина, у которого осведомились о «Царице Екатерине».

Он непрерывно бранится, у него багровое лицо и слишком громкий голос, но все же он оказался славным малым, и, когда Квинси дал ему новенькую кредитку, он стал еще лучше и всячески старается нам услужить. Он пошел с нами, расспрашивая встречных, не отличавшихся особой вежливостью, но и они оказались славными ребятами, когда их не мучит жажда. Они-то и сообщили нам все, что мы хотели узнать.

Из их разговоров известно, что около пяти часов прибежал какой-то человек. Высокий, худощавый и бледный мужчина, с горбатым носом, ослепительно-белыми зубами и сверкающими глазами. Одет он был во все черное, только шляпа на нем была соломенная и не подходила к сезону. Он не жалел денег, чтобы узнать скорее, какое судно отправляется в гавани Черного моря. Кто-то указал ему контору, а затем и корабль, однако он отказался взойти на последний и остановился у трапа, попросив капитана спуститься к нему. Капитан вышел, узнав предварительно, что ему хорошо заплатят, и хотя он вначале и ругался, но все-таки сделку заключил. Затем худощавый господин спросил, где можно нанять лошадь и подводку. Он ушел, но вскоре опять вернулся, управляя подводой, на которой находился большой ящик; господин сам снял его с подводы, хотя, чтобы поднять его на судно, понадобилось несколько человек. Он долго объяснял капитану, куда надо поставить ящик, но тому это не нравилось, и он ругался на всех языках, говоря, чтобы господин поднялся и сам посмотрел, где будет стоять ящик. Но тот отказался, сказав, что у него много дел. На это капитан ему ответил, что будет лучше, если он поторопится, ко всем чертям, так как судно отчалит от этой пристани, черт бы ее драл, до начала прилива, ко всем чертям. Тогда худощавый господин улыбнулся и сказал, что судно должно отправляться тогда, когда капитан найдет нужным, но господин будет очень удивлен, если это случится так скоро. Капитан снова принялся ругаться на всех языках, а худощавый

²⁰ Все неизвестное представляется величественным (лат.).

господин поклонился ему, поблагодарил и сказал, что не станет злоупотреблять его добротой и явится на судно как раз перед отходом. Тогда капитан покраснел еще больше и сказал, что ему не надо французов, черт бы их побрал, на своем корабле, чтобы его тоже черт побрал. Господин спросил, где поблизости находится лавка, и ушел.

Никто не поинтересовался, куда он пошел, так как пришлось думать совсем о другом, потому что скоро всем стало ясно: «Царица Екатерина» не снимется с якоря так рано, как предполагали. С реки поднялся легкий туман, который вскоре настолько сгустился, что скрыл судно и все вокруг него. Капитан ругался на всех языках – призывал небо и ад, но ничего не мог поделать. А вода все поднималась и поднималась, и он боялся упустить прилив. Он был в очень плохом настроении, когда вдруг появился худощавый господин и попросил показать ему, куда поставили его ящик. На это капитан ответил ему, что желал бы, чтобы и он, и его ящик отправились ко всем чертям в ад. Но господин, нисколько не обидевшись, спустился вниз с помощником капитана посмотреть, где стоит ящик, затем поднялся на палубу и остался там, окутанный туманом. Никто не обращал на него внимания. В самом деле, теперь было не до него, так как туман вскоре стал редеть и воздух прояснился. Мои новые знакомые, любители крепких напитков и крепкого словца, со смехом рассказали, какой совсем уж цветистой стала многоязычная брань капитана, когда, расспросив других моряков, которые в то же время проходили по реке, он обнаружил, что лишь немногие заметили туман, да и то у самого причала. Как бы там ни было, но судно вышло с отливом и утром находилось уже в устье реки, и, когда мы расспрашивали о нем, оно плыло по волнам океана. Итак, дорогая Мина, мы можем некоторое время отдохнуть, потому что наш враг в море и плывет, властвуя над туманами, к устью Дуная. На этот переход парусному судно надо немало времени, и если мы теперь отправимся туда по суше, то опередим его и встретим там. Для нас лучше всего будет найти его в гробу между восходом и закатом солнца: тогда он не в состоянии бороться и мы можем поступить с ним как нужно. До этого у нас достаточно времени, чтобы составить план. Мы знаем, куда он направляется, так как видели хозяина корабля, и тот показал нам все судовые бумаги. Ящик, который мы ищем, будет выгружен в Варне и передан агенту, некоему Ристиксу, тот должен представить доверенность. Итак, наш приятель-торговец помог нам. Он спросил, не случилось ли чего неладного с ящиком, и хотел даже в таком случае телеграфировать в Варну, чтобы там все расследовали, но мы его успокоили, потому что в этом деле вмешательство полиции или таможни вовсе нежелательно. Мы должны исполнить все сами.

Когда Ван Хелсинг закончил, я спросила его, уверен ли он в том, что граф остался на корабле. Он ответил:

– У нас имеется самое достоверное доказательство – ваши собственные слова во время гипнотического сна.

Я спросила опять, неужели так необходимо преследовать графа, так как я боюсь остаться без Джонатана, а я знаю, что он наверняка пойдет туда же, куда пойдут другие.

Ван Хелсинг отвечал сначала спокойно, но потом голос делался все более и более страстным и достиг наконец такого возбуждения и силы, что мы поняли, в чем заключалась та власть, которая подавляла нас всех.

– Да, это необходимо, необходимо, необходимо! Для нашего блага и для блага всего человечества. Это чудовище и так причинило много вреда в той ограниченной оболочке, в которой оно находилось и за то непродолжительное время, когда оно было телом и только на ощупь, без знаний, действовало в темноте. Обо всем этом я уже рассказал другим: вы, мадам Мина, узнаете все, прослушав фонограф Джона или вашего мужа. Я им рассказал, как ему понадобились сотни лет, чтобы оставить свою малонаселенную страну и отправиться в новую землю, где столько людей, сколько в поле колосьев. Если бы другие «не-мертвые» были такими, как он, никакое время не помогло бы ему совершить то, что он совершил. В его случае все сокровенные силы природы, темные и могущественные, действовали особенным образом. Даже мест-

ность, где в течение всех этих столетий жил «не-мертвый», представляет собой престранное нагромождение географических несообразностей. Есть там пещеры и расщелины, которые неизвестно где кончаются, есть вулканы, некоторые из них до сих пор извергают потоки воды со странными свойствами, и газы, которые убивают или оживляют. Без сомнения, сочетание этих оккультных сил, так странно влияющее на физическую жизнь, обладает специфическими магнитными и электрическими свойствами. В графе самом были заложены неординарные качества.

В тяжелые времена, когда он еще жил настоящей жизнью, он славился тем, что ни у кого другого не было таких железных нервов, такого изворотливого ума и такой храбрости. В нем некоторые жизненные силы дошли до крайней точки своего развития: вместе с телом развился и ум. Все это происходило помимо дьявольского влияния, которое, однако, в нем несомненно есть, но оно должно уступать силам, идущим из источника добра, и их символам. Потому-то он в нашей власти. Он вас осквернил – простите меня, дорогая, что я так говорю. Он заразил вас таким образом, что, даже если он этого не сделает вторично, вы все-таки будете только жить, жить по-старому, а затем после смерти, являющейся по Божьей воле уделом всех людей, вы сделаетесь подобной ему.

Но этого не должно быть! Мы все поклялись, что этого не будет. Таким образом, мы исполняем лишь волю Бога, который не желает, чтобы мир и люди, за которых пострадал Его Сын, были отданы во власть чудовищам, существование которых оскорбило бы Его. Он уже позволил нам вернуть в лоно истины одну душу, и мы отправляемся теперь за другими, подобно древним крестоносцам. Как и они, мы пойдем на восток, и если погибнем, то погибнем, как они, за святое дело.

Он остановился; я воспользовалась этим, чтобы сказать:

– Но не отступит ли граф из благоразумия перед опасностью? Быть может, с тех пор как вы его изгнали из Англии, он станет избегать этой страны, подобно тигру, отогнанному туземцами от деревни.

– Ачоа! – сказал он. – Ваше сравнение с тигром очень удачно, я им воспользуюсь. Людоеды – как в Индии зовут тигров, раз попробовавших человеческую кровь, – не желают иной пищи, кроме человечины, и бродят вокруг деревень, пока им не удастся ею полакомиться. Тот, кого мы прогнали от нашей деревни, такой же тигр-людоед, и он не перестанет рыскать по соседству с нами. Да и не в его характере отступить. Еще во время своей настоящей жизни он переходил турецкую границу и нападал на врага на его территории. Он потерпел поражение, но остановило ли это его? Нет! Он возвращался снова и снова! Что за настойчивость! Что за упорство! В своем детском разуме он давно уже решил отправиться в большой город. Что же он сделал? Он подыскал самое подходящее для себя место на свете и занялся затем приготовлениями. Он открыл постепенно, какая в нем сила, каково его могущество. Он изучил новые языки. Он изучил новую социальную жизнь, политику, законы, финансы, науки и обычаи новых стран и новых народов, появившихся с тех пор, как он жил. Все это только раздражило его аппетит и усилило его желание. Это же помогло развиваться его разуму, так как все доказывало, что он прав в своих предположениях. Все это он проделал совершенно самостоятельно! Из разрушенной гробницы в забытой земле! Чего только он еще не предпримет, когда все сокровища мысли станут его достоянием! Он может смеяться над смертью, он может жить среди болезней, убивающих целые народы, не заражаясь ими. Будь он посланцем Бога, а не дьявола, какой добрый пример явил бы он миру! На нас лежит обязанность освободить от него мир. Мы должны работать скрытно и держать наши действия в тайне, потому что в наш просвещенный век, когда люди не верят даже тому, что сами видят, сомнение ученых будет его главной силой. Оно же будет и его защитой, и оружием, которым он уничтожит нас, своих врагов, готовых подвергнуть опасности даже свои души, чтобы спасти ту, которую любили, и принести пользу человечеству во имя славы Вечного Бога.

На общем совещании было решено сегодня вечером окончательных выводов не делать, еще раз хорошенько все обдумать и попытаться сделать правильные умозаключения. За завтраком мы опять все обсудили и составили окончательный план действий.

Я чувствую себя сегодня ночью удивительно спокойной, будто я освободилась от постороннего присутствия. Кто знает...

Я не закончила фразу... не могла ее закончить, так как, подняв глаза, увидела в зеркале красное клеймо на лбу: я поняла, что я еще не очистилась от скверны.

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

5 ОКТЯБРЯ. Мы все проснулись очень рано, и я думаю, что сон оказал на всех нас крайне благотворное влияние. Когда мы встретились за завтраком, то удивились, насколько мы все весело настроены. Удивительно, как свойственно человеку быстро обретать утраченный покой! Стоит препятствию исчезнуть (пусть даже смерть будет причиной), и мы вновь обретаем надежду и способность радоваться. Не раз удивлялся я, когда мы сидели за столом, не были ли прошедшие дни всего лишь ночным кошмаром. Лишь алый рубец на лбу миссис Харкер возвращал меня к действительности. Но и сейчас, когда я вполне серьезно обдумываю происходящее, я с трудом верю в то, что причина наших опасений все еще существует. Даже миссис Харкер, по-видимому, забыла о своих страданиях, и только время от времени, когда что-нибудь ей об этом напоминает, она вспоминает о страшном знаке. Мы решили собраться через полчаса здесь, в кабинете, и окончательно установить план действий. Я предвижу лишь одно затруднение, которое я чувствую инстинктивно: все мы должны говорить откровенно, но, боюсь, по какой-то таинственной причине язык миссис Харкер будет связан. Я знаю, она делает свои выводы, и на основании того, что произошло, я могу угадать, как они правильны и близки к истине, но она не сможет или не захочет сообщить их нам. Я говорил об этом Ван Хелсингу, и, когда останемся наедине, обсудим это. Я предполагаю, что ужасный яд, попавший в ее кровь, начинает оказывать свое действие. У графа, видимо, был определенный план, когда он дал ей то, что Ван Хелсинг называет кровавым крещением вампира. Должно быть, существует яд, получаемый из безвредных веществ; в нашем веке осталось еще много таинственного, и поэтому нам нечего удивляться. Я знаю одно, а именно: если меня не обманывает инстинкт, в молчании миссис Харкер заключается новая страшная опасность, которая нам грозит в будущем. Но, быть может, та самая сила, которая заставляет ее молчать, заставит ее говорить. Я не смею больше об этом думать, потому что боюсь даже мысленно оскорбить эту благородную женщину!

Ван Хелсинг пришел в мой кабинет раньше других. Я постараюсь с его помощью раскрыть истину.

ПОЗДНЕЕ. Мы еще раз обсудили с профессором ситуацию. Я видел, что он хочет что-то сказать, но не решается. Наконец, слегка потянувшись, он вдруг сказал:

– Джон, нам надо во что бы то ни стало переговорить кое о чем до прихода остальных, а впоследствии мы можем это сообщить и им.

Он помедлил еще немного и продолжал:

– Мина, наша бедная, дорогая Мина становится другой!

Меня бросило в дрожь, ибо он заговорил о том, что мне самому внушало наибольшие опасения.

– На основании прежних опытов с мисс Люси нам надо остерегаться, чтобы помощь не пришла слишком поздно. Наша задача стала теперь сложнее, чем когда-либо; ввиду этого нового несчастья нам дорог каждый час. Я вижу, как на ее лице постоянно появляются все характерные признаки вампира. Правда, они пока едва заметны, но все же их можно разгля-

деть, если всмотреться внимательно и без предвзятости. Ее зубы стали острее, а выражение глаз суровее. Но это не все; она теперь часто молчит, как это делала и Люси. Она даже не говорила, когда писала то, что хотела сообщить. Я боюсь теперь вот чего! Если она может во сне, вызванном нами, сказать, что делает граф, то ведь, вполне вероятно, тот, кто ее загипнотизировал первый ипил ее кровь, заставив ее выпить и свою, может заставить ее открыть ему то, что она знает о нас.

Я кивнул, и он заговорил опять:

– Нам надо во что бы то ни стало предупредить это; мы должны от нее скрывать наши намерения, тогда она не сможет рассказать ему то, чего сама не знает. О! Это грустная задача! Такая грустная, что у меня разрывается сердце, едва подумаю об этом; но иначе нельзя. Когда мы ее сегодня увидим, я скажу ей, что по некоторым причинам она не должна больше присутствовать на наших совещаниях, оставаясь, однако, под нашей охраной.

Он вытер испарину, которая покрыла его лоб при мысли о том, какую боль он причинит этой несчастной, уже и так измучившейся душе. Я знал, что некоторым утешением ему будет, если я скажу, что и сам пришел к тем же выводам, – по крайней мере, это освободит его от сомнений. Я ответил, что разделяю его мнение, и это его очень поддержало.

Сейчас мы все соберемся. Ван Хелсинг ушел, чтобы подготовиться к исполнению своей печальной миссии. Я думаю, он хочет также помолиться в одиночестве.

ПОЗДНЕЕ. Перед самым началом нашего совещания мы с Ван Хелсингом испытали большое облегчение, так как миссис Харкер послала своего мужа сказать, что она не присоединится к нам, так как думает, что мы станем чувствовать себя свободнее, если не будем стеснены ее присутствием при обсуждении наших планов. Я и профессор посмотрели друг на друга, и оба с облегчением вздохнули. Я, со своей стороны, подумал: раз мадам Мина сама поняла опасность, то тем самым мы избавлены от многих страданий и неприятностей. Переглянувшись, мы с профессором знаками дали друг другу понять, что, пока не переговорили еще раз между собой, будем хранить наши подозрения в тайне.

Итак, мы приступили к составлению плана нашей кампании. Сперва Ван Хелсинг изложил нам сжато следующие факты:

– «Царица Екатерина» вышла вчера утром из Темзы. Чтобы добраться до Варны, ей понадобится по крайней мере три недели: мы же потратим всего три дня, если отправимся в Варну по суше. Допустив также, что благодаря влиянию погоды, которая может быть вызвана графом, судно выиграет два дня и что мы случайно задержимся на целые сутки, все же у нас впереди около двух недель. Таким образом, чтобы быть вполне спокойными, мы должны отправиться самое позднее 17-го. Тогда мы в любом случае прибудем в Варну на день раньше судна и успеем сделать все необходимые приготовления. Конечно, мы должны как следует вооружиться против зла телесного и бестелесного.

После этого Квинси Моррис прибавил:

– Я знаю, что граф родом из страны волков, и, быть может, он появится там раньше нас. Я предлагаю дополнить наше вооружение винчестерами. Я во всех затруднительных обстоятельствах крепко надеюсь на карабин. Помнишь, Арт, как нас преследовала стая волков под Тобольском? Дорого бы мы дали тогда за карабин для каждого!

– Хорошо, – сказал Ван Хелсинг, – возьмем с собой и карабины. Но нам здесь, в сущности, нечего делать, а так как я думаю, что Варна никому из нас не знакома, то не отправиться ли уже завтра? Все равно, где ждать, здесь или там. Сегодня ночью и завтра мы успеем подготовиться и, если все будет в порядке, вчетвером тронемся в путь.

– Вчетвером? – спросил удивленно Харкер, бросая на нас недоумевающий взгляд.

– Конечно! Вы должны остаться и заботиться о вашей дорогой жене! – поспешил ответить профессор.

Харкер помолчал несколько минут и сказал затем глухим голосом:

– Поговорим об этом еще завтра утром. Мне надо посоветоваться с Миной.

Я подумал, что Ван Хелсингу пора предупредить его, чтобы он не открывал ей наши планы, но он не обратил на это внимания. Я бросил на него многозначительный взгляд и закашлял, однако вместо ответа он приложил палец к губам и отвернулся.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

5 ОКТЯБРЯ, ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ. Когда наше совещание закончилось, я долгое время не мог ни о чем думать. Новый поворот дел настолько поразил мой мозг, что я не в силах мыслить. Решение Мины не принимать никакого участия в обсуждении заставляет меня задуматься, а так как я не смею сказать ей об этом, то могу лишь высказать свои предположения. Я теперь дальше от истины, чем когда-либо. Поведение остальных при этом известии также поразило меня: ведь в последнее время мы часто обсуждали этот вопрос и решили, чтобы между нами не было никаких тайн. Теперь Мина спит тихо и спокойно, как маленькое дитя. Губы ее полуоткрыты, и лицо сияет счастьем. Слава Богу, что это так.

ПОЗДНЕЕ. Как это странно! Я сидел, охраняя счастливый сон Мины, и считал себя таким счастливым, как, пожалуй, никогда. Когда настал вечер и земля покрылась тенью, в комнате стало еще тише и торжественнее. Вдруг Мина открыла глаза и сказала:

– Джонатан, дай мне честное слово, что исполнишь мою просьбу. Дай мне это обещание перед Богом, чтобы ты не нарушил его, даже если я буду умолять тебя об этом на коленях, заливаясь горькими слезами. Скорее исполни мою просьбу – сейчас же.

– Мина, – сказал я, – могу ли я дать такое обещание, не подумав? Имею ли я право на это?

– Но, дорогой мой, – возразила она с такой убежденностью, что глаза ее засияли, как звезды, – я же сама прошу тебя об этом. Прошу не для себя. Спроси у д-ра Ван Хелсинга, права ли я; если он скажет, что нет, поступай как пожелаешь. Более того, если вы все так решите, позже ты сможешь считать себя свободным от этого обещания.

– Обещаю, – ответил я, и она одно мгновение казалась счастливой, для меня же счастья не было, так как красное клеймо по-прежнему горело у нее на лбу.

Она сказала:

– Обещай, что ни слова не скажешь мне о плане, разработанном против графа. Ни словами, ни намеками, ни поступками, пока это не исчезнет! – И она указала торжественно на клеймо.

Я увидел, что она говорит серьезно, и повторил:

– Обещаю!

После ее слов я понял, что с этого мгновения между нами выросла стена.

ПОЗДНЕЕ, ПОЛНОЧЬ. Весь вечер Мина была весела и бодра, так что и остальные приободрились, как бы заразившись ее весельем; и даже я сам почувствовал, что печальный покров, давивший на нас, как бы немного приподнялся. Мы разошлись рано. Мина спит безмятежно, словно дитя. Удивительно, как сохранилась у нее способность спать спокойно, несмотря на все невзгоды. Слава Богу, хоть в эти моменты она забывает тревоги. Быть может, на меня повлияет ее пример, как ее веселость передалась мне сегодня вечером. Попробую заснуть, и пусть это будет сон без сновидений.

6 ОКТЯБРЯ, УТРО. Новая неожиданность! Мина разбудила меня так же рано, как и вчера, и попросила пригласить Ван Хелсинга. Я подумал, что она хочет, чтобы он опять ее загипнотизировал, и сейчас же пошел за профессором. Он, по-видимому, ожидал этого при-

глашения, так как был уже одет. Дверь его стояла полуоткрытой, и он мог слышать, как хлопнула наша дверь. Войдя в комнату, он спросил Мину, могут ли войти остальные.

– Нет, – ответила она, – в этом нет необходимости. Вы можете сами все рассказать им потом. Я должна сопровождать вас!

Ван Хелсинг был поражен не меньше моего. После некоторой паузы он спросил ее опять:

– Но почему?

– Вы должны меня взять с собой. Я с вами буду в большей безопасности, да и вы также.

– Но почему же, дорогая госпожа Мина? Вы знаете, что забота о вашей безопасности является нашей святой обязанностью. Мы идем навстречу опасностям, которым вы подвергаетесь больше, чем кто-либо из нас, вследствие разных обстоятельств... – Он остановился в замешательстве.

Она указала пальцем на свой лоб и ответила:

– Я знаю. Вот почему я должна отправиться с вами. Я могу теперь это сказать, солнце встает, а потом я буду не в состоянии. Я знаю, если граф захочет, я должна пойти вместе с ним. Я знаю, если он мне прикажет уйти тайком, я употреблю хитрость, обману даже Джонатана.

Господь свидетель того взгляда, которым она посмотрела на меня, и если есть ангел, записывающий наши добрые дела и грехи, то взгляд этот навеки останется примером ее добродетели.

– Вы сильны и храбры. Вы сильны своим числом, так как можете презирать то, что сломило бы одного человека. Кроме того, я, пожалуй, смогу вам быть полезной, если вы сможете меня загипнотизировать и узнать таким образом то, чего я не знаю сама.

Тогда Ван Хелсинг сказал серьезно:

– Мадам Мина, вы говорите умно, как всегда. Вы отправитесь вместе с нами, и мы все вместе исполним нашу обязанность.

Долгое молчание Мины заставило меня взглянуть в ее сторону. Она лежала откинувшись на подушку и крепко спала. Ее не разбудил даже поток света, заливший комнату, когда я поднял штору.

Ван Хелсинг пригласил меня последовать скорее за ним. Мы вошли в комнату, где к нам присоединились Годаминг, д-р Сьюард и Моррис. Он рассказал им все, что сообщила ему Мина, и затем продолжал:

– Утром мы отправимся в Варну. Нам теперь надо считаться с новым фактором – Миной. Но она предана нам. Ей стоило больших страданий рассказать нам так много, однако она очень хорошо сделала, и теперь мы вовремя предупреждены. Не надо упускать ни одного шанса, и в Варне мы должны быть готовы действовать немедленно после прибытия судна.

– Что же нам там делать? – спросил лаконично Моррис.

Профессор подумал немного и ответил:

– Мы первым делом войдем на судно, а затем, когда найдем ящик, положим на него ветку шиповника; пока она там, граф не сможет выйти, так, по крайней мере, гласит поверье. Поначалу мы должны полагаться только на это. В давние времена это было для человека истинной верой – вот откуда наши поверья. Далее, когда мы дождемся удачного стечения обстоятельств и никого не окажется поблизости, мы откроем ящик, и все будет прекрасно.

– Я не стану ждать удобного случая, – сказал Моррис. – Когда я найду ящик, я открою его и уничтожу чудовище, хотя бы тысячи людей видели это и хотя бы меня сейчас же после этого казнили.

Я инстинктивно схватил его за руку и обнаружил, что она тверда как сталь. Думаю, он правильно понял мой взгляд – надеюсь на это.

– Вы славный мальчик, – сказал д-р Ван Хелсинг. – Храбрый Квинси – настоящий мужчина, да благословит его за это Бог. Дитя мое, поверьте, никто из нас не отстанет из страха. Я только говорю, что мы все поступим так, как надо. Хотя на самом деле мы, пожалуй, не можем теперь

сказать, как поступим. До того времени многое может случиться. Мы все будем вооружены, и, когда наступит критический момент, наши силы не ослабнут. Сегодня же приведем в порядок наши дела, особенно те, которые касаются близких и зависящих от нас людей, потому что никто из нас не может сказать, каков будет конец. Мои дела уже устроены, а так как мне больше нечего делать, я пойду приготовить все для путешествия. Я приобрету билеты и прочее.

Нам больше нечего было обсуждать, и мы разошлись. Я сейчас устрою свои земные дела и буду тогда готов ко всему, что бы ни случилось.

ПОЗДНЕЕ. Все сделано, завешание написано. Мина – моя единственная наследница, если она выживет. Если же нет, все получают остальные, которые были так добры к нам. Солнце близится к закату. Недомогание Мины привлекает мое внимание. Я уверен, она о чем-то думает, мы видим это после захода солнца. Мы со страхом ждем каждый раз восхода и заката, потому что каждый раз узнаем о новой опасности, новом горе, но дай Бог, чтобы все кончилось благополучно. Я пишу это в дневнике, потому что моя дорогая не должна сейчас обо всем этом слышать, но, если случится так, что ей можно будет узнать, она прочтет эти записи. Она зовет меня.

Глава XXV

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

11 ОКТЯБРЯ, ВЕЧЕР. Харкер просил меня записать это, так как сам он не способен, а точная запись нужна ему.

Думаю, никто из нас не был удивлен, когда незадолго до заката нас пригласили к миссис Харкер. Мы все заметили, что за последние дни время восхода и заката солнца является для нее периодом особенной свободы, когда ее прежняя личность может вырваться из-под влияния контролирующей силы, угнетающей ее или побуждающей к странным поступкам. Состояние это наступает приблизительно за полчаса до восхода или заката солнца и продолжается до тех пор, пока солнце не поднимется высоко или пока облака пылают еще в лучах скрывающегося за горизонтом дневного светила. Сначала ее состояние становится каким-то колеблющимся, словно некие узы начинают ослабевать, затем внезапно наступает чувство абсолютной свободы, когда же свободное состояние прекращается, быстро наступает реакция, которой предшествует предостерегающее молчание.

Когда мы сегодня встретились, она была несколько сдержанна и проявляла признаки внутренней борьбы. Думаю, она собиралась с духом, чтобы сделать над собой усилие. Всего за несколько минут ей удалось овладеть собой. Она указала мужу место возле себя, а мы подвинули стулья к дивану, на котором она полулежала. Взяв мужа за руку, она заговорила:

– Быть может, мы собрались вместе так свободно в последний раз. Да-да, дорогой! Я знаю, что ты будешь со мной до конца. – Это она сказала мужу, который, мы заметили, еще крепче сжал ее руку. – Утром мы приступим к исполнению нашей задачи, и только Богу известно, что ожидает каждого из нас в дальнейшем. Вы будете так добры, что возьмете меня с собой. Я знаю, на что способны пойти отважные, стойкие люди, чтобы помочь бедной, слабой женщине, душа которой, может быть, погибла, во всяком случае – в опасности. Но вы должны помнить, я не такая, как вы. В моей крови, в моей душе – яд, и он может убить меня и должен убить меня, если мне не будет оказана помощь. О друзья мои, вы знаете так же хорошо, как и я, что моя душа в опасности, и хотя я так же, как и вы, знаю, что для меня есть один только путь, но мы не должны по нему идти.

Она обвела нас всех умоляющим взглядом.

– Какой путь? – спросил хриплым голосом Ван Хелсинг. – Какой это путь, который мы не должны, не можем избрать?

– Этот путь – моя смерть сейчас же, от своей руки или от руки другого, но, во всяком случае, прежде, чем разразится величайшее бедствие. Я знаю, вы также знаете, умри я сейчас, вы в состоянии будете спасти мою бессмертную душу, как вы это сделали с бедной Люси. Если бы только смерть или страх смерти стояли единственным препятствием на моем пути, я не задумалась бы умереть здесь, теперь, среди любящих меня друзей. Но смерть не есть конец. Я не могу допустить мысли, что была на то Божья воля, что я должна умереть, в то время как мы имеем надежду спастись. Итак, я, со своей стороны, отказываюсь от вечного упокоения и добровольно вступаю в тот мрак, в котором может быть заключено величайшее зло, какое только встречается в мире или в преисподней.

Мы молчали, инстинктивно чувствуя – это лишь прелюдия. Лица у всех застыли, а Харкер просто посерел: возможно, он лучше нас догадывался, о чем пойдет речь. Она продолжала:

– Вот что я могу предложить на общее благо.

Я не мог не заметить странность этой фразы, прозвучавшей со всей серьезностью.

– Но что даст каждый из вас? Знаю, ваши жизни, – быстро продолжала она, – это мало для храбрых людей! Ваши жизни принадлежат Богу, и вы должны вернуть их ему, но что дадите вы мне?

Она поглядела на нас вопросительно, избегая смотреть на мужа. Квинси как будто понял, кивнул головой, и лицо ее просияло.

– Я вам прямо скажу, что мне надо, ибо между нами не должно быть в этом отношении ничего утаенного. Вы должны обещать мне, все как один – и даже ты, мой любимый супруг, – что, когда наступит час, вы убьете меня.

– Какой час? – спросил Квинси глухим, сдавленным голосом.

– Когда вы увидите по происшедшей в моей внешности перемене, что мне лучше умереть, чем жить. Когда мое тело будет мертвым, вы должны, не медля ни минуты, проткнуть меня колом и отрезать мне голову, вообще исполнить все, что понадобится, для успокоения моей души.

Квинси первым опомнился после продолжительной паузы. Он опустился перед ней на колени, взяв ее руку в свою, торжественно произнес:

– Я грубый человек, который, пожалуй, жил далеко не так, чтобы заслужить подобное отличие, но клянусь вам всем святым и дорогим для меня: если когда-нибудь наступит такое время, я не уклонюсь от долга, который вы возложили на нас. Обещаю вам сделать это наверняка, и как только у меня появятся подозрения, я сочту, что час настал.

– Вы мой истинный друг! – вот все, что она могла проговорить, заливаясь слезами.

– Клянусь сделать то же самое, моя дорогая мадам Мина! – сказал Ван Хелсинг.

– И я! – произнес лорд Годалминг.

Каждый из них по очереди опускался на колени, давая клятву. То же сделал и я. Ее муж с блуждающим взглядом обернулся к ней и спросил:

– Должен ли я также дать такое обещание, жена моя?

– Ты также, милый, – сказала она с бесконечным сочувствием в голосе и взгляде. – Ты не должен отказываться. Ты самый близкий и дорогой для меня человек, в тебе весь мой мир: наши души спаяны на всю жизнь и на всю вечность. Подумай, дорогой, о том, что были времена, когда храбрые мужья убивали своих жен и близких женщин, чтобы они не могли попасть в руки врагов. Ни у одного из них не дрогнула рука – ведь те, кого они любили, сами призывали лишить их жизни. Это обязанность мужчин перед теми, кого они любят, во время тяжких испытаний. О дорогой мой, если суждено, что я должна принять смерть от чьей-либо руки, то пусть это будет рука того, кто любит меня сильнее всех. Д-р Ван Хелсинг! Я не забыла, как, когда дело касалось Люси, вы сострадали тому, кто любил, – она запнулась и изменила фразу, – тому, кто имел большее право даровать ей покой. Надеюсь, что, если это время опять настанет, вы сделаете все, чтобы и муж мой без горести вспоминал, что именно его любящая рука избавила меня от тяготевшего надо мной проклятия.

– Клянусь вам! – глухо прозвучал голос профессора.

Миссис Харкер облегченно улыбнулась, откинулась на подушки и сказала:

– Еще одно предостережение, предостережение, которое вы не должны забывать: если это время должно наступить когда-либо, оно наступит скоро и неожиданно, и в таком случае вы должны, не теряя времени, воспользоваться выгодой для себя, потому что в то время я могу быть... нет, если оно наступит, то я уже буду... связана с вашим врагом и против вас. И еще просьба, – добавила она после минутной паузы. – Не так существенна и необходима, как моя первая просьба, но я желаю, чтобы вы сделали одну вещь для меня, я прошу вас согласиться.

Мы все молча кивнули.

– Я желаю, чтобы вы прочли надо мной погребальную молитву.

Ее речь прервал громкий стон ее мужа; взяв его руку в свою, она приложила ее к своему сердцу и продолжала:

– Ты должен здесь, сейчас прочесть ее надо мной. Чем бы ни завершился этот кошмар, для всех нас наступит облегчение. Ты, дорогой мой, надеюсь, прочтешь так, что она запечатлется в моей памяти навеки отзвуками твоего голоса... что бы ни случилось.

– Но, дорогая моя, – молил он, – смерть далеко от тебя.

– Нет, – ответила она, – я ближе к смерти в настоящую минуту, чем если бы лежала под тяжестью могильного холма.

– Жена моя, неужели я должен это прочесть? – спросил он, не в силах начать.

– Это успокоит меня, муж мой.

Больше она ничего не сказала, и он, когда она подала ему книгу, начал читать.

Как я могу – да и вообще кто-нибудь – описать эту странную сцену, торжественную, печальную, мрачную и в то же время дающую утешение. Даже скептик, видящий одну лишь пародию на горькую истину во всякой святине и во всяком волнении, был бы растроган до глубины сердца, если б увидел маленькую группу любящих и преданных людей на коленях около осужденной и тоскующей женщины или услышал бы страстную нежность в голосе супруга, когда он прерывающимся от волнения голосом, так, что ему приходилось по временам умолкать, читал простую и прекрасную погребальную молитву.

– Я... не могу продолжать... слова... и... не хватает у меня голоса...

Она была права в своем инстинктивном требовании. Как это ни было странно, какой бы причудливой ни казалась нам эта сцена, нам, которые в то время находились под сильным влиянием ее, впоследствии она доставила большое утешение, и молчание, которое доказывало скорый конец свободы души миссис Харкер, не было для нас полно отчаяния, как мы того опасались.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

15 ОКТЯБРЯ. ВАРНА. Мы покинули Чаринг-Кросс 12-го утром, приехали в Париж в ту же ночь и заняли приготовленные для нас места в Восточном экспрессе. Мы ехали день и ночь и прибыли сюда около пяти часов вечера. Лорд Годалминг отправился в консульство справиться, нет ли телеграммы на его имя, а мы расположились в гостинице. Дорогой, вероятно, были случайности, я, впрочем, был слишком поглощен желанием уехать, чтобы обратить на них внимание. Пока *«Царица Екатерина»* не придет в порт, для меня не может быть ничего интересного на всем земном шаре. Слава Богу, Мина здорова и как будто окрепла, возвращается румянец. Она много спит, дорогой она спала почти все время. Перед восходом и закатом солнца она, впрочем, бодрствует и тревожна: у Ван Хелсинга вошло в привычку гипнотизировать ее в это время. Сначала требовалось некоторое усилие, но теперь она вдруг поддавалась, точно привыкла подчиняться. Кажется, в эти моменты ему достаточно лишь пожелать, и мысли ее становятся ему послушны. Он всегда спрашивает ее, что она видит и слышит.

Она отвечает:

– Ничего, все темно. Я слышу, как волны ударяют в борта и как вода бурлит. Паруса и снасти натягиваются, мачты и реи скрипят. Ветер сильный, я слышу, как гудят снасти, а нос корабля рассекает пенящиеся волны.

Очевидно, что *«Царица Екатерина»* все еще в море, она спешно направляется в Варну. Лорд Годалминг только что вернулся. Получил четыре телеграммы, по одной в день со времени нашего отъезда, и все одинакового содержания: Ллойд не имеет известий о *«Царице Екатерине»*. Перед отъездом из Лондона он договорился, что агент будет ежедневно отправлять ему телеграмму со сведениями о *«Царице Екатерине»* или сообщающую об отсутствии таковых, чтобы он был уверен, что в Лондоне по-прежнему исполняют его поручение.

Мы пообедали и рано легли спать. Завтра нам надо повидать вице-консула и устроиться, если возможно, так, чтобы прибыть на пароход, едва он придет. Ван Хелсинг говорит, что для

нас важно попасть на судно между восходом и закатом солнца. Граф, превратись он даже в летучую мышь, не может силой своей воли преодолеть воду и поэтому не может покинуть пароход. Так как он не посмеет обернуться человеком, не возбуждая подозрений, чего он, очевидно, желает избегнуть, он должен оставаться в ящике. Следовательно, если мы попадем на пароход после восхода солнца, он будет в нашей власти, потому что мы можем открыть ящик и поразить его, как поразили бедную Люси, прежде чем он проснется. Пошады от нас ему ждать нечего. Мы надеемся, что с чиновниками и моряками не будет затруднений. Слава Богу! Это такая страна, где подкупом все можно сделать, а мы запаслись достаточным количеством денег. Нам надо только похлопотать, чтобы судно не вошло в порт неведомо для нас, между закатом и восходом солнца, и мы будем спасены. Думаю, госпожа Взятка нам поможет.

16 ОКТЯБРЯ. Ответ Мины все тот же: удары волн о борт корабля и бурлящая вода, темнота и благоприятные ветры. Мы, очевидно, в полосе удачи, и, когда услышим о *«Царице Екатерине»*, мы будем готовы. Так как она должна пройти через Дарданеллы, мы можем быть уверены, что своевременно все узнаем.

17 ОКТЯБРЯ. Теперь все хорошо устроено, кажется, для встречи графа при его возвращении из путешествия. Годалминг сказал судовладельцам, что он подозревает, будто в ящике на пароходе могут быть вещи, украденные у его приятеля, и получил полусогласие на вскрытие ящика под его ответственность. Владелец корабля дал ему письмо, приказывающее капитану предоставить ему полную свободу действий на пароходе и такое же разрешение дал на имя своего агента в Варне. Мы повидали агента, на которого очень сильно подействовало ласковое обращение с ним Годалминга, и мы спокойны, с его стороны будет сделано все, что может содействовать исполнению наших желаний. Мы уже сговорились, что делать, когда ящик будет вскрыт. Если граф окажется в ящике, Ван Хелсинг и Сьюард отрубят ему голову и воткнут кол в сердце. Моррис, Годалминг и я будем на страже, чтобы предупредить вмешательство даже с оружием в руках, если это понадобится. Профессор говорит, что, если мы так обойдемся с графом, он скоро превратится в прах. Тогда не будет никаких улик против нас, если возникнет подозрение в убийстве. Но даже если этого не произойдет, мы победим или падем, и, может быть, когда-нибудь эти записки явятся доказательством нашей правоты и встанут стеной между некоторыми из нас и виселицей. Сам я приму такой исход, если это будет суждено, лишь с благодарностью. Мы решили не оставлять камня на камне, лишь бы только привести наш план в исполнение. Мы условились с некоторыми чиновниками, что, как только *«Царица Екатерина»* покажется, нас тотчас же уведомят.

24 ОКТЯБРЯ. Целая неделя ожидания. Ежедневные телеграммы Годалмингу, но все то же: «Нет известий». Утренний и вечерний ответ Мины под гипнозом: неизменные удары волн, бурливая вода, скрипучие мачты.

ТЕЛЕГРАММА. РУФУС СМИТ, ЛЛОЙД, ЛОНДОН, ЛОРДУ ГОДАЛМИНГУ, ЧЕРЕЗ ВИЦЕ-КОНСУЛА, ВАРНА

ОКТЯБРЬ, 24.

«Сегодня утром получено известие о *«Царице Екатерине»* из Дарданелл».

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

24 ОКТЯБРЯ. Как мне не хватает моего фонографа! Писать дневник пером страшно утомительно, но Ван Хелсинг говорит, что я должен записывать все. Вчера, когда Годаминг получил телеграмму от Ллойда, мы все были в страшном волнении. Теперь я знаю, что чувствуют люди в сражении, когда раздается приказ начинать атаку. Одна лишь миссис Харкер не проявила никаких признаков волнения. Впрочем, в этом нет ничего странного, потому что мы приняли все меры, чтобы она ничего не знала, скрывали наше волнение, когда были в ее обществе. Раньше она обязательно бы это заметила, как бы мы ни старались, но она очень переменялась за последние три недели. Сонливость все более одолевает ее, и, хотя у нее здоровый вид, к ней вернулся прежний румянец, Ван Хелсинг и я недовольны ею. Мы часто говорили о ней, пусть ни словом не обмолвились другим. Нервы бедняги Харкера не выдержали бы, если б он знал о наших подозрениях. Ван Хелсинг внимательно осматривает, как он сообщил мне, ее зубы во время гипноза и говорит, что, пока они не начинают заостряться, можно не опасаться перемены в ней. Когда эта перемена наступит, будет необходимо принять меры... Мы оба знаем, каковы эти меры, хотя неверяем друг другу своих мыслей. Ни один из нас не уклонится от обязанности... страшной обязанности.

Какое прекрасное, успокаивающее слово «эвтаназия». Я благодарен тому, кто его придумал.

Только 24 часа пути от Дарданелл сюда при той скорости, с какой шла «*Царица Екатерина*» из Лондона. Она придет, следовательно, утром; так как она раньше никак не может прибыть, то мы рано разойдемся. И поднимемся в час ночи, чтобы быть наготове.

25 ОКТЯБРЯ, ПОЛДЕНЬ. До сих пор нет никаких известий о прибытии судна. Гипнотический ответ миссис Харкер сегодня утром был тот же, что всегда, так что, возможно, мы еще получим известие. Мужчины в лихорадочном возбуждении, кроме Харкера, который на вид совершенно спокоен. Но руки его холодны как лед, а час назад я видел, как он точит свой нож, с которым теперь не расстанется. Не поздоровится графу, если лезвие, направляемое этой твердой ледяной рукой, когда-нибудь коснется его глотки. Ван Хелсинг и я немного тревожимся сегодня о миссис Харкер. Около полудня она погрузилась в сон, который нам не понравился, хотя мы ничего не говорили другим, но нам обоим было не по себе. Она была беспокойна все утро, так что мы сперва обрадовались, что она заснула. Однако, когда ее муж случайно сказал, что он не может ее разбудить, настолько крепко она спит, мы пошли в ее комнату взглянуть. Она дышала и выглядела так хорошо и спокойно, что мы согласились – сон для нее полезнее всего. Бедняжка! Ей надо так много забыть, неудивительно, что сон, приносящий забвение, полезен ей.

ПОЗДНЕЕ. Наше предположение оправдалось, так как после освежающего сна, продолжавшегося несколько часов, она стала веселее и бодрее, нежели была в последние дни. На закате солнца она дала обычный гипнотический ответ. На каком бы месте Черного моря граф ни был, верно лишь то, что он спешит к месту назначения. К месту своей гибели, надеюсь я!

26 ОКТЯБРЯ. Вот уже второй день, как нет известий о «*Царице Екатерине*». Она должна была бы теперь находиться здесь. Что она все еще плывет где-нибудь – очевидно, так как ответ м-с Харкер под гипнозом, на восходе солнца, был обычный. Возможно, корабль стоит время от времени на якоре из-за тумана; некоторые корабли, прибывшие вчера вечером, сообщили, что густой туман лежит на севере и юге от порта. Мы должны оставаться на посту, так как судно может прибыть каждую минуту.

27 ОКТЯБРЯ, ПОЛДЕНЬ. Очень странно, все еще нет известий о корабле, который мы ожидаем. М-с Харкер отвечала прошлой ночью и сегодня утром, как всегда: удары волн и бурлящая вода, хотя она прибавила, что «волны слабые». Телеграммы из Лондона те же: «Нет известий». Ван Хелсинг страшно встревожен и только что сказал мне – он боится, как бы граф не ускользнул от нас. И прибавил многозначительно:

– Мне не нравится сонливость мадам Мины. Душа и память проделывают странные шутки во время транса.

Я хотел подробнее расспросить его, но вошел Харкер, и профессор сделал предостерегающий жест. Мы должны постараться сегодня на закате солнца заставить ее разговориться во время гипноза.

28 ОКТЯБРЯ. ТЕЛЕГРАММА.

РУФУС СМИТ, ЛОНДОН, ЛОРДУ ГОДАЛМИНГУ, ЧЕРЕЗ ВИЦЕ-КОНСУЛА, ВАРНА

«Царица Екатерина» вошла в Галац сегодня в час дня».

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

28 ОКТЯБРЯ. Когда пришла телеграмма о прибытии судна в Галац, это не стало ударом для нас, как можно было бы ожидать. Правда, мы не знали, откуда, как и когда разразится гроза, но все мы ждали, что случится что-то странное. Задержка прибытия в Варну подготовила нас всех к тому, что обстоятельства не так складываются, как мы предполагали, мы только выжидали, где произойдет эта перемена. Тем не менее мы были поражены. Полагаю, природа наша основана на надежде – помимо нашей воли мы верим в то, что произойдет так, как должно, а не так, как, мы знаем, суждено. Трансцендентализм – это путеводная звезда для ангелов, хотя для людей это может быть блуждающим огоньком. Каждый из нас по-разному воспринял известие. Ван Хелсинг поднял руку, будто хотел возразить Всевышнему, но не произнес ни слова и стоял некоторое время с окаменевшим лицом. Лорд Годалминг сильно побледнел и тяжело дышал. Сам я был настолько ошеломлен, что лишь переводил удивленный взгляд с одного на другого. Квинси Моррис затянул ремень тем самым движением, которое во время наших путешествий означало сигнал «К бою!». Миссис Харкер побледнела так, что шрам на ее лбу, казалось, запылал, но лишь сложила смиренно руки и молитвенно возвела глаза к небу. Харкер же улыбнулся – да-да, улыбнулся, и это была улыбка потерявшего надежду. Руки его инстинктивно потянулись к рукоятке ножа и застыли там.

– Когда отправляется следующий поезд в Галац? – спросил Ван Хелсинг, обращаясь к нам всем.

– Завтра в шесть тридцать утра.

Мы с удивлением переглянулись, так как ответ исходил от миссис Харкер.

– Откуда вы знаете? – спросил Арт.

– Вы забыли... или, быть может, не ведали, хотя Джонатан и д-р Хелсинг должны бы это знать, что я знаток по части расписания поездов. Дома в Эксетере я всегда составляла расписание поездов, чтобы помочь мужу. Я нахожу это настолько полезным, что теперь всегда изучаю расписание тех стран, по которым путешествую. Я знала, что, если нам нужно будет побывать в замке Дракулы, мы поедем через Галац или, во всяком случае, через Бухарест, и я

тщательно запоминала поезда. К несчастью, немного пришлось запомнить, так как завтра идет только один поезд.

– Удивительная женщина, – прошептал профессор.

– Нельзя ли нам заказать экстренный? – спросил лорд Годалминг.

Ван Хелсинг покачал головой:

– Нет, думаю, вряд ли. Страна эта не похожа на вашу или мою; если бы мы даже и получили экстренный поезд, он, вероятно, пришел бы позже обыкновенного. К тому же нам надо еще собраться. Мы должны обдумать и организовать нашу погоню. Вы, Артур, ступайте на станцию, возьмите билеты и устройте все, чтобы мы могли ехать завтра. Вы, Джонатан, идите к судовому агенту и достаньте от него письмо к агенту в Галаце с разрешением произвести такой же обыск на корабле, как здесь. Вы, Квинси Моррис, повидайте вице-консула и заручитесь его помощью и помощью его коллеги в Галаце, чтобы он все устроил для облегчения нашего путешествия и нам не пришлось даром терять время на Дунае. Джон останется с мадам Миной и со мной, и мы будем держать совет. Вы можете запоздать, но это не важно, так как, когда зайдет солнце, я буду здесь с мадам Миной, ожидая ответа.

– А я, – сказала миссис Харкер оживленным тоном, более похожим на ее прежнюю манеру, чем ее тон за последнее время, – постараюсь быть всячески полезной, буду думать и писать для вас, как привыкла делать до сих пор. Я чувствую, будто мне что-то помогает, точно спадает какая-то тяжесть, я чувствую себя свободнее, чем была последнее время.

Трое молодых людей просияли в эту минуту, так как по-своему поняли значение ее слов, но Ван Хелсинг и я, повернувшись друг к другу, обменялись серьезными, тревожными взглядами, но ничего не сказали.

Когда трое мужчин ушли исполнять свои поручения, Ван Хелсинг попросил миссис Харкер достать дневник и отобрать для него записи Харкера, сделанные в замке. Она отправилась за ними; когда дверь закрылась, он сказал мне:

– Мы думаем об одном и том же. Говорите.

– Произошла какая-то перемена. Но эта хрупкая надежда, она может обмануть нас.

– Именно так. Знаете, зачем я попросил ее принести рукопись?

– Нет, – ответил я, – впрочем, может быть, чтобы иметь случай переговорить со мной наедине.

– Отчасти вы правы, Джон, но только отчасти. Мне надо вам сказать кое-что. О мой друг, я сильно... страшно... рискую, но считаю это справедливым. В ту самую минуту, когда мадам Мина сказала те слова, что остановили наше внимание, на меня снизошло вдохновение. Во время транса, три дня тому назад, граф послал свой дух, чтобы прочесть ее мысли, или, что вероятнее, заставил ее дух явиться к нему в ящик на корабле, так как он свободен на восходе и закате солнца. Итак, он узнал, что мы здесь, потому что у нее есть больше материала для рассказов, ведь она ведет открытый образ жизни, с видящими глазами и слышащими ушами, а он в ящике-гробу. Теперь он делает величайшее усилие, чтобы скрыться от нас. Теперь она ему не нужна. Благодаря своим обширным познаниям он уверен, что она явится на его призыв, но он гонит ее – ставит ее, насколько для него возможно, вне его власти, чтобы она не могла явиться к нему. Вот тут-то я надеюсь, что наш мужской ум, который так долго был умом взрослого человека и не утратил Божьего милосердия, окажется сильнее, чем его детский мозг, пролежавший целые века в могиле, который не дорос до нашей зрелости и исполняет лишь эгоистическую и, следовательно, ничтожную работу. Вот идет мадам Мина, ни слова при ней о трансе. Она ни о чем не подозревает, а это лишь ошеломит ее и ввергнет в отчаяние как раз сейчас, когда нам нужны ее надежда и смелость, когда нам нужен ее ум, развитой, как ум мужчины, но обладающий преимуществами ума женского. Кроме того, она наделена властью, которую дал ей граф и которую он не может до конца отнять, хотя сам так не считает. Тс-с! Предоставьте

мне говорить, и вы поймете мой план. Мы в ужасном положении, Джон. Я боюсь, как никогда не боялся прежде. Мы можем надеяться лишь на милосердие Бога. Молчание. Она идет.

Я думал, что с профессором случится истерика, как было, когда умерла Люси, но огромным усилием воли он овладел собой, и, когда счастливая и радостная миссис Харкер, забыв за делами о своем несчастье, вошла в комнату, профессор выглядел превосходно. Войдя, она подала Ван Хелсингу несколько страниц, отпечатанных на машинке. Он начал сосредоточенно читать их, и лицо его оживлялось по мере чтения. Затем, придерживая страницы указательным и большим пальцем, он сказал:

– Вот вам урок, друзья мои, – и вам, мой многоопытный Джон, и вам, дорогая мадам Мина, не имеющая по молодости такого опыта, – никогда не бойтесь думать! Какая-то неясная мысль часто блуждала у меня в мозгу, но я боялся дать ей окрепнуть. А теперь, обогатив свой ум познаниями, я снова возвращаюсь к тому источнику, где зародилась эта полумысль, и прихожу к заключению, что это вовсе не полумысль, а целая мысль, хотя столь юная, что не может еще пользоваться своими маленькими крылышками. Нет, подобно тому как происходит дело в «Гадком утенке» моего приятеля Ганса Андерсена, это вовсе не утиная мысль, но лебединая, которая гордо поплыла на широко расправленных крыльях, когда пришло время испробовать их. Слушайте, я прочту то, что Джонатан записал здесь:

«Тот, другой, который в более позднем времени снова и снова переправлялся со своим войском за реку на турецкую землю; который, будучи разбит, выступал снова и снова, хотя и возвращался один с кровавого поля битвы, где полегло его воинство, – ибо он знал, что лишь он восторжествует в конце концов!»

Какое мы можем вынести из этого заключение? Вы думаете, никакого? Посмотрим. Детская мысль графа не видит тут ничего, поэтому он и говорит об этом так свободно. Ваша мужская мысль не видит тоже ничего, моя мужская мысль не видит ничего, верьте, не видела до сих пор. Нет! Но вот начинается речь той, которая говорит не думая, потому что она также не знает, что это значит... что это могло бы значить. Это совершенно подобно тем элементам, которые кажутся неподвижными, но это не мешает им совершать свой путь в системе мироздания и доходить до своей цели. Вдруг блеснет свет, раскроется небо, и что-то ослепляет, убивает и уничтожает, и земля открывает свои недра на большие глубины. Разве не так? Вы не понимаете? Хорошо, я объясню. Изучали вы когда-нибудь философию преступления? Да и нет. Вы, Джон, разумеется, так как это изучение безумия. Вы, мадам Мина, вряд ли, потому что преступление далеко от вас... только однажды оно вас коснулось. Все же ваш ум работает правильно и не оспаривает принципа *«a particulari ad universales»*²¹. Во всяком преступлении есть своя особенность, что совершенно очевидно, и даже полиция, незнакомая с философией, знает это. Преступник всегда работает над одним преступлением, т. е. настоящий преступник, у которого предрасположение к определенному роду преступлений и который не способен на другое преступление. Такой преступник не обладает мозгом зрелого человека. Он умен, хитер и находчив, но что до его мозга, он не мозг зрелого человека. Во многом у него детский мозг. Наш преступник также предрасположен к преступлению, у него также детский мозг, и то, что он сделал, – детская работа. Птичка, рыбка, зверек – все они учатся на своем опыте. Научившись что-то делать, они учатся дальше. *«Dos pou sto»*, – сказал Архимед. «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир!» Что-то однажды совершенное становится для детского ума точкой опоры, благодаря которой он взрослеет. Пока ему не нужно нечто новое, он делает так, как делал раньше. О моя дорогая, я вижу, глаза ваши широко открыты, и блеснувший свет показал вам всю глубину, – прервал он ход своих рассуждений, увидев, что м-с Харкер всплеснула руками и глаза у нее заблестели.

Затем он продолжил:

²¹ От частного к общему (*лат.*).

– Теперь настала ваша очередь говорить. Скажите нам, сухим людям науки, что вы видите вашими чудесными глазами.

Он взял ее за руку и крепко держал ее. Его указательный и большой пальцы инстинктивно и невольно, как мне показалось, шупали ее пульс, пока она говорила:

– Граф – типичный преступник. Нордау и Ломброзо так бы определили его, и действительно, ум его неправильно сформирован. Так, в затруднении он обращается к привычному способу. Его прошлое может служить путеводной нитью для будущего, одна страница из этого прошлого, которое мы знаем по его рассказам, содержит описание того момента, когда граф, находясь, как сказал бы м-р Моррис, в рискованном положении, вернулся в свою страну из той земли, которую хотел овладеть, только затем, чтобы подготовиться к новому походу. Он возвратился на поле брани лучше подготовленный для достижения своей цели и победил. Точно так же он прибыл в Лондон, чтобы овладеть новой страной. Он потерпел поражение, и, когда потерял последнюю надежду на успех и даже его существование было в опасности, он бежал за море к себе домой, как раньше бежал за Дунай из турецкой земли.

– Прекрасно! Прекрасно! Что вы за умница! – восторженно воскликнул Ван Хелсинг и поцеловал ей руку. Через мгновение он обращался ко мне тем тоном, которым говорят на консилиуме у постели больного: – Всего семьдесят два, и это несмотря на возбуждение. У меня есть надежда. – Вновь обернувшись к ней, он крайне заинтересованно попросил: – Продолжайте! Вы можете сказать больше. Не бойтесь. Джон и я все знаем. Я – во всяком случае и скажу вам, правы ли вы. Не бойтесь, говорите!

– Попробую, но вы уж извините меня, если я покажусь вам слишком заинтересованной своими проблемами.

– Не бойтесь! Это и хорошо – ведь мы думаем именно о вас.

– Так как он преступник, то он самолюбив, и так как его разум ограничен, недоразвит, то действия его основаны на самолюбии, и он замыкается на одной цели. Эта цель – жестокость. Как он раньше бежал за Дунай, бросив свое войско во власти врага, так и теперь он хочет спастись, забыв обо всем остальном. Итак, его собственное самолюбие освобождает мою душу от ужасной власти, которую он приобрел надо мной в ту страшную ночь. Я почувствовала это, о как почувствовала! Благодарение Господу за его великое милосердие. Моя душа стала такой свободной, какой не была с того самого ужасного часа, меня мучит только страх, что во время сеанса или сна он может, пользуясь моей близостью к вам, выведать от меня ваши планы.

Профессор поднялся:

– Он использовал ваш мозг, поэтому он и сумел задержать нас здесь, в Варне, между тем как корабль, на котором он находился, незаметно пронесся, пользуясь темнотой, в Галац, где, несомненно, все им приготовлено, чтобы спастись от нас. Но его детский ум не пошел дальше этого, и, может быть по Божьему Промыслу, то самое, чем хотел воспользоваться злодей для собственной пользы, окажется для него величайшим вредом. Охотник попался в собственную ловушку, как говорит великий псалмопевец. Именно теперь, когда граф думает, что скрыл от нас все следы, что опередил нас на много часов, его детский мозг внушает ему, что он вне опасности. Он думает также, что так как он отказался от чтения ваших мыслей, то и вы не будете знать о нем, вот тут-то он и попадет. Это страшное крещение кровью, которое он совершил над вами, дает вам возможность мысленно явиться к нему, как вы это делали во времена вашей свободы, в момент восхода и заката солнца. Тогда вы перенесетесь к нему в силу моей воли, а не его, и эту полезную для вас и для других способность вы приобрели от него же ценою вашего страдания и мук. Это тем более ценно теперь, что он не знает этого, так как, чтобы спастись, он сам отказался от знания нашего местопребывания. Мы, однако, не все самолюбивы и верим, что Господь с нами среди всего этого ужаса и в эти мрачные часы. Мы последуем за ним, мы не сдадимся и, даже если погибнем, все же не будем походить на него. Джон, это был великий час, он далеко подвинул нас вперед на нашем пути! Вы должны

записать все и, когда прочие вернутся по окончании своих дел, дать им прочесть это, тогда они будут знать столько же, сколько и мы.

Я записал это, пока мы ждали их возвращения, а м-с Харкер перепечатала мою запись на своей машинке.

Глава XXVI

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

29 ОКТЯБРЯ. Это записано в поезде по дороге из Варны в Галац. Вчера вечером перед самым закатом мы снова собрались вместе. Каждый из нас исполнил свой долг как нельзя лучше, мы запаслись на весь день нашего странствия и на предстоящую работу в Галаце тем, что могли дать наша изобретательность, усердие и случай. Когда настало время, миссис Харкер приготовилась к сеансу гипноза; на этот раз Ван Хелсингу пришлось потратить больше усилий, чем всегда, чтобы заставить ее впасть в транс. Обычно она сама говорила, достаточно было дать лишь маленький толчок, но на этот раз профессору пришлось ставить ей вопросы довольно решительным тоном, пока ему удалось узнать что-либо. Наконец она все-таки заговорила:

– Я ничего не вижу, мы стоим на месте, нет никаких волн, вода лишь мягко журчит вдоль борта. Я слышу человеческие голоса вдали и вблизи и скрип и шум весел в уключинах. Откуда-то раздался выстрел из ружья, эхо его кажется далеким. Вот раздается топот над моей головой – тащат какие-то веревки и цепи. Что такое? Откуда-то луч света, я чувствую дуновение ветерка.

Тут она смолкла. Она приподнялась с дивана, где лежала, точно ее кто-то принуждал к тому, и простерла обе руки ладонями наружу, словно подымая какую-то тяжесть. Ван Хелсинг и я посмотрели друг на друга – нам все было ясно. Квинси пристально посмотрел на нее, а рука Харкера инстинктивно сжала рукоять ножа. Молчание длилось довольно долго.

Мы поняли, что ее время прошло и она больше нам ничего не скажет, но мы чувствовали, что не было никакого смысла говорить.

Внезапно она приподнялась с дивана и, открыв глаза, мило спросила:

– Не хотите ли чаю? Вы, должно быть, очень устали.

Нам всем хотелось сделать ей приятное, и мы согласились. Она ушла готовить чай, и тогда Ван Хелсинг сказал:

– Видите, друзья мои. Он у нас в руках: он покинул свой ящик с землей. Но ему еще нужно попасть на берег. Ночью он, может быть, где-нибудь спрячется, но, если его не перенесут на берег или если корабль не причалит, он не сможет попасть на сушу. Он может только изменить свой облик и прыгнуть или полететь на берег, как он сделал в Уитби. Но если он не сможет попасть на берег до наступления дня, значит, если его не перенесут, сбежать он не сможет. И если его будут переносить, возможно, таможенные чиновники захотят осмотреть содержимое ящика. Таким образом, если он не попадет сегодня еще до рассвета на берег, то весь следующий день для него уже пропал. В таком случае мы появимся как раз вовремя, и, если он ночью не уйдет, мы нападём на него днем, выгрузим его, и он будет в нашей власти, ведь он не может показаться таким, какой он на самом деле, – проснувшимся и в образе человека, так как тогда его узнают...

Сказать больше было нечего, и мы стали терпеливо дожидаться рассвета – тогда можно будет узнать что-то еще от миссис Харкер.

Сегодня рано утром мы снова с трепетом прислушивались к ее словам во сне. На этот раз она еще дольше не засыпала, и, когда заснула, оставалось очень мало времени до рассвета, и мы начали уже отчаиваться.

Ван Хелсинг, казалось, вложил всю душу в свои старания, и в конце концов, повинувшись его воле, она ответила:

– Всюду мрак. Слышу журчание воды наравне с моим ухом и какой-то треск, точно дерево трется по дереву.

Она умолкла, и солнце взошло... Придется ждать до вечера. И вот мы едем в Галац и сгораем от нетерпения. Мы должны были приехать между двумя и тремя часами утра, но уже в Бухарест мы прибыли с опозданием на три часа, так что раньше, как после восхода солнца, никак не сможем быть на месте. Значит, у нас будет еще два гипнотических сеанса с миссис Харкер, тот или другой могут пролить больше света на происходящее.

ПОЗДНЕЕ. Солнце взошло и зашло. К счастью, это происходило в такое время, когда нас ничто не смущало, а случись это на станции, у нас не было бы необходимого покоя и уединения. М-с Харкер еще хуже поддалась гипнозу, чем сегодня утром. Боюсь, ее способность читать мысли графа исчезнет как раз тогда, когда мы в этом больше всего будем нуждаться. Мне кажется, начинает работать главным образом ее собственная фантазия. Раньше, находясь в трансе, она упоминала лишь о самых простых вещах. Если будет так продолжаться, это может сбить нас с правильного пути. Как бы я был счастлив думать, что власть графа над ней будет уменьшаться, как уменьшается ее способность знать о нем. Боюсь, однако, это не так. Когда она заговорила, слова ее звучали загадочно:

– Что-то выходит: оно проходит мимо меня, точно холодный ветер. Вдали слышатся какие-то глухие звуки – словно люди говорят на каких-то странных языках, сильный шум воды и вой волков.

Она замолчала, по телу ее вдруг пробежала дрожь, которая через несколько мгновений стала походить на паралитическую. Когда это прекратилось, она перестала отвечать даже на требовательные вопросы профессора. От транса она очнулась очень утомленной, продрогшей и вялой, но ум ее был ясен. Она ничего не могла вспомнить из того, что говорила, рассказ о происшедшем надолго поверг ее в молчаливое раздумье.

30 ОКТЯБРЯ. 7 ЧАСОВ УТРА. Мы близко от Галаца, потом мне некогда будет писать. Сегодня мы все нетерпеливо ждали восхода солнца. Зная, что с каждым днем становится все труднее усыплять м-с Харкер, Ван Хелсинг принялся за это гораздо раньше, чем обычно. Его усилия не производили никакого действия, и лишь за минуту до восхода солнца она заговорила. Профессор не терял драгоценного времени и осыпал ее вопросами, она так же быстро отвечала:

– Всюду мрак. Слышу шум воды и стук дерева о дерево. Где-то мычат коровы. Вот еще какой-то звук, очень странный, точно...

Она умолкла.

– Дальше, дальше! Говорите, я приказываю, – сказал Ван Хелсинг, волнуясь.

Взгляд его был полон отчаяния – восходящее солнце уже бросало свои розовые лучи на бледное лицо миссис Харкер. Она открыла глаза, и мы с удивлением услышали, как она произнесла, мило и совершенно беспечно:

– Ах, профессор, зачем вы просите меня делать то, чего, вы сами знаете, я не могу! Я ничего не помню.

Потом, заметив наши удивленные лица, она встревожилась и, переводя свой взгляд с одного на другого, сказала:

– Что я говорила? Что я делала? Я ничего не помню, кроме того, что лежала тут в полусне и слышала, как вы мне говорили: «Дальше, дальше! Говорите, я приказываю!» И странно было мне слышать, как вы мне приказываете, точно я какое-то непослушное дитя!

– О мадам Мина, – сказал Ван Хелсинг с грустью, – это доказательство того – если вообще доказательства нужны, – что я люблю и уважаю вас, раз слово, сказанное мною более суровым тоном, для вашего же добра, могло вам показаться таким странным, потому что я приказывал той, которой я считаю счастьем повиноваться.

Раздаются свистки: мы приближаемся к Галацу.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

30 ОКТЯБРЯ. М-р Моррис повел меня в гостиницу, где для нас по нашему заказу были приготовлены комнаты: он один не был занят, так как не говорил ни на одном иностранном языке. Силы были распределены приблизительно так, как было в Варне, кроме того, что лорд Годамминг отправился к вице-консулу. Так как мы очень торопимся, мы надеемся, его титул произведет на чиновников соответствующее впечатление. Джонатан отправился с обоими докторами к агенту пароходства узнать подробности о прибытии «*Царицы Екатерины*».

ПОЗДНЕЕ. Лорд Годамминг вернулся. Консул в отъезде, а вице-консул болен, так что все было сделано простым письмоводителем. Он был очень любезен и обещал сделать все, что в его власти.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

30 ОКТЯБРЯ. В девять часов д-р Ван Хелсинг, д-р Сьюард и я отправились к господам Маккензи и Штейнкопфу, агентам лондонской фирмы «Хелгуд». Они получили телеграмму из Лондона с просьбой оказать нам всевозможные услуги. Они тотчас же повели нас на борт «*Царицы Екатерины*», стоявшей в гавани на якоре. Тут мы увиделись с капитаном Донельсоном, который рассказал нам, что он еще никогда в жизни не совершал такого удачного рейса.

– Слушайте, – сказал он, – мы даже боялись, что такое счастье нам даром не пройдет. Неудивительно, что мы так скоро прибыли из Лондона в Черное море, раз ветер с тылу, точно сам дьявол, дул в паруса. И за все время мы ровным счетом ничего не видели. Как только мы приближались к какому-нибудь кораблю, порту или мысу, подымался туман, сопровождавший нас, пока мы не проходили мимо них. У Гибралтара нам даже не удалось подать сигнала, и до самых Дарданелл, где нам пришлось ждать пропуска, мы никого не встретили. Сначала я хотел спустить паруса и постоять, пока туман не сойдет, но затем я подумал, что, если сатана решил нас поскорее вогнать в Черное море, он все равно это сделает: ведь если мы раньше придем, от этого владельцам не будет никакого убытка и не повредит также и нашему сообщению, а старый черт, старавшийся из своих личных интересов, был бы только благодарен нам за то, что мы ему не мешали.

Такая смесь простоты и хитрости, предрассудка и коммерческих расчетов расшевелила Ван Хелсинга, и он ответил:

– Мой друг, этот дьявол гораздо умнее, чем кажется, и он знает, когда встречается с достойным соперником.

Капитан остался доволен комплиментом и продолжил:

– Когда мы прошли Босфор, люди стали ворчать: некоторые из них, румыны, пришли ко мне и просили выкинуть за борт тот большой ящик, который какой-то странный господин погрузил на корабль перед самым отходом из Лондона. Сам видел, как они глазели на этого парня и два пальца скрещивали – от злого глаза.

Ну до чего эти иностранцы суеверны! Я их живо осадил, но, когда туман нас снова окутал, я решил, может быть, они и правы, хотя им ничего не сказал. Итак, мы пошли дальше, и, после того как туман простоял целых пять дней, я решил – пусть ветер нас несет куда хочет, все равно против дьявола не пойдешь, он настоит на своем. Как бы там ни было, путь у нас был прекрасный и вода все время глубокая, и два дня тому назад, когда восходящее солнце показалось сквозь туман, мы уже находились на реке против Галаца.

Румыны взбунтовались и потребовали, чтобы я во что бы то ни стало выкинул ящик в реку. Мне пришлось продолжать беседу с гандшпугом в руках, и только когда последний из

них поднялся с палубы, держась за голову, тогда мне удалось их убедить, что дурной там или не дурной глаз, а имущество моих владельцев в моих руках, а не в Дунае. Они, подумайте только, чуть не схватили ящик и не выбросили за борт, но так как на нем помечено было «Галац *via* Варна», я решил выгрузить его в ближайшем порту. Туман не проходил, и мы всю ночь простояли на якоре. Но на следующее утро, до восхода солнца, на борт пришел человек и сказал, что получил из Англии письменное поручение взять ящик, предназначенный графу Дракуле. Ящик, конечно, был готов к его услугам. Он представил все бумаги, и я был рад отделаться от этой проклятой штуки, так как она уже начинала меня беспокоить. Если у дьявола и был какой-нибудь багаж на борту корабля, то это мог быть только тот самый ящик.

– Как звали того господина, который его взял? – спросил Ван Хелсинг.

– Сейчас вам скажу! – ответил капитан.

Он спустился в свою каюту и, вернувшись оттуда, представил расписку: «Эммануил Гильдесгайм, Бурген-штрассе, 16». Убедившись, что он больше ничего не знает, мы его поблагодарили и ушли. Мы застали Гильдесгайма в конторе. Это был старый еврей, с большим горбатым носом, в ермолке. Он руководствовался аргументами особого рода и, немного поторговавшись, сказал нам все, что знал. Знания его были скудны, но очень ценны для нас. Он получил письмо от м-ра де Виля из Лондона с просьбой взять, если можно, еще до восхода солнца, во избежание таможенных неприятностей, ящик с корабля «*Царица Екатерина*», прибывающего в Галац. Ящик этот он должен был передать некоему Петру Чинскому, который имел дело со словаками, занимающимися сплавом грузов вниз по реке. За труд ему было уплачено английскими кредитными билетами, которые, в свою очередь, были обменены на золото в Дунайском международном банке.

Когда Чинский пришел, он, чтобы сэкономить на перевозке, сразу повел его к кораблю и передал ему ящик. Вот все, что он знал. Тогда мы пошли искать Чинского, но нигде не могли найти. Один из его соседей, как видно не слишком его любивший, сказал, что тот ушел уже два дня тому назад из дому неизвестно куда. То же самое подтвердил и его домохозяин, получивший через посыльного ключи от дома вместе с квартирной платой английскими кредитками. Все это происходило вчера вечером, между десятью и одиннадцатью часами. Мы снова оказались в тупике.

Пока мы разговаривали, к нам, задыхаясь, подбежал какой-то человек и сказал, что в ограде церкви Св. Петра нашли тело Чинского и что шея у него была истерзана, точно каким-то зверем. Те, с кем мы разговаривали, тотчас же побежали туда смотреть. Женщины кричали: «Это дело рук словаков!» Мы поспешили удалиться, дабы не попасть в историю. Дома мы не могли прийти ни к какому заключению. Мы убедились, что ящик находится в пути и куда-то плывет, но куда – только предстояло узнать. Подавленные и разочарованные, мы вернулись в гостиницу к Мине.

Собравшись снова вместе, мы первым делом обсудили вопрос, не сказать ли нам все Мине. Дела в отчаянном положении, и это было последней надеждой, хотя и мало что обещавшей. Для начала я был освобожден от обещания, данного мною Мине.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

30 ОКТЯБРЯ, ВЕЧЕРОМ. Они вернулись такие усталые, осунувшиеся и удрученные, что я предложила им прилечь хотя бы на полчаса, пока я буду записывать все, что до сих пор произошло.

Как я благодарна изобретателю пишущей машинки и м-ру Моррису тоже за то, что он мне ее достал. Я бы совсем выбилась из сил, если бы пришлось вести записи от руки...

Все готово. Бедный, бедный Джонатан! Что он пережил! Сейчас он лежит на диване, дыхание его едва слышно. Брови насуплены, лицо искажено гримасой боли. Бедняга, наверное,

думает, что я сочту это за выражение раздумья на его лице. О, если бы только я могла помочь! Но я сделаю все, что смогу.

По моей просьбе д-р Ван Хелсинг достал все те бумаги, которых я еще не видела. Пока вернувшиеся отдыхают, я их хорошенько просмотрю и, может быть, приду к какому-нибудь заключению. Попробую последовать примеру профессора и обдумаю данные факты без предвзятости.

Я верю, что с Божьей помощью мне удалось сделать открытие! Мне нужно просмотреть карты...

Теперь я более чем убеждена, что я права. Мое новое заключение готово, так что я перепису все начисто и прочту его им. Пусть они его обсудят. Надо быть точными, каждая минута дорога.

ЗАМЕТКА МИНЫ ХАРКЕР

(внесенная в дневник)

Тема исследования. Задача графа Дракулы – вернуться к себе в замок.

a) Его должны перенести. Это ясно, так как если бы он был в состоянии передвигаться по своему усмотрению, то явился бы в виде человека, или волка, или летучей мыши, или в каком-нибудь другом виде. Он, очевидно, боится, что его откроют или узнают, а в том беспомощном состоянии, в котором он находится, заключенный от восхода до захода солнца в деревянный ящик, это для него небезопасно.

b) Где его искать и поймать? Тут нужно идти путем исключений.

1. *На дороге.* Тут масса затруднений, в особенности при выезде из города:

a) Могут встречаться люди, а люди любопытны и пронырливы. Какой-нибудь намек, предположение о том, что могло бы заключаться в ящике, может его погубить.

b) Может проехать пограничная стража или таможенные чиновники.

c) Его преследователи могут за ним погнаться. Это ему страшнее всего: боясь выдать себя, он даже отрекся от своих жертв – от меня!

2. *В поезде.* Никто не сопровождает ящик. Доставка ящика может случайно замедлиться, а замедление может для него быть роковым, раз враги за ним гонятся по пятам. Ночью он, конечно, может и сбежать, но что с ним тогда будет, если у него не окажется убежища? Это его, конечно, не устраивает, а рисковать он не намерен.

3. *На воде.* Это самый верный путь в одном отношении, но масса опасностей в другом. На воде он беспомощен, за исключением ночного времени, и то тогда он может повелевать только туманами и бурей, снегом и волками. Но, упади он в воду, она поглотит его, и он непременно погибнет. Он мог бы пригнать корабль к берегу, но если это враждебная ему страна, где он не может чувствовать себя свободным, то его положение будет еще хуже.

Известно, что он на воде, значит, нам придется теперь определить, где именно.

Первым делом нужно точно определить, что им до сих пор сделано, тогда мы пойдем его дальнейшую цель.

Во-первых, нужно узнать, что он делал в Лондоне, когда ему приходилось выкручиваться из затруднительного положения.

Во-вторых, нужно посмотреть, что он тут сделал, о чем мы можем судить по известным нам данным.

Что касается первого, то ясно, что он собирался приехать в Галац и отправить накладную в Варну, чтобы сбить нас с толку, если мы обнаружим, каким путем он выбрался из Англии; тогда его единственной и неотложной целью был побег.

Доказательством этому служит его письмо к Эммануилу Гильдесгайму с просьбой взять ящик *до восхода солнца*. Затем еще инструкция, данная Петру Чинскому. Здесь можно только догадываться, но какое-то письмо или сообщение должно было быть, раз Чинский явился к Гильдесгайму.

Что его планы до сих пор были удачно приведены в исполнение, нам известно: «*Царица Екатерина*» феноменально быстро проделала свой рейс. Настолько быстро, что это вызвало подозрение у капитана Донельсона, чьи предубеждения вкупе с осторожностью, однако, были графу на руку, и он мчался со своим подручным ветром через все туманы, пока наконец не остановил судно близ Галаца. Что граф все хорошо обдумал и умно устроил, уже доказано. Гильдесгайм принял ящик и передал его Чинскому. Чинский взял его – и тут след пропадает. Нам известно лишь то, что ящик находится где-то на воде и передвигается. Таможню и пограничную стражу, если таковые были, благополучно миновали.

Теперь разберем то, что граф делал после своей высадки.

Ящик был взят Чинским до восхода солнца. После восхода граф мог появиться в своем настоящем виде. Теперь спрашивается, почему Чинский выбран для исполнения этих работ. В дневнике моего мужа говорится, что Чинский имел дела со словаками, занимающимися перевозкой клади по реке в порт, а мнение человека, сказавшего, что это убийство – дело рук словаков, доказывает общее враждебное отношение к этому сословию. Граф желал уединения. Вот мое предположение: граф решил поехать из Лондона в свой замок по воде, так как считал это самым спокойным и незаметным путем. Из замка его вынесли цыгане, и они же, должно быть, передали груз словакам, которые перевезли ящики в Варну, а оттуда они отправили их на корабле в Лондон. Значит, граф знал, кому поручит это дело. Когда же ящик прибыл на сушу, то граф до восхода или после захода солнца вышел из своего ящика, встретил Чинского и объяснил ему, как отправить ящики дальше по реке; сделав это и убедившись в том, что все идет как надо, он замел свои следы, убив своего агента.

Я посмотрела карту и нашла, что самые подходящие для словаков реки – это Прут или Серет. Я прочла то, что говорила в трансе, там говорится о том, что я слышала глухое мычание коров, шум воды и треск дерева. Граф находился в своем ящике на реке в открытой лодке, передвигающейся при помощи весел или шестов, – ведь берег близко, а судно идет против течения, иначе звуки были бы другими.

Возможно, эта река не Серет и не Прут, но можно продолжить расследование. Из этих двух рек Прут более пригоден для судоходства, но зато Серет у Фунду соединяется с Бистрицей, которая огибают ущелье Борго.

Петля, которую она делает, проходит близко от замка Дракулы – это ближайшая до него река.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

(Продолжение)

Когда я кончила читать, Джонатан подошел ко мне, обнял меня и поцеловал. Остальные пожалы мне руку, а д-р Ван Хелсинг сказал:

– Наша дорогая Мина опять стала нашей учительницей. Она оказалась зрячей там, где мы были слепцами. Теперь мы снова напали на след, и на сей раз, надеюсь, нас ожидает успех. Враг теперь слабее всего, и, если нам удастся на него напасть днем на воде, наша задача решена. Он напуган, но спешить не может, так как он бессилен – он не сможет выйти из своего ящика, не вызвав подозрений у тех, кто его везет, а если у них возникнут подозрения, они способны

выкинуть его в воду, где он и погибнет. Он это знает. Теперь, господа, приступим к нашему военному совету, так как необходимо сейчас же решить, что кому делать.

– Я достану паровой катер и пушусь вслед за ним, – сказал лорд Годаминг.

– А я лошадей, чтобы следовать за ним по берегу на тот случай, если он вздумает высадиться, – сказал м-р Моррис.

– Хорошо! – сказал профессор. – И то и другое прекрасно. Но никто из вас не должен идти один. Нужна сила, чтобы покорить силу в случае надобности. Словак силен и груб, и он постоянно носит при себе страшное оружие.

Все мужчины засмеялись, так как у каждого из них был маленький арсенал. М-р Моррис сказал:

– Я привез с собою несколько винчестеров, они очень удобны в толпе, с ними не страшно и среди волков. Граф, как вы помните, принял и другие меры предосторожности – он поставил какие-то условия, которые миссис Харкер не смогла вполне расслышать и понять. Мы должны быть готовы по всем статьям.

Д-р Сьюард сказал:

– Я думаю, что пойду с Квинси. Мы привыкли вместе охотиться и вдвоем готовы выйти против кого угодно. И вам, Артур, не следует быть одному. Вдруг придется сразиться со словаками, и, если вас постигнет неудача, все наши планы погибнут, хотя не думаю, чтобы они носили оружие. На этот раз нужно избегать всяких случайностей, мы не успокоимся, пока не отрубим графу голову и не убедимся, что он уже больше не может жить.

Говоря это, он глядел на Джонатана, а Джонатан на меня. Я понимаю, что мой бедный муж разрывается на части. Конечно, он хотел остаться со мной, но, находясь в лодке, он, вероятно, имел шанс уничтожить... уничтожить... Вампира. (Почему я никак не могла решиться написать это слово?) Он молчал, и тут заговорил д-р Ван Хелсинг:

– Это относится к вам, Джонатан, по двум причинам. Во-первых, вы молоды и храбры, а во-вторых, вам принадлежит право уничтожить того, кто причинил столько зла лично вам и вашим близким. Не бойтесь за мадам Мину, я позабочусь о ней, если позволите. Я стар. Мои ноги уже устали, а верхом я не привык ездить так далеко, я не в состоянии сражаться со смертоносным оружием в руках. Но я могу оказать вам другую услугу: я могу сражаться иначе и могу умереть, если понадобится, так же храбро, как и молодые. Пока вы, лорд Годаминг, и вы, Джонатан, пойдете на вашем быстром пароходике против течения, а Джон и Квинси будут следить за тем, чтобы он случайно не высадился, я повезу мадам Мину в самый центр неприятельской страны. Пока старая лиса находится взаперти в своем ящике, качаясь на утлой лодке, не будучи в состоянии сбежать на сушу, где он не осмелится поднять крышки своего гроба-ящика из боязни, как бы словаки не бросили его на погибель, мы пойдём по старым следам Джонатана и найдем дорогу к замку Дракулы. С помощью ясновидения мадам Мины мы наверняка найдем дорогу, и после первого захода солнца мы уже будем находиться вблизи того рокового места. Нам еще многое остается сделать и многие места придется освятить, чтобы уничтожить это змеиное гнездо.

Тут Джонатан резко перебил его:

– Не хотите ли вы, профессор Ван Хелсинг, сказать, что вы поведете Мину в том ужасном состоянии, в котором она находится, зараженную этой дьявольской болезнью, в самую пасть убийственного капкана? Ни за что на свете! Ни за какие блага! Знаете ли вы, что это за местность? Видели ли вы гнездо адского проклятия при лунном сиянии, со страшными привидениями, где каждая крошечная пылинка кружится и вертится в воздухе и носит в себе зародыши пожирающего чудовища? Чувствовали ли вы губы вампира на своей шее?

Тут он обернулся ко мне, и, когда взор его коснулся моего лба, он воздел руки к небу и вскричал: «Господи! За что ты наслал на нас этот ужас?» – а затем, обессилев, упал на диван.

Голос профессора, ясный и отчетливый, успокоил нас всех:

– О мой друг, я делаю это лишь из желания уберечь мадам Мину от того ужасного места, куда я хочу пойти. Да сохранит меня Бог, чтобы я ее взял туда.

Нам предстоит еще масса работы, при которой она не должна присутствовать. Мы все, кроме Джонатана, видели собственными глазами, что надо сделать, чтобы очистить это место. Помните, что мы в ужасном положении. Если граф на этот раз ускользнет от нас, – а он силен, ловок и хитер, – то он будет спать еще целые столетия, а тогда, со временем, наша дорогая Мина пойдет и составит ему компанию и будет такой же, как и те, которых вы, Джонатан, видели. Вы рассказывали нам об их жадных губах, вы слышали их сладострастный смех, когда они хватали тот шевелящийся мешок, который швырнул им граф. Вы содрогаетесь, а ведь это может случиться. Простите, что я причиняю вам боль, но это неизбежно. Друг мой, разве не из жестокой необходимости я готов отдать все, возможно, даже жизнь? Если кому-то пришлось бы отправиться туда, именно я должен был бы сопровождать его.

– Делайте как хотите, – сказал Джонатан, рыдая, – мы все находимся в руках Божьих!

ПОЗДНЕЕ. Как мне приятно смотреть на этих самоотверженных людей, когда они работают! Женщины не могут не любить мужчин – верных, преданных, смелых! А еще я подумала о великой силе денег! Чего только они не делают, если их правильно применить, и какого только зла не причинят, если намерения дурны. Я так рада, что лорд Годалминг богат, что он и м-р Моррис, у которого также масса денег, готовы их так щедро тратить. Так как если бы они этого не захотели делать, то наша маленькая экспедиция не могла бы осуществиться, во всяком случае, не так скоро, и она не была бы так хорошо экипирована, как это случится через час. Не прошло и трех часов с того времени, как было решено, что каждому из нас предстоит делать, а у лорда Годалминга и Джонатана был уже прелестный катер, готовый отплыть по первому приказу. У д-ра Сьюарда и м-ра Морриса шестерка великолепных лошадей в полной сбруе. У нас самые лучшие карты и всевозможные путеводители. Профессор и я выезжаем сегодня в 11.40 вечерним поездом до Верести, где мы достанем экипаж, чтобы поехать в ущелье Борго. Мы берем с собой много денег, на случай если нам придется купить экипаж и лошадь. Мы сами будем править, так как в данном случае никому нельзя довериться. Профессор знает много языков, и мы великолепно справимся. У всех нас есть оружие, даже у меня небольшой револьвер; Джонатан очень беспокоился бы, если бы я не была так же вооружена, как и остальные. Увы! Я не могу пользоваться тем оружием, которое есть у остальных, мой шрам на лбу мешает мне.

Милый д-р Ван Хелсинг успокаивает меня, говоря, что я вооружена полностью, – ведь там могут быть волки. С каждым часом погода становится все холоднее. Все чаще налетают порывы ветра со снегом.

ПОЗДНЕЕ. Я собрала остатки мужества и попрощалась с моим любимым. Мы можем не встретиться больше. Крепись, Мина! Профессор глядит на меня пронизательно, как бы предупреждая. С этого момента – никаких слез, если это не будут волей Божьей слезы радости.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

30 ОКТЯБРЯ, НОЧЬЮ. Пишу это перед топкой парового катера. Лорд Годалминг разводит пары; он очень опытен в этом деле, ведь у него был собственный катер на Темзе, а кроме того, еще один в Норфолк-Броде. Мы решили, что предположения Мины верны и граф выбрал водный путь для того, чтобы вернуться в свой замок, и что единственно подходящее место для него то, где Бистрица впадает в Серет. Нам нетрудно даже ночью идти полным ходом: здесь глубоко, река широкая, поэтому даже в темноте опасности нет. Лорд Годалминг говорит, чтобы я пошел отдохнуть, так как вполне достаточно, если один из нас находится на вахте. Но я не

могу заснуть: как спать, когда я знаю, какая опасность грозит моей дорогой Мине, раз она едет в те ужасные места! Я утешаюсь лишь тем, что мы все находимся в руках Божьих. Лишь ради этой веры будет легче умереть, чем жить, и так избавиться от несчастий. М-р Моррис и д-р Сьюард выехали верхом гораздо раньше нас. Они едут по правому берегу по возвышенностям, откуда им хорошо видна река, и, таким образом, могут сократить путь, не подчиняясь всем ее изгибам. Поначалу, чтобы не возбуждать любопытства, их будут сопровождать два всадника со сменными лошадьми. Вскоре они, однако, отпустят сопровождающих и сами поведут лошадей. Возможно, нам придется объединить наши силы, тогда для каждого будет по лошади. Одно седло, если понадобится, можно сделать дамским для Мины.

Мы взялись за безумное предприятие. Вот мы несемся во мраке, холод от реки заставляет нас содрогаться; какие-то таинственные звуки ночи окружают нас. Мы несемся по незнакомым местам, в какой-то мир мрака и ужасов. Годалминг закрывает дверцу топки...

31 ОКТЯБРЯ. Все еще несемся вдаль. Наступило утро, и Годалминг спит. Я на вахте. Утро невероятно холодное! До сих пор мы встретили только несколько лодок, но ни на одной из них не видно было никаких ящиков, никакого багажа таких габаритов, как мы ищем. Всякий раз, как мы наводили на них свет электрического прожектора, люди пугались, падали на колени и молились.

1 НОЯБРЯ, ВЕЧЕРОМ. Никаких новостей; за целый день мы не нашли ничего подходящего. Мы уже вошли в Бистрицу, и, если мы ошиблись в наших предположениях, все пропало. Мы обогнали массу лодок, больших и малых. Сегодня рано утром одна команда приняла нас за казенный катер и салютовала нам.

Мы решили, что это может нам помочь, поэтому у Фунду, там, где Бистрица впадает в Серет, мы вывесили румынский флаг. С тех пор на каждой лодке, которую мы обходили, нам выказывали всяческое почтение, и наши расспросы и действия воспринимались как должное.

Несколько словаков говорили нам, что какая-то большая лодка проходила мимо них; она шла с необыкновенной быстротой, и на борту у нее была двойная команда. Это было еще до их прибытия в Фунду, так что они не могли нам сказать, завернула ли она по Бистрице или же пошла прямо по Серету. В Фунду мы ничего не слышали о такой лодке, так что возможно, что она прошла ночью.

Чувствую удивительную сонливость. Возможно, сказывается холод, а я так устал за последнее время. Годалминг настаивает на том, что он будет стоять первую вахту. Да благословит его Господь за его доброту к Мине и ко мне!

2 НОЯБРЯ, УТРОМ. Уже день настал! Мой добрый друг не хотел меня будить. Он сказал, что никакого греха нет в том, чтобы я отдохнул и хоть на время забыл о своих несчастях. С моей стороны было очень жестоко проспять всю ночь, тогда как он стоял на вахте, но он на меня не в обиде. Сегодня я набрался сил, и, сидя тут и наблюдая за тем, как он спит, я делаю все необходимое: слежу за машиной, управляю и сторожу... Я чувствую, что моя сила и энергия вернулись ко мне. Хотелось бы мне знать, где теперь Мина и Ван Хелсинг! Они должны были быть в Верести в среду около полудня. Им понадобится некоторое время, чтобы найти экипаж и лошадей, но, если они выехали и ехали быстро, они теперь уже должны быть в ущелье Борго. Да поможет им Господь! Я даже боюсь и думать о том, что с ними может случиться. Если бы мы только могли прибавить скорость! Но мотор и так работает на полную мощность. Интересно, как дела д-ра Сьюарда и м-ра Морриса. Такое впечатление, что в реку с гор течет бесконечное количество ручейков, но среди них нет слишком заметных, хотя зимой и по весне, когда тает снег, они наверняка очень глубоки, так что, надеюсь, всадники не встретят больших

препятствий. Надеюсь также, что под Страсба мы их увидим, так как, если мы до тех пор не догоним графа, нам необходимо будет снова посоветоваться, что делать.

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

2 НОЯБРЯ. Три дня в пути. Никаких новостей, и нет времени их записывать, если бы даже они были, каждая минута дорога. Мы сделали лишь вынужденную остановку, чтобы лошади отдохнули, но мы сами чувствуем себя прекрасно. Эти дни, полные приключений, нам очень полезны. Нужно поторопиться, мы не успокоимся, пока снова не увидим катер.

3 НОЯБРЯ. В Фунду мы узнали, что катер пошел вверх по Бистрице. Хоть бы потеплело! Кажется, начинает идти снег; если пойдет большой снег, это нас остановит. В таком случае нам придется взять сани и продолжать свой путь по-русски.

4 НОЯБРЯ. Сегодня мы узнали, что катер что-то задержало у порогов на Бистрице. Лодки словаков при умелом управлении благополучно проходят с помощью веревки. Несколько часов тому назад их прошло тут порядочно. Годалминг – прекрасный рулевой и, должно быть, сумел провести катер, несмотря на трудности. Наконец они прошли пороги с помощью местных жителей и теперь уже снова в погоне. Боюсь только, что катер от этого приключения пострадал, крестьяне говорят, что после этого он все время останавливался, пока наконец не скрылся из виду. Надо торопиться; наша помощь может понадобиться.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

31 ОКТЯБРЯ. В Верести мы приехали в полдень. Профессор сказал, что и сегодня утром он меня совсем не мог загипнотизировать и все, что я ему сказала, было: «Темно и сыро». Теперь он пошел покупать экипаж и лошадей. Он сказал, что позже купит еще лошадей, чтобы мы смогли менять их в дороге. Нам предстоит сделать семьдесят миль с лишним. Страна чудная и очень интересная; если бы все это происходило в других условиях, видеть все это доставило бы нам страшное удовольствие. Какое наслаждение было бы путешествовать тут с Джонатаном! Останавливаться в пути, встречать новых людей, узнавать про их жизнь, набираться впечатлений среди этой дикой, живописной и прекрасной страны и ее необычных жителей. Но увы!..

ПОЗДНЕЕ. Д-р Ван Хелсинг вернулся; он достал лошадей и экипаж; мы пообедаем и через час отправляемся в путь. Хозяйка приготовила нам целую корзинку провизии, столько, что ее хватило бы на отряд солдат. Профессор поощряет ее и шепчет мне на ухо, что мы, может быть, целую неделю не достанем хорошей пищи, он сделал еще кое-какие покупки и приобрел массу пальто, одеял и других теплых вещей. Мы в дороге уже, наверно, не будем мерзнуть.

Скоро выезжаем. Боюсь даже подумать о том, что с нами может случиться. В руках Божьих мы спокойны. Одному Ему известно, что будет, и молю Его из глубины своей истерзанной души, чтобы Он хранил моего дорогого мужа; чтобы Джонатан знал, я его любила сильнее, чем могу выразить, и мои последние и лучшие мысли обращены к нему...

Глава XXVII

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

1 НОЯБРЯ. Весь день в дороге, причем мы очень спешили; лошади точно чувствуют, что к ним хорошо относятся, и охотно бегут во весь опор. Обстановка однообразна, но обстоятельства хорошо складываются, и мы уже начинаем надеяться, что наше путешествие пройдет благополучно. Д-р Ван Хелсинг лаконичен; он объявляет крестьянам, что торопится в Бистрицу, платит им хорошие деньги и меняет лошадей. Страна замечательная, полная самых немислимых красот, народ простой, смелый, сильный. Но все они очень, очень суеверны. В первом доме, где мы остановились, женщина, прислуживавшая нам, заметив шрам у меня на лбу, перекрестилась и подняла два пальца, чтобы уберечь себя от дурного глаза. Мне кажется, она даже положила двойную порцию чеснока в нашу еду, а я его совсем не переношу. С тех пор я стараюсь больше не снимать шляпы и вуали, чтобы предупредить всякие неприятности. Мы невероятно быстро едем, и так как во избежание лишней болтовни обходимся без кучера, то у нас и нет никаких скандалов, но все-таки боязнь дурного глаза будет преследовать нас всю дорогу. Профессор, кажется, неумолим; за весь день он ни разу не отдохнул, меня же он заставляет спать. На закате он меня загипнотизировал и говорит, что я ему ответила опять то же самое: «Мрак, журчание воды и треск дерева», так что наш враг все еще на воде. Я стараюсь не думать о Джонатане и вместе с тем я как-то не боюсь ни за него, ни за себя. Пишу это в крестьянском доме, в ожидании лошадей. Д-р Ван Хелсинг спит. Бедняжка, он выглядит очень уставшим, седой и старый, но рот его твердо очерчен, как у завоевателя, и даже во сне он полон решимости. Когда мы тронемся в путь, я заставлю его поспать, а сама буду править. Я скажу ему, что нам предстоит еще много дней пути и он должен приберечь свои силы, они могут понадобиться... Все готово, скоро отправляемся.

2 НОЯБРЯ, УТРОМ. Мы всю ночь правили по очереди; день наступает ясный, но холодный. В воздухе чувствуется какая-то странная тяжесть. Я пишу «тяжесть», потому что не могу подобрать лучшего слова. Это действует на нас обоих. Ужасно холодно, и нас спасает от полного замерзания только теплая одежда. На рассвете Ван Хелсинг загипнотизировал меня. Он сказал, что я отвечала: «Мрак, треск дерева, рев воды», значит, река меняется, пока они идут вверх.

Надеюсь, мой дорогой избежит опасности, но все в руках Божьих.

2 НОЯБРЯ, НОЧЬЮ. Круглые сутки стремительной езды, страна становится все более дикой, громады Карпатских гор, казавшиеся в Верести такими далекими и так низко стоящими на горизонте, теперь как будто окружили нас. У нас обоих прекрасное настроение, мне кажется, мы стараемся друг друга развлекать. Д-р Ван Хелсинг утверждает, что утром мы уже будем в ущелье Борго. Дома тут стали реже встречаться, и профессор говорит, что наши последние лошади пойдут с нами до конца, так как больше нигде их будет сменить. Он взял еще двух лошадей, кроме тех, которых сменял, так что теперь у нас четверка. Лошади терпеливы и послушны, не доставляют хлопот. Другие путешественники не встречаются, так что даже я могу править, к ущелью Борго мы доберемся днем, чтобы пройти его без труда, по очереди отдыхая. О, что-то даст нам завтрашний день! Мы едем на поиски того самого места, где мой Джонатан столько вытерпел. Да поможет нам Бог, да хранит Он моего мужа и тех, кто нам

обоим дорог и кто теперь в опасности. Что касается меня, то я Его недостойна. Увы! Для Него я нечистая и останусь таковой, пока Он не удостоит меня Своей милостью.

ЗАПИСКИ АБРАХАМА ВАН ХЕЛСИНГА

4 НОЯБРЯ. Предназначаются моему старому и верному другу Джону Сьюарду, д. м., Парфлит, Лондон, в случае, если я его не увижу. Это все разъяснит. Утро, пишу при огне, который я всю ночь поддерживал, – мадам Мина мне помогает. Невероятно холодно, настолько, что серое, набухшее небо переполнено снегом, который, если уж упадет, пролежит всю зиму, поскольку земля насквозь промерзла. Кажется, это повлияло на мадам Мину, она весь день была в очень плохом настроении, совсем не похожая на себя. Она все спит, и спит, и спит! Всегда такая энергичная, сегодня положительно ничего не делала: у нее даже пропал аппетит. Она и дневник забросила – она, которая регулярно все записывала. Чувствую, что-то неладно. Хотя сегодня она все-таки лучше. Сон ее подбодрил, и теперь она мила и весела. После захода солнца я попробовал ее загипнотизировать, но увы! Никаких результатов! Влияние мое, постепенно уменьшаясь, сегодня и вовсе сошло на нет. Ну что же, да будет воля Божья – что бы там ни случилось и к чему бы это нас ни привело!

А теперь к фактам! Так как мадам Мина больше не использует стенографию, придется вернуться к старому неуклюжему способу, ведь нужно зафиксировать каждый день нашего путешествия.

К ущелью Борго мы приехали вчера утром, сразу после восхода солнца. Когда я заметил признаки рассвета, я начал готовиться к сеансу гипноза. Мы остановили экипаж и сошли, чтобы нам ничего не мешало. Я соорудил меховое ложе, и мадам Мина легла и поддалась, как всегда, хотя и медленнее и на более короткое время, гипнозу. Как и раньше, она ответила: «Мрак и журчание воды». Затем она проснулась, веселая и радостная, и мы продолжили наш путь и вскоре добрались до ущелья. Тут она заволновалась и сказала:

– Вот дорога.

– Откуда вы знаете? – спросил я.

– Как же мне не знать? – отвечала она и, помедлив, добавила: – Разве Джонатан тут не ездил и не писал об этом?

Сначала мне это показалось странным, но вскоре я заметил, что других дорог не было. Дорога не разъезжена и совсем не похожа на ту, что ведет из Буковины в Бистрицу, та гораздо шире, и ею чаще пользуются. Мы поехали этой дорогой, и, когда нам попадались другие дороги, вовсе заброшенные и припорошенные свежим снегом, мы предоставляли выбор лошадям: они сами знают путь. Я бросал вожжи, лошади терпеливо шли дальше. Постепенно мы увидели все то, о чем говорилось в дневнике Джонатана, а наш путь все длился и длился. Я сказал мадам Мине, чтобы она поспала, и она вскоре уснула. Она все время спит, пока я наконец не начинаю тревожиться и бужу ее. Но она продолжает спать, и, несмотря на все свои старания, я не могу разбудить ее. Мне кажется, что я сам начинаю дремать.

Я стал будить мадам Мину энергичнее. На этот раз она скоро проснулась, и я снова попробовал загипнотизировать ее. Но она не засыпала. Я не прекращал своих попыток, пока наконец она и я не очутились во мраке. Я огляделся и увидел, что солнце зашло. Мадам Мина смеялась, я обернулся и поглядел на нее. Теперь она совсем пробудилась и прекрасно выглядела, так, как тогда, когда мы впервые вошли в дом графа в Карфаксе. Я был поражен и чувствовал себя неловко, но она была так мила, так ласкова и предупредительна, что я забыл свой страх. Я развел огонь – мы возьмем с собой запас дров, – и она приготовила еду, пока я распрягал лошадей, чтобы их накормить. Когда я вернулся к огню, ужин был уже готов. Я хотел ее позвать, но она засмеялась и сказала, что она уже поела. По ее словам, она так проголодалась, что больше не могла ждать. Мне это не понравилось, и я ей не поверил, но мне не хотелось ее пугать, так что

я промолчал. Я поел один, затем мы закутались в шубы и легли у огня. Я стал уговаривать ее поспать и обещал караулить. Я несколько раз ловил себя на том, что засыпал, но, проснувшись, видел ее: она лежала тихо, но не спала, а все глядела на меня горящими глазами. Это повторялось несколько раз, и к утру я смог немного выспаться. Проснувшись, я снова попробовал ее загипнотизировать, но увы! Она, хотя и закрывала покорно глаза, все-таки не засыпала. Когда солнце взошло, она заснула, хоть с запозданием, да так крепко, что я никак не мог ее разбудить. Пришлось поднять ее и положить в экипаж: во сне она выглядела как-то здоровее и румянее, мне это не понравилось, ведь я боюсь, боюсь, боюсь. Я всего боюсь – даже думать, но я должен исполнить свой долг. Это борьба не на жизнь, а на смерть, и мы не смеем отступить.

5 НОЯБРЯ, УТРО. Хочу записать все по порядку, так как в противном случае могут сказать, что я, Ван Хелсинг, сошел с ума и что пережитые ужасы и нервное расстройство столь жестоко отразились на моем мозгу.

Вчера мы ехали целый день, все время приближаясь к горам, дальше и дальше забираясь в дикую, пустынную страну. Мадам Мина спит, спит; я проголодался, утолил свой голод и попытался разбудить ее, чтобы она поела, но она все спит. Я начал бояться, не роковые ли чары этой местности сказываются на ней, запятнанной прикосновением вампира. «Ладно, – подумал я, – если так суждено, чтобы она спала целыми днями, мне нельзя спать по ночам». Дорога была плохая, как все примитивные, построенные давным-давно дороги в той местности, я опустил голову и заснул. Когда же проснулся и взглянул на мадам Мину, то увидел, что она все еще спит, а солнце садится. Все совершенно изменилось. Крутые скалы ушли куда-то вдаль, и перед нами на высокой крутой горе стоял замок, о котором Джонатан рассказывал в своем дневнике. Чувство торжества с примесью страха охватило меня, так как теперь, к добру или нет, конец уже близился. Я разбудил мадам Мину и попробовал ее загипнотизировать, но, увы, бесполезно. Стемнело, я распряг лошадей и накормил их, затем развел огонь, устроился и посадил мадам Мину как можно удобнее; она бодрствовала и была очаровательна, как никогда; я приготовил еду, но она отказалась есть, сказав, что не голодна. Я не настаивал, ибо знал, уговоры тщетны. Но сам я поел, так как мне нужно было набраться сил за всех. Затем я начертил круг, мадам Мина оказалась в центре его, раскрошил облатку и положил крошки на этот круг, так что всякий доступ в середину был невозможен. Она сидела тихо, беззвучная, как покойник, делаясь все бледнее, бледнее, под стать снегу, но не проронила ни слова. Но когда я подошел к ней, она прижалась ко мне, и я почувствовал, что она дрожит от страха. Мне было тяжело. Когда она чуть успокоилась, я сказал:

– Пойдемте к огню.

Я хотел посмотреть, что она в состоянии сделать. Она покорно встала, но, шагнув, тут же остановилась как вкопанная.

– Что же вы не идете? – спросил я.

Но она покачала головой, вернулась назад и села на прежнее место. Затем, взглянув на меня, она сказала просто: «Не могу». И замолчала. Я обрадовался, ибо знал: то, чего не может она, не мог ни один из тех, кого мы боялись.

Тут лошади принялись фыркать и рваться на привязи, и мне пришлось успокоить их. Почувствовав мою руку, они заржали от радости, принялись ее лизать и на время затихли. За ночь я несколько раз подходил к ним и каждый раз возвращал им спокойствие. В самое холодное время огонь стал затухать, и я приложил все старания, чтобы его поддержать, потому что снег падал большими хлопьями, а холодный туман окружил нас. Во мраке виднелись какие-то огоньки, каких никогда не бывает на снегу, и казалось, снежные хлопья и туман превращаются в женщин, а это их длинные одежды со шлейфами. Гробовую тишину изредка нарушало ржание и фыркание лошадей, казалось, они чего-то страшно боятся. Страх начал овладевать и мной, но, защищенный кругом, я был совершенно спокоен. Я уже думал, что мои видения

– порождение ночи, мрака, усталости и тревог. Мне казалось, я переживаю то же, что пережил Джонатан. Снежные пушинки и туман вертелись и кружились передо мною, пока наконец не приняли образ тех женщин, которые хотели его поцеловать. Затем лошади, дрожавшие все больше и больше, принялись стонать, как человек, страдающий от боли. Я боялся за мою дорогую мадам Мину, когда эти фигуры приблизились и окружили ее. Я взглянул – она спокойно сидела и улыбалась мне. Когда я собрался пойти к костру, чтобы поддержать огонь, она схватилась за меня, не пуская меня, и глубоким голосом, точно во сне, зашептала:

– Нет, нет! Не ходите! Тут вы в безопасности.

Я повернулся к ней и, глядя прямо в глаза, сказал:

– А вы? Ведь это я за вас боюсь!

Но она как-то неестественно засмеялась и ответила:

– Бойтесь? Вы за меня бойтесь? Но что они могут сделать мне?

Ее слова поразили меня. В этот момент дунул резкий ветер и раздул пламя, при свете которого я увидел красный шрам у нее на лбу. И, увы, я понял все! Если бы я этого и не знал, то, во всяком случае, вскоре узнал бы, так как кружившиеся фигуры подходили все ближе и ближе, однако не переступали круг. Затем они начали материализоваться, пока наконец, если только Бог не лишил меня рассудка, я не увидел перед собою тех трех женщин, которых Джонатан видел у себя в комнате, когда они собирались поцеловать его. Я узнал их гибкие полные фигуры, их блестящие глаза, белые зубы, узнал их сладострастные губы и цвет их волос. Они уже улыбались Мине, и смех их резко звучал в ночной тишине; они простерли к ней руки и заговорили:

– Приди, сестрица! Приди к нам! Приди, приди!

Я в страхе взглянул на Мину, и сердце мое забилося от радости, выражение ее глаз придало мне надежду. В них я читал только ужас, страх и отвращение. Слава Богу, она еще не принадлежала им. Я выхватил из огня находившийся поблизости кол и, держа перед собою облатку, начал подходить к ним, приближаясь в то же время к костру. Они смеялись своим ужасным смехом, но отступали. Я поддерживал огонь, и они мне были не страшны, так как я знал, что они нас не тронут. Они не подходили ко мне, я был вооружен Святыми Дарами, но они не подходили и к мадам Мине, она оставалась в кругу, из которого она не могла выйти, а они не смели в него войти. Лошади перестали стонать и застыли, снег мягко падал на них, и они сделались белыми. Я знал, что бедным животным больше не грозит опасность.

Так мы дождались рассвета. Я испытывал отчаяние, был напуган, полон горя и страха, но при виде восходящего солнца я снова ожил. При первом движении рассвета фигуры начали растворяться, лишь облачка полупрозрачного тумана летели в сторону замка, пока не пропали совсем.

На рассвете я машинально повернулся к мадам Мине, намереваясь ее загипнотизировать, но она спала так крепко, что я никак не мог ее разбудить. Я попробовал загипнотизировать ее во сне, но она не откликнулась, а день уже настал. Я боялся двинуться с места, но все же развел огонь и осмотрел лошадей – они были мертвы. Сегодня мне предстоит много работы, но я подожду, пока солнце совсем не взойдет, может статься, мы попадем в такое место, где солнечный свет защитит меня вопреки туману и снегу.

Я позавтракаю, а потом примусь за свою ужасную работу. Мадам Мина все еще спит, да будет благословен Господь! Сон ее спокоен...

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

4 НОЯБРЯ, ВЕЧЕРОМ. Если бы не происшествие с катером, мы давно догнали бы лодку и сейчас моя дорогая Мина была бы уже свободна. Боюсь даже и думать о ней, находящейся вдали, в тех ужасных местах. Мы достали лошадей и следуем за ними по дороге, записываю это,

пока Годаминг готовит все нужное для поездки. Оружие с нами. Плохо придется цыганам, если они вздумают сопротивляться. О, если бы Моррис и Сьюард были сейчас с нами! Будем надеяться! Может, мне больше не придется писать, тогда прощай, Мина! Да благословит и сохранит тебя Бог.

ДНЕВНИК Д-РА СЬЮАРДА

5 НОЯБРЯ. На рассвете мы увидели, как цыгане удаляются от реки со своим фургоном. Они окружили его со всех сторон и спешили, точно их преследовали. Падает легкий снег, в воздухе разлито какое-то странное беспокойство, возможно, это всего лишь наша мнительность, но мы подавлены. Вдали слышится волчий вой, он несется с гор вместе со снегом; нас окружает опасность; лошади почти готовы, и скоро мы двинемся в путь. Мы мчимся навстречу смерти. Одному Богу известно, кто или где либо что или когда и как это будет...

ЗАПИСКИ Д-РА ВАН ХЕЛСИНГА

5 НОЯБРЯ, ДНЕМ. Я, по крайней мере, в здравом уме. Благодарю Бога, во всяком случае, и за эту мысль, и за эту милость, хотя испытание было ужасно. Оставив Мину спящей в священном круге, я направился к замку. Кузнечный молот, который я взял из экипажа в Верести, мне пригодился, хотя двери и были открыты. Я все-таки снял их с петель, чтобы по какой-нибудь роковой случайности они не захлопнулись и я не очутился бы взаперти. Горький опыт Джонатана оказал мне услугу. Благодаря его записям я нашел дорогу к старой часовне, так как я знал, что тут-то мне и предстоит работа. Воздух был удушлив, казалось, будто откуда-то исходивший запах серы кружит мне голову. Мне послышался вой волков, но возможно, просто шумело в ушах. Тут я вспомнил о своей дорогой мадам Мине, и положение мое показалось мне ужасным. Передо мной стояла дилемма. Я не рискнул ее взять сюда с собой и оставил в священном круге. Вампир там не мог причинить ей никакого вреда, но волк все-таки мог подойти. Я пришел к заключению, что работать мне предстоит именно здесь, а что до волков, будем уповать на Бога. В конце концов, что может быть с ней, кроме смерти, несущей освобождение. Так я решил за нее. Будь у меня выбор, я предпочел бы покоиться в желудке волка, чем в могиле вампира. Я собирался продолжить свою работу. Я знал, что найду по крайней мере три гроба, три обитаемых гроба, и я стал искать, искать, пока наконец не обнаружил один из них. Она спала крепким сном вампира. Она была полна жизни и сладострастной красоты, и я даже вздрогнул, ибо пришел убить ее. О, я не сомневаюсь, что в давние времена, когда случались такие вещи, многие пробовали делать то же самое, что и я, но затем убеждались – это им не по силам, и они все медлили, все откладывали, пока наконец красота и соблазнительность порочного «не-мертвого» не очаровывали их, и тогда они пребывали в нерешительности, пока не садилось солнце и вампир не восставал ото сна. Открывались чудесные глаза белокурых женщин и смотрели с любовью, а сладострастные губы тянулись в поцелуе, и человек ослабевал, тогда в объятиях вампира оказывалась новая жертва, и пополнялись ряды «немертвых».

Соблазн, должно быть, очень велик, если даже меня волнует присутствие такого существа, лежащего тут, в пыли, столетия напролет, распространяя такой же запах, как был в жилищах графа. Да, меня это взволновало – меня, Ван Хелсинга. А как же мои взгляды, имеющиеся у меня основания их презирать? Меня это так тронуло, что я почувствовал себя парализованным. Возможно, что это было следствием того, что я устал и не выспался. Я сознавал, что сон одолевает меня. Я засыпал, не закрывая глаз, был как замороженный, когда вдруг в морозном воздухе раздался долгий протяжный крик, такой горестный и жалобный, что я очнулся. Я слышал голос нашей дорогой мадам Миной.

Я овладел собой и принялся за свою ужасную работу. Подняв гробовые крышки, я нашел еще одну из сестер, брюнетку. Я не решился на нее взглянуть, чтобы не впасть в соблазн, и продолжал свои поиски, пока наконец не отыскал в большом высоком гробу, точно сделанном для кого-то близкого и дорогого, ту белокурую сестру, которую я, как и Джонатан, видел появляющейся из частиц тумана. Она была так прелестна, так удивительно сладострастна, что инстинкт мужчины проснулся во мне. Но, слава Богу, голос моей дорогой Мины все еще продолжает звенеть у меня в ушах, и прежде, чем колдовство меня коснулось, я уже ревностно принялся за работу. Таким образом, я нашел все гробы в часовне, и по тому, что ночью нас окружило всего три зловещих призрака, я решил, что больше «не-мертвых» нет. Я нашел еще один гроб, он был величественней остальных, колоссальных размеров и благородной формы. На нем было написано одно слово:

ДРАКУЛА.

Вот оно, логово «не-мертвого», короля вампиров, которому столь многие обязаны гибелью своей души! Пустота могилы красноречиво подтверждала то, что я знал. Прежде чем вернуть этих женщин своею ужасной работой к их естественной смерти, я положил несколько облаток в гроб Дракулы и, таким образом, изгнал «не-мертвого» оттуда навсегда.

Затем я принялся за свой ужасный долг. Я испытывал отвращение. Если бы нужно было сделать это единожды, это было бы не так трудно. Но трижды! Опять приниматься за это отвратительное дело, едва закончив предыдущее! Это было ужасно с прелестной мисс Люси, а каково с этими незнакомками, которые пережили века и которые, если б могли, боролись за свои призрачные жизни...

О Джон, то была действительно работа мясника! Если бы не забота о других – и о мертвых, и о живущих, которые теперь находятся в большой опасности, – я не смог бы продолжать.

Я дрожу, я дрожу еще и теперь, хотя, слава Богу, мои нервы выдержали. Если бы я не видел того спокойствия на лице первой женщины и той радости, которая на нем отразилась перед самым его разрушением, будучи доказательством того, что душа спасена, я бы не смог продолжать это кровопролитие. Как только я выдержал все: хруст, с которым кол проходит сквозь тело, их страшные корчи, кровавую пену на губах! Мне хотелось бежать в ужасе и бросить все так, как было. Но теперь свершилось! Мне жаль эти бедные души, достаточно вспомнить, какой ужас им пришлось пережить, но зато теперь они наслаждаются сном естественной смерти. Ибо, едва мой нож отсек голову каждой из них, как тела их тотчас начали рассыпаться и превратились в пыль, словно смерть, которая должна была прийти столетия тому назад, теперь наконец утвердилась в своих правах и громко заявила: «Вот и я!»

Перед тем как покинуть замок, я так закрыл все входы, что граф уже больше никогда не сможет войти туда «не-мертвым».

Когда я вошел в круг, где мадам Мина спала, она проснулась и, увидев меня, вскрикнула:

– Пойдемте! Уйдемте прочь от этого ужасного места! Пойдемте встречать моего мужа, он, я знаю, идет сюда.

Она была худа, бледна и слаба, но глаза ее были чисты и пылали огнем. Я был рад видеть ее бледной и больной, так как еще помнил ужас, который испытывал перед румяным сном вампира.

Итак, с надеждой в груди, хотя все еще полные страха, мы идем на восток, навстречу нашим друзьям и тому, который – как говорит мадам Мина – сам идет к нам навстречу.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

6 НОЯБРЯ. Было уже очень поздно, когда профессор и я направились на восток навстречу Джонатану. Мы шли медленно, так как, хотя дорога и вела круто вниз под гору, нам приходилось тащить с собой тяжелые одеяла и теплые вещи, без которых мы боялись остаться в такой холод среди снегов. Мы несли с собой и провизию, так как местность вокруг была совершенно пустынная и необитаемая. Пройдя около мили, я устала и села отдохнуть. Оглянувшись, мы увидели вырисовывавшийся на горизонте замок Дракулы. Он предстал перед нами во всей своей красоте, построенный на высоте в тысячу футов на крутом утесе, окруженном глубокой пропастью, отделявшей от него со всех сторон обступившие горы. Что-то дикое и таинственное было в этой местности. Вдали слышался вой волков. Судя по тому, как д-р Ван Хелсинг выбирал место, я поняла: он ищет стратегический пункт, где на нас никто не сможет напасть.

Через некоторое время профессор позвал меня. Он нашел прелестное место, что-то вроде природной пещеры в скале. Профессор взял меня за руку и втащил туда.

– Смотрите! – сказал он. – Здесь вы будете под защитой, а если волки придут, я убью одного за другим.

Он принес наши одеяла и приготовил мне удобное ложе, вынул провизию и заставил меня поесть. Я не хотела есть, мне даже противно было прикоснуться к еде, и, несмотря на то что мне хотелось угодить ему, я никак не могла себя пересилить. Это его очень огорчило, но упрекать меня он не стал. Вынув из чемодана подзорную трубу, он встал на вершине утеса и начал изучать горизонт. Вдруг он воскликнул:

– Взгляните! Мадам Мина, взгляните! Взгляните!

Я вскочила и встала у него за спиной, он передал мне трубу и начал показывать. С высоты, на которой мы стояли, был хороший обзор, и далеко за белой снежной пеленой виднелась черная лента реки. Прямо перед нами, невдалеке, – так близко, что я удивляюсь, как это мы раньше не замечали, – скакала группа всадников. Она окружала несущуюся повозку, которая покачивалась с боку на бок на неровной дороге. Судя по одежде, это были или крестьяне, или цыгане. На повозке стоял большой четырехугольный ящик. Сердце мое забилось сильнее, когда я это увидела, так как я чувствовала – развязка приближается. Близился вечер, и я прекрасно знала, что при заходе солнца существо, которое сейчас бессильно, снова оживет и, приняв одно из своих многочисленных обликов, сможет спастись от нашего преследования. В страхе я повернулась к профессору, но, к моему удивлению, его там не было. Вскоре я увидела его внизу. Он нарисовал круг вокруг скалы, точно такой, в каком мы прошлой ночью нашли убежище. Покончив с этим, он вернулся ко мне и сказал:

– По крайней мере, здесь он вам не опасен.

Он взял у меня подзорную трубу, но вскоре пошел снег, и почти ничего не стало видно.

– Взгляните! – сказал профессор. – Они торопятся, они погоняют своих лошадей и мчатся изо всех сил.

Он помолчал и затем продолжил глухим голосом:

– Они торопятся к заходу солнца. Мы можем опоздать. Да будет воля Божья!

Тут снова повалил густой снег и закрыл всю картину. Но вскоре развиднелось. Ван Хелсинг опять навел свою подзорную трубу на долину и воскликнул:

– Смотрите! Смотрите! Смотрите! Два всадника несутся с юга вслед за ними. Это, должно быть, Квинси и Джон. Возьмите трубу. Посмотрите, прежде чем снегопад все скроет!

Я взяла трубу и взглянула. Это могли быть д-р Сьюард и м-р Моррис. Во всяком случае, я знала, что это не Джонатан. В то же время я знала, что Джонатан близко. Оглядевшись, я заметила на севере еще двух всадников, они быстро приближались. Я знала, что один из них Джонатан, а другого я, конечно, приняла за лорда Годаминга. Они тоже преследовали повозку!

Когда я это сказала профессору, он обрадовался как школьник и внимательно всматривался в даль, пока снова не повалил снег. Профессор приготовил свой винчестер и положил его на скалу у входа в наше убежище.

– Они все направляются к одному месту, – сказал он. – Еще немного, и мы будем окружены цыганами.

Когда снежная буря на время утихла, мы снова поглядели в трубу. Было странно видеть, как вокруг нас сыплются хлопья снега, а невдалеке солнце, спускаясь за вершины гор, разгорается все сильнее. Направляя трубу в разные стороны, я увидела на снегу пятна, двигавшиеся то в одиночку, то маленькими, то большими группами, – волки почуяли добычу. Минуты ожидания казались нам вечностью, ветер теперь дул сильными порывами и, с яростью кружа снег, гнал его на нас. Мы то не видели ничего на расстоянии вытянутой руки, то вдруг порыв ветра отклонялся в сторону, и тогда пространство вокруг нас прояснялось, и мы могли обозревать все, что было далеко внизу. За последнее время мы так привыкли следить за восходом и заходом солнца, что с точностью могли его определить и знали, что солнце скоро зайдет. Трудно даже поверить, что не прошло и часа с того момента, как мы сидели в нашем убежище на скале и не знали, кто приближается к нам с разных сторон. С севера подул упорный, холодный и резкий ветер. Он, как видно, отогнал снеговые тучи, снег теперь шел время от времени. Мы теперь ясно могли различить и преследуемых, и преследователей. Казалось, преследуемые не замечали погони или не обращали на нее внимания. Но все-таки они все больше торопились по мере того, как солнце ниже и ниже спускалось к вершинам гор.

Они приближались. Профессор и я прятались за скалой и приготовили ружья; я видела, что он решил их не пропустить; никто понятия не имел о нашем присутствии.

Вдруг сразу два голоса крикнули:

– Стой!

Один голос, сильно взволнованный, был голосом Джонатана, а другой, в котором слышалась решительность спокойного приказа, принадлежал м-ру Моррису. Цыгане, как видно, не знали этого языка, но поняли все по тону. Они инстинктивно натянули поводья, и в ту же минуту с одной стороны к ним подскакали лорд Годалминг и Джонатан, а с другой д-р Сьюард и м-р Моррис. Вожак цыган, юноша величественного вида, сидевший на лошади, как кентавр, резким голосом приказал своим товарищам не останавливаться. Они ударили лошадей, которые рванулись вперед, но четверо наших подняли карабины и заставили их остановиться. В тот же момент д-р Ван Хелсинг и я выступили из-за скалы и направили на них свое оружие. Видя, что они со всех сторон окружены, они натянули поводья и остановились. Вожак что-то сказал, после чего они вытащили оружие, ножи и револьверы и приготовились защищаться. Все это было делом минуты. Вожак, натянув поводья, выдвинулся вперед и, указав сначала на заходящее солнце, а затем на замок, сказал им что-то, чего я не поняла. Тут все четверо из нашей партии соскочили с лошадей и бросились к повозке. Опасность, которой подвергался Джонатан, должна была меня испугать, но обстановка, наверно, подействовала на меня так же, как на них; я не чувствовала страха, я чувствовала лишь дикое, безумное желание что-нибудь предпринять. Заметив наши передвижения, вожак цыган отдал приказ, и его люди тотчас бросились к повозке и, толкая друг друга, рьяно принялись выполнять приказание.

В этой суতোлке я увидела, как Джонатан с одной, а Квинси с другой стороны пробили себе дорогу к повозке; видно было, что они старались добраться до ящика до захода солнца. Ничто не могло ни удержать их, ни помешать им. Ни сверкающие вокруг ножи цыган, ни волчий вой, раздавшийся за спиной и отвлекающий внимание. Стремительность Джонатана и непреклонность, с которой он шел к цели, казалось, укротили непокорных: они инстинктивно отступили назад и дали ему пройти. В один миг он вскочил на повозку, с невероятным усилием поднял ящик и, перекинув его через колесо, швырнул на землю. В то же время м-р Моррис напрягал все свои силы, стараясь прорвать цепь цыган; я все время зорко следила за

Джонатаном, но краем глаза видела, как м-р Моррис в отчаянии пробивался вперед, видела, как ножи цыган сверкнули над ним, когда он прорвался в самую середину и как они на него замахивались. Он ловко отражал удары своим большим ножом, и сначала мне показалось, что он добрался благополучно, но, когда он подскочил к Джонатану, который только что соскочил с повозки, я увидела, что он держится рукой за левый бок и кровь сочится у него сквозь пальцы. Но, несмотря на это, он все-таки бросился помогать Джонатану. Джонатан схватил один конец ящика, стараясь сорвать с него крышку своим ножом, а с другой стороны своим большим ножом ее поддел м-р Моррис. Благодаря общим усилиям крышка стала поддаваться, гвозди со скрипом выскочили, и крышка упала.

Сознавая свое бессилие, цыгане наконец отступили и больше не сопротивлялись. Солнце было уже совсем низко, на самых вершинах гор. Я увидела графа, лежащего в ящике на земле, которая отчасти его даже засыпала, когда ящик упал. Он был смертельно бледен, точно восковая фигура, а красные глаза его сверкали яростью и мстостью – взгляд, столь знакомый мне. Я видела, как глаза его смотрели на заходящее солнце, и ненависть в них переходила в торжество.

Но в ту же минуту мелькнул нож Джонатана. Я вздрогнула, увидев, как нож перерезал горло графа, тогда как нож м-ра Морриса проткнул ему сердце.

Большое чудо произошло на наших глазах: в одно мгновение тело графа распалось в прах и исчезло.

Я буду всю жизнь с радостью вспоминать, что в последний миг лицо его обрело выражение мирного покоя, который, я думала, никогда не сойдет на него.

Замок Дракулы выделялся теперь на фоне багровеющего неба, и каждый камень этого возвышенного строения был озарен светом заходящего солнца.

Цыгане, считавшие нас причиной сверхъестественного исчезновения мертвеца, ни слова не говоря, повернулись и уехали, точно опасаясь за собственную жизнь. Те, у кого не было лошадей, вскочили в повозку и крикнули всадникам, чтобы те их не бросали.

Волки, стоявшие на порядочном расстоянии от нас, тоже умчались. Мы остались одни.

М-р Моррис опустился на землю, продолжая держаться за бок; кровь все еще сочилась у него сквозь пальцы. Я рванулась к нему, ибо священный круг меня больше не удерживал, за мной поспешили и оба доктора. Джонатан опустился рядом с ним на колени, и раненый положил ему голову на плечо. Он со вздохом взял мою руку. Он, очевидно, заметил тревогу на моем лице, ибо, улыбнувшись, сказал:

– Я счастлив, что мог вам быть полезным! О Господи! – внезапно воскликнул он, показывая на меня. – Ради нее стоило умереть. Смотрите! Смотрите!

Солнце теперь находилось как раз на вершине горы, и красный отсвет его падал мне на лицо, так что оно окрасилось розовым. Все сразу опустились на колени, и мрачное и грустное «аминь» вырвалось из уст у всех следивших за рукой умирающего, который, указывая на меня, произнес:

– Слава Богу, что все это было не напрасно, смотрите, ее лоб белее снега. Шрам исчез! И, к нашему великому горю, с улыбкою на устах этот благородный человек тихо умер.

Эпилог

Семь лет тому назад мы все прошли сквозь огонь и воду, и благополучие некоторых из нас, я думаю, стоит тех страданий, которые мы испытали. Для меня и для Мины великое счастье, что наш сын родился в годовщину смерти Квинси Морриса. Его мать, я знаю, убеждена, что он унаследовал часть достоинств нашего храброго друга. Он назван именами всех наших друзей, но мы называем его Квинси.

В этом году мы совершили путешествие в Трансильванию и проезжали по тем местам, с которыми у нас связаны яркие, но ужасные воспоминания. Трудно поверить, будто то, что мы видели собственными глазами и слышали собственными ушами, было правдой. Все следы бывшего уничтожены. Но замок возвышается, как и раньше, над огромным пустым пространством.

Вернувшись домой, мы стали вспоминать о прошлом, и память о нем не вызвала ни в ком из нас сожалений, ибо Годаминг и Сьюард оба женаты и счастливы. Я вынул бумаги из сейфа, где они пребывали с тех пор, как мы вернулись. Нас поразило тот факт, что среди множества материалов едва ли найдется хоть один документ. В основном это перепечатанные на машинке выдержки из дневников Мины, Сьюарда и моего собственного, а также заметки Ван Хелсинга. При всем желании едва ли кто-нибудь согласился бы принять их как доказательство подлинности столь дикой истории. Ван Хелсинг все это взвесил и, посадив нашего сына к себе на колени, сказал:

– Нам не нужно доказательств, мы не требуем, чтобы нам поверили. Настанет день, и этот мальчик узнает, какая благородная женщина его мать. Ему уже известны ее доброта и любовь, а со временем он поймет, за что она была столь любима многими и почему они ради нее решились на такое.

ДЖОНАТАН ХАРКЕР